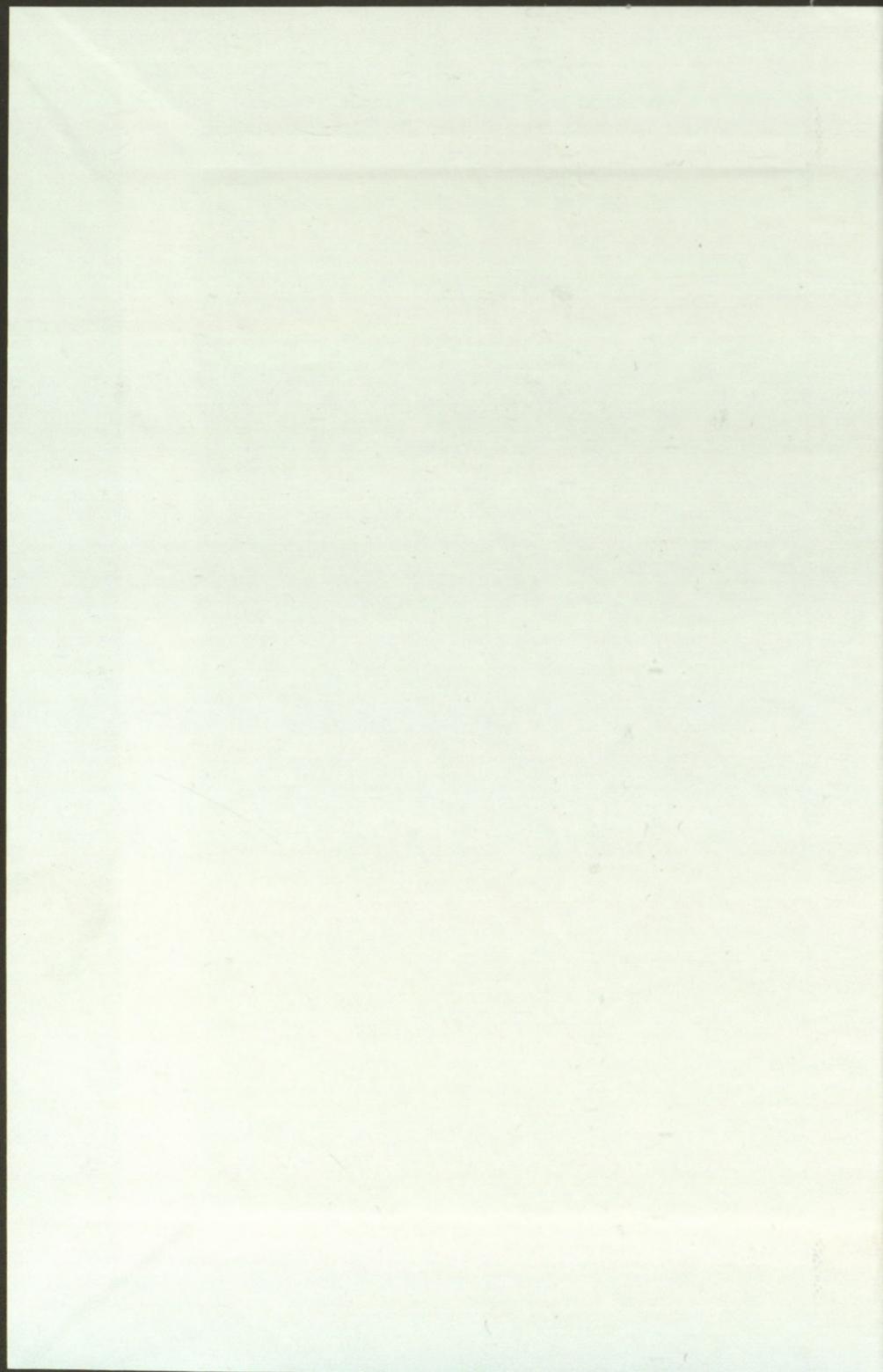

**Западная Сибирь:
история и современность**

Краеведческие записки
Выпуск XVI

Муниципальное бюджетное учреждение «Библиотечно-информационная система»
Нижевартовский государственный университет

Мира не узнаешь, не зная края своего

Западная Сибирь: история и современность

Краеведческие записки

Выпуск XVI

Нижевартовск
2021

ББК 26.89

330

Западная Сибирь: история и современность: краеведч. зап. Вып. XVI / МБУ «БИС»; ФГБОУ ВПО «НВГУ»; сост. Ю.Г. Бочкова; ред. Я.Г. Солодкин. – Нижневартовск: **Издательство – ООО «ЮГРА БРЕНД»**, 2021. – 336 с.

Редакционная коллегия

Солодкин Я.Г., доктор исторических наук, профессор Нижневартовского государственного университета (ответственный редактор)

Бочкова Ю.Г., заведующий краеведческим отделом Центральной городской библиотеки им. М.К. Анисимковой муниципального бюджетного учреждения «Библиотечно-информационная система»

Кабанова И.С., главный библиограф краеведческого отдела Центральной городской библиотеки им. М.К. Анисимковой муниципального бюджетного учреждения «Библиотечно-информационная система»

Распопова С.Ю., заместитель директора муниципального бюджетного учреждения «Библиотечно-информационная система»

Составитель: *Ю.Г. Бочкова*

Ответственный за выпуск: *И.Е. Ивлева*

ББК 26

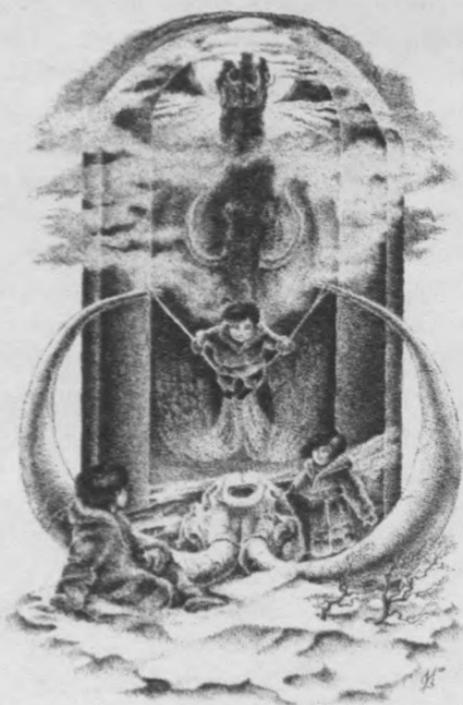
©МБУ «БИС» (издание), 2021

©Бочкова Ю.Г. (составление), 2021

© Мельников В.Г., оформление разделов, 2011

В оформлении обложки использована работа Г.Г. Соколова

I. ИСТОРИЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ

Сибирский поход Шибанидов и его последствия в контексте взаимоотношений Московского государства и Сибирского юрта

В 1550-х гг. произошли события, которые сильно повлияли на расстановку сил в постзолотоордынском мире. Казанское и Астраханское ханства были покорены Россией, что способствовало значительному повышению её авторитета на «степной арене». Примерно в это же время в Сибири началось правление Тайбугидов Едигера и Бекбулата (являвшихся сыновьями бека Касыма), и тогда же они вступили в кровопролитную войну с претендентами на сибирский престол из династии Шибанидов, пришедших в те земли, чтобы вернуть себе владения предков.

Самым известным среди Сибирских Шибанидов стал хан Кучум. Эта яркая личность навсегда останется в истории Северной Азии. О ранних годах Кучума мало что известно. Известно лишь, что он родился примерно в 1520-х гг. на берегу Аральского моря, в улусе, носившем название Алты-аул, и прошёл долгий и кровопролитный путь для того, чтобы стать повелителем обширного Сибирского юрта. Во главе отрядов, собранных в подвластных ему племенах, в 1555 году Кучум начал военные действия против бека Едигера, который тогда вместе со своим братом Бекбулатом правил в Сибири. При этом Кучум опирался на помощь своего родственника – бухарского правителя Абдуллы-хана II – и ногаев. Абдулла-хан рассчитывал подчинить Сибирь, преследуя собственные экономические и политические цели.

В 1563 г. после долгой и кровопролитной войны государство Тайбугидов пало, так и не получив помощи от Москвы, и престол заняли прямые потомки Чингизхана Шибаниды, точнее, сын Муртазы Кучум. На вопрос, каким образом произошло смещение Тайбугидов, исследователи предложили немало ответов.

Именно в этот период начались активные дипломатические отношения между Россией и Сибирским государством. Первые послы из Искера Тягриул и Пантьяда, которые представляли Едигера и «всю землю Сибирскую», прибыли к Ивану IV в январе 1555 г. [4, с. 131] с поздравлениями в связи с взятием Казани и Астрахани и передали просьбу бека русскому царю, чтобы последний «всю землю Сибирскую взял во свое имя», под свою защиту, пообещав платить ежегодную дань пушниной. Иван IV ответил согласием и отправил в Искер посла – сына боярского Дмитрия Непейцына – с поручением «князя Едигера и всю землю Сибирскую к правде привести» и дань «сполна взять» [2, с. 51]. Сибирское посольство по восточному обычаю в виде подарков привезло белок и соболей, которые в Москве были восприняты как дань. Видимо, Едигер пытался найти поддержку в лице царя Ивана, предлагая платить ему дань. По мнению Д. Н. Маслюженко и Е. А. Рябининой, одной из уловок, которой воспользовались Тайбугиды для обоснования своих полномочий на передачу юрта в подданство Москвы, была фальсифицированная идеология – якобы именно Тайбугиды имели исконные права на сибирские земли, а вовсе не Шибаниды. В то же время установление отношений между Москвой и Искером рассматривалось обеими сторонами совершенно с разных позиций, что в полной мере проявилось в проблемах с уплатой дани [15, с. 124].

Таким образом, установился сюзеренитет Ивана IV над Сибирским юртом, где власть принадлежала династии Тайбугидов, вассальная зависимость же их являлась добровольной. Россия стала непосредственным участником событий будущей смены династий в юрте, однако не проявляла должного внимания этому отдалённому региону. Очевидно, там интересы русских были исключительно экономическими, поэтому и было не так важно, кто правит этими землями, лишь бы исправно платили дань. Именно данная позиция Московского государства и стала одной из предпосылок прихода к власти в Сибирском ханстве Шибанидов, что привело к затяжной войне, которая в итоге окончилась фактической ликвидацией Сибирского ханства как государства.

В 1555–1563 гг. Едигер вёл дипломатические переговоры с Москвой, согласованные со «всей Сибирской землей» [3, с. 124]. Для принятия подобного решения у Едигера могло быть несколько причин.

Во-первых, это политика Шибанидов, правивших Сибирским юртом до Тайбугидов, и действия бухарского хана Абдуллы II, который желал подчинить все бывшие владения рода Шибанидов [14, с. 207]. По отношению к Сибири за решение такой задачи принялся Муртаза. Уже в ноябре 1557 г. в грамоте Едигера к Ивану IV сообщалось, что «шибанский царевич» напал на сибирские земли. Но военная помощь Сибирскому юрту, точнее, Тайбугидам, царем оказана не была, хотя с момента получения известия о прямой угрозе Сибирскому юрту со стороны Муртазы до падения в 1563 г. государства Тайбугидов прошло не так уж и мало времени. Ивана IV не очень интересовали внутренние проблемы Сибирского юрта, для него главным было взимание дани с Сибири, а будут ли при этом править в Сибирском юрте Тайбугиды или их противники Шибаниды, для царя было не столь важно. Хотя не следует считать эту причину основной, ведь начало дипломатических отношений между Едигером и Москвой было положено в 1555 г., а первое сообщение о нападении на Сибирский юрт пришло только через два года. Однако нельзя не учитывать стремление Едигера найти союзника для удержания власти на территории юрта, в том числе и защиты от внешнего вторжения.

Вторая причина была ещё проще: слабость прежнего сюзерена Тайбугидов, а вот кто им являлся, исследователи определяют по-разному. В.В. Трепавлов считал, что до 1552 г. таковым являлся казанский хан [12, с. 101]. С этой точки зрения, установление вассальных отношений между Москвой и Сибирским юртом выглядит не просто логичным, но и закономерным, ведь именно русские войска покорили Казанское ханство. З.А. Тычинских и Д.М. Исхаков полагают, что сюзереном Едигера мог являться и сам Муртаза [14, с. 206], и тогда вторжение Шибанидов в Сибирские земли может выглядеть не просто как реставрация династии, но и как мера наказания провинившегося вассала, который стал искать союза

на стороне. Высказывалось и мнение о том, что бывшими сюзеренами Тайбугидов являлись бухарские ханы, но в 1550-х гг. среди Шибанидов из-за владения Бухарой произошла междоусобица. Этим и воспользовался Едигер, находившийся под впечатлением от побед России над Казанью и Астраханью. Московское государство в то время могло считаться сильнейшим в близости от Сибири, и поэтому Едигер и попытался стать вассалом Ивана IV. Однако независимо от того, насколько убедительна данная точка зрения, конфликт между Россией и Бухарой имел место, хотя и не был прямым и протекал в основном на территории Сибирского государства.

Одной из причин выбора нового сюзерена Едигером могла стать религиозная ситуация. Так, по мнению Б. Ишболдина, среди причин, побудивших бека-язычника признать вассальную зависимость от Москвы, было то, что Кучум являлся «ревностным мусульманином» [1, с. 175]. Однако Россия не была языческой страной, и при определённых обстоятельствах нельзя было отрицать возможности христианизации региона. Едигер скорее всего понимал, что интересы Москвы в Сибири в большей степени носят экономический характер, поэтому различными уступками, в том числе и выплатой дани, пытался завоевать расположение русского царя, в надежде на его военную поддержку в случае внутренней или внешней угрозы Тайбугидам.

На позицию Едигера относительно признания власти Москвы, возможно, повлияли его связи с бием Ногайской Орды Исмаилом, который считался одним из степных сторонников царя. Исмаил мог способствовать началу официальных отношений между Московским государством и Сибирским юртом, так как его дипломаты прибыли к Ивану IV практически одновременно с послами Едигера. Вероятно, это было связано с тем, что Едигер был женат на дочери Исмаила или (как считает В.В. Трепавлов) его сестре. Исмаил стремился заручиться поддержкой Москвы в борьбе за власть в Орде с потомками Шейх-Мамая и в конфликте с казахским ханом Хак-Назаром.

При этом Иван IV не собирался оставаться в стороне. Недолго думая, он, повторим, согласился принять Сибирский юрт в подданство, «их князя и всю землю Сибирскую взял за

себя во свое имя и от сторон ото всех дань свою на них положил, дорогу своего прислал, кому дань собрати” [8, с. 248] (Д. Непейцына); в титулатуре царя появился новый элемент — “всея Сибирские земли повелитель” [2, с. 51]. Между тем Непейцын, вернувшийся в Москву в ноябре 1557 г., привёз с собой татарского посла Боянду (как считает Д. Н. Маслюженко, это мог быть тот же Пантьяда [4, с. 131]), но вместо обещанных 30700 собольих шкурок — всего лишь 700 штук. Сибирский посол объяснял это тем, что Едигер ведет войну с Шибанидами и поэтому не в состоянии полностью платить дань. Возможно, это был своеобразный намёк Едигера, который и впредь будет пытаться не раз, сообщая о своей войне с Шибанидами, получить от России военную помощь. Иван IV не принял подобного объяснения и, посадив посла Тайбугидов под стражу, снарядил новое посольство в Сибирский юрт, состоявшее из служивых татар. Срыв переговоров мог быть связан с оппозицией Едигеру среди сибирской аристократии: не все хотели платить дань царю, разрывая традиционные отношения с тюменскими ханами из династии Шибанидов [2, с. 52]. В сентябре 1558 г. в Москву прибыло новое посольство из Сибирского ханства во главе с Истемиром, который привёз дань в 1160 соболей; вместе с данью была привезена и шертная грамота, ещё раз подтвердившая вассальную зависимость Тайбугидского государства от России, и дорожная пошлина. В. В. Трепавлов указывает на то, что шерт служила личным соглашением между московским царем и правителем юрта, то есть не являлась в полном смысле межгосударственным договором. Теперь ясак должен был выплачиваться ежегодно. Так закончились переговоры между Едигером и Иваном IV, и Сибирский юрт окончательно признал в надежде на покровительство Московского государства свои даннические обязательства.

Однако ясак за следующий год уже не поступил в Москву. Видимо, это было связано с войной Тайбугидов и Шибанидов за Сибирский юрт. Едигер полагал, что Иван IV поможет ему в борьбе с его противниками. Однако Сибирское ханство было слишком удалено от России, а царь интересовался лишь своевременной отправкой дани. Можно считать, что это

привело к поискам Тайбугидами нового покровителя в 1559–1563 гг. из-за разочарования в политике России и игнорирования ею опасности для Едигера со стороны Шибанидов. Видимо, такие поиски не увенчались успехом, и всё нарастающее давление со стороны Кучума привело к возврату Тайбугидов к промосковской ориентации. Надо думать, Едигер хорошо понимал всю шаткость своего положения. Дань царю поступать перестала в 1563 г., когда Шибаниды захватили власть в юрте. Не стоит забывать и о том, что начавшаяся в 1558 году Ливонская война делала для Москвы сибирский вопрос не таким важным, как прежде.

Принадлежность Сибири и Шибаниды, и Тайбугиды пытались определить с помощью Москвы, что подтверждается одновременным присутствием в русской столице в 1563–1564 гг. представителей обеих сторон. В 1563 году посольство от Тайбугидов возглавлял Чигибень, который привез дань и челобитную. В это же время в Москву прибыли и послы от тюменского хана Муртазы и его старшего сына Ахмад-Гирея (дипломатами были Мамин-Шах и Ташкынбаатыр [4, с. 131]). Москва не видела принципиальной разницы между тайбугидскими и шибанидскими посланцами. Так, в 1563 г. в московской тюрьме сидели одновременно послы Муртазы, Ахмад-Гирея и Едигера. Обе стороны обвинялись в неуплате ясака. Это может свидетельствовать о том, что русскому царю было всё равно, кто именно будет править Сибирской землей, приоритетом для него была именно дань, и косвенно это обнаруживает признание Иваном IV правомерности притязаний Шибанидов на власть в Искере. Однако русские дипломаты настаивали и на необходимости получения соответствующего разрешения от царя, то есть получения ярлыка на правление, хотя, скорее всего уже зная о свершившейся реставрации, русское правительство хотело оставить за собой «последнее слово» в сибирском противостоянии.

К середине XVI в. вновь оживились дипломатические отношения между Сибирским юртом и Московским государством. Иваном IV этот регион рассматривался исключительно как источник пушнины, а конфликты сибирских династий – как возможность осуществить подчинение

правителей юрта с целью ещё большего усиления своего влияния на «осколки» Золотой орды. Москва не принимала участия ни в каких военных операциях на территории Сибирского юрта, хотя формально и брала на себя функции его защиты от военных угроз, а в обмен государство Тайбугидов обязывалось платить ежегодную дань России. В дальнейшем те же обязательства Москва будет пытаться возложить и на Кучума, и на непродолжительное время это произошло.

К 1563 г. реальным правителем Сибирского юрта уже являлся Муртаза, а Едигер и Бекбулат были убиты Кучумом, хотя даже после захвата этого юрта Кучумом Едигер мог оставаться ещё недолго у власти, признав Муртазу правителем. Г.Ф. Миллер, говоря о смене власти в Сибирском юрте, приводил две версии.

Согласно первой из них, после смерти Едигера и Бекбулата в Сибирском юрте стал править сын Бекбулата Сейдяк, которого затем Кучум вынудил бежать в Бухару, а в соответствии со второй, после смерти Едигера осталась его беременная жена, и период до рождения ребёнка, возможно, ознаменовался безвластием; среди аристократии не было согласия относительно того, кому править, поэтому знатные татары отправили посольство к Муртазе и просили его прислать одного из его сыновей, чтобы он стал ханом; этим сыном и стал Кучум [6, с.192].

После прихода к власти Кучума фактически сменился сюзерен Сибирского юрта: таким сюзереном теперь сделалась Бухара, а не Россия. Это обстоятельство вызывало раздражение в Москве, что привело к конфликту между двумя государствами за контроль над Сибирским юртом. Точно неизвестно, когда именно Кучум занял трон и правил ли там непрерывно. Так, Г.Ф. Миллер отмечал, что в Сибирский юрт ханом Муртазой был послан старший брат Кучума Ахмет-Гирей с войском, и Кучум якобы уступил ему трон. Это могло произойти примерно в 1574 г.; после смерти Ахмед-Гирея трон снова занял Кучум. [7, с. 17]

Московское государство не собиралось уступать в этом споре и отказываться от региона, богатого пушниной, и междинастический конфликт в Сибирском юрте превратился в

межгосударственный конфликт – борьбу за влияние на «степной арене». Царская грамота от 22 января 1564 г. предписывала Строгановым построить на Каме ниже городка Канкора новый укрепленный пункт (позднее названный Орлом-городком или Кардеганом), чтобы в Пермскую землю не могли «безвестно» вторгаться отряды Кучума. Крепости Канкор и Кардеган фактически были оборонительными сооружениями на восточных рубежах государства, построенными по указанию Москвы. Стоит отметить, что первоначально Кучум и его брат подтвердили даннические обязательства перед царем, но реально они не выполнялись [1, с. 176]. Иван IV же безрезультатно пытался в 1569 – 1571 гг. получить шертъ с признанием зависимости Искера. Примечательно, что серьезных столкновений между Сибирским ханством и Россией тогда не было.

В 1569 г. Иван IV послал к Кучуму служилого татарина Айсу с грамотой. В ответе, который был прислан в следующем году, Кучум, хотя и намеревался восстановить прежние отношения с Москвой, называл себя “вольным человеком” и ни слова не писал о даннических обязательствах. Но под влиянием провала похода турецко-крымских войск на Астрахань и своего конфликта с казахским ханом Хакк-Назаром (в этом конфликте бухарский хан, занятый решением своих внутренних проблем, не мог помочь сибирскому хану) Кучум в 1571 г. решил пойти на признание российского протектората. Посол Таимас и гонец Аиса привезли грамоту с нишаном, то есть печатью Кучума. Соглашение между ним и Москвой было подкреплено шертью, после чего в Сибирский юрт отправился посол Т. Чебуков, который повёз царскую грамоту. Дань 1571 г. была первой и последней ясачной выплатой Кучума России. Он явно знал о том, что крымцы сожгли русскую столицу. Кучум разорвал вассальные отношения с Москвой и решил на прямой конфликт с ней.

С 1572 г. в Прикамье, во владениях Строгановых, начались восстания (в подстрекательстве к которым обвиняли Кучума) местных племен [6, с. 333]. Сообщение об участии в восстании “сибирцев” и их хана есть только в грамоте 1574 г., тогда как в грамоте за 1572 г. среди восставших упомянуты

лишь «черемиса... да с ними де остяки и башкирцы и буинцы...». Впрочем, у Москвы были претензии к Кучуму и помимо этого: «да и преж де того сибирской же салтан ратью наших данных остяков Чагиря с товарищи побил в тех же местах, где их Яковлев да Григорьев промысл. А иных данщиков наших сибирской имает, а иных и убивает, а не велит... наши дани в нашу казну давати» [6, с. 333]. Кучум, очевидно, пытался не только контролировать торговые пути через Урал и обеспечить активное участие в пушной торговле с Бухарой, но и увеличить численность ясачного населения, что произошло в Тахчеях. Как сказано в жалованной грамоте Строгановым, «меж Сибири и Нагаи, Тахчеи и Тобол река с реками и с озера, и до вершин, где збираются ратные люди сибирскова салтана...» [6, с. 332].

В 1573 г. царевич Маметкул совершил поход на Урал. Этот поход затронул владения Строгановых, начался конфликт Московского государства с сибирским ханом за ясачных людей Урала, которые раньше относились к Сибирскому юрту. Во время похода Маметкула на Урал были захвачены в плен и убиты московский посол Т. Чебуков и сопровождавшие его служилые татары (Маметкула зачастую называют братом или сыном Кучума, но по данному вопросу наиболее приемлемым кажется заключение В.В. Трепавлова, основанное на отчестве или прозвище Маметкула “Алтаулович”. Вот какой вывод сделал выдающийся историк: “ Очевидно, “Алтаулович” не отчество, а прозвище Мухаммед-Кула. Такое прозвище он мог унаследовать от своего отца – скорее всего, им был Ахмед-Гирей” [13, с. 13]. Ахмед - Гирей являлся старшим братом Кучума, следовательно, Маметкул по предположению В.В. Трепавлова, был племянником Кучума). Таким образом закончился период мирного сосуществования Сибирского юрта и России.

Поход Маметкула явился следствием обострения русско-сибирских отношений. В жалованной грамоте Строгановым (1574 г.) указывалось, что сибирский султан пограбил многих остяков, а до того собирал дань с остяков, вогуличей и югры, ранее плативших ясак в Москву, увел черемисов, а на Пермь спрашивал дорогу [6, с. 332–333]. По мнению Д. Н. Маслюженко и Е. А. Рябининой, в данном случае действия

Маметкула следует рассматривать не как стремление к прямому столкновению с Москвой, а как продолжение действий, направленных на обложение данью сибирского и родственного ему приуральского населения, что находится в русле государственной идеологии Сибирского ханства [10, с. 127]

Конфликт между Кучумом и Москвой усиливался и вследствие желания царя проникнуть в Зауралье с помощью Строгановых, которые, в свою очередь, были заинтересованы в поддержке со стороны Ивана IV, и продолжали провоцировать конфликт, отправив ему сообщение о том, что татары собираются идти к Перми. Строгановым тогда уже были переданы земли в Зауралье, в том числе и в бассейне Тобола, с разрешением строить там укрепления.

Период конфронтации продлился недолго, так, неизвестно о серьёзных столкновениях военных сил Сибирского юрта и Москвы за 1574 – 1580 гг. Это объясняется занятостью Кучума внутренними делами своего ханства (в 1574 г. престол там и вовсе скорее всего занял Ахмед-Гирей или, как минимум, он стал соправителем Кучума, но в 1578 г. был убит своим зятем Шигаем) и неготовностью Москвы к решительным военным предприятиям в связи с войной в Прибалтике. Справедливости ради стоит сказать, что к началу экспедиции Ермака эта война ещё шла, и условия для вторжения правительственных сил в сибирские земли сложились только с её окончанием. Активизация военной деятельности, скорее всего, связана с двумя походами пелымских отрядов на уральские земли, подконтрольные Строгановым [11, с. 134-135]. Им было дано разрешение наказывать пелымского князя, но нападать на владения Кучума запрещалось. Москва не была заинтересована в конфликте с Сибирским юртом, да и сам хан проявлял дружелюбие в дипломатических связях с Москвой [5, с. 107]. Но Строгановы, видимо, исходя из своих интересов, всё-таки подтолкнули Ермака к началу экспедиции.

В 1578 году, после смерти Ахмед-Гирея, Кучум начинает восстанавливать отношения с ногаями, стремящимися наладить отношения с Россией. Это отразилось на политике Сибирского ханства, отношение которого к Москве во многом определялась позицией окружающих его государств. В течение следующих

четырёх лет ни одна из сторон не предпринимала военных действий, Москва отказывалась и от поддержки претензий ногайского нурадина Хан-мирзы развязать конфликт с Кучумом, благосклонно отнеслась к династическим бракам между ногаями и “сибирцами”. В 1579 г. бухарский хан Абдулла II, будучи главой антиказахского союза, идет на сближение с Хак-Назаром, что привело к окончательному превращению степного мира в единое пространство, лидером которого выступал бухарский хан. К тому времени основным объектом грабежа выступало Казахское ханство, но никто не рисковал обострять отношения с русским царем, что, в частности, подтверждается укреплением связей Кучума с сыном Дин-Ахмада Ураз-Мухаммадом, который вскоре становится ханским зятем. Как отмечает В. В. Трепавлов, в ногайской среде именно этот представитель правящей династии был явно промосковски настроен. Тем самым заключение мира не привело к открытому столкновению с Россией, поскольку в этом не был заинтересован никто из союзников Кучума.

Таким образом, реставрация Шибанидов в Сибирском государстве должна оцениваться неоднозначно. Во-первых, был прерван процесс возможного мирного присоединения сибирских земель к Московскому царству или хотя бы постепенного укрепления позиций России за Уралом. Во-вторых, коренным образом поменялась и внутренняя политика в юрте, и внешняя (относительно взаимоотношений с Россией и экспансии на соседние территории). В отличие от Тайбугидов, искавших союза и поддержки, Кучум пытался лавировать между Московским государством и Бухарой, являясь вассалом второй и имея (с другой стороны) сильного соседа, почему был вынужден поддерживать мирные отношения с Москвой. Но в своей политике Кучум исходил не только из практических соображений – не вступать в конфликт с сильным соперником, он считался с позицией покровительствующей ему Бухары, внутренним состоянием Сибирского юрта (Кучуму ещё предстояло укрепить свою власть, прежде чем переходить к более активной внешней политике). Ненадолго Кучум восстановил вассальные отношения с Московским государством, один раз даже отправил туда дань, но как только

почувствовал слабость России, сразу же разорвал отношения с ней, и если не вступал с царём в прямой конфликт, то и не противодействовал набегам на соседние с Сибирским ханством русские территории. Кучум не был враждебно настроен к Московскому государству (кстати, Иван IV считал этого хана предателем и хотел, чтобы тот продолжил исполнять вассальные обязательства, взятые на себя Едигером). Но Кучум и не был расположен к России. В отличие от Едигера, который признал Москву покровителем, Кучум оказался более свободен, поэтому позволял себе череду и враждебных, и дружеских действий в зависимости от складывающейся в регионе политической ситуации.

В начале 1580-х гг. стал назревать новый конфликт между Россией и Сибирским юртом. Д. Н. Маслюженко и Е. А. Рябинина считают, что имеющиеся источники не подтверждают вывода о росте агрессивности ханства в тот период. Напротив, ими подчеркивается, что нападения остяков и вогулов были связаны с деятельностью Строгановых, занимавшихся откровенным грабежом местного населения. [10 с. 124]. Она привела к обострению взаимоотношений Москвы и Сибири, и пиком конфликта явился поход Ермака, после которого началось вхождение Сибири в состав Российского государства.

Результаты этого похода позволили значительно повысить статус Московского государства на международной арене. Хотя в действительности в середине 1580 гг. Сибирь не была покорена. В сибирских летописях и Г.Ф. Миллером приводятся многочисленные данные о том, что отряды казаков встречали на своем пути сопротивление местных жителей, которое, однако, было безуспешным ввиду неслаженности действий. После гибели Ермака и большей части его «дружины» русские вынуждены были покинуть сибирские земли. Новый «виток» взаимоотношений Сибири и России привел к тому, что ханство с конца XVI в. реально перестало существовать (хотя еще длительное время наследники Кучума продолжали именовать себя ханами). В этом можно усматривать и одно из последствий реставрации Шибанидов в Искере.

Примечания:

1. Зайцев, И. В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская Империя. – М.: Рудомино, 2004. – 215 с.
2. Маслюженко, Д. Н. Ногайский фактор в московско-сибирских переговорах 1555-1563 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. – Курган, 2014. – С. 51-55.
3. Маслюженко, Д. Н. Состав и функции властной элиты Тюменского и Сибирского ханств // Вестник Пермского университета. История. – 2017. – С. 122-131.
4. Маслюженко, Д. Н. Тюменские и сибирские послы в московское Государство в конце XV – XVI в. // Сборник материалов X Международной научной конференции. Приложение к Журналу "Древняя Русь. Вопросы медиевистики". – М., 2019. – С. 130-131.
5. Маслюженко, Д. Н. Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана во второй половине XVI в. / Д. Н. Маслюженко, Е. А. Рябинина // Средневековые тюрко-татарские государства: сб. ст. Вып. 2. – Казань, 2012. – С. 97-111.
6. Миллер, Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е доп. N.1. – М.: Изд. фирма "Восточная литература" РАН, 1999. – 630 с.
7. Нестеров, А. Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV - XVII вв.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. – М., 1988. – 20 с.
8. Полное собрание русских летописей. Т.13: Патриаршая или Никоновская летопись. – М, 1965. – 303 с.
9. Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа Есиповской летописи. Изд-во "Наука". – М., 1987. – 382 с.
11. Скрынников, Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск изд. "Наука": Сибир. отд-ние, 1982. – 258 с.
12. Трепавлов, В. В. Московское и казанское "подданство" Сибирского юрта // Сулеймановские чтения (десятые). – Тюмень, 2007. – С. 101.
13. Трепавлов, В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. – М.: Изд. фирма "Восточная литература" РАН. – М., 2012. – 231с.
14. Тычинских, З. А. Взаимоотношения Московского царства и Сибирского юрта в 1550-х – начале 1580-х гг. / З. А. Тычинских, Д. М. Исхаков // Присоединение Сибири к России. Новые данные: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Тюмень, 2014. – С. 204-213.
15. Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. – Казань, 2018. – 560 с.

**К истории «Ермаковой эпопеи»: о некоторых
дискуссионных вопросах «Сибирского взятия»**

Хотя перипетии казачьей экспедиции, с которой началось присоединение Сибири к России, интересуют без малого три столетия, многие обстоятельства крушений «Кучумова царства» еще остаются неясными или же мы можем судить о них лишь предположительно.

Так, в историографии противоречиво определяется численность «дружины» Ермака, сумевшей «сбить» «с куреня» «прегордого» хана. В представлении В. А. Добрыднева «товарство» «ратоборного» атамана насчитывало свыше полутора тысяч казаков, преимущественно волжских, из которых к моменту его гибели уцелели три сотни; на «Русь» суждено было вернуться только менее трети среди них и гораздо большему количеству служилых людей, главным образом стрельцам [6, с. 73]. Согласно Погодинскому летописцу (далее – ПЛ) (его А. Т. Шашков и Е. В. Вершинин с должными основаниями признали самым надежным источником по истории «Сибирского взятия»), за Уралом умерли «все присылные люди, казанские и свияжские стрелцы и пермские и вяцкие люди» «з голоду, осталось толко ермаковских казаков девяносто человек»; под началом головы И. В. Глухова (сослуживца скончавшегося к тому времени воеводы князя С. Д. Болховского) они по Оби и Соби смогли добраться до «Пустоозера» [21, с. 133 – 135]. (ПЛ, кстати, не позволяет считать, что Болховский прибыл в Искер при жизни Ермака, как убеждены Д. М. Исхаков и З. А. Тычинских [13, с. 129]). Как представляется А. С. Хромых, в отряде первого из воевод, выступивших с «Руси», чтобы помочь казакам, «взявшим» «за саблю» Сибирское «царство», находился Пинай Степанов, являвшийся потом атаманом в Тобольске и Верхотурье [30, с. 134]. Однако, согласно одной из челобитных Пиная, который к концу жизни стал «слеп и увечен», он нес службу в Сибири с 7091 (1582/83) г., ратники же Болховского оказались там в следующем году, точнее, летом 1584 г.

Скорее всего в поход, обессмертивший Ермака, двинулись 540 атаманов и казаков (эта цифра, приведенная в Есиповской и Строгановской летописях, очевидно, содержалась в их общем протографе – нарративном сочинении, появившемся в Тобольске до осени 1636 г.) [24, с. 37 – 38, 162 – 163, и др.]. (А. Г. Нестеров вслед за А. П. Окладниковым почему-то писал о 500 [12, с. 209]). На взгляд Э. Л. Дубмана, 540 человек составили костяк отряда Ермака в сибирском походе [7, с. 95]. Самарский историк, видимо, следует версии, недавно повторенной Ю. С. Худяковым, Д. М. Исаковым и З. А. Тычинских [12, с. 726, 727; 13, с. 127], о присоединении к вольным казакам 300 ратников из строгановских владений. Эта версия, однако, должна считаться легендарной [24, с. 36; 25, с. 511]. (Согласно Е. А. Рябининой, за «Камень» выступило от 540, что предпочтительнее, до 840 «православных воев» [29, с. 256, 257], которым вскоре удалось разгромить «кучумлян»). Затруднительно сказать, на каком основании А. Т. Шашков утверждал, будто с головой И. С. Киреевым и атаманом И. Грозой, сопровождая взятого в плен царевича Маметкула, из Сибири в Москву отправились полсотни казаков [20, с. 119; 32, с. 26] и, стало быть, из 540 участников прославленной экспедиции в живых остались 140.

В синодике «ермаковым казакам» (далее – С) упоминаются Окул (Окул) и Карчига, судя по именам (они в тюркских наречиях обозначают посаженного отца и ястреба-стервятника соответственно), на взгляд А. П. Яркова, – не русские [18, с. 67]. Но в С второй из указанных сподвижников «храброго смлада» атамана называется Иваном [21, с. 78, 380], т. е. Карчига – это прозвище, напоминающее «Корчагу» – чугунный или большой кувшин [4, с. 158, ср. с. 141]. Окул же – это «очень распространенное» в средневековой России прозвище [4, с. 94, 201, 230, 288, 308, ср. с. 224; 8, с. 271, и др.]. Считать, что павшие в самом начале сибирской экспедиции Окул и Карчига являлись тюрками по происхождению, как видно, опрометчиво.

В избыливающей фактическими ошибками и домыслами работе Ф. А. Байрамовой утверждается, будто, очутившись в Сибири, Ермак насильно крестил местных жителей, а в помощь ему московским царем были отправлены церковнослужители [1,

с. 57]. В историографии, к примеру, в трудах Р. Г. Скрынникова и А. Ш. Кадырбаева, давно указано на ошибочность подобных представлений. В сибирских летописях, в частности, умалчивается (вопреки мнению Е. А. Рябиной [29, с. 261]) о «миссионерской деятельности» Ермака и его соратников.

С точки зрения К. И. Зубкова, т. к. Иван IV под влиянием неудач в Ливонской войне склонялся к наделению англичан «исключительными торговыми преференциями» на Русском Севере в обмен на военно-политический союз, Строгановы свернули «планы своей морской программы» в Сибири и выбрали доступный их полному контролю сухопутно-речной путь за Урал, оказавшийся едва ли не самым трудным [9, с. 4, 9 – 10]. Однако в конце царствования Грозного Московской компании в ходе длительных переговоров в Лондоне, а затем российской столице не удалось добиться возвращения прежних монопольных прав на русском рынке [5, с. 12; 16, с. 123 – 124; 17, с. 38, и др.], да и «морская программа» «прикамских магнатов» была далека от реальности [26, с. 19 – 21]. Как подчеркивает К. И. Зубков, с ведома Строгановых ермаковцы двинулись через «Верхотурский Урал» «в самый политический центр Сибирского ханства», а не воевали с отдельными племенами, к примеру, пелымцами, которые в то время совершили набег на Пермь. Но в Искере (Кашлыке) и поблизости от него казаки, несомненно, могли рассчитывать на более крупную добычу, чем в бассейне Тавды. Мнение же К. И. Зубкова о том, что благодаря активным торговым связям Строгановых с Западной Европой снаряжение отряда Ермака находилось «на самом «передовом» техническом уровне своего времени» [9, с. 8 – 10], кажется явным преувеличением.

Некоторые историки полагали, что в канун вторжения «русского полка» во владения Кучума его лучший военачальник Маметкул (приходившийся хану племянником) совершил поход на прикамские городки [12, с. 215; 13, с. 127]. ПЛ, однако, убеждает в том, что этим походом, хотя (вопреки мнению ряда ученых) не в те дни, когда ермаковцы появились в Сибирском ханстве, предводительствовал старший сын Кучума Али (Алей). Д. М. Исхаков же и З. А. Тычинских писали, что в экспедиции

на Чусовую участвовал то Али, то Маметкул [12, с. 208, 727; 13, с. 126, 127; 27, с. 16, примеч. 1; 29, с. 129, 257, 259, и др.].

Недавно были повторены проникшие в историографию из С и летописной традиции датировки ряда событий начала дерзкого похода: 23 – 25 или 26 октября казаки одержали победу в сражении (затруднительно решить, отчего его А. Г. Нестеров счел ничейным «по своему результату») у Чувашева или Потчевашского мыса, 26 октября вступили в брошенный Кучумом Искер [3, с. 75; 12, с. 208, ср. с. 239; 13, с. 127 – 128; 29, с. 257]. Считать эти датировки точными, однако, не приходится [24, с. 10 – 11, 39, и др.]. Излишне, однако, подчеркивать «условность реконструкции хронологии похода, в том числе его начала» (таково убеждение Е. А. Рябиной) [29, с. 256].

На взгляд Д. М. Исакова и З. А. Тычинских (аналогичного мнения держался А. С. Зуев), «по данным сибирских летописей», у Бабасанских юрт произошли мелкие стычки между «кучумлянами» и ермаковцами. Там, однако, как говорится во многих из этих летописей, состоялась «брань веляя» [21, с. 33, 38, 52, 83, 92, 109, 121, 131, 181, 240, 306, 360, и др.], подобная сражениям на Чувашевом мысу, у Абалака и Саускана. С. У. Ремезов превратил ее, но, очевидно, без обращения к каким-то ранним источникам, в пятидневную битву. (В С об этом «деле», про которое Е. А. Рябина пишет лишь в предположительной форме, умалчивается, т. к., вероятно, при составлении «помянника», а еще ранее «написания» о «Сибирском взятии» ветераны прославленной экспедиции не могли вспомнить, кто погиб возле урочища Бабасан).

Утверждение, что Ермак в ходе сражения у засеки «под Чувашею» «предпринял ночную атаку на позицию противника и задействовал артиллерию» [13, с. 127, 128], сохранившиеся источники опять-таки не подтверждают. Бытующую же и поныне в специальной литературе версию сибирских книжников XVII в. о поездке («посольстве») в Москву сеунчиков Ермака (к которым Д. М. Исаков и З. А. Тычинских, опять-таки вслед за В. В. Похлебкиным, причислили атамана Я. Михайлова) [3, с. 75; 12, с. 208; 13, с. 128, 129] следует отнести к мифам.

Как сообщается в Основной редакции Есиповской летописи (далее – ОЕЛ), спустя четыре дня после вступления

казаков в Искер, без боя оставленный татарами, остяцкий князь Бояр привез туда «многия дары и запасы, яко на потребу» [21, с. 56, ср. с. 33, 39, 84, 93, 111, 122, 132, и др.]. В Строгановской летописи (далее – СЛ) говорится о том, что Бояр (точнее, Баяр) появился там с подарками [22, с. 26, 72], что, кстати, соответствовало старинной традиции (ср. [29, с. 124]). На взгляд многих исследователей, демьянский «князь» доставил в Искер ясак [12, с. 208; 19, с. 90; 24, с. 142, примеч. 18; 27, с. 33, примеч. 1; с. 158; 29, с. 261, и др.]. (Мнение А. Г. Нестерова, что примеру «Бояра последовал еще ряд местных угорских князцов», осталось неаргументированным). По мысли некоторых новосибирских историков, Бояр, явившийся с дарами к Ермаку, стал его вассалом, согласился на уплату ясака. Те же процитировали свидетельство Бузуновского летописца (далее – БЛ) о том, что остяцкого князя, который привез им дары и запасы, «наставник» казаков и его сподвижники «утверждаше ... ясак платить», иначе говоря, речь шла о приведении к присяге на верность [11, с. 174, 303, ср. с. 281]. (Подчас дар рассматривается как фиктивный ясак [11, с. 307]).

Следует, однако, считаться с тем, что БЛ, вторичный относительно есиповской «истории», подобно Кунгурскому летописцу (далее – КЛ), запечатлел явно фольклорные версии «Ермаковой эпопеи». В Ремезовской летописи, где повторено известие ОЕЛ о «пришествии» Бояра в «град» Сибирь (Кашлык), сообщается о том, что 6 декабря 1581 г. к «славному и храброму» атаману явились вогульские князцы Ишбердей и Суклем «со многими дары и есаком, и потребным запасом». Есипов же, упомянув о приезде Бояра в оставленную ханом столицу, умолчал про обязательство недавнего подданного Кучума платить ясак, как и татар, начавших с семьями возвращаться в Искер. Иногда отмечалось, остяцкий «князь» привез туда запасы продуктов [24, с. 13; 29, с. 257]. В ОЕЛ сказано, что Кучум с оказавшихся под его властью народов взимал «дани и оброки», т. е. регулярные подати [27, с. 25 – 26, и др.], а шерть, к которой ермаковцы привели покоренных ими «иноземцев», включала требование ясак «давати ... без переводу» [21, с. 48, 57, ср. с. 123, 186, 252; 22, с. 44 – 45, 92]. Согласно той же летописи, после голодной зимы, когда умерли

прибывшие с «Руси» на помощь вольным казакам князь С. Болховский и многие ратные люди из его отряда, весной, татары и остяки начали привозить в город Сибирь «от ловитв своих» запасы «на потребу», очевидно, продовольствие [21, с. 60, ср. с. 37, 73, 78, 120, 133, и др.]. Есипов, кстати, заметил, что Пегая орда, остяки и «самоядь» «приносят дары кумиром своим» [21, с. 45, ср. с. 107, 115, 155, 167, 228, примеч. 56; 27, с. 79]. Вспомним, что ясак, даже в первое время ненормированный, обычно вносился за определенное время [11, с. 105, 178, 191, 220, 222, 230 – 232, 235, 245, 250, 253, 260, 383]. (Это предусматривалось, в частности, жалованными грамотами Федора Ивановича куноватско-ляпинскому князю Лугую и казымскому мирзе Цынгопу или Сенгепу, приезжавшими к «царскому порогу»), бояр же появился в Искере сразу после того, как туда вступили казаки. Наконец, усматривать в принесении даров и запасов (не исключено, что они поначалу предназначались Кучуму) «товарству» Ермака признание одним из «князцов» «остяцкой страны» власти или «ратоборного» атамана как нового бека Искера (так полагали, в частности, Н. Н. Фирсов, Д. И. Копылов, А. Г. Нестеров, В. В. Трепавлов, И. Л. Измайлов), или московского самодержца (о чем писала Л. С. Соболева) нет веских оснований [24, с. 138, 139, примеч. 2]. (Вспомним, что бек должен был принадлежать к аристократии Сибирского юрта, например, к Тайбугидам). Бояр, если, конечно, считать достоверным рассмотренное сообщение первого известного нам поименно из сибирских летописцев, доставив атаманам и казакам съестные припасы, хотя и вряд ли «шертовал» Ермаку (в чем был убежден А. Т. Шашков), видимо, согласился в будущем платить ясак утвердившимся в Искере «христианским воям», обратившим в бегство Кучума, а не только выразил покорность Ермаку [14, с. 139 – 140; 15, с. 67] (об этом, кстати, упоминали сибирские летописцы рубежа XVII – XVIII вв. [21, с. 183, 232, 243, 302, 308, 361, ср. с. 56, 93]) или перешел на сторону русских [10, с. 536].

По «мере» конца XVII в., Демьянский ям в устье Иртыша (на территории, где располагалось бывшее «княжество» Бояра) и Тобольск, выросший вблизи от Искера (заброшенного вскоре после основания будущей столицы «русской» Сибири),

разделяли 122 версты 800 сажений [21, с. 225, 281, 337]. Чтобы преодолеть это расстояние, требовалось зачастую до четырех – пяти дней (см. [21, с. 75, 77, 129, и др.]). Если Бояр, как мы читаем в ОЕЛ, прибыл в «град» Сибирь через несколько дней после того, как там обосновались ермаковцы (что, впрочем, сомнительно), то из своего городка в низовьях Иртыша этот князец, вероятно, отправился, еще не зная о «подчювашской брани» и занятии казаками главной ханской резиденции. В таком случае разве мог он взять с собой ясак, тем более русским?

Утверждая, будто «после поражения на Чувашском (точнее, Чувашевом. – Я. С.) мысу Кучум-хан не смог собрать силы для удара по зимующим казакам» [29, с. 260], Е. А. Рябинина явно забывает о бое у Абалакского озера.

В обнаруженной А. А. Преображенским челобитной 1668 г. тобольского служилого человека С. Карпова утверждается, что его дед С. Зиновьев, который был участником белогорской экспедиции казаков, погиб во время пленения ими царевича Маметкула [см., напр.: 23, с. 67]. Хотя оно, видимо, предшествовало «хождению» ермаковцев в «остяцкую страну» [13, с. 129, и др.], известие адресованной Алексею Михайловичу челобитной заставляет отказаться от признания почти целиком вымышленным [24, с. 96] читающегося в КЛ рассказа о «пошествии» пятидесятника Богдана Брызги «с товарищи» к Самарову городку (являвшемуся центром одного из «низовых» «княжеств») и языческому святилищу у слияния Иртыша и Оби. Возможно, либо С. Карпову изменила память, либо он ошибся намеренно, т. к. тобольским, да и московским властям гибель при захвате в плен близкого ханского родственника могла казаться важнее участия в экспедиции к мало кому известному Белогорью. Весной – в начале лета 1583 г. казаки во главе со своим «храбрым смлада» атаманом, предпринявшие поход в Обь-Иртышское междуречье, судя по С, достигли Назимского (Назымского, Мозимского) городка, а затем малочисленная «дружина» двинулась на Белогорье под началом какого-то есаула, если не десятника (атамана Никиту Пана убили в ходе этой экспедиции накануне); Ермак «з братиею», возможно, остался дожидаться отправившуюся в «улус» Самара и к «молбищу» «богыне древней» «станицу» в Назиме. Брызги же к

тому времени не было в живых, он скорее всего погиб в первые дни зимы близ Абалака, когда отряд Маметкула внезапно напал на собиравшихся рыбачить казаков.

В С и многих летописях, возникших в Сибири и Приуралье, сообщается об истреблении четырех десятков «воев» атамана Ивана Кольца, приглашенных оставившим хана его визирем Карачей (вернее, Маметом или Мухаммадом [27, с. 368; 29, с. 43, 87, 410, 411, и др.]) «оборонити» его от Казахской орды. Следом ставка этого недавнего «думчего» Кучума, располагавшаяся около реки Тары, по утверждению Ю. С. Худякова, «была разгромлена» [31, с. 218]. Приведенное мнение не находит подтверждения в дошедших до нас источниках, как и взгляд А. В. Матвеева и С. Ф. Татаурова, будто Карача отъехал от Кучума «после неудавшейся осады Искера» [12, с. 219]; это произошло накануне.

По свидетельству Саввы Есипова, вслед за истреблением Карачей отряда Ивана Кольца «иноземцы» стали убивать русских в волостях и улусах [21, с. 61 – 62]. Одним из этих ермаковцев, как сообщается в двух редакциях СЛ, был атаман Яков Михайлов, направленный «в подсмотр» [22, с. 34, 79]. Тем самым Кучум старался восстановить, а Карача утвердить свою власть вблизи Искера. Быть может, однако, в конце 1583 – весной 1584 г. казаков, видимо (как писал еще Г. Ф. Миллер), ясатчиков, умерщвляли также в низовьях Иртыша и Оби. Заметим, что вполне определенно «источники сообщают о гибели ермаковых атаманов Никиты Пана и Якова Михайлова» не «во время осады Карачей городка Сибирь» [28, с. 95] (точнее, города, см. [29, с. 185]), а накануне – в пору «хождения» «единомысленной дружины» в «остяцкую страну» и после того, как «безбожным» удалось целиком перебить станицу Ивана Кольца.

А. Г. Нестеров разделяет вывод ряда исследователей о том, что в 1584 г. казаки предприняли экспедицию в Пельымское княжество [12, с. 209]. Ее, думается, можно отнести к «вымышленным событиям» «зауральской эпопеи» (если воспользоваться классификацией изучавшей литературные памятники позднего русского средневековья Е. К. Ромодановской) [23, с. 79, и др.]. К 1584 г., как утверждал А. Г.

Нестеров, образовался союз Сейдяка (Саййид Ахмада) – бека из династии Тайбугидов, правившей в Искере до 1563 г., Карачи и казахского султана Ораз-Мохаммада против атамана, ставшего недавно властителем Сибирского юрта [12, с. 208 – 209; ср. 13, с. 128]. Такой «альянс», если и возник, что маловероятно [27, с. 36, 52 – 53, ср. с. 367 – 368], то в 1585 г. – уже после гибели Ермака и появления Сейдяка на юге Западной Сибири, а может быть, и захвата им Искера у будущего хана Али (Алея). (А. В. Матвеев и С. Ф. Татауров явно заблуждаются, считая, что Сейдяк очутился в Сибири в конце того же десятилетия [12, с. 217]). Наследник Бекбулата (бека Пулада) владел Искером вплоть до пленения русскими в Тобольском остроге в 1587 г. Эти факты, между прочим, опровергают заключение (на что указывал В. В. Трепавлов [26, с. 159, и др.]), будто в течение нескольких лет, начиная с 1585 г., Кучум сумел восстановить свое государство и даже совершил поход на Тобольск [12, с. 217, 219, 220; 13, с. 130, 135; ср. 1, с. 57 – 58]. Ошибочным является и вывод о том, что Сибирскому юрту удалось вернуть независимость к началу царствования Федора Ивановича [2, с. 88], т. е., получается, еще при жизни Ермака. Восстановить самостоятельность ханства, однако, ни в то время, ни затем Кучуму после бегства из Искера осенью 1582 г. было не суждено.

Примечания:

1. Байрамова, Ф. А. К вопросу о завоевании Сибири русскими // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Мат-лы IV Всерос. (национальной) науч. конф.: Курган, 30 – 31 октября 2020 года. – Курган: Курганский государственный университет, 2020. – С. 57–60.
2. Буканова, Р. Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI – XVII вв. – Уфа: «Китап» им. Зайнаб Биишевой, 2010. – 264 с., ил.
3. Вершинин, Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. – 504 с., ил.
4. Веселовский, С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М.: Наука, 1974. – 382 с.
5. Дмитриева, О. В. «Окно в Европу»: первый опыт. Англо-русские отношения во второй половине XVI – XVII веках//Россия – Британия: К 450-летию установления дипломатических отношений. – М.: Издательский дом Максима Светланова, 2003. – С. 10–17.
6. Добрыднев, В. А. Поморье и колонизация Западной Сибири: конец XVI – начало XVIII вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Архангельск, 2003. – 282 с.

7. Дубман, Э. Л. Поволжский фронт в середине XVI – XVII вв.: Очерки истории. – Самара: Самарский университет, 2012. – 235 с. (Юго-Восток Европейской России. – Ч. 1).
8. Зимин, А. А. Опричнина. – М.: Территория, 2001. – 448 с., ил.
9. Зубков, К. И. Русский путь в Сибирь (Опыт геополитического анализа)// Верхотурский край в истории России. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ; Банк культурной информации, 1997. – С. 4–10.
10. Зуев, А. С. Ермак // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. – Т. А – И. – С. 535–536.
11. Зуев, А. С. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. / А. С. Зуев, П. С. Игнаткин, В. А. Слугина. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2017. – 444 с.
12. История татар с древнейших времен: в семи томах. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – Т. IV: Татарские государства XV – XVIII вв. – 1080 с., ил.
13. История татар с древнейших времен: в семи томах. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – Т. V: Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.). – 1031 с., ил.
14. Копылов, Д. И. Ермак. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1989. – 239 с.
15. Курносов, В. В. К вопросу военного сотрудничества обских угров и сибирских татар в период позднего средневековья // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Мат-лы IV Всерос. (национальной) науч. конф.: Курган, 30 – 31 октября 2020 года. – Курган: Курганский государственный университет, 2020. – С. 65–68.
16. Лурье, Я. С. Английская политика на Руси в конце XVI века // Уч. зап. Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. – 1947. – Т. 61. – С. 121–145.
17. Любименко, И. Проекты англо-русского союза в XVI и XVII веках // Исторические известия, издаваемые Историческим Обществом при Императорском Московском Университете. – 1916. – № 3–4. – С. 29–53.
18. Население Сибири и Урала XVI – XX вв.: Колл. моногр. – Шадринск: Шадринский государственный педагогический университет, 2019. – 114 с.
19. Очерки истории Коды. – Екатеринбург: НПМП «Волот», 1995. – 189 с.
20. Очерки истории Югры. – Екатеринбург: НПМП «Волот», 2000. – 407 с.
21. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1987. – Т. 36. – 382 с.
22. Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань: Александрия, 2008. – 10 + 1 + XXXI + 1 + 645 с.
23. Скрынников, Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск: «Наука», Сибирское отделение, 1986. – 318 с.
24. Солодкин, Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири: Дискуссионные проблемы истории и источниковедения. – Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2015. – 234 с.

25. Солодкин, Я. Г. К первоначальной истории присоединения Сибири к России (о некоторых спорных интерпретациях «Ермакова взятия» «Кучумова царства») // Былые годы: Российский исторический журнал. – 2014. – № 34 (4). – С. 510–518.
26. Солодкин, Я. Г. Собирались ли Строгановы снарядить морскую экспедицию в Мангазею одновременно с походом Ермака? // Вестник «Альянс-Архео». – М.; СПб., 2016. – Вып. 14. – С. 15–21.
27. Трепавлов, В. В. Сибирские царевичи в истории России / В. В. Трепавлов, А. В. Беляков. – СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2018. – 496 с.
28. Туров, С. В. Березовские казаки – потомки сподвижников Ермака (к вопросу об истоках складывания исторического самосознания русского населения Сибири) // Меншиковские чтения 2019. Мат-лы Рос. науч. конф. – Тюмень: ИД «Титул», 2019. – Вып. 12: Березово (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра): 22 – 23 нояб. 2019 г. – С. 94–100.
29. Тюменское и Сибирское ханства. – Казань: Казанский государственный университет, 2018. – 560 с., ил.
30. Хромых, А. С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII века в свете теории фронта: Дисс. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2008. – 270 с.
31. Худяков, Ю. С. Привлечение сибирских татар на российскую службу в конце XVI в. // Присоединение Сибири к России: новые данные: Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. с междунар. участием: Тюмень, 9 – 10 дек. 2014 г. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2014. – С. 215–219.
32. Шашков, А. Пути за «Камень» и сибирский поход Ермака // Югра. – 1997. – № 4. – С. 14–17, 26.

Документы о «ермаковых казаках» в творческом наследии Н.Н. Оглоблина

В работах известного русского историка и архивиста конца XIX – начала XX вв. Н.Н. Оглоблина, тщательно изучившего обширные фонды Сибирского приказа, затронуты, в частности, вопросы присоединения Сибири к России. При этом ученый нередко обращался к судьбам сподвижников Ермака и их потомков [1, с. 53–54]. Тему судеб «ермаковых казаков» и их потомков затрагивал также в своих работах исследователь Н.И. Никитин [1, с. 39–64].

Н.Н. Оглоблиным найдена челобитная певчего подьяка тобольского архиепископа У. Кузьмина, просившего о зачислении в казаки «литовского списка» [1, с. 53]. Н.Н. Оглоблин опубликовал челобитную Кузьмина и указал на ценность ее сведений об одном из сподвижников Ермака [2, с. 25].

У. Кузьмин сообщил, что его дед С.Ф. Шемелин принял участие в походе в Сибирь (согласно этой челобитной) вместе с Ермолом Тимофеевым (вероятно, Ермаком, а не Ермолом, как думалось исследователю. В документе налицо описка) [1, с. 54].

В представлении Н.Н. Оглоблина, находясь вблизи атамана, Шемелин мог знать настоящее имя. От Шемелина о подлинном имени Ермака мог знать Кузьмин, почитавший деда и гордившийся сибирским подвигом и сохранивший имя в памяти прославленного атамана Ермака [2, с. 23–26].

Челобитная У. Кузьмина, составленная в 1646/47 г., содержащая просьбу поверстать его на «выбылой оклад» тобольского конного казака, по мнению Н.Н. Оглоблина, разрешает данный спор об имени покорителя Сибири Ермака, ведь У. Кузьмин являлся внуком «сотрудника» Ермака Н.Н. Оглоблин упоминает также, что С.Ф. Шемелин, который получил звание атамана в 1667 г. при царе Василии Шуйском, видимо Ермак был не рядовым казаком, а челобитная Кузьмина была удовлетворена [5, с. 140–141].

По словам Н.Н. Оглоблина, «ермаковы казаки» вынесли на своих плечах все дело завоевания Сибири и утверждения в ней Русской власти», поэтому соратникам прославленного атамана не было необходимости напоминать о своих заслугах московскому правительству. Их служба и заслуги были известны [1, с. 57].

Н.И. Никитин отметил, что основные данные о судьбах ермаковых казаков были впервые приведены Н.Н. Оглоблиным, который рассмотрел их челобитные [1, с. 40].

Одним из них был служивший в пелымских стрельцах О. Заворохин, о котором мы узнаем из челобитной за 1667/68 г. его внука И. Зыкова. И. Зыков передал место в гарнизоне своему сыну Осипу (являвшемуся также дядей челобитчика) [1, с. 51].

И. Зыков указал, что на данном окладе находился стрелец С. Терентьев. Свою просьбу Зыков подкреплял предложением о замене хлебного жалованья работой на пашне, обещая прибыль для государевой казны. Как отметил Н.Н. Оглоблин, челобитная И. Зыкова была удовлетворена, о чем сказано в отписке тобольского воеводы в адрес пелымского, а именно о том, что Терентьевым был оставлен, а в его оклад нужно «написать» в Зыкова [4, с. 130].

По данным Н.Н. Оглоблина, одним из «товарищей» Ермака был Черкас Александров, от которого пошел род тобольских детей боярских. Однако, из документов Сибирского приказа известно, что после смерти Афанасия Черкасова, в обход его детей, место атамана новокрещенов по решению воеводы князя А.А. Голицына получил Никита Ильин. Была устроена «аукционная распродажа» спорной должности, и досталась она тому, кто согласился служить с наименьшим жалованьем. Таким образом, как писал Н.Н. Оглоблин, заслуги перед Русью и родословная в глазах нового тобольского воеводы П.И. Годунова были менее существенны в сравнении с выгодой для государевой казны [1, с. 49].

Н.Н. Оглоблин констатировал, что в Разрядном столе за 1667/68 - 1668/69 гг., сохранилась челобитная, поданная Яковом Черкасовым-Корсаковым о назначении его атаманом тобольских новокрещенных татар вместо умершего отца. К челобитной была приложена выписка приказной избы со

сведениями о службе Ивана (Черкаса) Александрова-Корсакова в Тобольске татарским головой.

По указанию Н.Н. Оглоблина, сохранилась и челобитная Никиты Ильина о назначении на ту же должность. Ильин сорок лет выполнял городовые, пешие, конные зимние и летние и другие видах службы государю [4, с. 128]. Челобитное дело содержало несколько выписей. Воевода и стольник П.И. Годунов предлагал поверстать в атаманы Я. Черкасова только за хлебное жалованье (или уменьшенное денежное). Черкасов письменно сообщил, что рад бы служить за одно хлебное жалованье, а Н. Ильин согласился на жалованье в 10 рублей, что больше устраивало казну. Позднее Н. Ильин выразил готовность служить за 8 рублей и соответствующее решение вынес воевода П.И. Годунов (от 20 февраля 1667/68 г.) [4, с. 129].

Н.Н. Оглоблин рассмотрел также сведения о сподвижнике Ермака Григории Ясыреве.

О польском выходеце Гавриле Мартыяшове, направленном к Ермаку из Москвы, по свидетельству Н.Н. Оглоблина, мы узнаем из челобитной, поданной сыном Гаврилы, тобольским рейтаром Яковом Мартыяшовым с просьбой о его поверстании в тобольские дети боярские. Я. Мартыяшов упоминал о службе своего отца, о своей старости [4, с. 131], о службе братьев поручика солдатского полка и дворянина в Тюмени. Я. Мартыяшов поведал о том, что его отец выехал из Польши, служил при царе Иване IV в Москве в течение 7 лет, а потом в Сибири (около 50 лет) в литовском списке. Челобитное показание Я. Мартыяшова подтвердили служилые люди из числа старожил. Согласно воеводскому приговору, Я. Мартыяшова поверстали в дети боярские [4, с. 131; 3, с. 284–285].

Н.Н. Оглоблин сослался на грамоту от 23 января 1623 года, со сведениями о выдаче денежного и хлебного жалованья тюменскому атаману конных казаков Г. Иванову, который состоял в отряде Ермака [5, с. 229].

Н.Н. Оглоблину была известна грамота от 6 июля 1624 г., в которой говорилось о бедности тобольского Знаменского монастыря, где принимали постриг увечные и раненые, без

вклада в монастырь, казаки, в том числе соратники Ермака. [5, с. 230].

Итак, выявленные Н.Н. Оглоблиным документы позволили проследить судьбы многих «ермаковых казаков», позднее служивших в Сибирских гарнизонах и сыгравших немаловажную роль в освоении восточной части России.

Примечания:

1. Никитин, Н. И. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв.: Исследовательские материалы и документы. – М., 2007.
2. Оглоблин, Н. Н. К вопросу о христианском имени Ермака // Библиограф. – 1894. – Вып. 1.
3. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / сост. Н. Н. Оглоблин. – М., 1895. Ч. 1. Документы воеводского управления.
4. Обзорение столбцов и книг и книг Сибирского приказа. (1592–1768 гг.) / сост. Н. Н. Оглоблин. – [Б.м., Б.г.] – Кн. 2. Документы таможенного управления.
5. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) Ч. 3. Документы по сношениям местного управления с центральным / сост. Н. Н. Оглоблин. – М., 1900.

Величайшая святыня Сибири

У нас в Сибири есть величайшая святыня. Находится она в Тобольске, духовной столице Сибири, в Софийско – Успенском Соборе Тобольского Кремля. Это мощи святителя Иоанна, митрополита Тобольского и всея Сибири чудотворца. Имя святителя Иоанна Тобольского хорошо известно православным христианам не только в Сибири, но и далеко за её пределами.

С именем святителя Иоанна связаны многие примечательные события и в жизни моей семьи. Когда я узнала о том, что святитель Иоанн Тобольский является покровителем просвещения, помощником в учении всем учащим и учащимся, я стала читать ему акафист, просить о помощи в учении своим детям, своим ученикам, о помощи в своих преподавательских трудах, ведь многие годы я трудилась педагогом в школе. Старалась побывать на Святительских днях в Тобольске, помолиться у святых мощей святителя Иоанна, исповедаться и причаститься Святых Христовых Тайн. Брала с собой в паломнические поездки и младшего сына Диму, он с радостью ездил к святителю Иоанну, ведь это был первый святой, мощам которого он смог поклониться!

«Радуйся, яко отроки умудряеши».

А старший сын Антон получил Диплом высшего образования об окончании Тюменского государственного университета в день памяти святителя Иоанна! В жизни ничего случайного не бывает! Это помощь от самого святителя Иоанна, покровителя просвещения!

«Радуйся, Богодухновенный учителю. Радуйся, духовного просвещения покровителю».

В этот же день, когда старший сын получил диплом, 23 июня 2007 года, моей усопшей маме было 40 дней. В Святительский день! И это тоже промыслительно! Мама моя – коренная сибирячка, ее студенческие годы прошли в Тобольске, Небесным покровителем которого является святитель Иоанн. Мама всегда очень тепло отзывалась о Тобольске, незадолго

перед уходом в Вечность мечтала побывать в нем, а я так и не смогла свозить маму на поклон святым мощам святителя Иоанна. Но и здесь, дома, в Нижневартовске, далеко от Тобольска, мы с мамой молились святителю Иоанну, прося Его помощи и заступничества в житейских нуждах.

«Радуйся, издалеча всех согреваеши.... Радуйся, яко издалече молятся Тебе спасаемии».

Мой папа, так же, как и мама, учился в 50-е годы в Тобольске, в мореходном училище, которое располагалось в здании Тобольской Духовной семинарии. Много рассказывал папа об учебе в «мореходке», как называли это училище в народе. По его словам, в церкви он тоже бывал, но редко. «Время было такое...», - сетовал отец. И вот, спустя много лет, когда мой отец стал уже дедушкой, он отправился в город своих студенческих лет как паломник, к святителю Иоанну, чтобы поклониться Его святым мощам, исповедаться и причаститься святых Христовых Тайн! Это произошло в октябре 2003 года. Ездили мы тогда вместе с папой и с моим младшим сыном. Святитель Иоанн гостеприимно принял нас под свой покров: мы ночевали в Покровском Соборе, где в то время покоились мощи святителя Иоанна! Мой младший сын в детстве очень любил Покровский собор Тобольска и говорил: «Покровский Собор – словно дом родной: накормит, напоит и спать уложит!» Здесь особенно тепло и уютно: под покровом Божьей Матери и святителя Иоанна! Получали благословение владыки Димитрия, а дома мы с сыном долго еще вспоминали наши поездки на Святительские дни в Тобольск, старались сохранить ту Божественную Благодать, которую нам так щедро подает Господь.

«Радуйся, хранителю благодатной радости».

Случалось, что по каким – либо причинам не удавалось поехать на Святительские дни в Тобольск. А душа, сердце – все было там, на Торжествах. Но и здесь, дома, святитель Иоанн был рядом, он чудесным образом помогал, направлял, утешал....

Однажды, в июне 2005 года, я не смогла поехать на Святительские дни в Тобольск. Но святитель Иоанн устроил все чудесным образом, что я почувствовала эту незримую духовную связь. А дело было так: 22 июня, в день, когда колокола древней

колокольни Тобольского Кремля возвестили о начале торжеств, посвященных святителю Иоанну, я участвовала в записи радиопередачи «Сибирь православная» на телерадиокомпании «Югория»! В ней я рассказала о миссионерской деятельности святителя Иоанна, о Святительских днях в Тобольске, о воспитании духовности среди подрастающего поколения на уроках литературы и во внеклассной деятельности... Как я радовалась тому, что в этот день была сопричастна духовному празднику, посвящённому святителю Иоанну – покровителю просвещения в Сибири! Именно в 15 часов я начала на радио свое интервью – в это самое время в Тобольске начался молебен перед ракой со святыми мощами святителя Иоанна!

«Радуйся, духовного просвещения покровителю!»

На протяжении многих лет ежегодно я посещала семинар для учителей «Основы православной культуры», проводимый в Тобольске. Помимо тех знаний, которые мы, учителя, получали на этих семинарах, это была еще и прекрасная возможность побывать у раки со святыми мощами святителя Иоанна, испытать ту непередаваемую Божественную Благодать от соприкосновения со святыней!

«Радуйся, яко мнози припадают к тебе освещаеми...»

В 70-ти километрах от нашего города по Саяногорской дороге находится святой источник, освященный в честь святителя Иоанна Тобольского. Здесь можно набрать святой водички из колодцев – чистой, родниковой, можно окунуться в купель. Ведь кто с верою и молитвою погружается в купель – получает исцеление от недугов, укрепление духовных и физических сил. Отрадно, что святой источник на нашей сибирской земле, единственный во всей Тюменской области, освящён именно в честь святителя Иоанна Тобольского! Помню благодатные поездки на этот святой источник с учащимися Воскресной школы храма Рождества Христова. Сколько радости и Божественной благодати получали и дети, и их родители, и педагоги Воскресной школы! Когда мы приезжали на святой источник, батюшка служил молебен, а потом кто желал, тот окунался в источник, а кто-то набирал святой водички... Единим сердцем и едиными устами зываем: *«Святителю отче наш Иоанне, моли Бога о нас!»*

Православные приходы Тобольского Севера в синодальный период

В Синодальный период Тобольский Север административно входил в состав Тобольской (до 1782 г. Сибирской) губернии. Здесь располагались Березовский и Сургутский уезды (в 1804–1895 гг. – округа), а также северная часть Тобольского, северо-восточная часть Туринского уездов.

Отдаленный «низовой край», как его называли в документах того времени, был специфической территорией – промысловым районом, с преобладающим кочевым и полукочевым населением (что подтверждается обращением одних и тех же лиц в приходы разных церквей), провинцией, удаленной от промышленных и культурных центров, с высокой (в сравнении с другими территориями) численностью инородческого населения, для которого было характерно проживание в устойчивых ареалах этнического, культурного расселения, относительная изоляция от «русского» мира. Например, по данным на 1867 г. на территории Сургутского округа¹ насчитывалось лишь около полутора тысяч русских, сосредоточенных преимущественно в г. Сургуте, а в «стороне же – самая ничтожная горсть оседлости русской» [28, с. 45]. Коренные народы края – несколько тысяч ханты (остяков) и ненцев (самоедов) проживали на расстоянии от 60 до 730 верст от Сургута. Местное русское население, не исключая казаков, занимались торговлей с «инородцами», извозом, традиционными промыслами, а также службой в государственных учреждениях.

Организация на далеком северо-западе Сибири православных церквей и часовен, обеспечение их кадрами и необходимыми для богослужения предметами, утверждение

¹ Территория Сургутского округа занимала 220 452,4 кв. верст. Общая же численность населения края по данным Центрального статистического комитета составляла в 1868 г. 7191 чел. (из них 1061 чел. – жители г. Сургута, 2892 чел. – «бродячие инородцы»). (См.: Списки 1871: 120, 126).

православных форм повседневной жизни начинается с конца XVI – начала XVII вв. В этот период на Тобольском Севере возникает и функционирует несколько православных приходов, объединявших почти исключительно русских переселенцев в Березове, Сургуте, Обдорске, Мангазее.

Следующий этап утверждения русского присутствия в ясачных волостях связан с миссионерской деятельностью Филофея Лещинского (в схиме Федора), митрополита Сибирского и Тобольского. Подавляющее большинство сельских храмов для новокрещенных остяков и вогулов возникло в период его служения в Сибири. Исторически сложилось, что именно через институты Русской Православной церкви происходила интеграция коренного населения в общероссийское культурное, а также в определенной степени – административно-политическое, социальное, идеологическое пространство. Для вновь обращенного в христианство аборигенного населения в первой трети XVIII столетия организуется 23 прихода.

Однако массовое крещение только формально сделало православными значительную часть ханты и манси. Ненцы же в большинстве своем остались в стороне от маршрутов миссионерских поездок «апостола земли Сибирской». Поэтому целое столетие ушло на то, чтобы христианство смогло закрепиться на «завоеванных» позициях, утвердиться в качестве постоянно существующего элемента российской цивилизации, носителя традиции, оказывавшей влияние на местное население.

Еще несколько церквей появилось здесь во второй половине XVIII – начале XIX вв. Лишь с середины XIX в. с созданием православных миссий, интенсификацией экономического освоения Обского Севера, развитием путей сообщения, появлением начальных учебных заведений, притоком русского населения и как следствие – с организацией новых приходов, происходит более активное проникновение в жизнь аборигенов различных сторон российской цивилизации, включая культуру и ее неотъемлемую составляющую – религию.

Главными каналами этого воздействия являлись институты Русской Православной церкви, к числу которых

могут быть отнесены, в первую очередь «кирпичи» ее фундамента – приходы, а также органы церковной власти, включавшие в указанный период на местном уровне благочиния, духовные правления. В середине XIX – начале XX вв. на Тобольском Севере открылось 9 приходов, возникших, преимущественно, вокруг вновь образованных русских и зырянских поселений². Постройка новых церквей, а также и других церковных зданий, производилась за счет приходских общин, «тщанием» купечества или отдельных состоятельных благотворителей [См., например, 19, с. 259-263; 3, с. 38]. В результате на Севере Западной Сибири в предреволюционный период имелось 35 приходов, в том числе в составе Березовского благочиния – 12, Сургутского – 9, 3-го Тобольского (административный центр с. Самарово или с. Реполово) – 9, 2-го Тобольского (административный центр с. Юровское) – 3, 2-го Туринского (административный центр с. Кошукское) – 2³.

Как уже отмечалось, специфика региона состояла в преобладании «инородческого» населения. В начале 1840-х гг. согласно «клировой ведомости о церквях Березовского духовного правления» в подавляющем большинстве приходов доля «ясачных остяков» в общей численности прихожан превышала 85 %: Обдорский (88 %), Мало-Атлымский (89 %), Чемашевский (92 %), Юганский (94 %), Ларьякский, Ваховский,

² В Березовском округе (уезде) в 1840 г. был открыт приход в с. Мужы (церковь во имя св. Михаила Архангела), в 1902 г. – во имя св. Николая в с. Няксимвольском Сосьвинской волости (церковь построена в 1893 г.), в 1875 г. – Богоявленская церковь в с. Щекурья, в 1894 г. – во имя иконы Пресвятой Богородицы Всех Скорбящих Радость в с. Елизаровском. В Сургутском уезде (округе) в 1894 г. была построена церковь в с. Тундринском во имя вмч. Пантелеймона, в 1908 г. – в с. Вартовском (Нижне-Вартовском) во имя преподобного Сергия Радонежского, в 1913 г. в с. Покур – в честь Введения Пресвятой Богородицы. В северной части Тобольского уезда появляются приходы в с. Конево (во имя св. Пророка Ильи, 1848 г.), с. Базьяны (Петропавловский, 1908 г.). (См.: Туров 2004: 31; Справочная 1913: 10-11, 21, 39, 134; Епархиальные 1908: 359-360; Калужный 1914: 59-60).

³ Названы приходы благочиний, располагавшиеся именно на территории Тобольского Севера в указанных нами территориальных рамках.

Казымский, Леушинский, Сатыгинский, Кушеватский, Верхне-Лумпокольский (все – от 98 до 99 %), Сосьвинский, Болчаровский и Мужевской (все – 100 %) [4, л. 1–74; 8, л. 17 об, 22, 29 об–30], где русское православное население ограничивалось, в лучшем случае, несколькими семьями.

На протяжении всего XIX в. русские в основном проживали в Сургутском (1841 г. – 71 %, 1885 г. – 72,9 %), Березовских (1841 г. – 53,9 %, 1885 г. – 50,1 %) [Подсчитано по: 4; 5] и Самаровском приходах, а также в низовьях Иртыша, где процент инородческого населения увеличивали приписанные из ближайших районов проживания «юртовые остяки» или вогулы. Так, в 1841 г. в Филинском приходе доля крестьян, мещан и отставных военных достигала 72,8 %, в Реполовском – 34,8 % [Подсчитано по: 8, л. 11 об, 16]. Всего же русское население в 1841 г. составляло в Березовском округе 17,9 % православных прихожан. К 1885 г. оно незначительно увеличилось до 22,8 % [Подсчитано по: 4; 5].

Таким образом, в XIX в. в сельских малолюдных приходах преобладали коренные жители, в целом индифферентно относившиеся к православию, что подтверждается поступавшей от священнослужителей информацией. Например, в рапорте священника Василия Тверитина приводится характеристика Юганского прихода за 1884 г., где отмечается, что «в приходе означенной церкви обоего пола 1900 душ, из чего числа русских, живущих в самом селе 26 душ обоего же пола с малолетними, следовательно, весь приход составляют одни инородцы; да кроме того, эта ... часть прихода не бывают у Исповеди и Св. причастия ежегодно, что может видеть по документам...» [9, л. 106–106 об].

Изучение клировых ведомостей показывает, что на Севере Западной Сибири в течение XIX в. население приходов постепенно возрастало, тем не менее, существенно уступая, как епархиальным, так и общероссийским показателям. В 1841 г. в среднем в одном приходе проживал 1053 чел., в 1885 г. – 1215 чел. [Подсчитано по: 4; 5], в 1897 г. – 1245 чел. [Подсчитано по: 33, с. 214–223]. Наименьшим был Николаевский приход Чемашевской волости (405 чел. в 1841 г.), наибольшим – Обдорский (3918 чел. в 1897 г.). В Тобольской епархии в целом

происходило уменьшение аналогичного показателя: 1850 г. – 2897 чел., 1860 г. – 2630 чел., 1879 г. – 2594 чел. [Подсчитано по: 13, с. 10–11, 28; 14, с. 14–15, 44; 17, с. 4, 16–17.].

Темпы храмового строительства в крае во второй половине XIX в. не поспевали за ростом населения. Однако, вероятно, в изменении наметившейся тенденции и не было особой необходимости в связи с изначально небольшим количеством прихожан. В начале XX в. после создания нескольких новых самостоятельных приходов (Нижне-Вартовский, Покурский и др.), строительством часовен, молитвенных домов ситуация стабилизировалась. Так, уже в 1913 г. на один приход в Березовском и Сургутском уездах в среднем приходилось 1126 чел. [30, с. 32–39, 121–125].

Особенностью Тобольского Севера являлась чрезвычайная удаленность места расположения большинства приходов от административных центров. Обдорский Петропавловский приход находился в 375 верстах от Березова, юганский Богоявленский – в 895, нижнелумпокольский Богородице-Рождественский – в 1225. Самый отдаленный ларьякский Знаменский приход располагался на расстоянии в 1525 верст. Общая площадь Березовского и Сургутского округов (уездов) составляла 824 894,4 тыс. кв. км. В среднем один приход занимал площадь 43,4 тыс. кв. км., что было сопоставимо с территорией небольших европейских государств.

Отдаленность и разбросанность селений служили препятствиями для своевременного исполнения новообращенными христианской обрядности, что отмечается во многих документах, в частности в отчете тобольского преосвященного Ефрема (Рязанова): «Деревни отстоят от церквей на сотни верст... прихожане затрудняются ежегодно в полном составе своих семейств исполнять христианский долг» [24, л. 21]. «Инородцы же, – сообщалось в рапорте сургутского благочинного В. Тверитина, – не имея места жительства при селе, а круглый год находясь в улусах, где иногда найти их бывает очень трудно, для того, чтобы проверить семью, окрестить младенца или отпеть умершего, о чем сам инородец мало заботится» [9, л. 106–106 об].

Другой проблемой служила неразвитость путей сообщения. Березовский и Сургутский уезды оставались в стороне от основных трактовых дорог. Здесь пролегли почтовые тракты, связывавшие Тобольск с Березовым и Сургутом. Колесная дорога имела только до с. Бронниковского, расположенного примерно в 100 верстах севернее Тобольска. На остальной части пути сообщение осуществлялось летом по воде, а зимой – по льду. В одной из выписок из журнала ТДК за 1794 г. сказано: «По тракту ж от Нижнелумпокольской церкви до Ларьяцкой и Тазовской церковей конной дороги никогда не бывает, а всегда ходят пешею дорогою, а зимой на лыжах, а летним временем проезд малыми реками и волоком...» [32, с. 66]. В XVIII в. все путешествия духовенства по юртовым поселениям коренных жителей были продолжительными, нередко растягивались на многие недели и месяцы. Заказчикам, обзоревавшим свое благочиние, приходилось пользоваться различными «оказиями», в частности, присоединяться к сборщикам ясака, что, с одной стороны, гарантировало безопасность, но с другой стороны, замедляло скорость передвижения [1, с. 366].

С середины XIX в. с развитием пароходного сообщения ситуация меняется. Но нужно отметить, что речные суда передвигались только летом и лишь по Оби и Иртышу, редко заходя в притоки великих сибирских рек. В 70-е гг. XIX в. в Березовском округе земские станции существовали только до г. Березова. Далее до Обдорска приходилось даже земской полиции или нанимать гребцов «с места», или же «запасаться ими на рыболовных ватагах» [31: 275-276]. В таких непростых условиях священно- и церковнослужители вынуждены были быть готовыми к долгим и утомительным поездкам по приходу.

Обеспечение проезда служилых и духовных лиц, а также их грузов, возлагалось на ясачное население. Повинность отправлялась большей частью «по произвольному взысканию», «без надлежащего контроля», по усмотрению местных властей, не была урегулирована законодательством. Считалось, что прихожане должны выделять подводы, исходя из своего «добротного расположения», осознания необходимости и важности решаемых причтом задач. Прогонные деньги на путевые нужды

не отпускались, а использование церковных сумм для оплаты разъездов запрещалось. Пользуясь тем, что «инородцы» были мало сведущи в законодательстве и испытывали боязнь перед любым лицом, которое производило впечатление наделенного полномочиями начальника, не только чиновники, но и торговцы старались брать у коренных жителей подводы без всякой платы. О распространенности подобной практики говорят 221, 237 параграфы «Устава об управлении инородцев» 1822 г. Однако сложно сказать, в каких случаях духовенству предоставлялись подводы «по доброй воле», а в каких – «по принуждению». В любом случае от причтов требовалось немалая опытность, знание хозяйственного ритма жизни своих прихожан, навык общения с ними, умение прокормить себя в дороге и не потратить лишнюю копейку, наладить контакт с теми, от кого зависело предоставление средств передвижения.

Многие священники тяготились поездками по приходу, причиной чему являлись не только удаленность и разбросанность селений, неразвитость путей сообщения, но и языковой барьер, культурные различия, препятствовавшие налаживанию полноценного диалога между причтом и прихожанами.

В приходах с преобладающим инородческим населением (а таких имелось большинство) очень сложно было рассчитывать на получение сколько-нибудь значительного дохода. Это, в частности, подтверждается и мнением председателя Тобольского губернского присутствия «по вопросу об улучшении быта православного духовенства» архиепископа Варлаама (Успенского), отмечавшего, что население в Березовском округе «по большей части идолопоклонническое и даже лица воспринявшие православие не вполне укрепились в религии», кроме того, жители отличаются крайней бедностью, поэтому невозможно рассчитывать на «местные средства» (т. е. прихожан) для улучшения содержания причтов путем ведения специального сбора [2, л. 7].

Это порождало еще ряд проблем, главной из которых являлась слабая общественная активность крещенных остяков и вогулов, из-за чего на Тобольском Севере практически

отсутствовали общественно-религиозные организации, включая их основную разновидность – попечительства. Соответственно не приходилось ожидать близкого участия инородцев – мирян в жизни прихода, «радения» об имуществе храма. Непросто оказалось подбирать кандидатуры церковных старост. Обычно занимавшие эту выборную должность лица из числа коренных жителей не принадлежали к социально значимым и активным группам населения, уступали по своим организаторским способностям, благосостоянию купцам, мещанам приходских общин с преобладающим русским населением.

В данных условиях главная забота по материальному обеспечению северного духовенства ложилась на государство. До 1870-х гг. большинство церквей Тобольской епархии относилось к числу ружных, т. е. финансируемых за счет самих прихожан (Извлечение 1874: 16–17). В то же время на Тобольском Севере священно- церковнослужители в силу ограниченных возможностей получения дополнительных доходов за счет пахотной и сенокосной земли или пожертвований, находились на казенном содержании. Однако размер годового жалованья был незначительным и отличался в различных приходах. Так, в 1841 г. он колебался от 300 руб. (Филинская Вознесения Господня, Березовская Богородице-Рождественская церкви) до 600 руб. (Сургутская Троицкая церковь, Березовский Воскресенский собор) ассигнациями⁴, при том, что данная сумма распределялась на весь причт (священник, дьячок, пономарь – в сельском приходе, два священника и четыре причетника – в Сургуте и при Березовском Воскресенском соборе) [4, л. 24, 32, 40, 55, 56; 8, л. 8, 12 об, 18].

На основе Высочайше утвержденного положения Главного присутствия по делам православного духовенства от 16 апреля 1869 г. [2, л. 2] составляется новое расписание

⁴ При переводе ассигнаций в серебряные рубли применительно к данному периоду необходимо делить на 3,5. Соответственно 114 руб. 28 коп. жалованья серебром (Казымский причт) равнялось 400 руб. ассигнациями, в Белогорском, Ларьяке, Реполовском, Нахрачинском причтам выплачивалось по 142 руб. 86 коп. серебром или по 500 руб. ассигнациями и т. п.

приходских церквей и причтов с тем, чтобы оно «соответствовало материальным интересам духовенства» потребностям, а по возможности и желаниям прихожан [15, с. 229]. Происходит упразднение диаконских и сокращение причетнических вакансий при небольших сельских церквях. Штат причтов уменьшили до двух человек: священника и псаломщика, а освободившиеся средства направили на увеличение содержания остающегося духовенства. В конце 1872 г. вследствие ходатайств преосвященных о применении вышеозначенной меры к сибирским епархиям определено с 1 января 1873 г. «по Тобольской епархии – на возвышение окладов причтам Березовского округа в размерах: всем псаломщикам до 120 руб., помощнику настоятеля Христорождественской церкви с. Соснинского [так в тексте – О.Ц.] и диакону березовского Воскресенского собора до 240 р., всем настоятелям приходских церквей и священнику березовского собора до 360 р. и протоиерею сего собора до 480 р. в год...» [16, с. 199–200]. В результате система казенных выплат причтам Тобольского Севера была приведена к единообразию. В таком виде и штаты, и принцип распределения выплат причту оставались неизменными вплоть до 1917 года.

Протоиерей П. Попов, обозревавший в 1882 г. церкви Сургутского и Березовского округов, записал в путевом журнале: «вникая в быт духовенства, в тяжелые условия жизни и недостаточность казенных средств, прихожу к тому убеждению, что духовенство Березовского округа и Сургутского по необходимости должно прибегать к торговым оборотам, иначе ему грозит крайняя бедность...» [23, с. 180].

В некоторых случаях духовенство могло получать дополнительное содержание, например, в Сургуте (до 1897 г.) и Обдорске причтам выплачивалось жалованье сверх штатного от Тобольского комитета Русского Православного миссионерского общества [37, с. 20]. В начале XX в., согласно решениям епархиальных съездов духовенства, выделялись средства на трехлетний период (с возможным последующим продлением) причтам отдаленных приходов, имевшим низкий уровень доходов. К их числу были отнесены и некоторые приходы

Тобольского Севера (Шеркальский, Обдорский, Чемашевский и др.) [12, с. 53-54].

На основании клировых ведомостей за 1841 и 1885 гг. нами проанализированы данные по кадровому обеспечению северных приходов. Как показывают подсчеты, средний возраст настоятелей за этот период практически не изменился: 45,6 лет (1841 г.) и 45,7 лет (1885 г.). В то же время существенные сдвиги произошли в уровне их образования. Большая часть духовенства в 1841 г. нигде не обучалась, а имела лишь домашнее образование (11 из 18 чел.). Из оставшихся семи трое смогли закончить Тобольскую духовную семинарию (ТДС). В 1885 г. из 19 чел. не проходил обучение лишь один заштатный священник, достигший к тому времени возраста 79 лет, остальные получили образование опять же в ТДС – 10 (из них окончили – 6), в духовных училищах – 8 [Подсчитано по: 4; 5]. Ситуация в данном отношении мало изменилась и к 1908 году. Так, из 19 священников Березовского и Сургутского уездов 12 обучались в духовных семинариях (окончило – 4), 6 – в других учебных заведениях (духовные и уездные училища, учительская семинария, сельское начальное училище), 1 получил «домашнее образование». Отсутствие какого-либо образования, кроме домашнего, из правила постепенно превращается в исключение. Средний возраст священников уменьшился до 42,1 лет [Подсчитано по: 6; 7].

Для сравнения, в Пермской епархии уже в 20-х гг. XIX в. до 2/3 священников прошло через обучение в духовных училищах [22, с. 165]. В 1840-е гг. уже до 1/3 местных уроженцев имело семинарское образование. Как отмечает А.В. Мангилева, «образование в эти годы начинает рассматриваться как ценность, независимо от того, дает ли оно возможность остаться в сословии или, напротив, выйти из него...» [22, с. 167]. Ничего подобного на Тобольском Севере в данный период мы не наблюдаем. Здесь, как и XVIII в., по-прежнему, преобладало духовенство, не закончившее полного курса духовной школы.

В целом по Тобольской епархии в 1896 г. из 365 протоиереев и священников окончило семинарию или духовную академию 280 (76,7 %), в 1908 г. из 465 – 46,7 % [РГИА. Ф. 796.

Оп. 442. Д. 1646, 2120]. В Томской епархии в 1914 г. полное богословское образование (семинария или духовная академия) имели 31,7 % протоиереев и священников [26]. Некоторое снижение уровня образования духовенства в Западной Сибири начале XX в. связано с массовым открытием переселенческих приходов, нуждавшихся в кадрах священников.

Успешное окончание семинарии давало возможность быть сразу рукоположенным в священники. Как правило, таких лиц распределяли в наиболее устроенные, богатые приходы Тобольского Севера, в состав которого входили прихожане состоятельных купеческих и мещанских семей, что приносило внушительные пожертвования и увеличение размера церковного капитала. В 1841 г. все три выпускника ТДС, служивших на Тобольском Севере в это время, являлись настоятелями храмов Березова и Сургута, в 1885 г. по двое служили в Березове и Сургуте, по одному – в Обдорске и Полновате; в 1908 г. – по двое в Березове и Обдорске.

В других случаях духовное служение начиналось с должностей дьякона, пономаря (с 1869 г. также и псаломщика) и лишь после длительного времени (от 12 до 29 лет по данным на 1841 г., от 7 до 29 лет в 1885 г.), не омраченного проступками, проявив «усердие по службе», можно было рассчитывать на рукоположение в священники отдаленного и труднодоступного селения Тобольского Севера.

Для дьяконов и церковнослужителей вполне достаточным считалось обучение в духовных училищах. Однако на 1841 г. из 30 чел. 17 нигде не обучались, а из оставшихся 13 ни один не закончил полного курса какого-либо учебного заведения. В 1885 г. из 21 чел. 15 проходили обучение в уездных духовных училищах, 4 – в др. учебных заведениях (учительские семинарии, городское училище, Соловецкий монастырь).

Тем, кто не обладал необходимым уровнем знаний для назначения на причетническую должность, предоставлялась возможность получить штатное место после определенного срока послушничества в монастыре, либо после пребывания в должности сверхштатного причетника Березовского Воскресенского собора с последующим посвящением в стихарь [5, л. 35 об–36; 42 об–43; 47 об–48; 87 об–88].

Перемещение из одного прихода в другой проводилось, в основном, в пределах территории уезда. Однако встречаются исключения, когда церковнослужителя из Нижне-Лумпокольского переводили в Кушеват, из Сургута в Обдорск, из Ларьяка в Сосьвинское.

Абсолютное большинство священно- и церковнослужителей происходило из духовного сословия (100 % – в 1841 г.). В 1885 г. среди священников появились представители березовского мещанства и «военных чинов»; дьяконов и псаломщиков – военных, мещан, крестьян, «иногородцев» (все – по 1 чел.).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что, во-первых, на протяжении большей части XIX в. продолжала сохраняться корпоративная замкнутость северного духовенства, очень медленно размывавшаяся выходцами из другой социальной среды. Одновременно наблюдается рост образовательного уровня священнослужителей. Начиная с архиепископа Варлаама (Успенского) главной своей задачей правящие архиереи считали обновление местного пастырского корпуса для повышения качества служения священников в хантыйских и мансийских приходах, усиления миссионерской и проповеднической деятельности (знание ими языка прихожан позволяло бы переводить священные тексты, делать проповеди более понятными).

Специфика местного духовенства состояла в том, что оно включало две основные группы. Первая – представители фамилий Кайдаловых, Вергуновых, Тверитиных, Карповых, Поповых и др., принадлежавших к старинным священническим родам, на протяжении двух столетий окормлявших верующих в отдаленных уголках Севера Западной Сибири. В дальнейшем их потомки занимали священнические и причетнические должности во многих приходах края. В XVIII – первой четверти XIX в. представителей фамилии Карповых было много среди духовенства Березовского края, что зафиксировано ревизскими сказками. Выходец из сургутского казачества Кайдалов помогал митрополиту Филофею в деле христианизации Тобольского Севера. Вергуновы занимали различные должности в окружении тобольского архипастыря еще в середине XVII века. На

протяжении многих десятилетий в приходах западной части Березовского уезда служил род Бешкильцевых. Надо отметить, что епархиальное начальство поощряло семейную преемственность в церквях северных округов и настаивало на отправлении священно- церковнослужителями своих детей в духовные учебные заведения Тобольска. В начале 40-х гг. XIX в. они составляли основную массу духовного сословия. Всего в клировых ведомостях упоминаются 13 фамилий, в том числе Кайдаловы (7 чел.), Вергуновы (5 чел.), Тверитины (7 чел.), Карповы (6 чел.) [Подсчитано по: 4]. Эти люди хорошо знали инородческие языки, местную специфику, были готовы провести здесь всю свою жизнь, их не пугали жизненно-бытовые трудности.

В 1880-х гг. номенклатура фамилий отличается значительно большим разнообразием. На Тобольский Север приехали уроженцы епархий Европейской России: Владимирской, Тамбовской, Ярославской. Среди псаломщиков появляется «самоед» В. Собрин. Его сын А.В. Собрин впоследствии становится первым священником вновь образованного Нижне-Вартовского прихода. Все чаще отмечается появление в крае образованных, энергичных, целеустремленных людей, одна из причин которого связана с попытками активизации деятельности Обдорской миссии. Многие из них имели соответствующую подготовку, приезжали, имея желание начать активное миссионерское служение. Но это намерение иногда разбивалось о суровые условия Тобольского Севера. Спустя непродолжительное время могли наступить разочарование, апатия. Лишь в случае, когда совпадали эти два обстоятельства – наличие базового образования и реализованная на практике готовность приспособиться к местным условиям, достигался приемлемый результат.

В частности, хорошо известны основные вехи жизненного пути игумена Иринарха (Шемановского) – уроженца Польши, основателя первого на Тобольском Севере музея, организатора Обдорского миссионерского братства св. Гурия и мн. др. [Подробнее см.: 21; 18]. Менее знакомы биографии ряда других деятелей местной христианской миссии. Следует упомянуть В.М. Гижицкого, служившего в Обдорске с 1884 года. Он

происходил из потомственных дворян, окончил курс юридических наук в Московском Александринском сиротском институте, затем на протяжении 15 лет работал в департаменте Московской гражданской палаты, за усердную службу был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. Неизвестны причины, резко изменившие судьбу московского чиновника. В 1877 г. он, согласно прошению, увольняется в чине титулярного советника, рукополагается в священники и принимается на миссионерское служение епископом Можайским Игнатием (Рождественским). После шестилетней работы в Тугнуйском стана Забайкальской области в 1883 г. В.М. Гижицкий был переведен на Тобольский Север [4, л. 14 об–15].

Должность настоятеля Обдорской миссии в начале 1880-х гг. занимал краевед, автор ряда трудов по истории церкви М.П. Путинцев [Подробнее см.: Цысь 2012а]. В Березове в это же время служил священник И.С. Голошубин – фольклорист, автор «Справочной книги Омской епархии» [27, л. 1–22; 35, с. 275].

Подобного рода неординарные личности на Тобольском Севере ранее встречались крайне редко. Однако, разумеется, не они составляли основную массу местного духовенства. Одной из причин перевода на Север Западной Сибири являлись различного рода проступки. Этот способ применялся, вероятно, тогда, если возникали трудности с заполнением вакантного места. В клировых ведомостях за 1885 г. можно найти пять подобных случаев. Так, священник Чемашевской церкви И.И. Молоков первоначально служил дьячком в Юровской церкви Тобольского округа. Однако «за нетрезвое поведение» его исключают из духовного звания, а спустя несколько лет восстанавливают в прежней должности и звании и направляют в Сосьвинский приход. После 27 лет беспорочной службы на севере в различных должностях, И.И. Молоков рукополагается в священники. Пономарь П.В. Симанов «поведения худого по склонности к горячительным напиткам» в 1840 г. по решению Тобольской духовной консистории переводится из Тарского округа к вновь строящейся церкви с. Мужы Березовского округа [4, л. 50 об–51 об].

Из приезжих можно выделить и тех, кто оказался на Тобольском Севере в расчете на скорейшее продвижение по

службе. Встречались случаи, когда назначение в «низовой край» являлось условием рукоположения в священники. Например, сохранился составленный в 1884 г. рапорт настоятеля Ларьякской Знаменской церкви Е. Словцова с просьбой о переводе на юг Тобольской епархии. В ответ последовала резолюция преосвященного, где просителю был дан следующий ответ: «Словцов рукоположен во священники только потому, что пожелал служить в Ларьякском приходе. Почему другого места в епархии ему не будет дано» [8, л. 144]. В путевом журнале епископа Тобольского и Сибирского Антония (Каржавин) по обозрению Березовского, Сургутского, Тобольского округов в 1898 г. сообщается, что «многие из священников низового края смотрят на свои приходы как на временные, переходные станции к получению приходов с русским населением, почему и не стараются изучить язык инородцев, ни ознакомиться ближе с их бытом, верованиями. Известно, например, что многие из клира, не получившие достаточного образования и не надеющиеся достичь священного сана, с посылкою их в приходы центральной местности епархии, видя затруднения Епархиального начальства изъявляют желание служить священниками в низовом крае, получают желаемое, и затем, прослужив год-два, под разными благовидными, часто вымышленными предложениями, стараются перепроситься в другие округа» [9, л. 138 об].

Подводя итог, следует выделить три основных этапа в организации православных приходов на Тобольском Севере. *Первый* (конец XVI – середина XVII вв.) связан с вхождением региона в состав России, начальным этапом ее освоения, созданием храмов, предназначенных, преимущественно, для пришлого русского населения. *Второй* (первая половина XVIII в.) знаменуется массовой христианизацией коренных жителей и организацией значительного числа сельских приходов, занимавшихся окормлением новообращенных. *Третий* (середина XIX – начало XX вв.) обусловлен развитием путей сообщения, активизацией русской колонизации, что привело к расширению сети сельских приходов.

Положение северных благочинных округов Тобольской епархии было особым, т. к. и церковная, и светская власть

понимали важность распространения государственной религии на северо-западе Сибири, как инструмента закрепления этих территорий за Россией. Поэтому многое делалось для того, чтобы сохранить и поддержать северные приходы, прежде всего, через выделение казенного жалования причтам. Большинство приходов объединяли аборигенное православное население вокруг более или менее многочисленного русского «ядра», что создавало дополнительные трудности для священно-церковнослужителей. Существовать исключительно за счет пожертвований прихожан и оплаты за требы основная масса духовенства была не в состоянии, что означало еще большую его зависимость от власти, включенность в систему административного управления в качестве государственных служащих.

Для «инородцев» храмы по-прежнему оставались частью чужой культуры. Прежде обращенные в православие они вновь отпадали в язычество, и считались христианами лишь по документам церковного учета. Как отмечает тюменский исследователь В.Я. Темплинг, решение епархиальных властей активизировать со второй половины XIX в. миссионерскую деятельность, перевести ее «из категории "между прочим" и "по возможности" в категорию предписания» [31, с. 17], заставляло ТДК предъявлять к кандидатам на должности настоятелей ряд новых требований, в том числе и обязательного духовного образования, личностных качеств для решения поставленных просветительских задач. Поэтому нужны были люди, которые могли бы способствовать интеграции ханты, манси, ненцев в «русский мир». Однако имевшиеся в северных приходах кадры эту задачу могли решать лишь отчасти.

Происходившие в регионе модернизационные процессы, связанные в рамках изучаемых нами сюжетов с разрушением сословной замкнутости духовенства, распространением образования шли замедленными темпами, с отставанием в несколько десятилетий от более развитых регионов страны.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАТомО** – Государственный архив Томской области
ГУТО ГА – Государственное учреждение Тюменской области
«Государственный архив в г. Тобольске»
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РГИА – Российский государственный исторический архив
ТДК – Тобольская духовная консистория
ТЕВ – Тобольские епархиальные ведомости

Примечания:

1. Абрамов, Н. А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень: Софтдизайн, 1998.
2. ГАТомО. Ф. Ф-170. Оп. 4. Д. 289.
3. ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17.
4. ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 35.
5. ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 57.
6. ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 163.
7. ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 258.
8. ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 15.
9. ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 22.
10. Епархиальные известия. 1908. // ТЕВ. Отдел офиц. 18, 359–360.
11. Журналы епархиального съезда депутатов от духовенства и церковных старост Тобольской епархии 1910 года. 1911. Тобольск: Тип. епарх. Братства.
12. Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1850 год. 1851. СПб: в Синодальной типографии.
13. Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1860 год. 1862. СПб: в Синодальной типографии.
14. Извлечение из отчета обер-прокурора святейшего синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1870 год. 1871. СПб: в Синодальной типографии.
15. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора святейшего синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1873 год. 1874. СПб: в Синодальной типографии.
16. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1880 г. 1882. СПб: в Синодальной типографии.
17. Карзанова, Г. А. И. С. Шемановский: миссионер и просветитель Тобольского Севера // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры и искусств. – 2013. – 1(14) марта. – С. 28–33.
18. Калужный, А. 1914. Освящение нового храма в с. Покур, Сургутского уезда // ТЕВ. Отдел неофиц. 3, 59–60.
19. Кузнецов, И. Из села Шеркальского, Березовского округа // ТЕВ. 1886. Отдел неофиц. 13–14, 259–263.

20. Липатова, Л. Ф. Об Иване Семеновиче Шемановском // Шемановский И. С. Избранные труды: в 2 т. / сост. и авт. вступ. ст. Л.Ф. Липатова; ГБУ «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского». М.: Советский спорт, 2011. Т. 1, 4–10.
21. Мангилева, А. В. Влияние модернизационных процессов на кадровую политику епархиальных властей в XIX в. // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. / отв. ред. А. Х. Элерт. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. – С. 164–171.
22. Путевой журнал протоиерея П. Попова по обозрению церквей сургутского и Березовского округов // Православие на Обь-Иртышском Севере: материалы к историко-культурному атласу / под ред.: Степановой Л. В., Лазаревой С. В., Турова С. В. – Екатеринбург: Баско, 2007. – С. 163–184.
23. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1646.
24. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2120.
25. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2674.
26. РГИА. Ф. 796. Оп. 173. Д. 2431.
27. Русанов, И. Этнографический очерк Сургутского отделения Березовского округа Тобольской губернии // Подорожник: Краеведческий альманах. Вып. 4. / ред.-сост. В. К. Белобородов. – Тюмень: Мандр и Ка, 2004.
28. Герасимов, В. Н. Обдорск (исторический очерк). – Тюмень: Типография «Сибирской торговой газеты» (А.А. Крылова), 1909.
29. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. LX. Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868–1869 годов. – СПб., 1871.
30. Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. Тобольск, 1913.
31. Темплинг, В. Я. «И здесь появляется заря христианства...» (Обдорская миссия 30-е – 80-е гг. XIX в.): Источники / сост. вступ. ст. и коммент. В. Я. Темплинга. – Тюмень, Мандр и Ка, 2003.
32. Темплинг, В. Я. Предисловие // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII – XIX вв.: источники / сост., авт. предисл. и коммент. В. Я. Темплинг. – Тюмень: Мандр и К, 2006. – Вып. 7. – С. 12–21.
33. Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1897 г. / сост. Н. Богословский. Тобольск: Изд-во Тобольского епарх. Братства, 1897.
34. Туров, С. В. Предисловие // Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX века (материалы по истории местных сообществ азиатской России) / сост., вступ. ст. и коммент. С. В. Турова. – Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2004. – С. 24–42.
35. Церкви Обдорска: летопись в документах. Вып. II. Петропавловская церковь (1824–1894) / ред.-сост. В. Я. Темплинг. – Тюмень, 2007. – Ч. I.

36. Цысь, О. П. Научная и общественная деятельность протоиерея М. П. Путинцева // Вестник Сургутского гос. пед. университета. – 2012. – № 3. – С. 87–96.
37. Цысь, О. П. Сургутская православная миссия 1867–1898 гг.: возникновение, состав, основные направления и результаты деятельности // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2012. – Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – № 3. – С.16–29.

Проблемы виноторговли в Березовском крае в XIX в. в официальных документах

Первые официальные документальные свидетельства о распространении вина в Сибири следует отнести ко времени Петра Великого, издавшему соответствующий Указ [45, с. 517-523]. К этой эпохе относится и интересная грамота [27, с. 78], известная еще И.И. Тыжнову [44]. В.А. Есипова недавно дала археографическое и содержательное описание давно известной, но неопубликованной «Отписки тобольских воевод кн. Михаила Яковлевича и Петра Михайловича Черкасских тарскому воеводе Митрофану Ивановичу Вельяминову об опытах вину. Тобольск, 1698 г., августа до 19», хранящейся в ТОКМ и опубликовала сам документ [13, с. 148-150].

Известно, что с 1714 г. было разрешено производить вино при условии «объявления об этом начальству и в заклеимённой посуде, полагая сбору со всякого ведра по полуполтине в год» [35, с. 483]. В.П. Зиновьев отмечал, что «до 1764 г. по всей Сибири существовала продажа вина «на вере», через «верных сборщиков», то есть доверенных лиц» [15, с. 14]. О выгодности этой системы говорят цифры: в 1765 г. казна возвращала 80 руб. из каждых 100 руб., потраченных населением на покупку вина. Целые губернии отдавались откупщикам, например, Тобольская с 1799 по 1807 г., а с 1811 г. - по 1847 г., но уже по округам. С 1861 г. откупа были отменены и вводится акцизная система [18, с. 50-52]. С 1 июля 1902 г. в Тобольской губернии введена казённая продажа водки [10, с. 360-362], но сохранялась «раздробительная» продажа, которая сосредоточилась в руках частных торговцев при введении государственной монополии на оптовую торговлю в Березовском и Сургутском уездах Тобольской губернии и ряде других территорий к востоку от них [9, с. 94-95]. Виноторговля регулировалась и другими нормативными актами [28, с. 1036; 30, с. 204-205].

Все нововведения затрагивали и Берёзовский уезд. Его площадь на конец XIX в. составляла 604 442,2 квадратных

верст. А с 1804 г. по 1868 г., когда Сургутский уезд входил в Березовский, его площадь следует увеличить на 220,5 квадратных верст. Общая численность населения (без учёта Сургутского уезда, с численностью населения 7 747 чел.) составляла всего 21 411 человек, сам уездный город насчитывал всего 1070 жителей [32]. С.С. Шашков приводит следующую численность Берёзовского округа: в 1816-21 001 человек, в 1828-19651, а в 1850-21513 [46, с. 289-291].

Торговля вином здесь, впрочем, как и в других местах, шла с большими нарушениями. Для этого существовали объективные причины - прежде всего, разбросанность небольших населённых пунктов на огромной территории, отсутствие соответствующих структур и необходимого количества чиновников. К субъективным следует отнести коррумпированность представителей власти низшего звена, призванных контролировать процесс, корыстные действия торговцев и скупщиков мехов, болезненную пристрастность инородцев к спиртному. Поэтому основные положения Устава об управлении инородцами, введенного в 1822 г. и запрещавшего ввоз вина в инородческие местности, повсеместно нарушались, например, «§ 46. Позволяется свободная торговля с кочующими во всякое время всеми припасами и изделиями, кроме горячих напитков», и «§ 47. Ввоз и продажа горячих напитков в стойбищах и на ярмарках, кочующих строжайше запрещается» [33, 394-416].

При генерал-губернаторе Сибири М.М. Сперанском была введена норма обзирать вверенные для управления территории первыми лицами и другими чиновниками администрации. Пример подал сам выдающийся реформатор, начав управление с проверки (ревизии) губернии, по итогам которой был подготовлен «Отчет тайного советника Сперанского и обозрение Сибири» [36, с. 45-48]. Следует заметить, что до М.М. Сперанского объезд губернии был сделан Тобольским губернатором А.М. Корниловым, занимавшим должность около года (1806-1807 гг.) и посетившим Берёзов и Обдорск в 1807 г. [14]. Столь высокопоставленному ревизору бросилось в глаза «жадность к вину, всем диким народам свойственная, здесь до такой степени простирается, что остяк,

ожидающий за труды очередной рюмки своей, походит на одержимого лихорадкою» [14, с. 78]. Это наблюдение следует признать, как официальное и такое положение будет сохраняться целый век, хотя проблема не снята и в настоящее время.

Подобные обозрения проводились и в последующие годы. Например, Тобольский гражданский губернатор Д.Н. Бантыш-Каменский, управлявший губернией с 13 марта (вступил в должность с 29 мая) 1825 по 20 июля 1828 г., делал ревизию в декабре 1826 г. [30, с. 229], проехав на север от Тобольска 1500 вёрст к обдорским осяткам и самоедам. Свои воспоминания о Тобольском периоде своей службы, правда, закончившуюся многолетними судебными разбирательствами, он оставил в «Записках» [3, с. 735-784]. Он же в конце декабря (29 числа) 1825 г. предписал губернским чиновникам Серебренникову обозреть Березовский край, а Найденову - Пелымский. Поездка по отдаленным местностям продолжалась около трех недель. По итогам объезда советник Тобольского губернского правления Найденов подготовил объемный отчет¹, который занимает 38 листов формата примерно А-4, написан синими чернилами. Интересна его структура – 16 частей и заключение. Отчет представлен на рассмотрение губернатора, который в ряде мест сделал на полях пометы – распоряжения.

Для нас важен раздел под названием «Об уничтожении питейных домов в Пелыме и в других смежных местах с инородцами», где чиновник писал: «Обращая внимание на улучшение участи инородцев Пелымского края, нельзя умолчать о том, что главнейшая между ними бедность происходит от сильной их склонности к пьянству. Будучи свидетелем жалостного состояния вогул в то время, когда они приходят со всех волостей для отдачи ясака в Пелым, я видел, как сии люди сами по себе полудикие, напивались почти замертво, иные в безобразном виде, в разодранном рубище

¹ На документе читаем резолюцию от 16 марта 1826 г.: «Доложить Совету, потом учинить надлежащее усмотрение представить сие обозрение в подлиннике его Высокопревосходительству, снять копию для Канцелярии» [16, д. 17592, л. 4].

скитались по улицам, а другие лежали у ворот и заборов, как бы не имеющие никакого пристанища. Сколько со стороны моей не было увещеваний о сей постыдной страсти, сколько ни приводил им на мысль тех пагубных последствий, кои неминуемо влекут за собою пьянство и жизнь распутную, но все сие было тщетно. Вогулы в смиренной покорности выслушивали благонамеренные советы, твердо обещали исправиться и, уходя с умилением и раскаянием, в то же время заходили снова в кабаки и снова предавались гнусной страсти своей. После сего я узнал, что вогулы так сильно падки на вино, что нередко многие из них пропивают все свое достояние и становятся вместе со своими женами и детьми без домов, пищи и одежды. Часто случается, что вогулы, собрав общественные деньги в своих юртах для отдачи в казну, лежащей на них повинности, приходят в Пелым и пропивают все свои деньги в питейном доме, потом плачутся на свою бедность, бедность до такой степени ужасную, что кажется никакое перо не сильно было бы устранить того положения, в коем многие из них находятся, ибо в проезде моем по вершине и за туманом в Вергинской и Вагильской волостях я был свидетелем, что у многих инородцев не только нет никакого домашнего обзаведения, необходимой пищи, посуды, но даже и самой жизни, самой необходимой одежды соответственно жесткому их климату не имеют. У многих из них вовсе нет никакого скота, даже нет собак толико способствующих звериным их промыслам, ибо сии животные изгибаются у них от голода или от пищи, причиняющей им смертные болезни. Больные вогулы не имеют в своих дымных нечистых юртах печей, а питаются таким образом: кладут в железный казан неочищенную рыбу, медвежье мясо, примешивая часть муки, соли, крупы, если случится, варят все это без соли, которой отдаленные вогулы никогда не употребляют, и черпают эту пищу ковшами. Котлов своих никогда не имеют и от того в юртах их даже слышан сырой, дохлый и самый отвратительный воздух, те же из вогулов, кои ведут скромную и трезвую жизнь, живут сообразно русским христианам, хотя не богато, но чисто и довольно опрятно. Итак, следствие бедности между инородцами совершенно происходит от неборимой их страсти к пьянству, которое доводит их

рассудок до такой степени, что многие из них за одну чарку вина, которые торговцы ввозят в их жительство, готовы платить дорогими шкурами соболей или значительным количеством рыбы, а иные, взявши и кушного магазейна хлеб, переводят оный не деньгами, пропивают оные в Пелыме и возвращаются часто на голодных лошадях в свои юрты, вероятно, с упованием на будущие свои промыслы.

Изобразив таким образом плачевную картину бедствий, происходящих между многими инородцами от непомерного пристрастия их к горячительным напиткам, утвердительно заключить можно, что зло сие до тех пор не искоренится, пока не уничтожены будут вовсе питейные дома, как в Пелыме, так и во всех местах смежных с инородцами. По крайней мере, должно постановить правильным, чтобы во время собирания с вогул ясака и повинностей, когда они находятся в Пелыме или в тех местах, где существует продажа горячего вина, закрывать питейные дома до тех пор, пока инородцы не возвратятся опять к своим юртам.

Сею мерою, невольно отвращая их от зла, весьма легко бы можно избавить их от разорения и даже исправить самую нравственность, тем более, что все вообще при всей своей дикости характер имеют довольно мягкий и весьма склонный к добру и справедливости» [22, с. 184-186].

На полях отчёта имеются пометы, сделанные губернатором напротив соответствующих абзацев. Например, «Предписать правящему должности исправника привлечь немедленно в известном, сколько именно инородцев находится в подобной скудости».

Эти отчёты одни из первых документов, зафиксировавших пагубное пристрастие инородцев к питью крепких напитков. Как видно, нарисована удручающая ситуация пристрастия к вину инородцев. Противоположная картина, хотя и одним предложением, нарисована в «Списке с рапорта гражданскому губернатору советника Тобольского губернского правления Серебренникова от 25. 01. 1826 г.». Чиновник зафиксировал: «В жительстве инородцев открытой продажи вина нет и никого у них пьяных не видел» [22, с. 195]. По всей видимости, информация была недостоверной или обзор

совершался не совсем добросовестно. Об этом может свидетельствовать и объем отчёта, который составил всего 5 неполных страниц и сильно уступал, прежде всего, своей информированностью от отчёта Найдёнова.

В 1832 г. активного участника Отечественной войны 1812 г. и восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. А.Н. Муравьева, имевшего многочисленных влиятельных родственников, перевели с должности председателя Иркутского губернского правления на такую же должность в Тобольск, т. е. гражданским губернатором. Здесь он пробыл менее полутора лет и из-за конфликта с генерал-губернатором Западной Сибири И.А. Вельяминовым, его перевели в Вятку. Деятельность А.Н. Муравьева как Тобольского гражданского губернатора довольно подробно исследована [40, с. 243-245]. Он активно включился в изучение губернии, продолжая традицию М.М. Сперанского. Еще по пути в Тобольск выполнял поручения генерал-губернатора. А зимой 1833 г. отправляется в поездку для обозрения Берёзовского округа. Его интересовала, прежде всего, реализация основных положений известного «Устава». А.Н. Муравьев обратил внимание на повсеместное распространение в населенных пунктах инородцев запрещенной торговли вином, которая, по его словам, «составляет душу всей торговли Березовского края, заразила жителей всех сословий оно почти без изъятия и клонится к совершенному разорению инородцев». Торговля велась зачастую нелегально и, чтобы быть застрахованными от рисков, торговцы взвинчивали цены в разы. Поэтому губернатор приходит к выводу о несостоятельности и даже вредности запретительных мер.

По итогам ревизии губернатор подготовил и направил в Сибирский комитет записку «Об обозрении инородцев Березовского края и мерах к исправлению открытых при сем беспорядков», а в Кабинет министров – всеподданнейший рапорт о нарушениях «Устава», датированный 20 апреля 1833 г. Т.А. Бочанова назвала документ «объемным (45 л.)», где «всесторонне охарактеризована система управления в Березовском округе». Среди основных проблем указано, что «положенного Уставом управления кочующими инородцами нигде не введено: нет ни родового управления, ни инородных

управ, ни Степной думы», которые предусмотрены § 115, 119, 120. По словам губернатора, коренные народы Северного Приобья не имеют «понятий ни о правах своих § 60 Устава... ни о законах, коими управляются, ни о степени власти, ими движущей» [5, с. 13-14]. И уже в декабре 1833 г. Сибирский комитет разрешает свободную торговлю вином в инородческих волостях Тобольской губернии.

Активность А.Н. Муравьёва продолжалась и в дальнейшем, так, в июне он отправляется с обозрением по южным округам [39, с. 224], выявляя многочисленные упущения в управлении на местном уровне.

В 1851 г. в составе комиссии генерала Н.Н. Анненкова Сибирь обозревал будущий Тобольский губернатор В.А. Арцимович, оставивший материалы для доклада [4, с. 192-194; 38, с. 75-78]. В бытность губернатором, он пытался создать свою команду. Одним из лучших был Берёзовский военно-окружной начальник Г.А. Колпаковский (будущий генерал-губернатор Степного края), совершивший по службе 4 поездки в Сургут и 5 в Обдорск [21, с. 97].

Н.П. Матханова с опорой на архивные материалы, привлекая «Описание поездки по Сибирскому краю» Тобольского губернатора В.А. Арцимовича (1854-1858 гг.), дает характеристику обозрения Берёзовского края, куда он выехал 24 декабря 1855 г. вместе с женой и «в сопровождении двух чиновников – барона Штакельберга и Скропышева, а также инспектора врачебной управы Типякова» [20, с. 10]. Они побывали в Самарове, Кондинском монастыре, Берёзове и Обдорске.

В 1852 г. Берёзовский край посетил сам генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд Густав Христофорович², занимавший должность с 19 декабря 1850 г.³ по 13 января 1861 г. К этому времени относятся и опубликованные недавно архивные материалы из Исторического архива Омской области

² Вторая инспекция проходила в 1858 г. [32, с. 251-253].

³ В историографии существуют и другие сведения о времени назначения. Например, Н. Александрович называет дату - 29 января 1851 г. [2, с. 265-268].

«Относительно назначения чиновников для заведывания продажей казенной соли в Кургане, Петропавловске и Березове», они датируются 22 марта, 8, 12 и 15 апреля. Следовательно, правительство пыталось найти оптимальный вариант сбора акцизов [23].

В 1864 г. губернию обозревал А.И. Деспот-Зенович (занимал должность губернатора с 23 ноября 1862 г. по 28 июля 1867 г.), посетив Березовский округ. Эта поездка была предметом исследования [19], Е.П. Мартынова, привлекли материалы из Государственного архива Томской области, в том числе и записки самого инспектирующего. Высокопоставленный чиновник писал: «Продажа инородцам в их улусах вина производится мелкими русскими торговцами – местными казаками, мещанами и инородцами-промышленниками... и большей частью на мену имеющейся у инородцев рухляди и других продуктов» [19, с. 20-21]. Торговцы сами устанавливали цены на привозимые товары и выступали оценщиками рухляди, за которой в основном и приезжали. Они же устанавливали неэквивалентный обмен, в том числе и количество вина за продукцию промыслов инородцев. Местные жители не могли даже ориентироваться в стоимости предметов, которые вынуждены покупать, зачастую попадая в долговую кабалу от заезжих торговцев.

Имя А.И. Деспот-Зеновича упоминается и в публикуемом документе. Губернатор бывал в Берёзовском крае дважды [38, с. 22-27]. По итогам ревизии 1864 г. были приняты конкретные меры, например, касающиеся образования среди инородцев [25, с. 225-229]. Второй документ «Относительно дозволения свободной торговли вином в Березовском крае» [16, л. 161-121] помещен в приложении. Заметим, что на этот документ делались ссылки и ранее [24, с. 33], а вот в полном объёме он публикуется впервые. Документ представляет собой журнал совета Главного управления Западной-Сибирью, датируется 14 марта 1864 г. На нем имеется резолюция генерал-губернатора Западной Сибири А.О. Дюгамеля. В журнале несколько раз встречаем отсылки на общероссийское законодательство, регулировавшее оборот вина в инородческих населённых пунктах. Например, Установления о питейном

сборе 1836 г., Т. 9. ПСЗРИ, Высочайше утвержденное Положением о питейном сборе 4. 07. 1861 г., высочайше утвержденное мнение Государственного совета 08. 01. 1862 г.

Обратим внимание, что Е.П. Мартынова, приводя ссылку из архивного документа: «Продажа инородцам в их улусах вина производится мелкими русскими торговцами – местными казаками, мещанами и инородцами-промышленниками... и большей частью на мену имеющейся у инородцев рухляди и других продуктов» [19, с.20-21], указывает место его хранения г. Тобольск [41, л. 116].

Эта цитата имеется и в публикуемом в приложении документе, который хранится в Омске. Следовательно, мы имеем дело с одним и тем же текстом. Заметим, что цитата оформлена с неточностями: она находится в центре предложения, поэтому начинаться должна с многоточия и маленькой буквы, а оканчиваться снова многоточием.

Становится понятным, что проблема распространения вина среди коренного населения оставалась злободневной для местной власти. Вопросы организации винокурения, организации казенной и частной торговли вином, особенно среди местных аборигенов не раз выносились на обсуждение Тобольского губернского совета и совета Главного управления Западной-Сибирью. Они были в центре внимания Тобольского гражданского губернатора и генерал-губернатора Западной Сибири. Ею занимались и финансовые ведомства, в том числе Управление питейно-акцизным сбором. Содержание журнала в полной мере показывает сильную озабоченность власти распространением пагубной привязанности инородцев к употреблению спиртных напитков. Приведена достоверная информация о количестве в Берёзовском крае оптовых складов (5), их возможности по хранению вина (до 28 тыс. ведер), продажные цены при оптовой и «раздробительной» торговле. В очередной раз приняты, вроде бы, важные и правильные решения, о которых информировались министры Финансов и Внутренних дел.

Проблема пристрастия инородцев к спиртному отмечали и краеведы, и историки-путешественники. С середины XIX в. стали появляться интересные работы по истории Березовского

края, укажем, прежде всего, на труд Н.А. Абрамова [1], в это же время публикуются статьи Д. Юрьева [47]. С.С. Шашков писал, что «каждая торговая сделка инородцев представляла собой выплату долга, новую ссуду или часть отношений найма» [46]. Позже появились работы К. Голодовникова [11]. И.С. Поляков подметил во время своего путешествия в 1876 г. по Иртышу и Оби, что водка была одним из главных товаров, привозимых к инородцам на ярмарки. Этот товар он называл «первостатейным элементом» и «главной составной частью коммерческой тайны». А сама торговля принимала уродливые формы: «дайте сначала остякам водки хорошей – даром, первую бутылку – за 1 рубль; две вторые, наполовину с водой – по полтора рубля каждую; следующие три бутылки чистой воды по два рубля, и остяки уйдут совершенно пьяные» [34, с. 152] – так описал процедуру обмана при торговле, или обмене известный зоолог, антрополог и этнограф. Немало интересных сведений о жизни местного населения находим в записках и отчётах врачей, побывавших в отдалённых и труднодоступных районах уезда [9]. Важные сведения о бытовых условиях жизни, промыслах аборигенов Тобольского Севера можно почерпнуть из дневниковых записей известного топографа и писателя И.М. Воропая [6]. Помимо ученых и профессиональных путешественников важные наблюдения о жизни инородцев зафиксировали духовные лица, например, И. Голошубин [12].

Таким образом, первые лица Тобольской губернии, реже генерал-губернаторы Западной Сибири, лично обзревали свои подконтрольные территории, заезжали до Обдорска. Порой направляли и своих чиновников для сбора достоверной информации о жизни малочисленного населения. Поэтому проблемы виноторговли и пагубная привычка к горячительным напиткам инородцев была известна не понаслышке.

Казалось бы, предпринимаемые меры должны были решить проблему распространения пьянства среди инородцев, тем самым улучшить материальное положение и в конечном счёте поднять их уровень жизни и культуры быта. Но как показала жизнь, проблема оказалась столь укоренённой в образе жизни населения, что даже такие рычаги, как привлечение

духовенства, некоторые меры по развитию образования, не смогли победить вредную привязанность.

Приложение 1

Относительно дозволения свободной торговли вином в Березовском крае 14. 03. 1864 г.

В настоящее время в Березовском крае открыта дозволенная продажа вином в Березове, Кондинском и Сургуте.

По существующим Постановлениям (высочайше утвержденным мнение Государственного совета 08. 01. 1862 г.) продажа крепких напитков в стойбищах и на ярмарках сибирских кочевых и бродячих инородцев строжайше запрещается, но самим инородцам не запрещено покупать вино в местах дозволенной продажи и привозить иное к своим семействам для домашнего потребления и сверх сего в Березовском округе с тремя отделениями и Тогурским отделении Томской губернии позволяется инородцам и перепродавать вино между собою.

Тобольский гражданский губернатор⁴, посетивший Березовский округ, нашел, что немногие инородцы пользуются предоставленным им правом покупать и продавать между своими родовичами вино, а продажа инородцам в их улусах вина производится мелкими русскими торговцами - местными казаками, мещанами и иногородними промышленниками, дурного качества, по непомерно высоким ценам и большей частью по мену имеющихся у инородцев рухляди и других продуктов и что это порочная торговля вином, которую невозможно остановить при огромных пространствах, на коих разбросаны инородческие селения, существует в особенности в Обдорском участке, потому что в селении Обдорском продажа вина не разрешена, хотя оно преимущественно русское и также по рекам Ваху, Сосьве, Ляпин и Лозве и др. отдаленных местах.

Резолюция: Исполнить по большинству голосов с тем, чтобы придать копию сего журнального постановления в

⁴ Речь идёт о А.И. Деспот-Зеновиче.

акцизном управлении для руководства. 16. 03. 64. Генерал-губернатор Дюгамель.

Так как вышеизложенное ограничение в торговле между инородцами вином, постановленное в видах охранения благосостояния инородцев, склонных к пьянству и готовых за вино отдать все, что они имеют, не достигает своей цели и запретительные в Березовском крае по винной торговле меры порождают только корчемство вином, сопряженное при возвышении его ценности с разорением потребителей, то Тобольский гражданский губернатор и Тобольский губернский Совет в журнале его 12, 13 февраля с. г. за №23 прилагаемом при сем в списке признают, что единственное средство к уничтожению этого зла: распространение в Березовском крае свободной торговли вином на общих основаниях с тем, чтобы продажа вина во всяком случае производилась непременно на наличные деньги, а не меною на предметы промысла инородцев, соединенными с обменом и влекущую за собою расстройство кочевого хозяйства. Кроме сего, Тобольское губернское начальство находит, что для правильной оптовой торговли вином в Березовском крае, не представляющем необходимых условий для конкуренции и где могут удерживаться высокие цены на вино, когда торговля им будет оставаться в руках одного или 2-х Л 117 Об. лиц, необходимо оставить заготовление для этого края казенного вина с учреждением казенных складов в Обдорске, Березове, Самарове и Сургуте, поручив заведывание оными вместо винных приставов надсмотрщикам.

По приказанию господина генерал-губернатора предложения эти передавались на заключение Управляющего питейно-акцизным сбором и коллежский советник Дела-Гарди в отношении его в 3 отделение Главного управления от 5-го сего марта за №438 в подлиннике при сем прилагаемом, отозвался, что при допущении свободной торговли вином в Березовском крае, не предоставляется ни малейшей возможности по громадным там расстояниям устроить какой-либо надзор, чтобы вино продавалось там на деньги, а не на вещи и вообще за правильностью действий винопромышленников и когда в Березовском крае по продаже вина существующие ныне

злоупотребления, клонящимся ко вреду инородцев, то устранением ограничений по этой продаже и с дозволения свободной торговли вином по всему пространству кочевых инородцев злоупотребления эти, при невозможности иметь за такою торговлею надзор, могут принять большие размеры. Затем коллежский советник Дела-Гарди не признает необходимости в возобновлении в Березовском крае казенных складов вина, в настоящее время там упраздненных, как потому, что правительство, допустив торговлю вином на началах свободной промышленности, отказалось от всякого участия в этом деле, в котором оно, как опыт показал, не может конкурировать с частными промышленниками, так и потому, что частная винопромышленность в Березовском крае достаточно ныне развита и там находится 5 частных оптовых складов с запасом вина до 28 тыс. ведер, 12 питейных заведений раздробительной продажи вина и с закрытием казенных складов вина вино продается в оптовой продаже от 4 р. 50 до 4 р. 80 коп. и в раздробительной от 5 до 6 руб. ведро.

Положено: Совет главного управления Западной Сибири, сообразив предоставление Тобольского гражданского начальства с узаконенным и отзывом управляющего питейно-акцизных сборов, находит в пункте 329 ст. Установлений о питейном сборе 1836 года. Продажа крепких напитков запрещается в стойбищах и на ярмарках кочевых и бродячих инородцев. Порядок наделения кочевых и бродячих инородцев землями, указанных в ст. 1239 и 1250 ст. Т. 9 Законов о сост., а стойбищам или улусам, находящихся как объяснено в 17, 18, 22, 121, 123 и 125 ст. Т. 2. Ч. 2 Учреждений, для управления инородцами соединение нескольких инородческих семейств и каждому такому стойбищу присваивается особое название. Следовательно, продажа крепких напитков запрещается русским торговцам не на всем пространстве кочевых инородцев, а собственно в тех местах, где они останавливаются и которые называются их стойбищами или улусами. Затем, в селениях Березовского округа, составленных преимущественно из русских, как например, Обдорском и др. продажа вина может быть допущена, когда в этих селениях не бывает инородческих ярмарок и когда там можно иметь наблюдение, чтобы продажа

питий производилась по правилам, постановленным в Высочайше утвержденном 4. 07. 1861 г. Положением о питейном сборе, которыми, между прочим, требуется (358 ст. Установлений о питейных сборах прод. 1836 г.), чтобы питье продавалось всегда на личные деньги.

В Березовском крае дозволяется (тою же ст. 329 Установлений о питейных сборах) инородцам покупать вино в местах дозволенной продажи и привозить оное к своим семействам для собственного домашнего потребления, а также препродавать вино между собою. Инородцы по этому дозволению могут иметь в своих стойбищах или улусах вино, которое по климатическим условиям составляет там жизненную потребность, но ныне Тобольское губернское начальство ходатайствует, чтобы разрешено было всем торговать вином по улусам и стойбищам инородцев, с тем, чтобы вино там продавалось на наличные деньги, для того, дабы устранить промены инородцами вина на шкуры ценного зверя и другие предметы их промысла, составляющей существенное зло, т. к. инородцы по пристрастию их к вину готовы за вино отдать все, что они имеют. Если по огромности расстояний, на которых разбросаны инородческие улусы или стойбища, местная полиция не может остановить ввоз в эти улусы и стойбища вина русскими торговцами, то тем не менее будут возможности при разрешении этого ввоза уследить, чтобы вино не променивалось инородцами на их вещи и продавалось ими только на деньги. Управляющий питейно-акцизным сбором справедливо заметил, что существующие по сему злоупотребления с дозволением свободной торговли вином всеми по инородческим улусам и стойбищам могут принять большие размеры, потому что тогда продавцы вина могут без опасения употреблять во зло данное им право по невозможности устроить какой-либо надзор за правильностью их действий. А потому не имел в виду ручательство. Это вино русскими торговцами будет продаваться инородцам в улусах или стойбищах на деньги, а не меною, соединенном с обменом и влекущего за собою разорение инородцев, по необходимости надлежит удерживать существующие в 498 ст. Установлений торговли воспрещение, чтобы никто, кроме инородцев, не ввозил и не продавал горячих

напитков в стойбища и на ярмарки инородцев и неослабно наблюдать, чтобы этот закон, постановленный в видах ограждения благосостояния инородцев, выполнялся сколько позволяют местные условия Березовского края.

По сведениям, доставленными Управлением питейно-акцизным сбором в Березовском крае, имеется достаточный запас вина у частных промышленников и по закрытии там казенных складов остаются довольно устроенные как в оптовой, так и в розничной продаже. Если же в инородческих стойбищах, разбросанных по пустынным снеговым пространствам, бутылка вина, как видно из собранных начальником губернии сведений, продается за писца, стоящего от 80 к. до 1 руб., то возобновление казенных складов вина не может повести к понижению в стойбищах инородцев в ценности вина, потому что она зависит от того, в каком расстоянии от складов находятся стойбища и при каких условиях вино туда доставляется, а удешевление между инородцами стоимости вина скорее надлежит ожидать, когда откроются склады его и питейные заведения в русских селениях, ближайших к инородческим стойбищам, из которых инородцы могут получать вино с меньшими затруднениями. Вследствие чего и как при заготовлении для Березовского края вино, не принеся этому краю существенной пользы, неизбежно соединено, как отозвался Управляющий питейно-акцизным сбором, с значительными для казны ущербом. И ныне правительство повсеместно прекращает казенную продажу вина по невыгодности этой операции, предоставив торговлю вином частной промышленности, то не предвидится уважительного основания к учреждению казенных складов вина в Обдорске, Березове, Самарове и Сургуте.

О чем совет полагает уведомить управляющего Тобольской губернией, впоследствии представление 17-го минувшего февраля за №712 и доводит до сведения господ Министров Внутренних дел и Финансов.

Исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6044. Л. 116-121.

Примечания:

1. Абрамов, Н. А. Описание Березовского края // Записки Русского географического общества. – СПб., 1857. – Кн. 12. – С. 327–448.
2. Александрович, Н. Гасфорд Густав Христианович // Русский биографический словарь А. А. Половцев. – М.: тип. Г. Лисснера и Д. Совко. 1914. – Т. 4. – С. 265–268.
3. Бантыш-Каменский, Д. Н. Шемякин суд в XIX столетии, или ревизия Тобольской губернии. Записки Д.Н. Бантыш-Каменского. Извлечения // Русская старина. – 1873. – Т. 7. – № 6. – С. 735–784.
4. «Близкое познание Сибири ныне необходимо». Доклад В.А. Арцимовича. 1852 г. / публ. Н. Н. Александровой // Исторический архив. – 1996. – № 5–6. – С. 192–194.
5. Бочанова, Т. А. Декабрист А. Н. Муравьев и коренное население Обского Севера // Гуманитарные науки в Сибири. – 2003. – № 2. – С. 12–15.
6. Воропай, И. М. От реки Оби до Северного океана и обратно, чрез Большеземельскую тундру: путевые заметки // Природа и охота. – 1899. – № 9. – С. 150–155; – № 11. – С. 119–141; – 1900. – № 1. С. 10–134; – № 2. – С. 118–127; – № 4. – С. 66–75; – № 5. – С. 87–97; – № 7. – С. 38–46; – № 8. – С. 143–154; – № 9. – С. 112–124; – № 10. – С. 13–22; – № 11. – С. 31–41; – № 12. – С. 23–36; – 1901. – № 1. – С. 1–13; – № 3. – С. 100–108; – № 4. – С. 20–27; – № 5. – С. 103–109; – № 6. – С. 30–36; – № 7. – С. 69–78; – № 8. – С. 48–54; – № 9. – С. 62–65.
7. Вторая инспекция проходила в 1858 г. (Поездка в Березов и Обдорск (генерал-губернатора Западной Сибири Густава Христиановича Гасфорда) // Русский инвалид. – 1858. – № 59. – С. 251–253.
8. Выписка из заметок об инородцах Берёзовского края Александра Титова (1861г.) // Митрофанов В.В. Очерки по истории Тобольска, Берёзова и Сургута в XIX веке. – Екатеринбург: ФОРТ ДИАЛОГ-Исеть. 2016. – С. 234–237.
9. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об установлении казенной продажи питей в губерниях Енисейской и Иркутской и областях Забайкальской, Якутской и Дагестанской». Февраля 26 1901 г. // ПСЗ – III. Т. XXI. № 19733. – СПб. 1903. – С. 94–95.
10. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об установлении казенной продажи питей во всей Дагестанской области и о распространении узаконений по означенной продаже на губернии: Тобольскую и Томскую и области: Кубанскую, Терскую, Дагестанскую, Акмолинскую и Семипалатинскую». Мая 20 1902 г. // ПСЗ – III. Т. XXII. № 21483. – СПб. 1904. – С. 360–362.
11. Голодников, К. От Тобольска до Обдорска летом и зимою. // Тобольские губернские ведомости. – 1880. – № 52; – 1881. – № 1, 3, 5, 7, 9–10.
12. Голошубин, И. От Березова до Обдорска (из путевых записей бывшего благочинного Березовского округа) // Тобольские епархиальные ведомости. – 1895. – № 3. – С. 41–47; № 5. – С. 89–95.
13. Есипова, В. А. Документы о распространении вина в Сибири в XVII в.: материалы НБ ТГУ и ТОКМ // Вестник Томского государственного университета – 2018. – № 436. – С. 148–150.

14. Замечания о Сибири сенатора Корнилова. – СПб., печатано в типографии Карла Крайя, 1828. – 105 с
15. Зиновьев, В. П. Традиции сибирского винокурения в XVIII-XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2008. – С. 13–23.
16. Исторический архив Омской области (ИАОО). – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 6044. – Л. 161–121.
17. Луговский, Л. Е. О поездке на север Тобольской губернии летом нынешнего года с целью врачебно-санитарного осмотра рыбопромышленных заведений // Ежегодник тобольского губернского музея. – 1897. – Вып. VII. – С. 81–145.
18. Мариупольский, А. М. Розничная торговля алкоголем на Урале и в Сибири в условиях акцизной системы. Организация и структура// Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященный 85-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа - Югры (Нижневартовск, 10–12 декабря 2015 г.) / под общ. ред. проф. Я. Г. Солодкина, Л. В.Алексеевой. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, – 2015. – С. 50–52.
19. Мартынова, Е. П. Торговля и товарные отношения на Обском севере в XIX в. // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2017. – № 4(57). – С. 17–28.
20. Матханова, Н. П. Тобольский губернатор В. А. Арцимович и его записки о поездке на север губернии // Гуманитарные науки Сибири. – 2013. – № 3. – С. 10–14.
21. Матханова, Н. П. Тобольский губернатор В. А. Арцимович как интеллектуальный лидер // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2018. – № 2(18). – С. 92–99.
22. Митрофанов, В. В. Очерки по истории Тобольска, Берёзова и Сургута в XIX веке. – Екатеринбург, 2016. – С. 184–186.
23. Митрофанов, В. В. К вопросу о торговле солью и вином в ряде городов Западной Сибири в 1863 г.// Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография. Ч. VII / под общ. ред. А. В. Спичак. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. – С. 45–52.
24. Митрофанов, В. В. К истории винной торгов ли в Березовском крае во второй половине XIX в. // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 31–37.
25. О мерах по распространению просвещения между инородцами Берёзовского края // Митрофанов В. В. Очерки по истории Тобольска, Берёзова и Сургута в XIX в. – Екатеринбург: ФОРТ ДИАЛОГ-Исеть. 2016. – С. 225–229.
26. Отписка тобольских воевод кн. Михаила Яковлевича и Петра Михайловича Черкасских тарскому воеводе Митрофану Ивановичу Вельяминову о приеме от Петра Григорьева остаточного вина и о посылке на Тару ведра, аршина и опытного вина // Первое столетие освоения Сибири русскими. Новые

- документы: собрание сибирских грамот XVII - начала XVIII веков в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета / сост. В. А. Есипова, Г. Н. Старикова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 152 с.
27. Отрывки из путешествий г. Алберта, штаб-лекаря, бывшего инспектора Тобольской врачебной управы по северной части Тобольской губернии: Воды Березовского округа. Различие языка. Почвы, климат. Образ жизни, жилища. Пища и одежда инородцев. Животные для езды. Законы и обычаи инородцев. Остяцкий язык // Тобольские губернские ведомости. – 1873. – № 36 (8 сент.) – С. 1–2; № 37 (15 сент.) – С.1–2; № 38 (22 сент.) – С.2; № 39 (29 сент.) – С.1–2; № 40 (6 окт.) – С. 2–3; № 41 (13 окт.) – С. 2.
28. О содержании питейных сборов в Сибирских губерниях: Иркутской, Енисейской, Тобольской и Томской с 1839 по 1843 год: высочайше утвержденные условия от 28 июня 1838 г. № 11373 // ПСЗ РИ: В 55 т. – Собр. 2. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1839. – Т. XIII. – Отд. I. – С. 1036;
29. О применении к Западной и Восточной Сибири Положения об акцизном управлении питейными сборами: высочайше утвержденное положение сибирского комитета от 15 марта 1862 г. № 38063 // ПСЗ РИ: В 55 т. Собр. 2. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1865. – Т. XXXVII. Отд. I. – С. 204–205.
30. Палиенко, М. Г. Дмитрий Бантыш-Каменский (1788-1850): портрет историка в контексте эпохи / М. Г. Палиенко, И. В.Срибняк // Руссин. – 2018. – Т. 52. Вып. 2. – С. 221–237.
31. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. (Губернские итоги). Т.Т.1–89. – СПб.: 1903–1905. – (ru.wikipedia.org/wiki/... копия)
32. Поездка в Березов и Обдорск (генерал-губернатора Западной Сибири Густава Христиановича Гасфорда) // Русский инвалид. – № 59. – С. 251-253.
33. Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. – СПб., 1863. – Т. 38. № 29. 120. – С. 394–416.
34. Поляков, И. С. Письма и отчеты о путешествиях в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук. (Приложение к XXX т. Записок Императорской Академии наук). – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1877. – 187 с.
35. Потехин, Л. Винокурение в Сибири // Промышленность, мануфактура и торговля. – 1862. – Т. VI. – №10. – С. 483.
36. Прутченко, С. М. Сибирские окраины Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. Т.2. – СПб., 1899. – С. 45–48.
37. Ремнев, А. В. Тобольский губернатор А.И. Деспот-Зенович// Таре 400 лет. –Омск, 1994. – Ч.1. – С. 22–27.
38. Ремнёв, А. В. «Описание Сибирского края» В.А. Арцимовича // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. – Омск: Омский гос. ун-т. 1995. – С. 75–78.

39. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / авт.-сост. Т. И. Бакулина и др. – Тюмень, 2000. – 577 с.
40. Тальская, О. С. Ссылные декабристы на государственной службе в Сибири // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири. XVIII - начало XIX в. – Новосибирск, 1978. – С. 243–245.
41. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 5990. – Л. 116.
42. Туманик, Е. Н. А. Н. Муравьев и ссылные декабристы в Тобольской губернии (1832-1834 годы) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI - XX веков. Мат-лы третьей регион. науч. конф. 19-20 ноября 1998 г. – Новосибирск, 1998. – С. 49–53.
43. Туманик, Е. Н. Управленческий конфликт: декабрист А.Н. Муравьев во главе Тобольской губернии // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII - начала XX века: Сборник материалов региональной научной конференции. – Новосибирск: РИПЭЛ, 2007. – С. 248–256.
44. Тыжнов, И. И. Тарские акты XVII века / сост. В. А. Есипова, Д. Я. Резун, Н. В. Васенькин. – Томск, 2012. – 120 с.
45. Указ № 1655 от 22 ноября 1698 г.: О ведении в Сибири кабаков таможенным Головам, а не Воеводам, и об управлении питейными сборами // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1-е. – СПб., 1830. – Т. 3. – С. 517–523.
46. Шашков, С. С. Исторические этюды. В 2 т. – СПб.: Тип. А. Моригеровского. 1872. – Т. 2. – С. 289–291.
47. Юрьев, Д. Заметки об инородцах Березовского округа. // Тобольские губернские ведомости. – 1857. – № 13–22.

Многобрачие во второй половине XIX в. (по материалам Тобольской духовной консистории)¹

Термин «многобрачие» понимался и использовался в XIX в. иначе, чем в настоящее время.

Многобрачием считается форма официального брака, при которой мужчина имеет несколько жён, а женщина несколько мужей, т. е. полигамия [4]. В современных определениях делается акцент на том, что это именно форма официального брака, допускающая брачное сожителство одновременно с несколькими супругами [3].

В православном браке и речи быть не могло о том, чтобы Церковь позволила человеку жить одновременно с двумя супругами. Термин «многобрачие» использовался для обозначения долговременной измены, когда лицо бросало своего законного супруга и проживало с другим. Такое поведение было недопустимо и наказывалось как светским, так и церковным судом, что было регламентировано в различных источниках права.

Бракоразводный процесс с 1722 г. относился к компетенции Святейшего Правительствующего Синода, однако он перенял многие традиции в решении вопросов, касающихся прекращения брака, его расторжения и признания брака недействительным [5, с. 87]. Существовало несколько оснований для развода, однако в большинстве случаев расторжение брака осуществлялось с трудом.

Одним из поводов к разводу являлось прелюбодеяние, и как квалифицированный вид прелюбодеяния рассматривалась бигамия² – заключение нового брака при наличии не расторгнутого. Обнаружение факта бигамии давал право

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2020) (проект № МК-514.2020.6)

² Бигамия – жен., греч. двоеженство, двуженство. Бигам муж. двоеженец. Бигамический, к двуженству относящийся [1].

первому супругу бигамиста при нежелании этого супруга продолжать законное сожитие с двоебрачником расторгнуть прежний брак и вступить в новый [5, с. 87].

Специалисты утверждают, что бигамия была широко распространена в Российской империи, и причиной тому явилось наличие неформального развода. Кроме того, сказывалось и небрежное отношение духовенства при сборе справок о личности вступающих в брак [5, с. 88]. С последним утверждением следует согласиться, так как его подтверждают выявленные архивные документы.

Государственный архив г. Тобольска хранит десятки примеров расторжений браков по причине выявленной бигамии.

Помимо таких юридических последствий многоженства, как признание второго брака незаконным, расторжение первого брака при желании обманутого супруга и традиционного церковного наказания для прелюбодеев – епитимии, бигамиста могла ждать и более серьезная кара уже от светского суда, если для сокрытия первого брака он указывал себя в паспорте холостым. Данное деяние квалифицировалось и наказывалось не только как умолчание о первом браке, но и как представление заведомо ложных данных волостному начальству, причем в официальном документе.

Женатый мужчина в XIX в. мог начать новую супружескую жизнь и не знать горя до тех пор, пока одна из жен не узнавала о наличии соперницы и не обращалась в окружной суд для защиты, в первую очередь, своих имущественных прав.

Крестьянин дер. Кутар Моревской волости Макар Стефанов Захаров, будучи женатым на Пелагее Ивановой, 22 января 1863 г. был «уволен в разные города и селения Российской империи для собственных надобностей» на один год и по прошествии указанного срока должен был вернуться обратно. Для выезда из своей деревни он обратился в Моревское волостное правление для подготовки паспорта и попросил указать себя вдовым, причем никакие подтверждающие документы при оформлении документа у него не спросили, поверив на слово.

Новым местом жительства крестьянин выбрал дер. Китайновую Вязниковского уезда Владимирской губернии и

вскоре женился во второй раз на крестьянке с. Агарского Елене Яковлевой и поселился в купленном ею доме. Через 4 года совместной жизни М. С. Захаров уехал решать свои незаконченные дела в родную деревню и, пробыв там еще 4 года, вернулся 8 июля 1871 г. и «вздумал отбирать у нее, Яковлевой, имение ее. Между тем она, Яковлева, дознала, что ... на месте своей родины он, Захаров, был женат на Пелагее Ивановой, что жену эту он, Захаров, при перечислении своем в Курганский округ, оставил в России; и наконец, что первая его, Захарова, жена Пелагея Ивановна доселе у него жива». С такими показаниями обратилась обманутая супруга к дистанчному заседателю 1-го участка Ялutorовского округа.

Макар Стефанов на допросе утверждал, что о смерти первой жены узнал из письма неизвестного автора, которое он выбросил, после чего его вызвали в свою волость для уплаты податей. Возвратившись через 4 года к своей жене, он нашел в своем доме ее любовника, кузнеца Терентия Прохорова. Для обманутого мужа этого было достаточно, чтобы разорвать отношения с супругой и начать раздел имущества.

Елена Яковлева призналась, что она не безгрешна, ее дети имели разных отцов: сын Василий рожден во вдовстве, а дочь Дарья, которой было всего 5 месяцев, была «прижита от неизвестного лица» во время отлучки последнего мужа. Терентий Прохоров же, как утверждала допрашиваемая, хотя и жил у нее 2,5 года, но «не в качестве любовника, а как квартирант».

На втором этапе судопроизводства выяснялось, каким образом причт Агаранской церкви, в котором состоялось незаконное бракосочетание, мог это допустить.

Священно- и церковнослужители объяснили, что обвенчали Захарова по паспорту и «что не могут требовать вообще никаких актов при венчании браков; да на это есть даже резолюция Высокопреосвященного Варлаама, в которой сказано: «вся Сибирь наполнена поселенцами, следовательно, не о каждом делать справку в месте его прежнего жительства». Получается, что одной из причин допущенной ошибки явилась оптимизация делопроизводства, закрепленная в нормативном акте преосвященного. Однако и волостное правление, составляя

паспорт, должно было проверить подлинность представленных сведений. Работа с обращениями населения, решение однотипных дел и задач в учреждениях, как и делопроизводство в XIX в. вообще, осуществлялись согласно инструкциям, на основании действующей нормативно-правовой базы. Таким образом, главной причиной допущения многоженства в данной ситуации можно считать именно нерешенность вопроса о подтверждении поданных сведений в волостном правлении при оформлении паспорта для отлучки.

Третьим этапом рассмотрения дела было обращение к церковным документам о браке Захаровых. Согласно брачному обыску Агаранской церкви Ялуторовского округа за 26 июля 1863 г., невесте было 29 лет, жениху – 57.

На четвертом этапе судопроизводства первая жена М. С. Захарова Пелагея Ивановна поведала о том, что ее муж, с которым они состояли в браке 43 года, около 30 лет назад уехал в Сибирь и не взял ее с собой «по причине его распутства», оставаться с ним браке она отказалась.

Тобольский губернский суд принял решение сослать виновного в Восточную Сибирь.

На основании решения Тобольского губернского суда Ялуторовский окружной суд 30 июня 1872 г. «заклучил: содержащегося в Ялуторовском тюремном замке велеть за ложное объявление себя волостному начальству вдовым, получение паспорта с означением в нем, что он вдов и за вступление по этому паспорту во второй брак при существовании первого, лишить всех прав состояния и сослать далее в Сибирь на поселение в места, не столь отдаленные с преданием его на месте ссылки церковному покаянию».

Конкретное церковное наказание мог назначить только архиерей, поэтому суд составил из дела выписку и отправил в Тобольскую духовную консисторию 7 августа 1872 г. Однако епархиальным властям для принятия решения выписки было недостаточно, и они 19 октября 1872 г. вернули отношение «для дополнения сведением: что сказано в решительном определении Губернского суда о втором браке Захарова?», и 12 декабря получила ответ следующего содержания: «По действующему ныне законодательству относительно дела о многобрачии

светский суд, по точности удостоверении, что многобрачие совершилось, должен постановить заключение о лицах, дозволивших себе многобрачие, и за тем дело по отношению к самим бракам и по отношению к священно-церковнослужителям, совершившим браки должен передать на рассмотрение суда духовного. Из настоящей переписки видно, что Тобольским губернским судом крестьянин Макар Захаров, за вступление во второй брак при существовании первого, лишен всех прав состояния и сослан далее в Сибирь на поселение в места не столь отдаленные. Но какое заключение состоялось в Губернском суде относительно самих браков и священно-церковнослужителей, повенчавших Захарова, сведений нет и Ялуторовский окружной суд в доставлении оных отказывается».

Тогда Тобольская духовная консистория запросила у Тобольского губернского суда «точную и полную копию с решения его». Тобольский губернский суд обязал Ялуторовский окружной суд составить из дела выписку «о неправильных действиях Моревских волостных начальников, при показании Захарова вдовым в выданном ему паспорте и земского заседателя Левина» и представить ее на рассмотрение в Тобольское губернское правление.

«Переселенческую вдову, Омутинской волости Елену Яковлеву Наумову в знании при вступлении в замужество за Захарова, о первом браке его, не сознавшуюся и не уличенную» оставили «от светского суда по делу этому свободною, предоставляя ей право, если пожелает в споре об имени ведаться с Захаровым гражданским судом». Так как ссылка с лишением всех прав состояния была одной из законодательно установленных причин возможного расторжения брака, то вторая жена в любом случае могла получить развод. Таким образом, вторая жена бигамиста не привлекалась к суду, если нельзя было доказать ее осведомленность о наличии первой на момент вступления в брак.

Последнее, что требовалось по данному делу, — определить наказание за прелюбодение, но в суде это было «оставлено без последствий» как «неподлежащее ревизии Губернского суда». Назначение кары за измены подлежало

юрисдикции Церкви. Тобольской духовной консистории потребовались все материалы дела, Ялуторовский окружной суд отправил их только 12 февраля 1873 г., спустя 1,5 месяца после получения просьбы.

В настольном журнале Тобольская духовная консистория указала, что «дело не заключает: а., сведений о времени и месте совершения первого брака Захарова с Пелагеей Ивановой; б., показания сей, последней, на то, согласна ли она, Иванова, оставаться в браке с Захаровым» и запросила администрацию Вязниковского уезда Владимирской губернии (место жительства Пелагеи), где и когда именно совершен был брак и согласна ли она остаться в этом браке.

При решении бракоразводных дел духовные консистории обращались к законодательно закрепленным правилам. В рассмотренном деле наказания назначили согласно «Устава духовных консисторий ст. 217, 222 и 223, Св[ода] зак[онов] 1857 года тома X части I ст. 25, 26, 37, 40 и 41, изданного в 1857 году по определению Св. Синода, Инструкции благочинному церковей §§ 18 и 41. Улож[ению] о нак[азаниях] уголов[ных] и испр[авительных], изд[анному] в 1866 году ст. 1577».

Второй брак Захарова был признан незаконным на основании 37 ст. тома X части I Свода законов 1857 г., и так как первая жена отказалась жить с Макаром Стефановым, то его осудили на вечное безбрачие на основании 41 ст. Свода законов, а также 222 и 223 ст. Устава духовных консисторий. Пелагее Ивановне предоставили по ее желанию дозволение вступить в новое супружество. Второй жене Елене Яковлевне, сознавшей в прелюбодейной жизни, «по очищении совести ее епитимией» на основании 20 правила Анкирского собора разрешили «вступить также, если пожелает, в новый брак с лицом», на этот раз уже «безпрепятственным». Конечно, женщина могла быть уверена в отсутствии жены только у мужчин ее прихода, о жизни которых лично знал причт церкви, родственники и односельчане. Оставалось только надеяться, что ей больше повезет в любви во второй раз.

Причт Агаранской церкви должен был потребовать сведения от причта жениха, как чужеприходного, чем нарушили 26 ст. тома X части I Свода законов 1857 г., а также §§ 18 и 41

Инструкции благочинному церковей. Данный проступок был предусмотрен ст. 1577 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. Священнику Василию Симонову и запрещенному диакону Василию Вахнину «за венчание без соблюдения предписанных об оглашении и других предостерегательных правил как судимым за это в первый раз» сделали строгий выговор.

Определение с выбранными наказаниями было предоставлено Синоду на благоусмотрение по 223 ст. Устава духовных консисторий. В качестве сопроводительного документа епископ Березовский, управляющий Тобольской епархией Ефрем составил рапорт от 17 июля 1873 г. № 2288 с кратким изложением дела и решений суда и консистории.

В деле содержится снятая в консистории копия указа Синода от 5 октября 1873 г., на верхнем поле документа епископ написал резолюцию: «1873 г., октября 5 дня. В Консисторию для исполнения».

Синод, «Находя решение тобольского епархиального начальства ... согласным с законами», утвердил решение, «с тем, чтобы для надлежащих распоряжений по тому было сообщено Ялуторовскому окружному суду, с возвращением дела, вместо сношения о сем с полицейскими управлениями, и чтобы о настоящем решении были сделаны отметки в церковных книгах, где записаны события браков Захарова». Вместе с указом Синод вернул консисторский протокол.

6 октября 1873 г. Тобольская духовная консистория, заслушав определение Синода на заседании, в протоколе прописала порядок его исполнения:

1) Отправить отношение в Ялуторовский окружной суд с приложением дела, попросить объявить первый пункт определения Синода участникам дела.

На полицейские управления, в ведении которых находились Макар и Елена, возлагалась обязанность сообщить им результаты дела, на Владимирскую епархию – Пелагее. Причт Агаранской церкви был извещен через местного благочинного священника Елеанского³.

³ Фамилия указана неразборчиво.

2) Послать указ благочинному священнику Александру Емонекому⁴, чтобы он а) наложил на крестьянку Елену Яковлеву семилетнюю епитимию за прелюбодеяние с прохождением последней при Агаранской церкви, б) присужденный штраф Агаранской церкви священнику Василию Симонову, диакону Василию Вахнину и дьячку Петру Мельникову внести в их послужные списки, в) в метрические книги Агаранской церкви за 1863 г., во второй части о бракосочетавшихся, под № 21, напротив записи о браке Макара и Елены сделать отметку, что брак, как совершенный при существовании первого брака признан незаконным и недействительным [1, л. 1-26].

Итак, изучив дело, мы становимся свидетелями не только истории «любовного треугольника» Макара, Пелагеи и Елены, но и халатного отношения к служебным обязанностям светских и церковных служащих, допустивших его. Остается неясным, была ли и каким образом проведена работа с волостными начальниками, представившими Захарова вдовым без должного удостоверения.

Таким образом, многобрачие в XIX в. осуждалось обществом и государством, наказывалось по действовавшему законодательству как светским, так и церковным судом, причем подлежал наказанию и причт, венчавший незаконный брак.

⁴ Фамилия указана неразборчиво.

Примечания:

1. Бигамия // Даль, В. И. Толковый словарь Даля 1863–1866 [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/209274> (дата обращения: 21.04.2021).
2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГАТ). Ф. 156. Оп. 11. Д. 1117. Л. 1–26.
3. Многобрачие // Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь Ефремовой [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/186633/%D0%9C%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D1%87%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 21.04.2021).
4. Многобрачие // Ожегов С. И. Толковый словарь Ожегова и Шведовой 1949–1992 / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/861502> (дата обращения: 21.04.2021).
5. Нижник, Н. С. «Законною женою будь доволен одною»: вопросы многобрачия в бракоразводном праве Российской Империи // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сборник научных работ. – Курск: Курский гос. ун-т, 2011. – Вып. 4: Ч. 1. – С. 86–101.

Виды преступлений в Tobольской губернии второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам Государственного архива в г. Tobольске)

Tобольская губерния в начале XX в., хотя была первой по величине территорией среди всех губерний и областей России, оставалась провинциальной по своей сути. Рост численности городского населения часто сопровождался падением нравственного уровня граждан. Во второй половине XIX в. сохранялась сложная криминогенная обстановка, которая была обусловлена, по мнению Д.И. Акбердеевой, наличием в Tobольской губернии огромного количества маргинального элемента, арестантов, уголовных ссыльных, «привыкших к «тунеядству и разврату», увлекающих население «страстями и пороками, из коих самый главный – пьянство... один из двигателей преступлений». Источниками девиантного поведения населения Tobольской губернии были низкая развитость городского благоустройства, социальная неустроенность и бедность [1, с. 21].

За вторую половину XIX в. количество преступлений составило 95644, по ним было осуждено 48470 чел. (44178 муж., 4292 жен.) [1, с. 21-22]. К 1914 г. зафиксировано 60775 преступлений, по ним было осуждено 14 745 чел. (13 665 мужчин, 1080 женщин) [2, с. 40]. Стало быть, в начале XX в. количество совершаемых преступлений сравнительно со второй половиной предыдущего возросло, что можно связать с социально-политической обстановкой в стране.

Tобольская газета «Сибирский листок» периодически рассказывала о преступных деяниях, совершаемых в губернии. Так, «7 января у крестьянина Калугина ночью сбили два замка и увели трех лошадей, затем забрались к доктору Марголину и увели лошадь с экипажем; в эту же ночь воры забрались в дом к крестьянину и в отсутствие хозяев украли 7 руб. денег» [2, с. 41-42].

Социально-экономические и бытовые условия, неурожай и отток населения из сельской местности в города также

являлись причинами большого числа преступлений. Среди осужденных преобладали мужчины – выходцы из крестьян – в возрасте от 21 до 50 лет [3, с. 63-64]. Пик преступлений пришелся на 1911 г., когда был неурожай, вызванный холодной зимой и засушливым летом, что усугубило бытовые и экономические условия жизни местного населения.

Еще одной причиной совершаемых преступлений было чрезмерное употребление алкоголя. Количество потребления населением спиртных напитков увеличивалось в годы засух, неурожая, наводнений, а также из-за пожаров. В деревне встречалось такое явление, как «запойное пьянство» по праздникам и с окончанием полевых работ. Анализ губернской прессы свидетельствует, что чрезмерное употребление алкоголя приводило к убийствам, дракам и случаям суицида. В среднем за год в Тобольской губернии отмечалось до 70 самоубийств. Основными способами были повешение, кровопускание или отравление [1, с. 25].

Местная печать нередко сообщала о случаях суицида. «13 мая, вечером, часов в 9 отставной рядовой Яков Федоров, 60 лет от роду удавился на сеннике своего дома вследствие пьянства» [1, с. 25-26]. Но стоит отметить, что причинами суицида были и финансовые проблемы, например, хищения и чрезмерные растраты.

Очень часто причиной преступлений среди женщин, которые покидали свои деревни, была невозможность найти работу в городах, что вынуждало их к занятию проституцией. Средний возраст женщин «легкого поведения» колебался от 16 до 24 лет [4, с. 79-80].

Низкий материальный достаток толкал на совершение преступлений против личности с целью материальной наживы, приводил к поиску средств к существованию за счет краж и грабежей. К примеру, в 1903 г. крестьянин д. Красной Тарского уезда Г. К. Черниченко был обвинён в покушении на убийство с целью ограбления крестьянина той же деревни П. Пешеркова [5].

Первая русская революция, начавшаяся в Петербурге, всколыхнула жизнь и в отдаленной Тобольской губернии, где наблюдался рост числа политических преступлений.

В Государственном архиве г. Тобольска дела о преступлениях хранятся в фондах губернских судебных учреждений, а также органов самоуправления. Анализ материалов фондов И158 «Тобольский окружной суд, г. Тобольск Тобольской губернии (1897-1917 гг.)» и И152 «Тобольское губернское управление, г. Тобольск Тобольской губернии (1822-1919 гг.)» позволяет выделить основные виды преступлений.

1. Кражи и грабежи. Объектами преступлений чаще всего были домашний скот, кредитные билеты, одежда, драгоценные украшения, домашняя утварь. Так, по обвинению в краже лошадей, телеги и сбури у крестьянки с. Мизановского Ишимского уезда П. Чупиной был осужден крестьянин Баженовской волости Тюкалинского уезда К. С. Анохса [3, с. 76].
2. Убийства. Полицейское правление фиксировало в своих журналах убийства в пьяных драках, на бытовой почве, с целью грабежа и по неосторожности [4, с. 80-81]. Например, крестьянин Тавдинской волости Тюменского округа Д.Т. Шахов был обвинён покушении на убийство малолетней дочери крестьянина той же волости Ф.И. Яркова с целью ограбления [6].
3. Преступления в сфере семейного права: злоупотребления родительской властью, проступки относительно несовершеннолетних и родителей, нарушение правил вступления в брак [1, с. 26].
4. Проституция. Попадая в бордели, женщины становились жертвами самой грубой эксплуатации со стороны «хозяйки». Часто у них отбирали документы и выдавали установленное свидетельство на проживание («желтый билет»). Процветала и «тайная проституция», которой занимались солдатские жены и поселенки [4, с. 81].
5. Политические преступления. В губернии было много участников крестьянских волнений, террористов. Росло число лиц, совершавших уголовные преступления под прикрытием политических лозунгов. Тюремное заключение воспринималось политзаключенными как продолжение борьбы с самодержавием [3, с. 76-77].

Нередко подавались доносы на лиц, произносивших оскорбительные слова по адресу императора [7]. Так, крестьянин Шитов из Тюменского уезда был арестован за такое оскорбление. Жившего там же псаломщика Евладова привлекли к дознанию за найденные у него материалы «революционного» содержания [7].

С началом модернизации в Тобольской губернии обозначились социальные изменения, коснувшиеся всех слоев населения. Отклоняющееся от норм поведение имело широкое распространение. Совершаемые преступления подвергались осуждению, но принимаемые властями меры были недостаточны для искоренения девиаций.

Примечания:

1. Акбердиева, Д. И. Девиантное поведение в городах Западной Сибири во второй половине XIX века / Д. И. Акбердиева, В. В. Аксарин // Манускрипт. 2020. – Т. 13: Вып. 8. – С. 21-27.
2. Акбердиева Д. И. Повседневная жизнь политических заключенных Тобольской губернии в начале XX в. // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 10. – С. 61-77.
3. ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И152. Оп. 20. Д. 520. Л. 1-8.
4. Там же. Ф. И158. Оп. 3. Д. 538. Л. 1-151.
5. Там же. Д. 1616. Л. 1-66.
6. Панишев, Е. А. Маргинальный и преступный элемент г. Тобольска в 1861-1913 гг. // Вестник Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева. – 2009. – № 10. – С. 75-82.
7. Татарникова, А. И. Экстремальное в повседневной жизни населения Западной Сибири в период эпидемий конца XIX – начала XX в. // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 9. – С. 40-54.

Местное самоуправление в Ларьякском районе (на Вахе) до 1928 года: особенности состава и становления

В 1917 году в Ларьяке проводятся выборы новой структуры местной власти – волостной исполком. Он представлял низшую структуру местного самоуправления, организованного по регламенту Временного правительства. Председателем был выбран местный священник Арсентий Гордеевич Вергунов, его заместителями – местный фельдшер Роман Семенович Шатов, купец Василий Петрович Трофимов. Штрих к социальному портрету: в составе исполкома нет представителя общественных организаций, партий, а есть активные, уважаемые граждане. Демократия на Вахе действует.

В следующем, 1918 году, после свержения советской власти в Сургутском уезде, на местах создаются земства. Упоминается в документах существование в 1919 году Ларьякской, Локосовской и Лумпокольской земских управ [17, С. 79].

В январе 1920 года в Ларьяке очередное большое событие. Из уезда прибыл уполномоченный для проведения волостного съезда. Выбирается новый состав волостного исполкома по инструкциям советской власти.

Участвуют 65 человек из села Ларьяк и некоторых соседних селений. Председателем собрания выбирается Василий Григорьевич Кайдалов, секретарем – Модест Александрович Шестаков. Инструктор и контролер из Сургута Георгий Георгиевич Фуфаев делает доклад «...о том, что такое советская власть и как она строится» [19]. После доклада «были произведены» перевыборы Ларьякского волостного революционного комитета.

За членство в ревкоме развернулась острая борьба. Разрыв в голосах был небольшой:

Сигильетов Карп Семенович – 43 голоса;

Шатов Роман Семенович – 42 голоса;

Балин Александр Иванович – 41 голос;

Кушников Андриан Гаврилович – 36 голосов;

Шестаков Модест Александрович – 36 голосов;

Чумин Михаил Алексеевич – 35 голосов.

В президиум волостного революционного комитета избранны:

Председатель – К.С. Сигильетов.

1-ый товарищ председателя – Р.С. Шатов.

2-ой товарищ председателя – А.И. Балин.

Секретарем в этот период служил Гаврил Степанович Сондыков.

В Ларьяке начали привыкать к частой смене местной власти и руководителей. В июне (9 числа) 1920 года очередной съезд. По результатам выборов волостной совет возглавил К.С. Сигильетов, членами стали учительница З.П. Кайдалова (заведующая волостным отделом народного образования), Г.С. Сондыков (социальное обеспечение и здравоохранение), М.А. Шестаков (земельно-лесной отдел).

В ноябре 1920 года очередной волостной съезд. К.С. Сигильетов мандат председателя волисполкома сдает А.Г. Кушникову [18, С. 84].

В период Западно-Сибирского восстания в Сургутском уезде стали создаваться местные комитеты общественной безопасности (КОБ). Имеются отрывочные сведения о существовании волостного КОБ и Ларьяке в 1921 году. Если он реально был организован, то просуществовал недолго. Отряд А.А. Неборака летом 1921 года подошел к Ларьяку и обстрелял село. В плен попало 32 мятежника, в том числе местный комитет общественной безопасности.

Несколько активных «повстанцев» были расстреляны. И среди них Иванов-Никишин – муж учительницы З.П. Кайдаловой. Ситуация в Ларьяке после рейда отряда А.А. Неборака была не простая. Сохранились несколько архивных документов, в частности, письма З.П. Кайдаловой. В августе 1921 года она подает заявление, в котором просит уволить из Ларьякской школы [15]. Причина была в создавшейся атмосфере недоверия и преследования. Ей пришлось объясняться с Сургутским отделом образования: «О каком восстании может быть речь, когда такового здесь не было...» [16]. Она пишет частного характера письмо заведующему уездным отделом образования А.А. Шананину, что ее муж Иванов был убит, как белогвардеец. На этом основа-

нии волостной ревком описывает и конфискует ее имущество, вплоть до «жалкого тряпья». Растерянная женщина спрашивает совета: «Отдавать свое имущество или протестовать?» [5, С.40].

Непростое, смутное время. Тесно переплелись события и судьбы людские в глухом таежном селе Ларьяк. Пароход «Смелый» перевозил отряд во главе Проскуракова, шедший из Сургута в Ларьяк для сбора пушнины для нужд комитета общественной безопасности и Народной армии. Пароходу дойти до Ларьяка не удалось – осенью 1920 года его сковало льдом. Команда зимовала в Ларьяке. Здесь и встретились, и обвенчались в Знаменской церкви Зоя Прохоровна и Иванов-Никишин. Счастье молодых продолжалось не долго. Без суда и следствия были расстреляны Иванов-Никишин, П.Е. Кошкаров, Г.С. Сондыков, И.П. Кайдалов (выжил, тяжело раненого спас хант Сигильетов) и другие.

Советская власть на Вахе установлена. Вновь восстанавливаются волостные революционные комитеты. В июне 1921 года председателем назначается А.В. Прянишников. Членами стали Ф.М. Елтышев, А.Г. Кушников.

Окончание Гражданской войны позволило утвердившейся молодой республике принять основные нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность Советов и съездов Советов.

На основе этих документов проводятся перевыборы сельских советов сроком на один год (до этого перевыборы проходили каждые три месяца). Состоялись они и в Ларьякской волости. В ноябре 1922 года они проведены в Ларьякском, Куль-Еганском, Сабунском, Охтеурском сельских советах. Наблюдал Никандр Иванович Фролов, уполномоченный Сургутской уездной избирательной комиссии. Секретарь из местных – Виктор Прохорович Кайдалов. Особенность этих выборов в том, что избирательная комиссия начинает принимать решение об отстранении от выборов некоторых категорий граждан.

По Ларьякскому сельскому совету участвовали жители следующих населенных пунктов: село Ларьяк (43 жителя); юрты: Чехломеевские (117 жителей), Больше-Ларьякские (147 жителей), Ромкины (92 жителя), Никол-Еган (24 жителя), Вах-Куто-Пугол (21 житель), Корольские (68 жителей), в них всего

населения 512 человек. Принимало участие в выборах 162 жителя (мужчин 147, женщин-15) – явка 31,6%. Не принимали участие 79 женщины. Отстранены от выборов, как не имеющие право голоса, 5 человек (мужчин-3, женщин-2).

В члены совета были избраны:

Прасин Михаил Ефимович;

Балин Петр Иванович;

Прасин Василий Николаевич?» [7].

На выборах в Куль-Еганский сельсовет участвовали жители юрт: Кыс-Пугол (90 жителей), Куль-Еган (95 жителей), Туй-Пугол (75 жителей), Таз (50 жителей), Лекопольские (21 житель). Голосовали часть жителей села Ларьяк (16 человек). В выборах приняли участие 128 человек (92 мужчины и 36 женщин) – явка 36,9%, отстранены от выборов 1 мужчина и 1 женщина. Председателем комиссии был Иван Васильевич Каткалев, секретарем – Андрей Гаврилович Кушников.

В члены совета были избраны:

Каткалев Иван Васильевич;

Кушников Андрей Гаврилович [8].

Проводились выборы и в Сабунский сельский совет среди 396 жителей части села Ларьяк (60 человек), юрт: Панас (40 человек), Локон-Тух-Пугол (10 человек), Колтог-Еган (5 человек), Лух-Пугол (48 человек), Синтик-Еган (15 человек), Данилькины (50 человек), Люк-Пайские (20 человек). Приняли участие в выборах 110 мужчин и 7 женщин – явка 29,5%, были отстранены от выборов 3 мужчин и 2 женщины.

В состав сельсовета вошли:

Камин Иван Семенович;

Сигильетов Егор Семенович [9].

В Охтеурьевский сельский совет выбирали жители юрт Охтеурье (104 жителя), Лабаз-Еган (56 жителей), Лапчинские (30 жителей), Оськины (42 жителя), Мелинские (61 житель) Колек-Еган (87 жителей), Килькины (67 жителей), Кирилкины (19 жителей). Из 469 жителей на участок пришли 134 избирателя (34 мужчины, 69 женщин) – явка 29%. Отстраненных от участия в выборах не было.

В состав сельсовета выбрали следующих граждан:

Хохлянкин Николай Степанович;

Натускин Никита Федорович [10].

Допустимый порог явки по нормативу установлен 35%. Явка во всех сельсоветах невысокая. Выделяется лишь Куль-Еган. Возможно, для достижения этого установленного положением о выборах показателя, часть жителей с. Ларьяк приписали к другим сельсоветам.

После выборов в сельские советы, в декабре 1922 года, состоялся 2-ой съезд жителей Ларьякской волости. Прибыли 29 делегатов из 4-х советов с решающим голосом. Председателем съезда выбрали Никандра Ивановича Фролова. Протокол вел Андрей Гаврилович Кушников.

Основной вопрос на съезде – перевыборы Ларьякского волисполкома.

Членами и кандидатами Ларьякского волостного исполкома стали следующие жители Ларьяка:

Прянишников Александр Васильевич;

Пойков Андрей Ипполитович;

Кушников Андриан Гаврилович;

Торопчинов Иван Андреевич;

Прасин Иван Андреевич.

Ларьякский волисполком просуществовал недолго. Постановлением Александровского РИКа от 12 февраля 1924 года он упраздняется и организуется Ларьякский сельсовет «со старой границей в объеме бывшей волости в целом» [3, с. 11-12]. Сельские советы в юртах Охтеурье, Сабуне, Куль-Егане также упраздняются и переходят в административное подчинение Ларьякского сельского совета.

Теперь, в уже бывших советах, сохраняется лишь должность сотника с минимальными полномочиями. В соответствии с крупными родовыми единицами, имелись четыре родовых сотника: Прасиных – Ларьяк, Прасиных – Ромкинских, Сигильетовых, Натускиных.

В период 1924-1925 гг. должность председателя Ларьякского сельсовета исполнял В.П. Бардаков. В январе 1925 года его отстраняют от должности за нарушение порядка сбора ясака (налога) – вместо пушнины сдал деньгами.

Вместо него Александровский райком партии рекомендует Ивана Андреевича Торопчинова [4, с. 366].

Не успел председатель принять дела, как грянула новая реформа. В РСФСР вводится районное управление в сельской местности. Это новшество коснется и Ваха, на огромной территории которой вся власть – один сельский совет в Ларьяке и 4 сотника. Возникает резонный вопрос об эффективности деятельности данного административного аппарата. Примечателен один случай. Остяк из юрт Корельки жалуется: «Был царский власть, был урядник, которого плохой и хороший остяк боялся, теперь другой власть, есть урядник, приезжал зимой, но его никто не боится, Просин бьет и берет мое, а урядник ничего с ним не делает, наш закон убить не велит, что же нам делать?» [11, с. 8]. Речь идет о соплеменнике, терроризирующем соседей, пользуясь отсутствием милиции и судебных органов, способных повлиять на хулигана.

В 1926 году проходят очередные выборы в Ларьякском сельсовете. Были выбраны 7 членов: 6 остяков, представители 4-х родов и один русский. По роду занятий все звероловы, неграмотные, беспартийные.

Интерес представляет критерии деления избранных в совет по имущественному положению. Хозяин 20 оленей А.В. Курнин отнесен к середнякам, Е.Е. Сигильетов с 6 оленями – к беднякам. Кто владел 2 лошадьми относился к середнякам, а хозяин одной лошади – к беднякам. Скорее, ошибочно хозяин 4 лошадей М.Е. Прасин включен в разряд бедняков.

Председателем сельсовета избрали М.Е. Прасина. Можно отметить слабое влияние сельсовета на отдаленные территории. В отчете 1926 года читаем, что «...с наиболее отдаленными населенными пунктами связь носит чисто случайный характер, регулярного и планомерного руководства со стороны сельсовета они не имеют» [5].

В 1926 году ВЦИК и СНК РСФСР утверждают «Временное Положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР». Декрет определил структуру управления, более приближенную для туземных племен. Первая ступень: родовое собрание – родовой Совет. Вторая ступень: районный туземный съезд – районный туземный исполнительный комитет.

Но эти изменения до Ларьяка дошли не сразу...

В конце мая, начале июня 1927 года, Ларьяк посещает член Томского комитета Севера Пономаренко. В докладе он дает характеристику существующей власти на Вахе: «...в данный момент **на Ваху** существует единственно власть экономическая, проводимая лицами, находящимися в заготовительных организациях (бывшими торговцами), а **административной власти советской в натуре нет**» [12, с.7].

Пономаренко, скорее, сгустил краски в описании самоуправления на Вахе.

В Ларьякском сельском совете, председателем которого, к этому времени, В.Я. Булыгин, были выбраны три секции: культурно-просветительная, сельскохозяйственная и санитарная. Секции имели план работы, за шесть месяцев сельсовет провел 13 заседаний, рассмотрел 40 вопросов [1, с.181].

Оценивая деятельность местного самоуправления, нужно говорить о её недостатках, но никак об отсутствии советской власти.

Весной 1928 года (31 марта) Томский комитет Севера рассматривает вопрос об «...организации туземных советов в районе р. Вах весной 1928 года с возложением на них судебных функций...» [13, с.12].

Намечаются 4 родовых совета: Прасинский, Сигильетовский, Натускинский и Корольский. В последний момент юрты Корольки переименовали в Корлики – власть смущала в названии юрты основа «Король».

Первый пункт этого документа имеет *историческое значение* для будущего Ларьякского (теперь Нижневартковского) района. Именно в нем объявлено «Первый районный туземный съезд провести во время весенней ярмарки в Ларьяке» [14, с.13].

Здесь представлена фотография, выполненная учителем Г. М. Дмитриевым-Садовниковым в 1912 году в селе Ларьяке. **«Портрет шести мальчиков в лесу»**. В музейном описании фотография подписана «Русские дети из Ларьяка». Сидит, справа, сын учителя Андрей. Имена других мальчиков не известны [2, с.145].

Можно предположить об участии подростков (кроме Андрея – он выехал с отцом из Ларьяка, в 1921 году погиб от шальной пули), изображенных на фотографии, в дальнейших событиях по советизации на Вахе и становлении Ларьякского района.

Становление местного самоуправления на Вахе за небольшой отрезок времени с 1917 по 1928 год проходило не про-

сто: через ломку привычных устоев, людскую кровь и сломанные судьбы в водовороте множества непростых реформ.

Весна 1928 года стала решающим, рубежным моментом в завершении советизации на Вахе. Впереди 1-ый туземный съезд на Вахе и образование Ларьякского района.

Примечания:

1. Вопросы истории Сибири. Вып. 2. – Томск: изд. Томского университета, 1965.
2. Главацкая, Е. Забытые образы ваховских шаманов. Каталог фотодокументов начала XX века из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (Г. Дмитриев –Садовников. Вах, 1912) [Электронный ресурс]. – Екатеринбург, изд-во Уральского ун-та, 2013. – Режим доступа: URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006699746> (дата обращения 20.01. 2020).
3. История Югры в документах из Томска // Государственный архив Томской области / отв. ред. О. В. Беликова. – Томск, 2006.
4. История Югры в документах из Томска.
5. Ишбаев, М. М. Выход в свет: становление национальной школы в Ларьякском районе. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1998.
6. Казенное учреждение Государственный архив Югры. Ф. 132. О. 1. Д. 6. Л. 40.
7. Протокола выборов. КУ Государственный архив Югры. Ф. 129. О. 1. Д. 1. Л. 3.
8. Протокола выборов. Там же. Л. 4.
9. Протокола выборов. Там же. Л. 6 об.
10. Протокола выборов. Там же. Л.5 об.
11. Сборник документов и материалов «Веги патернализма: судьбы малочисленных народов томского Севера в системе Российской государственности (нач. XIX – 30-е гг. XX века)». – Томск, 2003.
12. Сборник документов и материалов «Веги патернализма...».
13. Сборник документов и материалов «Веги патернализма:...».
14. Сборник документов и материалов «Веги патернализма:...».
15. Сургутский городской архив. Ф. 169. О. 1. Д. 13. Л. 6.
16. Сургутский городской архив. Ф. 169. О. 1. Д. 13. Л. 9.
17. Цысь, В. В. Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 г. на Тобольском Севере: проблемы взаимодействия власти и общества в условиях политического кризиса: монография. – Нижневартовск: НВГУ, 2018.
18. Цысь, В.В. Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 г. на Тобольском Севере // Новое в исторической науке. – Нижневартовск: изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2001.
19. Шатов Виктор. Как устанавливалась Советская власть в Сургутском уезде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ok/starozhil/topic/64874774072068>. (дата обращения 23.03.2017).

**«Да здравствует 1-ый Туземный съезд Советов!»
или как проходил он в Ларьякском районе
(«День открытия съезда – день радости для туземца»)**

Ларьякская ячейка ВКП(б) 21 мая 1928 года в количестве 5 человек собирается на закрытое собрание. Участвует и представитель Комитета Севера Ф.С. Красильников. Вопросы несколько и среди них первый: «О выделении кандидатов в члены тузРИКа и родовые сельсоветы» [1, с. 227]. Красильников предлагает в ТузРИК следующую кандидатуру:

Сигильетов Сидор Федорович

Съезд открылся 12 июня 1928 года в шесть часов вечера в селе Ларьяк. Присутствовали на съезде 37 человек: 33 делегата Прасинского, Каминского, Сигильетовского и Натускинского родовых советов, председатель Томского комитета Севера К.С. Карелов, председатель Александровского райисполкома И.В. Борщев, уполномоченный Томского комитета Севера Красильников. Переводил на съезде студент Ленинградского института живых восточных языков Трофим Алексеевич Вогулкин [2].

Первый день съезда

Съезд выбирает руководящие органы.

В состав Президиума вошли Карелов, Борщев, Сигильетов, Чумин и В.В. Каткалев. В мандатную комиссию выдвинули Е.Д. Уженцева, Сигильетова и Т.А. Вогулкина. Записи вели секретари Красильников, Уженцев и Дикий.

Съезд утверждает предложенную повестку:

1. Информационный доклад о Временном положении об управлении туземных народностей северных окраин РСФСР и выполнении ими судебных функций. Доклад тов. Карелова.
2. Доклад об итогах работы по организации органов управления в районе реки «Вах». Доклад Красильникова.
3. Доклад об очередных задачах органов туземного управления. Доклад тов. Карелова.

4. Выборы туземного РИКа и делегатов на районный съезд Советов.

Открывает съезд Карелов.

В речи он говорит о роли Советской власти, которая освободила народности северных окраин от ига национального гнета. Власть дает возможность строить новую жизнь. Для строительства новой жизни остяки Ваха должны иметь свои органы управления – родовые советы, туземный исполком. Новому органу власти на Вахе предстоит решить «в ближайший период» множество задач хозяйственного, административного, культурного плана. Съезду нужно обсудить эти вопросы:

- хозяйственное устройство;
- народное образование;
- здравоохранение;
- кооперативное строительство;
- выборы высшего туземного органа управления – ТУЗРИКа [3].

Участников съезда приветствовал председатель Александровского райисполкома И.В. Борщев.

Он отмечает, что день открытия съезда – «день радости для туземца», так как, по его мысли, этот день приближает советскую власть к туземцу. Туземец сам может начать строить свою жизнь. Далее он подчеркивает заботу советской власти, которая кредитует остяка, снабжает продуктами и товарами, организует образование и медицинскую помощь. Заверяет участников съезда о помощи со стороны Александровского райкома партии и райисполкома в налаживании работы туземного РИКа [4].

С приветственным словом выступил студент ЛИЖВЯ Вогулкин. Он призывает участников съезда принять самое активное участие в работе и наметать кандидатами тех людей, которые будут защищать интересы туземца. Отмечая отсутствие среди местного населения грамотных, выражает надежду на помощь русских грамотных товарищей. Через два года, после завершения учения, студенты вернутся на места «для поднятия культурно-хозяйственного уровня своим сородичам».

Речь свою заканчивает лозунгом «Да здравствует 1-ый Туземный Съезд Советов» [5].

С приветствием выступает студент ЛИЖВЯ А.М. Прасина. В речи она подчеркивает роль советской власти в предоставлении прав женщине и повышении грамотности населения [6].

От Сигильетовского родового Совета (юрты Охтеурье) выступает Сидор Федорович Сигильетов.

Его речь лаконична, отсутствуют высокопарные слова «товарищи», «приветствую», «да здравствует...». Выражает одобрение предоставленной возможности туземцу самому «строить свое хозяйство на культурных началах» [7].

Просит обратить внимание на плохую работу ветеринарного пункта и отсутствие врача для жителей. Коснулся он и административного устройства: вместо нескольких советов он предлагает один – Прасинский, к которому можно присоединить все остальные.

От Прасинского родового Совета выступает Михаил Алексеевич Чумин.

Речь его еще короче: «Все, что переведено тов. Вагулкиным нам, все хорошо для нас и понятно...». Он предлагает соединить Каминский и Прасинский Советы в один «Два совета соединить вместе. Вот все, что я хотел сказать» [8].

Президиум подготовил приветственную телеграмму в Москву, Новосибирск и Томск. Телеграмму зачитывает Карелов (текст не сохранился), а съезд утверждает текст.

В завершающем выступлении Карелов считает предложения о создании на Вахе одного, Прасинского совета недоразумением, так как советы выбраны при активном участии жителей юрт. Переносит этот вопрос на следующий день.

Предлагается объявить перерыв, работу продолжит 13.06.1928 г. в 10 часов утра.

Завершается первый день съезда просмотром фильма «Тарко».

Роль главного героя, молодого ненца Тарко, в фильме сыграл актер Сергей Ланговой (1926 г.). Фильм «Тарко» не сохранился.

Второй день съезда

Второй день начинается с доклада И.В. Борщева об устройстве управления туземных народностей. Он подчеркивает, что советская власть создает условия для местного самоуправления, чтоб жители сами строили свою жизнь. Далее он знакомит с Временным положением об управлении туземных народностей северных окраин РСФСР и Постановлением о несении судебных функций родовыми советами. Доклад Борщева для большей ясности переводился по пунктам.

Председатель съезда Карелов считает необходимым дать некоторые пояснения по содержанию зачитанных Постановлений. Он высказывает свое опасение, что остяки сравнивают создаваемые родовые советы с теми, которые были раньше при царе и основная задача которых была в сборе «ясака». Задача советов не в сборе ясака, которую Советская власть, если нужно, соберет и без советов, говорит Карелов. А их задача в улучшении хозяйства, санитарного состояния, подъема промыслов и призывает не слушать тех, кто говорит о вреде Советов. Заодно успокаивает делегатов с реки Сабун, что их прикрепят согласно их желанию к Прасинскому совету (обещание выполнено не было, Сабун прикрепят позже к Толькинскому совету).

Такие краткие комментарии, на доступном уровне, были очень важны для разъяснения довольно сложных положений; вспомним, как выступали на предельно конкретном уровне С.Ф. Сигильетов и М.А. Чумин.

В этом убеждаемся после вопроса В.В. Каткалева (юрты «Кыстры»): «То, что вы читали о судебных функциях, мы уже забыли и как мы будем судить у себя дома, когда придем?», — спрашивает он [9].

«У вас будут книги, в которых написаны законы, ими и будете руководствоваться», — отвечает И. В. Борщев [10]. Непонятно, если бы книги и появились, кто бы их прочитал при сплошной безграмотности среди остяков, правильно истолковал. И Каткалев неграмотен, не сможет он книгу прочитать. Вопрос был более чем серьезный, перегибов в применении законов будет много.

Далее разгорается полемика о необходимости совета в юртах Корольки. Жители с реки Кул-Еган хотят присоединиться к Прасинскому совету.

В.В. Каткалев стоит на своем: «В Корликах нужно и можно сделать совет – это возражает один Гришка; он всегда такой вольтерьянец» [11]. Необходимость совета в Корликах поддержит и Сидор Федорович Сигильетов.

В итоге делегаты согласились, что совет в ю. Корольки нужен.

По второму вопросу, об итогах работы по организации туземных органов управления, докладывает Красильников.

Он говорит о передаче сотниками своих функций родовым советам, о тяготении Сабунских остяков к Прасинскому совету, о необходимости плановой работы и отчетности создаваемого туземного исполкома перед Александровским РИКом.

Во время его выступления дебаты разгорелись по поводу Тазовских: они принадлежат Красноярскому краю, причислены к Каминскому совету, а тяготеют к Прасинскому. Голоса с мест требуют приписать их к Прасинскому. Каткалев утверждает, что это Ваховские остяки (хотя это не совсем так), на что Карелов еще раз подчеркнул необходимость родового совета в Корольках, «...у которого будет много работы». Было много вопросов по территории совета и, как говорил Каткалев, «никаких границ не определишь» [12].

Карелов: «Как назовем тузсовет, находящийся в Корликах?».

Съезд: «Назовем Корликовским т/советом, так что в районе Корликов имеется несколько родов, разбросанных на этой территории» [13]. Так определилось название совета и, соответственно, поселения – Корлики.

Далее делегаты принимают постановление по территориальным вопросам и дают названия туземным советам: Натускинский – с центром в ю. Сороминях; Корликовский – с центром в ю. Корлики (объединил население по рекам Куль-Еган, Кысса и вершины Ваха); Сигильетовский – с центром в ю. Охтеурье; Прасинский – с центром в с. Ларьяк (присоединением населения с вершины Таза (на территории Красноярского края), по реке

Сабун и его притокам в пределах Томского округа, юрты Синтиг-Еган, Ерган-Еган, Негли-ех-Пугол, Лехчин-Еган) [14].

Далее рассматривается проведение земельного и водного устройства, необходимого для каждого родового совета, о дорожном строительстве, об освобождении рек от заломов, о начале коллективизации, о страховании оленей, о создании бюджета и выявлении источников дохода, о почтовой связи, о строительстве интерната в Ларьяке и школы в Охтеурье. Например, освобождение рек от заломов предлагается путем взрыва во время большой воды, но делегаты высказали большое сомнение об эффективности такого способа.

Отдых в юрте. Беседа. Д.И. Каратанов. Карандаш. 1928 г.

(рисунок выполнен во время экспедиции на Вах)

Второй день, как видим, насыщен вопросами хозяйственного значения. Многие из этих вопросов не были приняты, или подвергнуты большому сомнению, вызвали недоверие. Такое отношение делегатов во многом было, скорее, следствием непонимания сути предложения или взгляда с позиции практической необходимости.

Например, Карелов говорит о создании заказников на Вахе, назначение которых – сохранение пушных фондов. К предложению охотники отнеслись скептически: «Разве белка в этих заказниках будет сидеть» [15]. Не поддержали делегаты развитие кустарной промышленности, сославшись на отсутствие

таких промыслов, кроме изготовления бус из стекла. Не поддержали ханты и возможность сдачи русским в аренду промыслов для пополнения бюджета, сославшись на то, что потом самим будет негде промышлять. Необходимость больницы в Ларьяке поддержали многие, при этом подняли вопрос о разъездном враче. Постройка школы в Охтеурье была поддержана, хотя охотники были недовольны отрывом детей в период охоты.

Значительное внимание съезд уделил вопросу оленеводства. В районе был неудачный опыт приобретения оленей с Ямала. Многие олени пали, а остальные разбежались. Охотники, надеявшиеся на пользу оленя, как средства передвижения, купили их за 60-70 белок, но теперь остались без оленя и с большими долгами. Вопрос был острый, дебаты были и по поводу кормов, скрещивания местной породы с ямалскими, отсутствия ветеринара, больших размеров кредита за оленей. Карелов подчеркнул, что необходимо организовать экспедицию по изучению запасов кормов и племенной рассадник. Таким образом, он закрепил решение о развитии оленеводства в районе.

Делегаты одобрили проект создания туземного комитета общественной взаимопомощи (ККОВ).

Долго обсуждали сроки охоты. Ханты согласились выполнять сроки, но просили продлить весеннюю охоту до 15 марта. Охотники не увидели надобности в доме приезжих (дом туземца) и предложение не прошло.

Карелов, заканчивая дебаты, еще раз обращает внимание на проблему статистики (точнее, на ее отсутствие), на необходимость сбора материалов, например, о численности населения. Съезд одобряет это направление, поручает будущему РИКу наладить статистику.

Делегаты высказали отдельное мнение по итогам обсуждаемых вопросов. «Что мы поставили все хорошо, но нам трудно выполнить ту работу без писарей. А также чаще посылать людей, которые бы руководили и помогали в нашем районе Ваха», — было общее мнение, переведенное Вогулкиным.

Мы понимаем озабоченность делегатов: намечено очень много, большинство из намеченного требовали грамотных специалистов и обширных мероприятий. А как мы знаем, в

туземных советах, даже в самом Ларьяке, квалифицированных специалистов фактически не было.

Резолюция съезда

Съезд принимает обширную резолюцию, состоящую из 21 пункта, которую делегаты утвердили.

Пункты резолюции можно объединить в несколько крупных блоков:

1. Территориально-административное устройство.
2. Развитие местной промышленности и хозяйства, промыслов.
3. Организация кооперативов и коллективных хозяйств.
4. Развитие образования и медицинского обслуживания.
5. Организация почтовой связи.
6. Укрепление финансового обеспечения текущей деятельности туземного исполкома.
7. Наведение порядка в кредитовании населения и снижение старой задолженности, создание комитетов взаимопомощи (ККОВ).
8. Организация статистического учета.

Выборы в РИК

Завершился съезд выборами в Ларьякский туземный районный исполнительный комитет. Карелов озвучил поступившие кандидатуры:

- Сигильетов Сидор Федорович.
- Чумин Михаил Алексеевич.
- Чумин Василий Алексеевич.

Некоторые участники выдвинули кандидатуру Егора Ефимовича Сигильетова. Однако, Карелов не допустил данную кандидатуру, аргументируя тем, что Е.Е Сигильетов лишен права голоса по суду за агитацию против кооперации и имеет 3-х рабочих (т.е., эксплуататор). Делегаты с доводами Карелова согласились и выдвинули дополнительно кандидатуру Никиты Николаевича Сигильетова

С.Ф. Сигильетов. Рисунок художника
Д.И. Каратанова. 1928 г.

Победу одержал *Сидор Федорович Сигильетов*, за него проголосовали 29 делегатов [16]. Он стал *первым председателем* только созданного Ларьякского туземного районного исполнительного комитета. Ему предстояло организовать работу районного исполнительного комитета, координировать деятельность туземных родовых советов, мобилизовать работников и население на выполнение принятых съездом решений.

Огромную и сложную работу приходилось начинать в условиях отсутствия опыта административной работы и квалифицированных кадров, связи, транспорта и дорог.

Но было желание строить новую жизнь: ханты впервые обсудили, как им жить дальше, приняли резолюцию съезда, положившую начало административному, экономическому, культурному становлению в бассейне реки Вах.

Ваховские остяки, 1896 г. Фото А. Дүнина-Горкавича

Примечания:

1. История Югры в документах из Томска (центр документации новейшей истории Томской области) / отв. ред. Л. Н. Приль, Я. А. Яковлев. – Томск: изд. Томского ун-та, 2009.
2. Казенное учреждение Государственный архив Югры. Ф.142. О.1. Д. 1. Л. 8. В протоколе записан Вагулкин, правильно Вогулкин
3. Казенное учреждение Государственный архив Югры. Ф.142. О.1. Д. 1. Л. 8.
4. Казенное учреждение... Ф.142. О.1. Д. 1. Л. 9.
5. Казенное учреждение... Ф.142. О.1. Д. 1. Л. Л. 9-9 об.
6. Казенное учреждение... Л. 10.
7. Казенное учреждение... Л. 10.
8. Казенное учреждение... Л.10-10 об.
9. Казенное учреждение... Л. 11. Здесь ошибка секретаря, должно быть юрты Кыс-Пугольские.
10. Казенное учреждение... Л. 11 об. Протокол напечатан после съезда, потому Корольки записаны как Корлики.
11. Казенное учреждение... Л. 11 об. Личность Гришки установить не удалось.
12. Казенное учреждение... Л. 12.
13. Казенное учреждение... Л. 12 об
14. Казенное учреждение... Л. 12 об.
15. Казенное учреждение... Л. 14.
16. Казенное учреждение...Л. 18 об.

Братская могила в Вампуголе как свидетельство событий 1921 года

В реестре объектов культурного наследия Ханты-Мансийского округа-Югры, утверждённый приказом Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа-Югры № 12-нп от 23.06.2020 г. значится объект под названием «Братская могила, где похоронены командир партизанского отряда А.П. Зырянов и его бойцы, погибшие в 1921 г.» [20] Памятник расположен на территории Нижневартовского района, на левом берегу Оби, в д. Вампугол (в начале XX века – село Нижневартовское). Именно здесь столетие назад произошли драматические события, связанные с развернувшимся по всей Западной Сибири антибольшевистским восстанием, а именно: 13 марта 1921 г. эвакуировавшийся из Сургута в Нарым отряд коммунистов, возглавляемый А. П. Зыряновым, принял бой с преследовавшим его отрядом повстанцев под командованием А. Г. Третьякова. В результате боя погиб командир коммунистического отряда и

значительная часть бойцов; оставшиеся в живых отошли к Тымску.

На братской могиле, расположенной в центре Вампугола, установлен небольшой металлический обелиск с надписью: «Зырянову Антонину Петровичу и его соратникам, павшим в борьбе за установление Советской власти на Обь-Иртышском Севере», обнесённый невысокой оградой, участок внутри которой выложен бетонными плитами. Это не единственный памятник в деревне, связанный с указанными событиями: в 1987 г. в Вампуголе был сооружён мемориальный комплекс в виде масштабной красной звезды и трёх винтовочных штыков, установленных вертикально, расположенный напротив братской могилы, на небольшом расстоянии от неё. В некоторых публикациях последних лет ошибочно утверждается, что мемориальный комплекс и братское захоронение сургутских коммунистов представляют собой один объект: «...19 июля 1987 г. был открыт новый памятник, который установлен на братской могиле коммунаров сургутского коммунистического отряда...» [16, с. 8] Однако, в Государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации под номером 861510337170005 значится именно братская могила с небольшим обелиском, а не построенный позднее мемориальный комплекс, где впоследствии были увековечены также имена жителей деревни, участников Великой Отечественной войны. Подтверждением тому может служить, в том числе, информация на сайте «Карта России», раздел «Достопримечательности России». Там, помимо официальных сведений о памятнике, размещена его фотография. [8]

В последние годы появилось достаточное количество книг и научных публикаций, раскрывающих тему Западно-Сибирского восстания в Сургутском уезде, которые, благодаря вновь открывшимся архивным источникам, позволяют взглянуть на события с обеих сторон, во многом изменив точку зрения, существовавшую в советский период. Среди них работы Н. Г. Третьякова, А. А. Петрушина, В. И. Шишкина, Ю. К. Рассамахина, В. В. Цыся, В. И. Николаенко и др. В рамках

настоящей публикации не предполагается рассматривать все аспекты указанной темы, причины и следствия восстания, а также – оценивать действия тех или иных участников событий. Нас интересует исключительно эпизод, произошедший под Нижневартовским. В общей картине восстания, охватившего Сургутский уезд весной 1921 г., нижневартовские события не являются ключевыми или сколь-нибудь определяющими ход событий, но, с точки зрения истории места, максимальное уточнение деталей и выявление подробностей произошедшего представляется крайне важным. До недавнего времени не было точно известно, сколько именно человек погибло и захоронено на месте боя. В разных источниках приводились разные цифры: от пяти до двадцати восьми человек. [2; 9; 154, с. 36;] По мнению В. В. Цыся, в братской могиле находятся останки девятнадцати человек. [22, с. 75] Имена всех погибших также достоверно не установлены. Как правило, в большинстве источников фигурируют трое: Антонин Петрович Зырянов, Афанасий Артамонович Зорин, Николай Анатольевич Чвинов. В Сургутском городском архиве И. В. Игониной был выявлен документ, позволяющий назвать имя ещё одного погибшего, это Владимир Васильевич Богородицкий, родился 12 июля 1878 г., с августа 1920 г. работал бухгалтером Сургутского уездного исполнительного комитета. В «Записи о смерти» от 6 июля 1921 г. выданной дочери последнего (в замужестве – Невстроусовой) Сургутским уездным ревкомом, указано: дата смерти – 13 марта 1921 г.; место смерти – с. Н. Вартовское Сургутского уезда. Причина смерти: убит в бою. Место погребения – Н.Вартовское Сургутского уезда. [13, л. 59] Н. И. Горяев, в те годы – председатель Сургутского исполкома и непосредственный участник нижневартовских событий, в письме Ф. Я. Показаньеву так характеризует Богородицкого: «...До нашего приезда в Сургут на посту председателя уездного исполкома был некто Иванов (*Г. Иванов, вместе с А. Кочневым и Н. Смирновым, был назначен старшим в одной из партий обоза, эвакуирующегося из Сургута – прим Л. К. [15, с. 82]*), а его заместителем Богородицкий. Первый ранее был попом, второй дьяконом, но надо отдать им должное, они оправдали звание коммунистов. Оба они, кажется, погибли в 1921 году...»

[12, л. 57] В воспоминаниях И. И. Крюкова встречаются имена погибших разведчиков отряда: Степана Хатина и Казбоева, а также коммунистов Чиркова, Медведева и Захарова. [2] Из других источников известно, что С. Хатин похоронен в братской могиле в селе Александровском вместе с сургутским красноармейцем С. Смирновым [12, л. 57] и александровским коммунистом В.Г. Мирюгиным. [5, с.188] В воспоминаниях участницы боя Т. Устиновой, опубликованных в статье «Они боролись за светлое будущее», помимо Зырянова, Зорина и Чвинова, упоминается Симонов. [11, л. 14] Афанасий Михайлович Захаров, милиционер из Александровского, отступавший из Сургута с отрядом Зырянова, называл среди убитых под Нижневартовским александровцев Панова и Павла Николаевича Захарова. [23] (Его воспоминания были записаны в конце 1950-х гг. школьниками Александровской школы под руководством педагога Н. Ф. Яровой). Таким образом, на основании выявленных на сегодняшний день источников, можно с высокой степенью вероятности назвать фамилии двенадцати погибших, однако, нельзя утверждать однозначно, что все были похоронены в братской могиле. Предстоит дальнейший поиск документальных свидетельств в архивах.

По мнению В. И. Николаенко, общая численность зыряновского отряда при выезде из Сургута в ночь на 9 марта составляла около 50 вооружённых людей: это сотрудники советских учреждений, красноармейцы и милиционеры, несколько женщин (врач, фельдшер и две сестры), остальное – обозы с семьями коммунистов, государственным имуществом и пр. [15, с. 85] А. М. Захаров свидетельствует, что из Нижневартовского живыми удалось уйти примерно тридцати коммунистам. В. В. Цысь, изучив детали боя, приводит данные о том, что пятеро из отряда Зырянова попали в плен, среди них трое сургутских милиционеров (А. М. Петухов, И. В. Клепиков, А. Д. Тархов), которые перешли к повстанцам. [22, с. 77] Среди пленных также оказалась Ираида Тарасова, временно исполняющая дела заведующего собесом. Ей было поручено эвакуировать архив и финансовые средства отдела, которые в результате были похищены повстанцами. [15, 84] По пути следования к остаткам сургутского отряда присоединялись

местные коммунисты и комсомольцы, вооруженные охотничьими ружьями. [17] Уполномоченный член Реввоентройки Нарымского края И. Видягин в июле 1921 докладывал Томскому Губисполкому, что в сургутском отряде, добравшимся до Тымска под руководством А. В. Шананина, было человек 40 эвакуированных и мобилизованных.[3, л.1]

Подробности боя в Нижневартовском описывают выжившие участники перестрелки. Некоторые свидетельства были зафиксированы в протоколах допросов практически сразу после подавления восстания, в том числе показания сургутянина М. М. Непомнящего, воевавшего на стороне повстанцев: «...Вечером нам велели собраться с конями к зданию комитета общественной безопасности, откуда поехали в погоню за коммунистами. Догнали их у села Вартовского, а в Локосово мне дали двухстволку, которую в д. Ермаково обменяли на берданку 32 калибра с 10 патронами, заряженными пулями. Не доходя до Вартовского, я попал в разведку. Мы обошли д. Вартовское и устроили засаду, и когда по дороге стали ехать отступающие, мы по ним открыли стрельбу. После этого вошли в д. Вартовское, где я и остался и просился домой...

[Вопрос]: Скажите, где Вы были, когда был первый бой с эвакуирующимися под Вартовском и чем были вооружены?

Ответ: Вооружён был берданкой, [находился] в разведке из 20 чел[овек]...» [6, с. 475.] В. В. Цысь в статье «Обостолковениях в районе Нижневартовска в период Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года» приводит фрагменты из показаний участников боя: «...После перестрелки мы начали отступать цепью, отстреливаясь, со мною был Зырянов и Трофимов, взади тому Тархов. Когда я заметил, что Тархов не стреляет, я ему сказал – он выстрелил два раза из револьвера и лег параллельно дороге в снег...отступая, мы подошли к лошадям и немного подождав отставших, поехали от Вартовского. Если бы Тархов хотел отступить с нами – то он всегда смог бы...но он желал сдаться бандитам.» «...Нас обошли и обстреляли, все уехали, я с другими милиционерами остался, т.к. не было подвод. Третьяков нас взял в отряд, вооружил берданками...»[22, с. 77]

Сохранились воспоминания, сделанные членами отряда Зырянова спустя несколько лет после указанных событий, когда некоторые детали и фамилии могли изгладиться из памяти, что безусловно, следует учитывать. Тем не менее, представляется интересным привести здесь некоторые развёрнутые цитаты.

Трофимов П. Н.: «...В 1921 году в Сургутском районе вспыхнуло кулацкое восстание, в котором, как партизаны активно во всех боях принимали участие Устинов Алексей Александрович и его жена Устинова Татьяна Алексеевна, которая, несмотря на совершенно безвыходное положение отряда под Н-Вартовском, всё-таки смогла собрать оружие у убитых и бежать в отряд красных с оружием... [11, л. 12]

Устинова Т. А.: «..узнав о приближении крупного и хорошо вооруженного отряда, сургутские коммунисты и комсомольцы решили эвакуировать в первую очередь женщин и детей из семей бойцов, входящих в отряд. С кратковременными передышками отряд дошел до Ваты, и здесь, выставив посты, остановился на отдых. В эту же ночь часовые тов. Трофимов и я, стоявшие на посту, увидели идущих к дер. Вата семь лошадей в упряжке, но без ямщиков. Оказывается, бандиты, не доезжая до деревни несколько километров, бросили лошадей и хотели на лыжах незаметно проникнуть в деревню и перерезать всех спящих бойцов. Но это им не удалось. Отряд быстро снялся и двинулся дальше. Поход днем и ночью без сна и отдыха утомил людей, по прибытию в Нижне-Вартовск было решено сделать отдых. Некоторые стали приводить в порядок одежду и обувь, кормили и поили лошадей и ремонтировали упряжь. Бандиты знали о тяжёлом положении отряда, и, постоянно меняя лошадей, шли буквально по пятам. Оставив обоз, они подошли к деревне на лыжах. Разгорелся сильный бой, в котором с оружием в руках принимали активное участие и многие женщины. Среди них был Валенто Агриппина, Богдашина Зоя, Овчинникова Ираида, Зырянова Таисья и другие. В этом бою погибли тт. Зырянов, Чвинов, Зорин, Симонов и другие. Некоторые женщины выносили с поля боя раненых, отправляли их в деревню Былино, где одновременно брали у населения для отряда сохранившееся оружие... [11, л. 14]

Горяев Н. И.: «...мы с тов. Захаровым С. Д. ночью выехали [из Александровского] в с. Вартовское, куда нас пропустили часовые. Позвали начальника караула, и последний разрешил въехать в село. Была глубокая ночь. Разговор с начальником караула, а потом с товарищами Зориным и Зыряновым как бы успокоил нас, и мы с Захаровым легли спать, так как за последние дни сильно утомились. Вот что произошло утром 13 марта. Я спал. Вдруг как будто кто-то толкнул меня. Проснувшись, слышу выстрелы, тут сразу все сны отлетели. Быстро оделся, выскочил на улицу и вижу, вокруг лошадей толпятся детишки и женщины, кричат и плачут, и погонщиков лошадей не видно. Бегу в помещение, где ночевала рота, в доме никого нет, прошёл по комнатам и обнаружил в углу винтовки до 25 штук, взял 3 штуки и вышел, чтобы показать командиру отряда, но этого не удалось сделать, отдал две винтовки встречному, одну оставил себе. Бегу в протоку, куда ушли и уехали люди, а стрельба по нам продолжается, там впереди кричат «ура», в протоке вижу скопление людей, на дороге упала лошадь, её стаскивают, чтобы освободить проезд, я подоспел на помощь. В это время, слышу, кричат: «Зорин ранен!» бегу к Зорину, помогаю его поднять и нести до саней. Хочу выстрелить, прицеливаюсь, нажимаю спусковой крючок — выстрела нет, ещё и ещё раз. Оказывается, винтовка испорчена — боёк ударника сломлен. То же самое и с другими винтовками.

Стрельба утихла. Ко мне подходит Валенто Агриппина и говорит, что у них лошадь убежала в сторону бандитов. Так мы остались втроём. Пошли по реке, видим, за нами гонятся. Тороплю своих спутников. Беру у беременной женщины винтовку, несу. На дороге встретили лошадь, вывернувшуюся из оглобель и без вожжей. Быстро перепрягаю, сажусь верхом, двое в сани. Старик Мезенцев бьет лошадь прикладом. Отдохнувшая и продрогшая, она сразу взяла хороший бег. Преследователи стали отставать, и мы ушли. Въезжаем в юрты Кабинские. Смотрим, стоит старик-остяк и держит под уздцы дюжего жеребца, запряжённого в сани. Взяли того жеребца и поехали дальше. На 30 километре догнали свой караван-отряд. Здесь я узнал о гибели в бою командира отряда А. П. Зырянова и помощника военкома Чвинова...

...о сургутском отряде можно сказать, что боевой единицей он служить не мог. Его крепко побили под Вартовском, но враг не знал, какие остались силы и как они организованы. Можно было ожидать полного разгрома, а то все же, плохо или хорошо, отряд с канцелярией и семьями отошел с малыми потерями.» [12, л. 56, 58]

Захаров Афанасий Михайлович: «...Когда отряд доехал до Вартовска, решили остановиться отдохнуть, накормить лошадей. Но была команда лошадей не распрягать, держать наготове. Бандиты обошли нас с другой дороги и стали обстреливать. Подана была команда быстро выехать, но оказалось, что были перерезаны супони, спрятаны дуги (В отряде оказались предатели) и сразу выехать не смогли. Одни погибли в деревне, а другие выехали, но бандиты по дороге сделали завал и засаду. Многие здесь погибли. Были убиты Зорин, Зырянов, Чвинов, Панов, Павел Николаевич Захаров (из Александровского) и другие. Мы, остальные, человек 30, отступали, доехали до Александровского, где сменили лошадей и отступили до Тымска...» [23]

Кайдалов Александр Михайлович: «... В Сургуте оставался последний, уже ослабленный по составу, коммунистический отряд под командованием председателя Сургутского ревкома тов. Зырянова Антонина Петровича. В его составе были остатки красноармейцев караульной роты, местные милиционеры, коммунисты и комсомольцы, в том числе из руководящего состава уездных организаций. Я в это время временно исполнял обязанности секретаря Сургутского укома РКСМ. Мне было поручено сохранить основные документы, штамп и печать укома комсомола. На первых порах все эти документы я вёз при себе, а позже они были вместе с документами штаба отряда и благополучно возвратились в Сургут. Наш отряд имел на вооружении четырехлинейные винтовки типа «берданки» и винтовки «Гра», ручные гранаты и пистолеты. Пулемёта не было. Серьёзного сопротивления мятежникам мы оказать не могли, а они находились уже в непосредственной близости. 8 марта отряд т. Зырянова А. П. вынужден был оставить Сургут и отступить по направлению на Нарым в расчёте на получение помощи нарымских товарищей.

... 12 марта мы прибыли в деревню Нижневартовскую, где было решено дать небольшой отдых лошадям и людям. Эта остановка отряда оказалась роковой. В ночь с 12 на 13 марта, рано утром бандиты настигли нас. Почти без выстрела сняли охрану дороги, а за деревней на протоке сделали засаду. Внезапно началась стрельба. Разрозненные группы отряда из отдельных домов действовали несогласованно. Среди возчиков чувствовалась растерянность и робость. Запряжённые подводы выезжали из деревни уже под обстрелом. Через некоторое время стало известно, что несколько человек из отряда уже были убиты в деревне и в том числе командир отряда тов. Зырянов А. П. и его помощник, исполнявший обязанности военкома тов. Чванов.

В последний момент, когда мы отходили из деревни на дороге был смертельно ранен в живот член Сургутского ревкома тов. Зорин. Его успел наш комсомолец Алеша Устинов быстро подхватить на свои розвальни и вывезти из-под обстрела. Когда отряд на подводах продвинулся в протоку, здесь снова начался обстрел из засады. Командование отрядом принял на себя член Сургутского укома РКП(б) тов. Шананин А. В. Благодаря дерзкой и решительной атаке группы товарищей во главе с комсомольцем Устиновым, применив ручные гранаты, бандитские лыжники из засады были рассеяны. Это позволило нам, оставшимся в живых, выйти из окружения и быстро отступать через деревню Вампугольскую вверх по Оби. Здесь были оставлены для захоронения часть погибших товарищей и в том числе скончавшийся тов. Зорин.

После поражения в Нижневартовске наш отряд потерял убитыми почти половину состава и в том числе боевых руководителей тов. Зырянова А. П., Зорина и Чванова. Нашему быстрому отступлению и отрыву от преследования бандитов содействовало то, что авангардная группа успевала раньше всей колонны, в последующих деревнях запрягать свежих лошадей, оставляя взамен загнанных лошадей...» [17]

Крюков И. И.: «...уже в феврале, в конце, были отступающие семьи из Сургута, которых и увозили дальше в сторону Вартовской с Покура, где и Сургутскому ревкому из Сургута пришлось отступать в сторону Нарыма к Томску, в первую очередь семьи и ценности. Дня за три или пять до

вывозки всех ценностей с Покура мне лично пришлось отвозить эвакуированную женщину, она была одна в тяжёлом состоянии, в положении. До Ваты ее довез, ей сразу дали лошадь, возчика и дальше повезли... Вперед отступающего отряда Зырянова шёл обоз, и пришлось с Покура обозу выйти в ночь в сторону Вартовска, где я и был в обозе, когда наш обоз дошёл до Ермаковой. А отряд Зырянова уже пришёл на Вату, и тут встретил разведку белых, обоз покурский срочно вышел в Вартовск, утром рано в Вартовске произведен обмен лошадей, где все ценности, что везли, пришлось переложить на вартовских лошадей, и обоз пошёл дальше в Александрово. А [спустя] половину дня в Вартовск прибыл отряд Зырянова, где видно Зырянов решил дать бой, или узнать, что за отряд их преследует.

Вечером в [деревню] Ермакову была отослана разведка, два коммуниста, Хотин Степан и Казбеев, которые попали к белым в плен, белые уже были в Ермаковой. Вечером Зырянов и Зорин и еще несколько человек из отряда находились у Слинкина Тимофея Арх. Вечером Зырянов пригласил к себе Мартемьянова Амподиста и сказал, чтоб его десять лошадей были готовы под отряд, на которых Зырянов со своим отрядом проскочит до Александрова. А утром рано, когда пошёл бой, нужно коней подать под отряд, кричат: «...какой Мартемьянов своих коней не поставил.» Арполов (?) Никита и Парунин Максим хотели запрягать Мартемьянова лошадей, а дуг нет, он их через забор перекидал, где стояли его лошади. Пришлось запрягать которые тут поближе, в такой суматохе, где отряд Зырянова отстреливался, тут и подводка лошадей, и тут были на одном месте убито 5 человек, а кто был ранен тех мужики, что подавали лошадей, клали в сани-[розвальни] и увозили в сторону Былино. А пять человек, что были мертвы, остались на месте, где отстреливались. А мы, ребята наши с Покура, когда бой шёл, лежали за домом Тырыковским, откуда нам казалось, что стрельба идёт из-за угла дома [Тырыковского]. Когда отряд белых вступил в Вартовск, то Мартемьянов быстро запряг своих десять лошадей, посадил сколько-то белых и погнался догонять отряд красных... Доезжая до Былино, отряд не догнали, Мартемьянов вернулся... Мужики наши, что подавали лошадей

отступающему отряду Зырянова, говорили что Зырянов, и Зорин, и Чирков, Медведев, Захаров, что были у Тимофея Слинкина вчера, сегодня, здесь, на одном месте были убиты. А дорогой один ранен[ный] помер, провезли его дальше, видимо в Сосниной оставит какой-то боец. Те[м], кто отвозили в Былиной, некогда было, быстрее надо было отступить отряду..

...Все мы с Покура, я и мои товарищи были возчиками, у всех нас было сочувствие к отряду Зырянова, и все мы за Советскую власть. Я работал агентом по сбору продразверстки, когда отряд белых зашёл в Вартовск. Я увидел, что в отряде у белых мужики с Покура и Ваты, меня не знают, надо как-то избежать, чтоб они меня не заметили. Я тихонько ушел к хантам, а на завтра, когда я пришёл обратно в Вартовск, мои товарищи мне говорят, что всех убитых похоронили вон там, за кайдаловской кухней, и мы ходили, смотрели, где была могила. Ребята говорят, что в яму прямо так скидали, а могилу копали наши мужики, что были с Покура и вартовские...» [2]

Летом 1921 г., по всей вероятности, прошло перезахоронение погибших. Это следует из записки председателя Локосовского волостного ревкома Веселовского С. А. от 30 июля 1921 г. председателю Сургутского ревкома Е. Федосееву: «...На отношения Ваше от 21 июня за №1468 -м довожу до Вашего сведения, что могилы павших в бою в селе Вартовском товарищей, приблизительно с неделю времени выйдут из-под воды, когда и могут быть произведены перепохороны... В проезд из Томска в Сургут члена Томского Губревтрибунала Кораблёва, последний, при личном моём с ним свидании высказывал желание участвовать в означенном церемониале вместе с частью войск, а поэтому желая выехать вместе с членами Локосовской ячейки РКП (б-ов) на означенный церемониал, прошу Вас, товарищ Председатель, не найдёте ли возможным переговорить с т. Кораблёвым, будет ли он согласен поддержать своё обещание, о чём не оставьте меня уведомить. Присутствие товарища Кораблёва с наличием красноармейцев желательно как в смысле полноты похоронной церемонии павших товарищей, так и в целях предотвращения возможного набега бандитов, которые, как слышно, скрываются около с. Вартовскаго. Мы же, при наличии лишь собственных

сил и слабом вооружении в случае нападения на нас можем лишь численно усилить павшие жертвы...P.S. Кстати, желательно тогда же устроить оградку, но, не имея материала/ситца-материи/ для могильных венков, просим ими снабдить нас...»* [10, л. 70-70об]

В 1930 г. о плохом состоянии братской могилы в Нижневартовском сообщал в Александровский райком РКП (б) П. Е. Вишняков, непосредственный участник событий 1921 г., по его словам, ближайший соратник и очевидец гибели А. П. Зырянова: «...братская могила не приведена в должный вид и представляет из себя развалины. Желательно бы возведение хотя деревянного дешёвого памятника с надписями славных имён революционеров, которым обязан многим этот отдалённый угол СССР...» [7, с. 434] Вскоре был установлен, деревянный, позднее металлический, обелиск. Однако, должного внимания, судя по всему, братскому захоронению не уделялось долгое время.

Более того, существует легенда о том, что нынешний обелиск установлен не на месте захоронения. Дочь А. П. Зырянова, Антонина Антониновна Лысенко, в письме к Т. Н. Плещкой сообщала, опираясь на рассказы местных жителей, что могилу (памятник) дважды сносила вода в половодье. При восстановлении обелиска его не смогли точно установить: «...на открытии большого памятника подошёл молодой человек, который живёт в Вампугольске и сказал, что знает место захоронения от своего деда, который еще жив...» [18]

Районное отделение Всероссийского общества охраны памятников (ВООПИК), созданное в Нижневартовске в 1970 г., обращало внимание на состояние памятника: «...забыта братская могила погибших в Гражданской войне в Вампугольске, которую надо привести в порядок на месте, или перенести в Нижневартовск...» [4] Решением исполнительного комитета Нижневартовского городского Совета депутатов трудящихся №26 от 18.01.1974 г. обелиск на братской могиле был принят под государственную охрану как памятник истории

* Документ выявлен И. В. Игониной.

и культуры местного значения. [20] Спустя три года решением Исполнительного комитета Тюменского областного Совета народных депутатов «О вновь выявленных памятниках истории и культуры местного значения» № 477 от 21.11.1977 г. он был взят под госохрану уже как объект регионального значения. [7]

Братская могила зырянцев в советское время была одним из важных символов революционного прошлого региона. К нему совершались походы и агитационные лыжные пробеги комсомольцев, работающей молодежи, и школьников, здесь проводили митинги и торжественные возложения венков. В середине 1980-х гг. шефство над братской могилой в Вампугольске взяла пионерская дружина нижевартовской средней школы №18. [1]

Тогда же был разработан проект мемориального комплекса в память о героях гражданской войны (авторы памятника Александр Безъязыков, Валерий Юрпик), а комсомольско-молодёжный коллектив Анатолия Сорокина из НГДУ Белозернефть и комсомольская организация автобазы №9 начали перечислять деньги на его строительство. [9] Торжественное открытие нового памятника состоялось 19 июля 1987 г. В качестве почётного гостя была приглашена А. А. Зырянова (в замужестве Лысенко), также на открытие памятника приехал сургутский краевед Ф. Я. Показаньев, в своё время много сделавший для восстановления истории сургутского восстания. Торжественное событие подробно описал нижевартовский писатель Н. П. Смирнов, автор романа «Мятеж» [14, с. 37–40]

В 2020 г. сотрудники Нижневартовского краеведческого музея совершили поездку в д. Вампугол, в том числе они осмотрели братскую могилу, мемориальный комплекс, провели фотофиксацию обоих объектов. Местный житель, сопровождавший сотрудников музея в походе по окрестностям деревни, подтвердил версию, высказанную в письме А. А. Лысенко, и показал, приблизительно, место, где, по мнению старожилов деревни, братская могила находилась первоначально. Разумеется, эти сведения требуют дополнительной проверки.

Гражданская война была огромным испытанием для России, сломав не только привычный уклад жизни, но и судьбы людей, в каком бы отдалённом углу империи они не находились. Братская могила в д. Вампуголе, один из четырёх памятников Нижневартовского района, связанного с этим периодом отечественной истории, сохраняет своё символическое значение и в новое время как трагический образ Гражданской войны.

Примечания:

1. Анисимкова, М. Возложили венки // Ленинское знамя. – 1977. – 23 февр.
2. Воспоминания, И. И. Крюкова. Рукопись. Подлинник. НКМ. НВФ-1014/74.
3. ГАТО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 429. Л. 1.
4. Доклад на отчётно-выборную конференцию районного отделения ВООПИК от 27.12.1971 г. Машинопись. Подлинник. НКМ. Папка «Архив ВООПИК. г. Нижневартовск».
5. Земля Александровская: сб. науч.-попул. очерков к 75-летию образования Александровского р-на / отв. ред. А. Я. Яковлев. – Томск. 1999.
6. История Югры в документах из Томска (Государственный архив Томской области). – Томск, 2006. – С. 475.
7. История Югры в документах из Томска (Центр документации новейшей истории Томской области). – Томск, 2009. – С. 434.
8. Карта России. Раздел «Достопримечательности городов России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kartarf.ru/dostoprimechatelnosti/206320-bratskaya-mogila-gde-pohoroneni-komandir-partizanskogo-otryad>.
9. Косарева, О. В память о красных партизанах // Ленинское знамя. – 1986. – 13 марта.
10. МАГС. Ф. 158. Оп. 1. Д. 115.
11. МАГС. Ф. 217. Оп. 1. Д. 55.
12. МАГС. Ф. 217. Оп. 1. Д. 58.
13. МАГС. Ф. 223. Оп. 1. Д. 24.
14. Открывая Родину, узнаём себя : м-лы 2-й районной краевед. конференции / [сост. Я. Г. Солодкин; отв. ред. Н. Ф. Демидова]. – Излучинск. 2000.
15. Очерки истории Сургута / науч. ред. д.и.н проф. А. И. Прищепа. – Сургут. 2002.
16. Памятники Нижневартовского района: путеводитель / сост. Н. К. Маркова, О. Н. Яремчук, С. И. Мануйлова. – Нижневартовск. 2011.
17. Письмо А. М. Кайдалова Т. Д. Шуваеву от 05.07.1978 г. Рукопись. Подлинник. НКМ. НВФ-1027/7-2.

18. Письмо А. А. Лысенко Т. Н. Плещкой от 05.02.1988 г. Рукопись. Подлинник. НКМ. НВФ-1027/7.
19. Решение исполнительного комитета Нижневартовского городского Совета депутатов трудящихся №26 от 18.01.1974 г. «О мерах по охране памятников истории и культуры Нижневартовского района». Машинопись. Подлинник. НКМ. Папка «Архив ВООПИК. г. Нижневартовск».
20. Список объектов культурного наследия ХМАО-Югры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nasledie.admhmao.ru/statisticheskaya-informatsiya/903870/spisok-obektov-kulturnogo-naslediya-khmao-yugru>. – (Дата обращения: 20.02.2021)
21. Степанова, П. Не зарастёт народная тропа // Нефтяник. – 1980. – 22 февр.
22. Шатиловские чтения: материалы XVI краеведческой конференции. 22 апр. 2016 г. – Нижневартовск, 2016. – 200 с.
23. Ярова, Н. [Материалы по истории Александровского района]. Рукопись // Фонд музея истории и культуры. Александровского района.

**Продовольственное обеспечение населения
Ямало-Ненецкого округа в годы
Великой Отечественной войны (1941-1945):
дискуссионные и малоизученные вопросы**

Введение

Изучение вопроса снабжения продуктами питания населения севера Западной Сибири страны в военное время является актуальным ввиду слабой изученности темы (применительно к Ямало-Ненецкому округу). Новый фактический материал, заимствованный из архивов позволяет восполнить имеющийся пробел. Проблема исследования состоит в том, чтобы рассмотреть дискуссионные и малоизученные вопросы, касающиеся состояния местных продовольственных ресурсов и их доли в обеспечении населения округа продовольствием; объемов поставок продуктов в рамках северного завоза, оценки продовольственного положения разных групп населения.

Материалы и методы

Основные материалы для статьи - неопубликованные документы, заимствованные из государственных архивов Российской Федерации регионального уровня (ГАТО, ГАСПИТО, ИсАОО), а также исследования, выполненные отечественными историками (В.П. Петрова, Н.А. Михалев, Б.У. Серазетдинов, О. В. Рябкова, Т. В. Козельчук, Л.В. Алексеева). Методологическую базу исследования составляют теория мобилизационной экономики, «новая локальная история» и классические методы исторического исследования, позволяющие ответить на вопросы исследования.

Дискуссия

Исследователи лишь только приступают к изучению столь сложного вопроса как обеспечение населения продуктами питания в годы войны. Обеспечение собственными продовольственными ресурсами и роль северного завоза в снабжении населения Ямало-Ненецкого округа в годы войны являются наиболее дискуссионными вопросами. Ряд

исследователей утверждают, что округ в годы войны перешел на самообеспечение, а северный завоз прекратился. Так, В.П. Петрова, в многотомной истории Ямала пишет: «В годы войны завоз на Север сельскохозяйственной продукции прекратился» [6, с. 289], схожего мнения придерживаются и О. В. Рябкова, Т. В. Козельчук [9, с. 61]. В более поздней публикации В.П. Петрова скорректировала предыдущее утверждение, отметив «сокращение северного завоза» [8, с. 135]. Б.У. Серазетдинов справедливо подчеркивает, что с началом войны количество завозимых грузов и их ассортимент сильно сократились [10, с. 97]. Недостаточно изученными остаются такие сюжеты, как ассортимент и количество завозимых продуктов, процент удовлетворения ими запросов населения, а также вопросы транспортировки, складирования, хранения и распределения поступающих продуктов питания.

Малоизученным вопросом является и развитие сельского хозяйства в условиях неблагоприятного климата и вечной мерзлоты, ставшего вынужденной мерой (в частности – динамика посевных площадей и численность поголовья скота по секторам; валовое производство продуктов земледелия и животноводства, доля собственного сельхозпроизводства в обеспечении продовольствием населения). Некоторые авторы придерживаются мнения, что посевы увеличились кратно. Так, Ю.А. Морозов считает, что в 1945 г. посевная площадь в округе составила 356 га [5, с. 59], т.е. в два раза больше, чем в 1940 г., и как следствие, идет утверждение об увеличении продуктов земледелия местного производства, с чем согласиться едва ли возможно. В.П. Петрова, подчеркивая сложное положение сельского хозяйства, считает, что в 1945 г. произошло некоторое улучшение [6, с. 294], что также спорно. О. В. Рябкова, Т. В. Козельчук, исследовавшие развитие земледелия на Ямале в годы войны считают, что отрасль была сохранена. Общая площадь посевных земель открытого грунта в Ямало-Ненецком округе в период с 1941 по 1945 годы увеличилась в 1,5 раза [Рябкова, Козельчук, 2020, с. 348].

Исследователи едины во мнении, что продовольственное положение населения всех групп в годы войны ухудшилось, в частности, тундровых ненцев [10, с. 96], колхозников [6, с. 294].

В.П. Петрова в целом оценивает продовольственное обеспечение населения как тяжелое [7, с. 33]. Лучше снабжались рабочие государственной рыбной промышленности и охотники, а рыбаки - колхозники обеспечивались хуже [1, с. 137]. Мало изучен и вопрос о личных подсобных хозяйствах граждан, а также роль иных источников питания, таких как охота, рыбалка, сбор дикоросов.

Результаты

До 1944 г. округ находился в составе Омской области. На его территории имелось 6 районов, объединявших 18 сельских и один городской советы. 14 августа 1944 г. была образована Тюменская область и Ямало-Ненецкий округ вошел в ее состав [ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 212а. Л. 1]. В августе 1944 г. Указом президиума Верховного Совета РСФСР в округе были созданы два новых района: Тамбейский и Гыдоямский за счет разукрупнения существующих (из Ямальского и Тазовского районов) и один район - Красноселькупский был присоединен из Красноярского края, с населением 2 689 человек [ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 212. Л. 101]. Таким образом, к концу войны стало 9 районов и 36 сельсоветов [ГАСПИТО. Ф. П -135. Оп. 1. Д. 314. Л. 32].

Численность населения в 1940 г. составляла 43 500 человек [4, с. 42]. На фронт призвали 8 982 человека. Приток населения в виде спецпереселенцев и депортированных (около 8 тыс. человек) [1, с. 98], а также 3 604 эвакуированных [4, с. 41] привел к увеличению численности населения в округе. На 1 января 1945 г. было учтено 49 175 человек [ГАСПИТО. Ф. П - 124. Оп. 1. Д. 77. Л. 1, 92 об.]. По социально-экономическому положению население можно разделить на четыре группы: коренное (ненцы), они составляли 51,3% [ГАТО. Ф. Р - 1787. Оп. 1. Д. 4а. Л. 32], старожильческое (преимущественно русские), спецконтингент (бывшие «кулаки», а также депортированные по национальному признаку / административно высланные) и временно проживающие (эвакуированные и спецпереселенцы, завербованные на рыбные промыслы). В зависимости от принадлежности к той или иной группе продовольственное положение существенно отличалось.

В условиях катастрофического начала войны и потери продовольственных ресурсов Европейской части СССР продуктов в стране не хватало. Несмотря на ухудшение положения с продовольствием в стране, северный завоз сокращается, но не останавливается. В округ завозили хлеб (в виде муки), крупы, сухофрукты, жиры, чай, сахар, спирт, кондитерские изделия (сушка, конфеты). Хуже обстояло дело со снабжением овощами и молочными продуктами. По данным докладной записки «О командировке в Ямало-Ненецкий округ по вопросу проверки работы ОК ВКП (б)» (1941 г.) подчеркивалось, что «население зимой без овощей. Картофель не завозится, т.к. замерзает в пути» [ИсАОО. Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 2939. Л. 100].

В протоколе заседания бюро Ямальского ОК ВКП (б) от 3 сентября 1942 г. сообщалось, что теплоходами «Бойман Лайне», «Морж», пароходом «Коммунист», на баржах «Газовская», «Северная», «Надымская», «Шаланда № 2» доставлен хлеб [ГАСПИТО. Ф. П -135. Оп. 1. Д. 247. Л. 69 -70 об.]. В протоколе от 11 октября 1942 г. заседания бюро Ямальского ОК ВКП (б) отражен вопрос о завозе муки и овощей в районы округа. План завоза был не выполнен. Все продукты должны были поступить к 5 октября, но «большинство муки и овощей в округ не пришли. Надымский, Ямальский, Приуральский районы могут остаться без продуктов» - сообщалось в документе [ГАСПИТО. Ф. П -135. Оп. 1. Д. 248. Л. 18 об.]. Как следует из справки для Бюро Омского обкома ВКП (б), составленной по результатам проверки партийно-советских и хозяйственных организаций Ямало-Ненецкого округа (начало 1944 г.), товарозавоз в 1943 г. удалось выполнить по продовольствию на 59,9 %. Полностью округ был обеспечен мукой, маслом, кондитерскими товарами. По другим продуктам (сахар, чай, крупа) обеспеченность составляла от 54 до 90%. Картофель был завезен на 80, 4 % от плана. Ощущался недостаток продуктов для полного отоваривания карточек, особенно в Шурышкарском районе, где завоз продуктов составил лишь 36,3 % от необходимого [ГАСПИТО. Ф. П - 124. Оп. 1. Д. 77. Л. 16 об-17]. План завоза на 1944 г. предусматривал доставку в округ муки, крупы, масла животного и растительного, сахара, алкоголя, консервов,

картофеля, сухофруктов, овощей [ГАСПИТО. Ф. П-135. Оп. 1. Д. 285. Л. 53]. Товарозавоз 1945 г. (по данным на 1 июля по муке составил 14, 5 % от требуемого количества (требовалось 7 138 т, завезли – 1035 т), крупы - 4% (по плану – 1876 т, завезли – 80 т). По остальным продтоварам сообщалось, что они завезены в мизерном количестве, либо вовсе не завезены [ГАСПИТО. Ф. П-135. Д.322. Л.5]. Конечно, 1 июля – лишь середина навигации, грузопотоки ожидалась и в последующие месяцы.

Собственные продовольственные ресурсы в округе имелись, но были весьма ограничены обязательными поставками государству оленины и рыбы. 26 августа 1942 г. Бюро Омского обкома ВКП (б) совместно с облисполкомом приняли постановление «О развитии сельского хозяйства в северных округах» [ГАСПИТО. Ф. П - 135. Оп. 1. Д. 248. Л.35-35 об.]. Ямало-Ненецкому окружному комитету партии была поставлена задача, направленная на развитие сельского хозяйства. Цель – максимальное снижение продовольственной нагрузки государства. По сути, округ должен был перейти на самообеспечение. Планы предусматривали увеличение посевных площадей в Ямало-Ненецком округе ежегодно в два раза. Выявлена следующая динамика посевов: в 1940 г. – 184,8 га [ГАТО. Ф Р-814. Оп. 1. Д. 190. Л. 13], в 1941 г. – 212, 9 га [Алексеева, 2017, с. 7], в 1943 г. – 229,7 га, в 1944 г. – 218 га [ГАСПИТО. Ф. П -135. Оп. 1. Д. 271. Л. 115-116], в 1945 г. – 293, 7 га [ГАСПИТО. Ф. П - 135. Оп. 1. Д. 314. Л. 31]. Наблюдалась положительная динамика в производстве овощей и картофеля с 3 633 ц в 1940 г. до 17 634 ц в 1943 г. и снижение валового сбора на треть в 1944 г., когда урожай составил лишь 12 557 ц [ГАСПИТО. Ф. П -135. Оп. 1. Д. 314. Л. 30 об.-31]. Население не было обеспечено молочными продуктами. За период с марта 1940 г. по февраль 1945 г. в колхозах округа численность крупного рогатого скота выросла до 913 голов [ГАСПИТО. Ф. П -135. Оп. 1. Д. 314. Л. 30]. Имевшееся стадо малопродуктивных коров колхозов и совхоза (400 голов!) не могло удовлетворить потребность в молоке. «Молока население вовсе не имеет» – писал директор Ямальского рыбтреста А. Засыпкин [ГАТО. Ф. Р - 1787. Оп. 1. Д. 4а. Л. 34]. В 1944 г.

средний надой на 1 корову составил 814 л за лактацию, суточный удой составлял – 2, 4 л. В 1944 г. в Салехардском совхозе надоили 800 л от одной фуражной коровы (54% плана), сдали в кооперацию 125 ц молока (41% к плану) [ГАСПИТО. Ф. П -135. Оп. 1. Д. 314. Л. 30 об.]. Всего указанный совхоз за военный период произвел молока -106 400 л (1064 ц) и мяса – 134 660 кг (1 346, 6 ц) [подсчитано по: 6, с. 290]. Несмотря на предпринимаемые усилия по развитию сельского хозяйства, округ не в состоянии был обеспечить себя полностью продуктами земледелия и животноводства. Доля собственных продуктов сельского хозяйства в обеспечении населения составляла по нашим оценкам не более 25%. Источниками питания для местного населения являлись продукты, произведенные в личных подсобных хозяйствах, а также охота, рыбалка, сбор дикоросов. Индивидуальные огороды занимали площадь в 1941 г. – 8,3 га, 1942 г. – 18, 24 га, в 1943 – 36,7 га [ГАСПИТО. Ф. П - 135. Оп. 1. Д. 124. Л. 107 об.].

Жизненной основой ненцев являлось оленеводство. Б.У. Серазетдиновым затронуты вопросы традиционного питания ненцев в годы войны за счет продуктов оленя: мясо, кровь, костный и головной мозг [10, с. 73]. Конечно, ненцы нуждались и в других продуктах, в том числе и хлебе. В докладной записке А. Засыпкина наркому рыбной промышленности СССР А.А. Ишкову «О мерах по дальнейшему улучшению положения коренного населения Ямало-Ненецкого округа» (1944 г.) говорилось о том, что «особым спросом пользуется среди коренного населения: чай, карамель монпансье, пряник, сушка-крендель» [ГАТО. Ф. Р - 1787. Оп. 1. Д. 4а. Л. 34].

Продажа населению продуктов осуществлялась через кооперативную сеть. Уже с осени 1941 г. магазины кооперации установили ограничения продаж на 1 семью в месяц: 500 г сахара, и 150 г масла. Введение же нормированного снабжения продуктами питания в округе произошло гораздо позднее, чем в других регионах страны. В.П. Петрова указывает, что это произошло 19 сентября 1943 г. в связи с постановлением окрисполкома [Петрова, 2014, с.33]. Нами установлено, что в соответствии с решением Омского областного совета от 7 декабря 1942 г. Ямальский окрисполком (протокол № 6 от 5

апреля 1943 г.) вводил в округе нормированное снабжение продовольствием [ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 211. Л.43]. Особенно ухудшение в снабжении почувствовали ненцы, а также рабочие самых северных (полярных) рыбозаводов. Для получения карточек порой не было возможности выехать в сельсовет, расстояние измерялось сотнями километров. В 1943 г. в документах окружкома отмечалось, что «то, что завозится в округ, не обеспечивает снабжения населения по нормам, установленным правительством для районов Крайнего Севера» [ГАСПИТО. Ф. П -135. Оп. 1. Д. 271. Л. 31 об.]

По решению Ямальского ОКРИКа от 19 марта 1943 г. вводились следующие нормы распределения хлеба (в г в день): рабочие и ИТР – 800, служащие – 600, иждивенцы – 400 [ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 211. Л. 43]. Всей торговлей в округе занималась система рыболовпотребсоюза, имевшая 211 магазинов и 125 пекарен [7, с. 33]. Рыболовецкая потребкооперация была введена повсеместно в округе после соответствующего постановления СНК СССР 1943 г. «Об увеличении норм продуктового снабжения рабочих рыбной промышленности» [1, с. 134], тогда все потребсоюзы и сельпо преобразовывали в рыбокоопы. Это было сделано для того, чтобы сконцентрировать продовольственные ресурсы в рамках одной организации. При утверждении норм целевого снабжения Наркомторг и Наркомрыбпром приняли следующие расчеты прожиточного минимума на 1 семью рыбака - колхозника при двух иждивенцах в квартал: мука – 84,2 кг; сахар – 2,5 кг; соль – 5,5; крупа – 15, 1 кг; жиры – 4, 8 кг; чай – 84 г [ГАТО. Ф. Р - 1787. Оп. 1. Д. 4а. Л. 35-36]. Нормы снабжения варьировались. Иногда и в сторону уменьшения. Теперь они стали регулироваться в зависимости от выполнения плана улова рыбы. Пропала материальная заинтересованность перевыполнять план у рыбаков - колхозников, т.к. рыбаки оказались в худших условиях по снабжению, чем охотники. С 1945 г. карточки хоть и были отменены, однако торговля осуществлялась по заборным книжкам (именная книжка с талонами для получения нормированных продуктов). В.В. Петрова пишет, что в 1945 г. руководство округа обратилось к правительству с просьбой оставлять в округе до 60 т рыбы (в месяц) для питания

населения [7, с. 33]. Полагаем, что здесь закралась ошибка. Поясним, что размер снабжения населения рыбой зависел от объема улова. Разрешалось оставлять 5% от улова [1, с. 139]. Запрет на лов рыбы для собственных нужд был признан ошибочным и снят в апреле 1945 г. только после того, как было принято Постановление ЦК ВКП (б) «Вопросы Ямало-Ненецкого окружкома ВКП (б)» от 9 апреля 1945 г. [ГАСПИТО. Ф. П -135. Оп. 1. Д. 315. Л. 19]. В 1945 г. на Ямале было выловлено 150, 7 тыс. ц рыбы (или 150, 7 т) [1, с. 56], следовательно, население могло получить в среднегодовом исчислении на питание 7 535 ц (или 7, 5 т), а в месяц – 627, 91 кг (т.е. около 63 ц), примерно 110 кг на одного человека в год. Существовала в округе и стихийная рыночная торговля, носившая обменный характер. Официального колхозного рынка в Салехарде не имелось.

Большие проблемы со снабжением продовольствием испытывали спецпереселенцы, завезенные в навигацию 1942 г. на рыбные промыслы. Перебой с продовольствием отмечены и в 1943 г. Так, в протоколе № 147 ОК ВКП (б) сообщалось, что они в течение 2-х месяцев получали только хлеб (600-800 г в сутки), иногда его заменяли мукой [ГАСПИТО. Ф. П -135. Оп. 1. Д. 271. Л. 19-19 об.]. Тяжело приходилось рабочим самых северных рыбозаводов, иногда им могли выдать лишь по 70-100 г хлеба в день на семью. В 1944 г. им выдавали на семью в среднем по 337 г хлеба, т.е. на 40% ниже, чем предполагалось по норме [1, с. 138]. Особенно тяжелое положение наблюдалось у ссыльных калмыков. Калмыки были завезены на Ямал в 1944 г. по линии Рыбтреста в количестве 1467 человек (624 семьи), трудоспособные составляли 876 человек. Их расселили в Шурашкарском районе и Салехарде [ГАТО. Ф. Р - 1787. Оп. 1. Д. 4а. л. 161]. В протоколе бюро ОК ВКП (б) № 198 от 29 декабря 1944 г. сообщалось: «Многие не могут обеспечить себя и семью питанием. Наблюдается истощение» [ГАСПИТО. Ф. П -135. Оп. 1. Д. 286. Л. 115 об.].

Система общественного питания в округе была развита крайне слабо. Столовая имелась на консервном заводе в Салехарде, еще одна столовая была в городе для прикрепленных к питанию в ней должностных лиц, а также командированных. В

райцентрах также имелись небольшие столовые для ограниченного круга людей. Учителя одного из районов жаловались в окружком, что их «открепили» от столовой. Питание детей в детских садах было организовано, а вот в школах оно отсутствовало, за исключением школ-интернатов и двух детских домов. Решение об организации горячего питания школьников было принято в 1944 г. и оно касалось только Салехарда. Большинство жителей округа не могло иметь поддержку в виде общественного питания.

Выводы

Изучение темы показало, что имевшиеся продовольственные ресурсы в округе и продукты, поступавшие в рамках северного завоза, не могли полностью удовлетворить потребности населения, но необходимый минимум был обеспечен. Местные сельскохозяйственные ресурсы обеспечивали потребность населения в овощах и картофеле примерно на четверть. В среднем, планы завоза продовольствия в округ удовлетворялись наполовину от требуемого. Руководство области в первую очередь старались завести муку, крупу, жиры. Выявлено, что районы снабжались неравномерно. Ухудшение продовольственного положения в округе прослеживается с 1943 г., когда были введены распределительные нормы на продукты по карточкам. Население плохо обеспечивалось овощами и неудовлетворительно молочными продуктами. Рост площадей под огороды граждан вырос в два раза по сравнению с началом войны. В целом, несмотря на ухудшение продовольственного положения в округе, оно не было критичным, позволило населению не только выжить, но и выполнять огромную производственную нагрузку, внося свой вклад в победу над врагом. В худшем положении находились спецпереселенцы северных рыбозаводов, депортированные в годы войны (в частности, калмыки и немцы).

Примечания:

1. Алексеева, Л. В. Рыбное хозяйство Ямало-Ненецкого национального округа в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. – 169 с.
2. Алексеева, Л. В. Становление полярного земледелия в СССР (на материалах Ямала) // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 3-10.
3. Козельчук, Т. В. Полярное земледелие в Ямало-Ненецком национальном округе в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / Т. В. Козельчук, О. В. Рябкова // Научный диалог. – 2020. – № 4. – С. 335-352.- Режим доступа: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-4-335-352>
4. Михалев, Н. А. Население Ямала в первой половине XX века. Историко-демографический анализ. – Екатеринбург: УрО РАН, 2010. – 196 с.
5. Морозов, Ю. А. Агро-промышленный комплекс Ямало-Ненецкого автономного округа. – Тюмень: ЗАО «Сибирский издательский дом», 2008. – 176 с.
6. Петрова, В. П. Сельскохозяйственное производство военного времени // История Ямала: в 2 т. Т. 2. Ямал современный. Кн. 1. У истоков модернизации / под ред. К. И. Зубкова и др. – Екатеринбург: Баско, 2010. – С. 289-294.
7. Петрова, В. П. Проблема адаптации населения Ямало-Ненецкого национального округа в годы Великой Отечественной войны // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2014. – № 3. – С. 31-35.
8. Петрова, В. П. Великая Отечественная война // Энциклопедия «Ямальский район» / под ред. Н.Ф. Чистяковой. – Тюмень: Центр региональных справочных изданий Тюм. гос. ун-та, 2015. – 451 с.
9. Рябкова, О. В. Децентрализованные заготовки продуктов питания в Ямало-Ненецком национальном округе в годы Великой Отечественной войны / О. В. Рябкова, Т. В. Козельчук // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – Салехард, 2016. – Вып. 3. Обдорья: история, культура, современность. – С. 58-62.
10. Серазетдинов, Б. У. Оленеводство в Северо-Западной Сибири в межвоенный период и в годы Великой Отечественной войны. 1920-1945 гг. – М., 2012. – 266 с.

Источники

Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО).

Государственный архив Тюменской области (ГАТО).

Казенное учреждение «Исторический архив Омской области» (ИсАОО).

История Дня Победы по публикациям местной печати Ханты–Мансийского национального округа в 1945–1965 гг.

День Победы является одним из самых важных и торжественных праздников на огромной территории нашей страны. История празднования Дня Победы менялась, обретая новые формы и символы, постепенно формировались основные традиции праздника. Неизменным оставалось одно – День Победы все эти годы являлся праздником, увековечивающим победу Красной Армии и всего советского народа над нацистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

8 мая 1945 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ, в котором 9 мая объявлялся Днём Победы над Германией и становился выходным праздничным днем. Уже 24 декабря 1947 г., в День Победы – 9 мая был объявлен обычным рабочим днем, а выходной день был перенесен на 1 января.

Торжественное празднование Дня Победы было утверждено Указом Верховного Совета СССР от 25 апреля 1965 г., именно тогда 9 мая был объявлен нерабочим днем и всенародным праздником. С этого периода можно говорить о появлении Парада Победы, массовых чествований ветеранов и об учреждении юбилейной медали «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В различных источниках на протяжении долгих лет сохраняется мнение, что празднование Дня Победы с 1947 г. было отменено, участники войны были забыты, а о героических подвигах солдат замалчивалось в прессе.

Для того чтобы проанализировать изменения в освещении праздника в региональной прессе и подтвердить или опровергнуть гипотезу об изменении отношения к торжеству, как к всенародному празднику, в качестве источника использовались издания периодической печати Ханты–Мансийского национального округа за 1945–1970 гг.

Периодические издания являются ценным источником исторической информации, долгое время это был самый доступный и массовый источник информации. Редакции окружных и районных газет были органами партийных комитетов и местных Советов ВКП(б) и обязаны были проводить государственную политику на местах, мобилизовать население. Региональные газеты, издаваемые в Ханты–Мансийском национальном округе, были неразрывно связаны с социально–политической жизнью округа, оказывая влияние на формирование общественного мнения населения. Районные периодические издания освещали общие хозяйственные, политические и культурные задачи и ключевые события в жизни округа.

В Ханты–Мансийском национальном округе центральным изданием периодической печати была газета «Ханты–Манчи Шоп (Шой)» Орган Ханты–Мансийского окружного и Самаровского районного комитетов ВКП(б) и Ханты–Мансийского окружного Совета депутатов трудящихся (с 1935 г. – «Остяко–Вогульская правда», с 1941 г. – «Сталинская трибуна», с 1956 г. – «Ленинская правда»).

Позднее в округе появились газеты районных комитетов ВКП(б) и районных советов депутатов трудящихся: 1) «За большевистские колхозы» – газета Березовского района, (с 1934 г., с 1953 г. – газета «Путь к коммунизму»), 2) «Колхозник» – газета Сургутского района (с 1935 г., с 1956 года – газета «К победе коммунизма»), 3) «Сталинский путь» – газета Кондинского района (с 1937 г., с 1957 г. – газета «Ленинская трибуна»), 4) «Большевистская правда» – газета Микояновского района (с 1939 г., с 1953 г. – газета «За коммунизм», с 1957 г. – газета «За коммунизм» Октябрьского района), 5) «Стахановец» – газета Ларьякского района (с 1941 г., с 1956 г. – газета «Ленинское знамя», с 1962 г. – газета «Ленинское знамя» Нижневартовского района).

Базой исследования являются номера газет шести периодических изданий издаваемых в Ханты–Мансийском национальном округе. Всего было выбрано 60 номеров газет за 8–11 мая 1945 – 1965 гг., в которых публиковались статьи и заметки, посвященные празднованию Дня Победы.

Все военные годы именно война определяла тематику газетных полос: все страницы изданий были пропитаны хроникой военных действий и трудовых подвигов жителей Ханты-Мансийского национального округа. В газетах печатались указы руководителей государства, оперативные сводки с фронтов, материалы о героизме и мужестве. Газетные материалы способствовали поднятию боевого духа и сплоченности тружеников и защитников страны.

В мае 1945 г. жители Ханты-Мансийского национального округа, как и вся страна, жили в предчувствии долгожданной Победы, и вот пришел он долгожданный день – 9 мая 1945 г. Региональные издания не могли пропустить это знаменательное событие.

На первой полосе газеты «Сталинская трибуна» от 10 мая 1945 г. был напечатан «Акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил» и Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении 9 мая Праздником Победы». На второй полосе газеты была размещена новость о праздничных торжествах в п. Ханты-Мансийск в честь капитуляции Германии: «К 10 часам все рабочие, служащие, учащиеся Ханты-Мансийска собрались на площади около Дома Советов. У многих в петлицах были живые цветы, все поздравляли друг друга. «С днем Победы» – слышалось отовсюду. У самой трибуны девушки пели о Сталине. Дряхлые старики, старушки, вероятно, уже несколько лет не выходившие по болезни из дома, тоже пришли на площадь и счастливыми глазами смотрели на трибуну, на флаги, на радостную нарядную молодежь. Женщины плакали, не вытирая слез радости» [1].

С 1946 по 1950 гг. на первых полосах газет «Сталинская трибуна» в номерах за 9 – 11 мая, как и в центральных периодических изданиях, посвященных Дню Победы, размещался портрет Сталина И.В., Приказ Министра Вооруженных Сил Союза ССР, и рассказывалось о праздновании победного дня в г. Москве, в других городах страны и за пределами страны, а также статья о значении победы для советского народа.

В 1945 – 1950 гг. на всех жителях страны лежал тяжелый груз послевоенного восстановления, укрепления и развития

хозяйства и культуры. Война окончилась, но требовались огромные силы на восстановление разрушенной страны. Такое экономическое положение страны не могло не отразиться на периодической печати региона.

Великая Отечественная война окончилась, но во многих статьях продолжилось использование военного лексикона. Повсеместно можно встретить слова «подвиг», «прорыв» («Вывести колхоз из прорыва»), «боеспособность», «идти в ногу», «равняться на», «фронт», «дозор» («В дозоре – народные контролеры») и др. Требовалось многое успеть в короткое время; вся страна, в том числе и округ, должна была работать в форсированном режиме [16].

В первый послевоенный год в номере № 92 от 9 мая 1946 г. окружная газета «Сталинская трибуна» и районные газеты не описывали праздничный день, а акцентировались на трудовых победах работников рыбной, пушной и сельскохозяйственной отраслях округа. В газете «Сталинская трибуна» до 1951 г. велась постоянная колонка «В честь Дня Победы», в которой отмечались передовики производства и лучшие предприятия Ханты-Мансийского национального округа [2].

Районные издания, опирались на центральное региональное издание «Сталинская трибуна», и в течение многих лет опубликовывали данные о трудовых победах работников. Поэтому заголовки районных газет звучали так: «Работают по-боевому» [3], «Победа, Мир, Труд» [4], «В честь Дня Победы» [5], «В честь великого праздника» [6], «Для любимой Родины» [7].

После отмены официального выходного дня о празднике Победы не забыли: для населения проводились митинги, лекции, экскурсии, выставки, спортивные соревнования и военные смотры, торжественные мероприятия. На площадях и парках городов, несмотря на отсутствие официального статуса, наблюдались массовые празднования и гуляния. В подтверждение вышесказанного можно привести статью от 12 мая 1950 г. из газеты «Стахановец» Ларьякского района, из которой следует, что 9 мая вся страна торжественно отметила праздник Победы: «В райцентре в доме культуры секретарем РК ВКП(б) тов. Хуланховым был прочитан доклад о Дне Победы.

После чего состоялся большой концерт художественной самодеятельности. Торжественные собрания, посвящённые празднику Победы, состоялись в учреждениях, колхозах и предприятиях района. Повсеместно праздник Победы, проходивший в дни подписки на новый заем, вылился в новую демонстрацию единства советского народа, за дальнейшее укрепление нашей Родины» [8].

В первые послевоенные годы в статьях редко упоминались участники Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., а если и упоминались, то в контексте трудового подвига в выполнении плана работы. Одним из первых упоминаний об участниках войны стала статья о жизни Петра Яковлевича Панова в номере за 9 мая 1946 г. в газете «Сталинский путь» – Кондинского района «Охотник из тайги» (из жизни Героя Советского Союза), из журнала «Спутник агитатора» № 3 1946 г. [9]. В № 90 от 9 мая 1951 г. газеты «Сталинская трибуна» опубликованы заметки в рубрике «В труде, как в бою» о нескольких участниках Великой Отечественной войны, жителях Ханты-Мансийского национального округа [10].

Количество материалов, посвященных участникам и героям Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в газете «Сталинская трибуна» увеличивается с 1954 г. На страницах газет публикуются не только трудовые, но ратные подвиги и биографии героев Ханты-Мансийского национального округа. В номере от 9 мая 1959 г. в окружной газете «Ленинская правда» (до 1956 г. «Сталинская трибуна») были впервые опубликованы снимки Героев Советского союза из числа жителей округа, а читатели узнали имена героев П.А. Бабичива, Т. Ажимова, Ф.П. Пуртова и Г.Е. Собянина [11].

Все номера газет до 1964-1965 гг. были лишены праздничных иллюстраций, но содержали стихи, письма и рассказы об участниках Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Акцент в праздновании Дня Победы делался, в частности в газетных публикациях, на то, что это военный праздник, военная победа.

С 1951 – по 1954 гг. в изданиях периодической печати Ханты-Мансийского национального округа более 6 раз было

использовано Прессклише ТАСС. Выпуски с 1952 по 1958 гг., посвященные празднованию Дня Победы, как в центральной газете «Сталинская трибуна», так и в районных газетах постепенно становятся более блеклыми, лишенными праздничных символов и иллюстраций. Сохранился ярко выраженный мажорный тон опубликованных статей. Вслед за изменением государственной политики меняются и заголовки статей в периодической печати, в газетах теперь День Победы становится больше военной победой. Заголовки газет и сами статьи становятся более назидательными, чем праздничными и торжественными, например: «Историческая победа советского союза» [12], «Урок истории» [13], «Мирные отличия сродни боевым» [14].

В номере № 90 от 9 мая 1958 г., в подтверждение вышесказанного, в статье «Незабываемый день» говорится: «Разве можно все это когда-нибудь забыть? Нет, рабочие, колхозники и славная интеллигенция нашей Родины никогда не забудут этих сверхчеловеческих страданий. Сейчас мы требуем мира и всеми силами отстаиваем дело мира, потому что свежо помним ужасы прошлой войны» [15].

Позднее появляются выпуски районных газет, в которых нет упоминаний о праздновании Дня Победы. Это газета «К победе коммунизма» Сургутского района («Колхозник» – с 1934 г., с 1956 года – газета «К победе коммунизма») содержит выпуски за 1958 г. и 1960 г., а также газета «Путь к коммунизму» – Березовского района, («За большевистские колхозы» с 1934 г., с 1953 г. – газета «Путь к коммунизму») не содержит номеров, посвященных Дню Победы, в 1958, 1959, 1966, 1967, 1968 гг.

В год двадцатилетнего юбилея Победы Указом Верховного Совета СССР от 25 апреля 1965 г. 9 мая был объявлен нерабочим днем и всенародным праздником. На региональных изданиях Ханты-Мансийского национального округа подобные изменения отразились сильным образом. Первый номер, посвященный Дню Победы, был выпущен окружной газетой «Ленинская правда» в 1964 г. Началась новая страница в праздновании великого Праздника.

Проведенный анализ материалов «День Победы» в периодических изданиях Ханты-Мансийского национального округа помог выделить следующие изменения: торжественные выпуски, посвященные Дню Победы, печатались в окружных и районных изданиях примерно до 1953 г., позднее, до 1964 г., публикации носили более назидательный характер, против военной риторики. Несмотря на то, что День Победы не являлся выходным днем, он отмечался на государственном уровне, это событие освещалось в прессе, для народа устраивались праздничные концерты, просто этот день был рабочим. На что указывают периодические издания Ханты-Мансийского национального округа

Описание всех стран, государств

Сталинский Путь

Орган Коммунистического района КПСС и районного Совета депутатов трудящихся, Томской области

Газета № 37 (1259) Воскресенье 9 мая 1954 года Выпуск по территории в количестве

СЕГОДНЯ — ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Девять лет назад советский народ и его Вооруженные Силы одержали великую историческую победу над германским милитаризмом.

Да здравствует и крепнут овеяные славою побед Советские Вооруженные Силы, стоящие на страже мира и безопасности нашей Родины!

День Победы

Сегодня овеяные славою отечественной войны, великодушной пролетарской международной Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии.
Ваш народ выстоял. Не было ни одного государственного и гражданского элемента на территории нашей страны, который бы не встал на путь борьбы за свободу и независимость нашей Родины. Угнетенные и угнетавшие народы — это особенность империалистической капиталистической страны. А Советское государство идет по совершенно иному пути — по пути борьбы за мир и независимость народов.
В 1941 году наш народ был вынужден встать на путь борьбы, что вынудило гитлеровскую империалистическую Германию.

Советский народ не признал ни малейшей ни одной угрозы своему единству. Коммунистическая партия руководила народом через комсомол и профсоюзы в борьбе за свободу и независимость нашей Родины, за свободу и независимость народов.
Советский народ не признал ни малейшей ни одной угрозы своему единству. Коммунистическая партия руководила народом через комсомол и профсоюзы в борьбе за свободу и независимость нашей Родины, за свободу и независимость народов.

Рис. Н. Павлова. Преступление ТАСС.

Ваш народ выстоял. Не было ни одного государственного и гражданского элемента на территории нашей страны, который бы не встал на путь борьбы за свободу и независимость нашей Родины. Угнетенные и угнетавшие народы — это особенность империалистической капиталистической страны. А Советское государство идет по совершенно иному пути — по пути борьбы за мир и независимость народов.

Ваш народ выстоял. Не было ни одного государственного и гражданского элемента на территории нашей страны, который бы не встал на путь борьбы за свободу и независимость нашей Родины. Угнетенные и угнетавшие народы — это особенность империалистической капиталистической страны. А Советское государство идет по совершенно иному пути — по пути борьбы за мир и независимость народов.

значила также, что победы советской государственной войны, которая основана на дружбе народов, выдвигает в Совет Союзом Социалистический Республик. Нет в мире такой страны, которая могла бы работать эту дружбу для развития ее. При поддержке Советского государства росла бы всякая его экономика и национальная армия переросла бы в войну. Это не провозглашено дружбы народов в Советском Союзе во время войны еще более упрочилась. Почему провозглашалась дружба? Потому, что все народы СССР крепко соединились вокруг своего старшего брата — великого русского народа и под руководством Коммунистической партии советского народа борются за честь и независимость нашей Родины.

Наш народ, творцы безупречной славы и чести своей Родины, сыздал все вышло из Великой Отечественной войны. Он будет впереди любой деятельности, какой бы ни была она. Мы должны бороться за мир и независимость народов. Мы должны бороться за мир и независимость народов.

Наш народ, творцы безупречной славы и чести своей Родины, сыздал все вышло из Великой Отечественной войны. Он будет впереди любой деятельности, какой бы ни была она. Мы должны бороться за мир и независимость народов. Мы должны бороться за мир и независимость народов.

Наш народ, творцы безупречной славы и чести своей Родины, сыздал все вышло из Великой Отечественной войны. Он будет впереди любой деятельности, какой бы ни была она. Мы должны бороться за мир и независимость народов. Мы должны бороться за мир и независимость народов.

Наш народ, творцы безупречной славы и чести своей Родины, сыздал все вышло из Великой Отечественной войны. Он будет впереди любой деятельности, какой бы ни была она. Мы должны бороться за мир и независимость народов. Мы должны бороться за мир и независимость народов.

Наш народ, творцы безупречной славы и чести своей Родины, сыздал все вышло из Великой Отечественной войны. Он будет впереди любой деятельности, какой бы ни была она. Мы должны бороться за мир и независимость народов. Мы должны бороться за мир и независимость народов.

По родной стране

16 миллиардов экземпляров книг

5 млн советских народов отпраздновали двадцатипятилетие Дня Победы.

Благодаря коммунистической партии наша страна вырвалась в могучий строй. В высшей степени в стране издается свыше 2500 тысяч экземпляров книг и журналов.

За девять лет Советским Союзом издано более 16 миллиардов экземпляров книг и журналов. Это в 11 раз больше, чем в СССР издано в 1913 году.

Пятидесятилетие великой революции 1917 года мы отмечаем 100 миллионов экземпляров 100-томных книг.

Вкладом русских писателей являются произведения И.И. Девкина и 14 тысяч советских И.В. Сталина, В.И. Ленин и Г.И. Сталина, которые напечатаны на русском языке тиражом более 100 тысяч экземпляров.

В миллионах экземпляров изданы материалы съездов партии, пленумов ЦК КПСС. За 5 месяцев в стране вышло на 40 тысяч более 20 миллионов экземпляров книг и журналов.

В прошлом году издано около 220 миллионов экземпляров книг и журналов. Это в 21,5 миллиона экземпляров издано произведений писателей зарубежных стран.

ТАСС.

На чинах страны

Команды Сталинградского фронта в течение сорока дней в боях выстояли и победили.

Защитники Сталинграда в боях выстояли и победили.

Защитники Сталинграда в боях выстояли и победили.

Защитники Сталинграда в боях выстояли и победили.

Команды Сталинградского фронта в течение сорока дней в боях выстояли и победили.

Защитники Сталинграда в боях выстояли и победили.

Защитники Сталинграда в боях выстояли и победили.

Защитники Сталинграда в боях выстояли и победили.

Подняли первые сто тысяч гектаров целины

Нашими МТС и колхозами Казахской ССР освоены первые сто тысяч гектаров целины.

Нашими МТС и колхозами Казахской ССР освоены первые сто тысяч гектаров целины.

Нашими МТС и колхозами Казахской ССР освоены первые сто тысяч гектаров целины.

Нашими МТС и колхозами Казахской ССР освоены первые сто тысяч гектаров целины.

Нашими МТС и колхозами Казахской ССР освоены первые сто тысяч гектаров целины.

Энергия Дубосарской ГЭС — колхозам

Колхозам южной и центральной части Молдавии издается постановление о предоставлении энергии Дубосарской ГЭС.

Колхозам южной и центральной части Молдавии издается постановление о предоставлении энергии Дубосарской ГЭС.

Колхозам южной и центральной части Молдавии издается постановление о предоставлении энергии Дубосарской ГЭС.

Колхозам южной и центральной части Молдавии издается постановление о предоставлении энергии Дубосарской ГЭС.

ТАСС.

Газета «Сталинский путь» № 37(1250) от 09 мая 1954 г. КУ «Государственный архив Югры». Ф. 641. Оп. 1. Д. 7. Л. 37.

Примечания:

1. КУ «Государственный архив Югры». Ф.32. Оп.1. Д.69. Л.29об.
2. КУ «Государственный архив Югры». Ф.32. Оп.1. Д.72. Л.27.
3. КУ «Государственный архив Югры». Ф.641. Оп.5. Д.4. Л.34.
4. КУ «Государственный архив Югры». Ф.641. Оп.5. Д.13. Л.95.
5. КУ «Государственный архив Югры». Ф.641. Оп.1. Д.6. Л.44.
6. КУ «Государственный архив Югры». Ф.641. Оп.1. Д.5. Л.18.
7. КУ «Государственный архив Югры». Ф.641. Оп. 3. Д.4. Л.27об.
8. КУ «Государственный архив Югры». Ф.641. Оп.3. Д.7. Л.25.
9. КУ «Государственный архив Югры». Ф.641. Оп.1. Д.4. Л.33.
10. КУ «Государственный архив Югры». Ф.32. Оп.1. Д. 111. Л.53об.
11. КУ «Государственный архив Югры». Ф.32. Оп.1. Д.170. Л.47.
12. КУ «Государственный архив Югры». Ф.32. Оп.1. Д.119. Л.51.
13. КУ «Государственный архив Югры». Ф.32. Оп.1. Д.134. Л.52.
14. КУ «Государственный архив Югры». Ф.32. Оп.1. Д.197. Л.52об.
15. КУ «Государственный архив Югры». Ф.32. Оп.1. Д.162. Л.51.
16. Харина Н. С., Климова В. Н. Становление периодической печати в ХМАО в 1930-1950-е гг. [Электронный ресурс] // ИСОМ. 2015. №7-2.
– Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-periodicheskoy-pechati-v-hmao-v-1930-1950-e-gg> (дата обращения: 02.03.2021).

Установление численности нижевартовцев - участников Великой Отечественной войны (опыт Нижевартовского краеведческого музея)

До настоящего момента не решен вопрос о численности участников Великой Отечественной войны, призванных из села Нижевартовского в 1941 – 1945 гг. В результате проделанной работы сотрудниками Нижевартовского краеведческого музея было установлено, что за данный период на фронт из села Нижевартовского (в наст. время г. Нижевартовск) ушло не менее двухсот человек. Эта цифра не является окончательной, могут быть выявлены новые материалы, тогда цифра будет скорректирована в сторону увеличения.

Первым проблему численности участников Великой Отечественной войны села Нижевартовского изучал Т.Д. Шуваев: «после нападения фашистов на нашу Родину, на фронт отправились 101 мужчина» [10, с. 33]. Как отмечают многие исследователи, эта информация является весьма противоречивой, так как представленная цифра ничем не аргументирована.

Сотрудники Нижевартовского краеведческого музея приступили к установлению нижевартовцев, участников Великой Отечественной войны путем составления поименных списков, с указанием источника информации, например документа, в котором упоминался призывник, воспоминания родственников и т.п. Таким образом, для решения проблемы и научного обоснования полученных результатов, были применены следующие совокупные методы: анализ книгопечатных изданий, исследование первоисточников (воспоминаний очевидцев), архивные изыскания (документы военного и послевоенного периода), интервьюирование, полевые исследования.

Круг серьёзных изданий, поднимающих вышеуказанную проблематику, достаточно узок. Из них можно подчеркнуть сведения о числе участников ВОВ из Нижевартовского

сельсовета и Ларьякского района, но в них не приведена цифра по селу Нижневартовскому.

В 2010 году совместно с Центральной библиотекой Нижневартовский краеведческий музей выпустил книгу «Дороги судьбы-дороги Победы», в которой была опубликована часть исследований и материалов, отражающих судьбу некоторых солдат, ушедших из села Нижневартовского.

В 2017 году в книге «Нижневартовск: как становятся городами», приводится следующее: «На 11 августа 1941 г. из района было призвано в армию 19 человек номенклатурных работников. Количество семей военнослужащих на 1 декабря 1943 г. составило 455. Всего ушло на фронт из Нижневартовского района по сведениям, приведенным Т.Д. Шуваевым, 561 человек. Вернулась с фронта четвертая часть призванных» [8, с. 87]. Были проанализированы газеты военного и послевоенного периода, такие как «Стахановец» и «Ленинское знамя».

В издании «Книга Памяти» Ханты-Мансийского автономного округа - Югры частично отражены нижневартовцы, и призывники Нижневартовского сельсовета. Одной явной проблемой является то, что многие фамилии в списках приведены с ошибками, например, Николай Александрович Дурандин, записан как «Аурандин». Есть неточности в дате рождения и гибели. Многие нижневартовцы внесены в именной список без уточнения места призыва, их фамилии были выявлены из других источников и сверены со списком по «Книге Памяти». Таким образом, было выявлено около 70 солдат. На сегодняшний день проводится сверка имен с другими документами.

Сотрудники музея работали в архивном отделе администрации города Нижневартовска с документами военного периода. Особую ценность для исследования составили «Похозяйственные книги основных производственных показателей хозяйств рабочих и служащих с. Нижневартовск, членов колхоза «Красное знамя» (с. Нижневартовск)» с 1940 по 1946 год [2]. В книгах есть графа «Отметка об отсутствующих», в которой солдаты отмечены как «в РККА», «РККА» или «Прибыл из РККА». Из этого документа можно узнать краткие

сведения о месте работы призывника и членов его семьи, а также ценной информацией является год рождения призывника. Таким образом, сотрудникам музея, удалось выявить около 128 человек. Так как сведения были взяты из «Похозяйственной книги», то семьи участников на момент заполнения книги проживали в селе Нижневартовском и имели свое «хозяйство».

Методом интервьюирования нам удалось установить боевой путь и часть наград нижевартовцев, выявить новые имена и их судьбы. Одни из последних исследований касаются таких семей как: Пановы, Мотошины, Яровы, Шестаковы, Медведевы, Нестеровы, Кайдаловы, Антиповы, Крюковы, Анисимовы, Ведровы и др. Например, до недавнего времени судьба уроженки Нижневартовского села Пановой Татьяны Спиридоновны [4, с. 81] была не изучена. Ее имя не встречалось в списках нижевартовских сельчан, потому что во время войны она училась в Томске, откуда отправилась добровольцем на фронт.

Судьба каждого нижевартовца, ушедшего на фронт, уникальна и требует отдельного исследования. Многие нижевартовцы, участники войны числятся в нескольких «Книгах Памяти». Например, Седых Леонид Серафимович учился в селе Нижневартовском, потом закончил педагогические курсы в г. Ханты-Мансийске. В феврале 1943 года, вместе с другом Пановым Леонидом Спиридоновичем вернулся обратно в село [3] и был призван на фронт. Наряду с этим его фамилия числится в списках призывников г. Мегион.

В процессе работы с семьями нижевартовцев за период с 2015 года по настоящее время прояснились судьбы более 40 солдат.

С 2020 года осуществляется проект, связанный с Нижневартовским городским кладбищем № 1, задачей которого является выявление захоронений ветеранов и тружеников тыла [5, с. 3]. Часть из тех, кто покоится на кладбище являются коренными нижевартовцами, старожилами, но у многих не осталось родственников в городе, и контакты с ними утеряны. Поэтому информация с надгробий сверяется с общедоступными базами данных «Мемориал» [7] и «Память народа: Подлинные документы о Второй Мировой войне» [9].

За счет базы данных «Мемориал» и «Память народа» уточнена судьба и боевой путь более 70 нижевартовцев, работа по поиску документов продолжается, так как базы данных пополняются ежегодно и многие документы еще не выложены для общего доступа. Наиболее частые проблемы, с которыми мы сталкиваемся при поиске нижевартовцев: ошибки в написании района призыва, ошибки в фамилиях, даты рождения могут различаться с другими источниками и т.п. Но не смотря на такие трудности на большую часть нижевартовцев находятся документы или справки.

В перспективе исследования данные будут уточняться и корректироваться. Итогом работы станет наиболее достоверный список, в котором будут представлены фамилии, имена, отчества, краткие биографические сведения, даты рождения и смерти с наибольшей полнотой существующих на данный момент источников.

Примечания:

1. Алексеева, Л. В. К вопросу о населении Ларьякского района о об установлении численности нижевартовцев, участвовавших в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны // Шатиловские чтения: материалы XVI краеведческой конференции 22 апр 2016 г. – Нижневартовск, 2016. – С. 89–92.
2. Архивный отдел г. Нижневартовска Ф. 9. Оп. 3.
3. Архивный отдел г. Нижневартовска Ф. 9. Оп. 3. Д. 12. Л. 17.
4. Ветюгова Ю. С. Первопоселенцы Нижневартовской пристани: Спиридон Давыдович Панов/ Ю.С. Ветюгова // Ежегодник Нижневартовского краеведческого музея – СПб., 2019. – № 9. – С. 78–85.
5. Ермолов, С. Вартовчане выступают за сохранение исторической памяти // Варта. – 2021. – 26 янв. – С. 3.
6. Книга Памяти. Том I. – Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2015. – 404 с.
7. Мемориал [Электронный ресурс] // Министерство обороны Российской Федерации. 2020. – Режим доступа: URL: <https://obd-memorial.ru> (дата обращения 01.03.2021).
8. Нижневартовск: как становятся городами / Л. В. Алексеева. и др.- Нижневартовск: «Омскбланкиздат», 2017. – 300 с.
9. Память народа: подлинные документы о Второй Мировой войне [Электронный ресурс] // Министерство обороны Российской Федерации. 2020. Режим доступа: URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения 01.03.2021).
10. Шуваев, Т. Д. Нижневартовск (материалы к истории города). – Томск: Издательство Томского университета, 1977. – 100 с.

Повседневная жизнь населения Тюмени в годы Великой Отечественной войны: историографический обзор

Вопросы повседневной жизни привлекают внимание историков, начиная с XIX в. Однако как научное направление в отечественной историографии «история повседневности» оформилась относительно недавно – в середине 1980-х годов. В настоящее время это динамично развивающееся направление, которое привлекает многих исследователей. Как справедливо отмечают В.А. Веременко и С.В. Любичанковский, «его важность определяется, во-первых, междисциплинарным подходом к анализу исторических проблем, во-вторых, особым вниманием к человеку, его проявлениям во множественных историкокультурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что способствует преодолению схематизма и упрощения в процессе познания истории» [5].

В условиях нарастающего интереса к истории повседневности, при обилии накопленного фактологического материала мы вынуждены констатировать недостаток концептуальных работ по методологии такого рода исследований. Как правило, понятие «повседневность» трактуется очень широко. Мнение одного из основоположников исследования повседневной жизни немецкого ученого А. Людтке [17, с. 5], согласно которому в задачу исследования «повседневности» входит «сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах», стало основополагающим для последующих поколений историков.

По мнению академика Ю.А. Полякова, возглавившего созданный в 2002 г. научный совет РАН «Человек в повседневности: прошлое и настоящее», задача ученых, изучающих повседневность, заключается в «рассмотрении образа жизни людей в историческом разрезе, выявляя при этом общее и особенное, неизменное и новое» [23, с. 125]. Сходных взглядов придерживается кубанская исследовательница Ж.О. Абрегова, утверждающая, что «история повседневности

представляется совокупностью миллионов судеб людей, имеющих как общие черты исторического развития, так и специфические, региональные, национальные и индивидуальные» [1].

Большой вклад в разработку понятийного и методологического аспектов истории повседневности внесла Н.Л. Пушкарева. По её мнению, история повседневности включает событийную область публичной жизни, обстоятельства частной жизни и эмоциональную сторону событий и явлений отдельными людьми и группами людей [24]. В монографии Е.Ю. Зубковой [11] центральное место занимает вопрос об отношении рядовых граждан СССР к политике, осуществлявшейся в послевоенное время, и общественных настроениях, царивших в стране в этот период отечественной истории.

Рассматривая историографию тыловой повседневности в годы Великой Отечественной войны, необходимо отметить, что современные историки не первыми обратились к данной проблематике. Советские ученые, не преследуя специальной цели изучить повседневные реалии жизни советских граждан, все же затрагивали отдельные аспекты этой темы.

В первое послевоенное десятилетие появляются работы по истории экономики, в которых победа СССР в недавно завершившейся войне объяснялась экономическим превосходством социалистического строя, а в качестве основной мотивации трудового поведения назывался народный патриотизм [6, 26, 28]. Определённое внимание к жизни народа в годы войны уделил экономист А.Н. Малафеев [18], труд которого был оценён не только в СССР, но и за рубежом.

Двадцатилетний юбилей Победы во многом явился поворотным моментом для сохранения документальных источников военного периода, формирования «политики памяти», а также дальнейшего изучения тем, связанных с Великой Отечественной войной. Так, проблемам питания посвящена монография У.Г. Чернявского [33]. Большое внимание автор уделяет подсобным и индивидуальным хозяйствам в годы войны, которые, по его мнению, являлось эффективным средством в борьбе с массовым голодом.

Появляется интерес к изучению воспитания и образования детей в военные годы. Одной из первых публикаций на эту тему является работа В.А. Куманева [16]. Вопросы материально-бытового обеспечения и снабжения населения отражены в монографии Г.А. Дихтяра [7].

В 1960-е годы получают распространение отдельные сюжеты региональной истории. Выходит в свет труд Ю.Н. Семовских, посвященный медобслуживанию трудящихся Тюменской области [27]. В 1965 году появляется крупная работа по региональной истории – «Очерки истории партийной организации Тюменской области» [21], подготовленная коллективом научных, партийных работников и преподавателей вузов Тюмени. К этому же периоду относится книга Ю.А. Васильева «Сибирский арсенал» [4], где раскрывается роль промышленного и оборонного комплекса на востоке страны в военное время.

На протяжении 1970-х – первой половины 1980-х годов продолжают изучаться темы, вызвавшие интерес в предыдущем десятилетии. Выходит в свет работа И.П. Труфанова [29], посвященная вопросам материально-бытового положения горожан и социальной политике государства. С.А. Черник обратился к народному образованию в военное время [32]. Продолжается изучение такой темы, как оказание медицинской помощи в годы войны [15, 31].

Изучение региональной истории на данном этапе представлено работами, среди которых особое место занимают исследования видных тюменских историков П.И. Рощевского [25] и Д.И. Копылова [14]. В этих работах внимание главным образом уделено промышленному потенциалу Сибири в период войны и трудовому подвигу тыловиков. Вместе с тем велась активная работа по выявлению источников и публикации сборников документов [12, 34].

Во время «перестройки» в отечественной историографии тоже велось изучение социальной политики в СССР времени Великой Отечественной войны. Появляются такие работы, как статья М.С. Зинич «Изучение социальной политики Коммунистической партии, Советского государства периода Великой Отечественной войны» [10], диссертация В.С.

Кожурина «Социальная политика советского государства по отношению к рабочему классу в годы Великой Отечественной войны» [13]. В то же время демократизация общественной жизни способствовала переосмыслению политики партии, в том числе в интересующее нас время. Так, в книге Г.Г. Загвоздкина «Цена победы: социальная политика военных лет (1941-1945 гг.)» [9], сделан акцент на ошибках и просчётах советского руководства.

Значимым представляется труд коллектива тюменских историков «Очерки истории Тюменской области» [22], где нашли отражение вопросы мобилизации, трудовых будней тюменцев, помощи фронту, культурной жизни края и города. Новый фактический материал о жизни Тюмени в годы Великой Отечественной войны содержится в книге Н.А. Миненко «Тюмень: летопись четырёх столетий» [9]. Производственная жизнь тюменцев, без изучения которой невозможно понимание трудностей военного времени, нашла отражение в работе И.И. Ермакова «Тюмень тыловая» [8]. Отдельные аспекты темы повседневной жизни в Тюмени военных лет нашли отражение в публикациях Т.И. Бакулиной [2, 3] – историка, которому принадлежит немаловажная роль в подготовке дополненного издания «Тюменцы – фронту» [30].

При безусловном интересе исследователей к изучению повседневности на сегодняшний день отсутствуют обобщающие работы, посвященные повседневности жителей Тюмени в 1941–1945 гг. Вместе с тем мы можем констатировать существующий общественный и государственный запрос на освещение различных аспектов истории этого периода, что делает обращение к данной теме необходимым условием накопления наших знаний о региональной истории тех лет.

В русле поставленной проблемы мы провели предварительный анализ повседневности тюменцев в военные годы. Его результаты в основном оказались следующими.

1. Жилищно-бытовые условия жизни горожан. Географическое положение Омской области, в состав которой входила Тюмень до 1944 г., определило ее роль как региона, принявшего тысячи людей и десятки промышленных предприятий, эвакуированных из прифронтовой зоны. В период

войны росла интенсивность труда, ухудшались жилищно-бытовые условия жизни горожан, остро стоял вопрос о снабжении населения промтоварами и продовольствием.

2. Условия трудовой деятельности и факторы, влияющие на неё. В СССР на протяжении десятилетий складывалось особое отношение к труду, что получило логичное развитие с началом войны. Место ушедших на фронт сыновей, братьев, мужей заняли женщины, в короткий срок овладевавшие мужскими профессиями. Значительно увеличилась роль молодежи на производстве. Существенное значение в решении проблемы кадров, сопровождавшейся необходимостью увеличивать объем производства, принадлежало внеэкономическим способам мотивации.

3. Медико-санитарное состояние города и проблемы здоровья горожан. С началом войны, повлекшей за собой мобилизацию более половины медицинских работников города, закрытие некоторых лечебных учреждений, сокращение коечного фонда, ситуация в сфере здравоохранения усугубилась. На плечи его работников легла большая нагрузка, а жители города столкнулись с рядом проблем, связанных с получением медицинской помощи. В то же время в городе трудились талантливые врачи, достойно выполнявшие свой долг.

4. Досуговая составляющая жизни тюменцев. В ситуации ненормированного рабочего дня для подавляющей части населения Тюмени исчезло само понятие «досуг». Тем не менее, в городе продолжали работать учреждения, удовлетворявшие духовные запросы жителей, причем буквально с первых дней войны и здесь требовалась перестройка работы на новый лад. Репертуар театра, выставочная деятельность музея и самодеятельные выступления были подчинены антифашистской тематике.

Таким образом, тема, к которой мы обратились, сложна и многоаспектна. Её изучение предполагает широкое привлечение региональных архивных материалов, периодической печати, источников личного происхождения, а также обращение к обширной историографии вопроса.

Примечания:

1. Абрегова, Ж. О. Повседневная жизнь сельского населения Кубани (конец XIX – первая треть XX вв.) / науч. ред. Э. А. Шеуджен. – Майкоп: ОАО «Полиграф Юг», 2010. – С. 6–54.
2. Бакулина, Т. И. Помогали громить врага // Родина. – 2014. – № 8. – С. 151–153.
3. Бакулина, Т. И. Театральная жизнь Тюменского края в 20-90 годы XX в. // Налоги. Инвестиции. Капитал. – 2000. – № 5. – С. 120–127.
4. Васильев, Ю. Н. Сибирский арсенал: 1941–1945 гг. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1965. – 383 с.
5. Вереманко, В. А. От Н. Л. Пушкаревой до Н. Л. Пушкаревой: современная историография истории женской повседневности в России / В. А. Вереманко, С. В. Любичанковский // Вестник Пермского государственного университета. – 2019. – Вып. 3. – С. 85–94.
6. Гершберг, И. Р. Экономическая победа Советского Союза. – М.: Госполитиздат, 1945. – 67 с.
7. Дихтяр, Г. А. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. – М., 1965. – 401 с.
8. Ермаков, И. И. Тюмень тыловая. – Екатеринбург: Средне-Урал. кн. изд-во, 1995. – 127 с.
9. Загвоздкин, Г. Г. Цена победы: социальная политика военных лет (1941–1945 гг.). – Киров, 1990. – 212 с.
10. Зинич, М. С. Изучение социальной политики Коммунистической партии Советского государства периода Великой Отечественной войны // Вопросы истории. – 1987. – №7. – С. 104–111.
11. Зубкова, Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность (1945–1953 гг.). – М.: РОССПЭН, 1999. – 230 с.
12. Из истории культурного строительства в Тюменской области. Сборник документов. 1918–1975 гг. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1986.
13. Кожурин, В. С. Социальная политика советского государства по отношению к рабочему классу в годы Великой Отечественной войны: диссертация... д-ра ист. наук. – М., 1991. – 438 с.
14. Копылов, Д. И. Тюмень / Д. И. Копылов, В. Ю. Князев, В. Ф. Ретунский. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1986. – 319 с.
15. Кузьмин, М. К. Советская медицина в годы Великой Отечественной войны: (Очерки). – М.: Медицина, 1979. – 239 с.
16. Куманев, В. Советская школа в годы великих испытаний (1941-1945 гг.) // Народное образование. – 1965. – № 5. – С. 9–12.
17. Людтке, А. История повседневности в Германии после 1989 г. // Казус-1999. – М., 1999. – С. 117–131.
18. Малафеев, А. Н. История ценообразования в СССР (1917-1963). – М.: Мысль, 1964. – 57 с.
19. Миненко, Н. А. Тюмень: летопись четырех столетий. – СПб.: Русь, 2004. – 512 с.

20. Окладников, А. П. Трудящиеся Сибири – фронту. – Новосибирск, 1975.
21. Очерки истории партийной организации Тюменской области. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1965. 347 с.
22. Очерки истории Тюменской области / ред. В. М. Кружинов, В. А. Данилов, И. Ф. Кнапик. – Тюмень: Издательство ИПП «Тюмень», 1994. – 272 с.
23. Поляков, Ю. А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Вопросы истории. – 2000. – № 3. – С. 125-132.
24. Пушкарева, Н. Л. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе / Н. Л. Пушкарева, С. В. Любичанковский // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2014. – Т. 4 № 3. – С. 7-21.
25. Рощевский, П. И. История Тюменского края. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1977. – 128 с.
26. Солдатенко, Е. И. Трудовой подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны. – М.: Госполитиздат, 1954. – 294 с.
27. Семовских, Ю. Н. Развитие здравоохранения в Тюменской области за годы Советской власти. – Тюмень, 1967. – 28 с.
28. Сухаревский, Б. М. Советская экономика в Великой Отечественной войне. – М.: Госполитиздат, 1945. – 38 с.
29. Труфанов, И. П. Проблемы быта городского населения СССР. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1973. – 144 с.
30. Тюменцы – фронту. Сборник документов / отв. ред. В. П. Петрова. – 2-е изд. – Тюмень: Тюменский дом печати, 2005. – 352 с.
31. Черник, С. А. Борьба за жизнь и здоровье детей в годы Великой Отечественной войны // Советская педагогика. – 1979. – №5. – С. 9-15.
32. Черник, С. А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. – М.: «Педагогика», 1975. – 239 с.
33. Чернявский, У. Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну. 1941–1945 гг. – М.: Наука, 1964. – 208 с.
34. 400 лет Тюмени: сборник документов и материалов / ред. Д. И. Копылов. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1985. – 366 с.

О значении открытия Мегионского нефтяного месторождения в 1961 году

В послевоенные годы создание новой топливно-энергетической базы было крайне необходимо для страны, т. к. прежние районы нефтедобычи – Азербайджан, Среднее Поволжье – не могли удовлетворить потребности растущей экономики. Это обусловило развертывание геологических исследований в Западной Сибири, по поводу нефтегазового потенциала которого велись споры уже в довоенное время.

Как известно, еще в сентябре 1953 г. был получен Березовский газовый фонтан. При всей значимости этого события неправомерно признавать его свидетельством открытия и Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции (ЗСНГП). Березовский газ в значительной степени повлиял на сужение географии дальнейшего поиска Сибирским Приуральем, что затормозило освоение центральных и северных районов низменности. В результате длительной концентрации работ в Березово выявление самой продуктивной части ЗСНГП – Широного Приобья было отложено на многие годы [12, с. 179].

Следующий шаг – открытие Шаимского месторождения 20 июня 1960 г. Это было первое месторождение нефти на территории края, но опять же оно не стало прорывом в нефтедобыче, т. к. по строению данное месторождение относится к сложным, а по запасам – к небольшим. Нефть Шаима лишь поколебала мнение скептиков, однако по-прежнему еще не позволяла судить о «Тюменской земле как о нефтяном гиганте» [6, с. 70], не являлась достаточным свидетельством наличия значительных нефтяных ресурсов низменности.

Фактически начало освоению нефтяных месторождений Среднего Приобья, где оказался сосредоточенным основной объем углеводородного сырья Западной Сибири, положило именно *открытие мегионской нефти 21 марта 1961 г.* Лишь после этого был сделан вывод об наличии в СССР новой нефтегазоносной провинции.

В отличие от Шаимского месторождения Мегионское являлось многопластовым со значительными запасами, неглубоким залеганием продуктивных горизонтов и этажами нефтегазоносности с мощностью до тысячи и более метров. При этом нефть обладала высоким качеством, что значительно облегчало переработку, благоприятным для нефтехимической промышленности составом попутных газов [7, с. 33-35].

Справедливости ради, необходимо указать, что выходы нефти здесь были получены раньше – осенью 1960 г. Однако небольшие объемы не позволяли говорить о перспективности выявленных на тот момент запасов. Об этом, в частности, свидетельствует и Ф.К. Салманов [11, с. 217] и отчетный доклад Ларьякского райкома КПСС от 24 декабря 1960 г. [9, с. 214] Примечательна фраза из отчетного доклада Сургутского райкома, прозвучавшего в тот же день 24 декабря 1960 г.: «Впервые на Мегионской площади обнаружена нефть» [9, с. 215]. (Курсив авторов доклада).

Вскоре последовало открытие Усть-Балыкского месторождения, подтвердившее ранее сделанные выводы о значении и перспективах добычи углеводородного сырья в Западной Сибири.

О значении произошедших в Мегионском Приобье событий свидетельствуют следующие факты и документы.

С открытием в 1961 г. Мегионского месторождения связывали начало выявления в Западной Сибири крупнейшей нефтегазоносной провинции специалисты Западно-Сибирского научно-исследовательского геологоразведочного нефтяного института еще в 1970 году [4, с. 11].

Ф.К. Салманов в своих воспоминаниях отмечал, что открытие Мегионского месторождения оказалось очень своевременным, т. к. фактически спасло Сургутскую нефтеразведочную экспедицию от зачисления в ряды «неперспективных» с последующим закрытием [11, с. 219-220]. А это могло на долгие годы отложить исследование Среднего Приобья.

Можно также указать на следующие документы:

Приказ от 27 апреля 1964 г. начальника «Тюменьнефтегеологии» Ю.Г. Эрвье о премировании

сотрудников управления за успешное выполнение «правительственного задания по пробной эксплуатации Усть-Балыкского, Мегионского и Шаимского месторождений» [8, с. 207].

Докладная записка А.М. Слепяна председателю Средне-Уральского совнархоза В.В. Кротову, где отмечалось, что нефтяники в мае 1964 г. «совместно с Тюменским территориальным геологическим управлением» приступили к пробной эксплуатации Усть-Балыкского, Мегионского и Шаимского месторождений [8, с. 206].

Отчетный доклад Ханты-Мансийского окружкома КПСС от 17 декабря 1964 г., где сообщалось: «За короткий срок силами нефтеразведочных экспедиций, монтажников и строителей была выполнена большая работа по подготовке Шаимского, Усть-Балыкского и Мегионского нефтяных месторождений к пробной эксплуатации» [9, с. 358].

Приказ за подписью Ю.Г. Эрвье и А.М. Слепяна от 13 марта 1965 г., в котором начальникам Мегионской нефтеразведочной экспедиции (НРЭ) В.А. Абазарову, Усть-Балыкской НРЭ И.Г. Шаповалову, Шаимской НРЭ И.Ф. Морозову предлагалось передать, а начальникам НПУ «Сургутнефть» В.С. Иваненко, НПУ «Мегионнефть» Б.И. Осипову и НПУ «Шаимнефть» Э.К. Журавлеву принять для промышленного освоения вышеуказанные месторождения и балансы запасов по ним [8, с. 206-209].

Именно из этих трех месторождений и поступила первая промышленная нефть Сибири. В мае-июне 1964 г. добытая в ходе пробной эксплуатации она водным путем была отправлена на Омский нефтеперерабатывающий завод. По данным газеты «Тюменская правда» 4 июня 1962 г. в Омск прибыл и стал под разгрузку танкер с Шаимской нефтью, на следующий день – с Усть-Балыкской, и в этот же день 5 июня была закончена заливка на баржу нефти Мегионского месторождения [13].

Таким образом, в документации, информационных сообщениях три первых нефтяных месторождения края – Шаимское, Мегионское, Усть-Балыкское упоминаются в неразрывной связи.

Также примечательно, что предпринимаемые ранее попытки привлечь внимание к разработке месторождений Березово-Шаимского района не увенчались успехом. Проекты постановлений «Об усилении геологоразведочных работ на нефть и газ в Сибири» (1959 г.), «Об усилении геологоразведочных работ по подготовке запасов газа в Березовском районе Тюменской области» (1959 г.) и «О мерах по ускорению подготовки и использованию промышленных запасов нефти Шаимского месторождения Тюменской области» (1960 г.) так и остались проектами. Документы не были приняты по причине отсутствия достаточной информации по промышленным запасам нефти и газа в регионе.

Ситуацию изменило открытие нефти в Среднем Приобье, т. е. в Мегионе и затем в Усть-Балыке. Уже в августе 1961 г. (еще до открытия Усть-Балыка и соответственно в основном под влиянием успехов геологов и нефтяников в Мегионе) в постановлении коллегии Министерства геологии и охраны недр СССР отмечалось: «...не только рассеяны ложные впечатления... о бедности недр этих обширных территорий, но и созданы реальные предпосылки для открытия здесь уникальной нефтегазовой провинции не только СССР, но и мира» [9, с. 217]. Особое внимание следует обратить на следующие слова данного документа: «Открытие промышленной нефти в центре низменности, вблизи реки Оби... позволяет в недалеком будущем создать на этой территории крупнейшую нефтегазодобывающую промышленность, по производственным мощностям превосходящую все вместе взятые районы «Второго Баку» [т. е. Поволжья – В.Ц.], где в настоящее время добывается более 70 % нефти в стране и создает уверенные предпосылки для обеспечения высоких, не имеющих себе равных в мире темпов роста нефтегазодобывающей промышленности в ближайшем двадцатилетии» [9, с. 223-224].

Постановлением Совета Министров СССР от 19 мая 1962 г. «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири» были намечены подготовка к разработке основных горизонтов Усть-Балыкского, Мегионского и Шаимского месторождений и проведение

пробной эксплуатации скважин, законченных бурением. В постановлении указывалось, что открытие этих месторождений «свидетельствует о значительной нефтегазоносности районов Западно-Сибирской низменности создает предпосылки для организации новой крупной базы нефтегазодобывающей промышленности...» [9, с. 239].

В марте 1963 г. пленум Тюменского промышленного обкома КПСС, заслушав информацию Ю.Г. Эрвье о новых геологических открытиях, принял решение представить в ЦК КПСС и правительство предложения об ускорении промышленного освоения нефтяных и газовых месторождений области. Соответствующее постановление было принято советом министров СССР 4 декабря 1963 года [9, с. 293-299].

В апреле 1963 г. после утверждения промышленных запасов нефти по Усть-Балыкскому, Мегионскому и Шаимскому месторождениям Государственный геологический комитет СССР признал Западно-Сибирскую низменность крупнейшей нефтегазоносной провинцией страны [8, с. 5].

Все это являлось наглядным подтверждением радикального изменения отношения высшего руководства к перспективам развития экономического потенциала Западной Сибири после открытия нефти в Мегионе и позднее в Усть-Балыке.

Необходимо отметить, что сообщение об открытии мегионской нефти нашло отражение в СМИ, в свидетельствах современников и участников. Оно было напечатано в газетах «Правда», «Тюменская правда», информация прозвучала в «Последних известиях» на Всесоюзном радио. В адрес первооткрывателей поступили сотни поздравительных телеграмм и писем.

Вот как об этом писал академик А.А. Трофимук – продолжатель дела И.М. Губкина, основатель и первый директор Института геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР:

«В 1961 году в широтном течении реки Оби в Мегионе и Усть-Балыке были получены мощные фонтаны

нефти из нижнемеловых отложений. Всем стало ясно, что Западно-Сибирская низменность не только газоносна, но и нефтеносна, что мезозойский ее чехол продуктивен... Эти крупные успехи позволили более широко развернуть как региональные, так и поисковые геологические и геофизические работы... На основе анализа всего накопленного материала была произведена смелая, но обоснованная оценка прогнозных запасов, показавшая, что Западно-Сибирская низменность представляет собой богатейшую не только в СССР, но и на планете нефтегазонасную провинцию» [14, с. 47].

На значение для науки выявления запасов нефти под Мегионом обращал внимание и Ю.Г. Эрвье: «Важность этого открытия также и в том, что была доказана нефтеносность меловых отложений, имеющих широкое распространение в Западно-Сибирской низменности» [10, с. 31].

Таким образом, ценность открытия Мегионского нефтяного месторождения была исключительно велика:

1. Окончательно решился вопрос в пользу существования крупнейшей в СССР нефтегазонасной провинции.
2. Было положено начало освоению целого созвездия нефтегазовых месторождений, главным из которых стало Самотлорское.
3. Изменилось научное представление о перспективности меловых пластов, что составило своего рода «революцию» в геологии.
4. Остановилась реализация проекта по строительству Нижне-Обской ГЭС, которое могло бы нанести непоправимый ущерб природе и населению Югры.
5. Именно отсюда, как и в равной степени с Усть-Балыкского и Шаимского месторождений, поступила первая промышленная нефть Западной Сибири. (См, также: Приложение 1).

**Технико-экономические показатели геологических
организаций по поиску нефти на севере Тюменской области
(1960–1963 гг.) [Составлено по: 15, с. 101, 187, 188]**

Нефтеразведочная экспедиция (НРЭ)	Год	Проходка, м	Прирост запасов нефти, млн. т	
Шаимская НРЭ	1960	12 765	2,500	64,685
	1961	29 293	7,500	
	1962	33 743	1,000	
	1963	42 486	54,685	
Ханты-Мансийская НРЭ	1961	12 502	-	1,000
	1962	13 115	1,000	
	1963	16 106	-	
Сургутская НРЭ	1961	18 186	14,000	60,000
	1962	9 738	3,000	
	1963	27 739	43,000	
Усть-Балыкская НРЭ	1963	36 198	178,722	178,722
Мегионская НРЭ	1962	13 830	18,000	62,618
	1963	31 701	44,618	

Примечания:

- Алексеев, В. В. Прометей сибирской нефти / В. В. Алексеев, В. А. Ламин. – Свердловск, 1989. – 269 с.
- Бахилов, В. В. Дорога к нефти. – Свердловск, 1975. – 112 с.
- Березин, В. Л. Нефть и газ Западной Сибири. М., 1990.
- Геологические предпосылки и обоснование ускоренной подготовки запасов нефти в Тюменской области в 1971-1980 гг. Труды ЗапСибНИГНИ. Вып. 32. – Тюмень, 1970.
- Карпов, В. П. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности / В. П. Карпов, Н. Ю. Гаврилова. – Тюмень, ТюмГНГУ. 2002. – 172 с.
- Карпов, В. П. Авария, ставшая открытием // Родина. – 2008. – № 10.
- Козловский, Е. А. Геологи открывают богатства недр. – М., 1980.
- Комгорт, М. В. Открытие Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции (1920–1960-е гг.). Дисс. ... д. и. н. – Екатеринбург, 2020.
- Нефть и газ Тюмени в документах. Т. 1: 1901-1965. – Свердловск, 1971. – 480 с.
- Разбудившие землю: документальная повесть о первооткрывателях тюменской нефти и газа. – Свердловск, 1965. – 261 с.

11. Салманов, Ф. К. Жизнь как открытие / [вступ. ст. Н. К. Байбакова]. – М., 2003. – 607 с.
12. Славкина, М. В. Великие победы и упущенные возможности: влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945-1991 гг. – М., 2007.
13. Тюменская правда. – 1962. – 6 июня.
14. Тюменский самородок. – М., 1974. – 326 с.
15. 70 лет тюменской геологии: Служа Отечеству / под ред. А. М. Брехунцова, В. Н. Битюкова. – Екатеринбург, 2018.

История добычи первой промышленной нефти Западной Сибири

Газеты 60-х пестрели пафосными заголовками о новом Советском Баку в поселке Шаим. Видные академики делали выводы о преимуществе высококачественной Шаимской нефти над нефтью Урало-Волжских областей. Однако имя Шаим, как показало время, не нуждалось в географических «параллелях». Оно прославилось, вписав себя в книгу главных открытий XX века. И оно же доказало: легкой нефти не бывает...

Шаимский нефтяной район располагается севернее 60 градусов северной широты, в Западносибирской низменности. Освоение района осуществлялось в условиях практически безлюдной местности, исключающей привлечение к строительству и обустройству нефтепромыслов местного населения.

Летом 1956 года гравиметрическая партия под руководством В. Блохинцева, прошагав пешком Шаимскую тайгу, провела сейсморазведку, и в ее отчете впервые прозвучало слово «Шаим». Уже через год была пробурена опорная скважина партией колонкового бурения. Мелкое бурение подтвердило, что Шаим интересен. Затем сейсмическая партия А. Черепанова «простреляла» четырехкилометровый профиль, исследовало русло Конды и определила Шаимский прогиб. На карте появилась Шаимская площадь. Зимой 1958 года для детальной сейсмической съемки в пришаимскую тайгу отправилась сейсмическая партия, которой руководил Виктор Абрамович Гершаник. В 1959 году Шаимская буровая партия Ханты-Мансийской геологоразведочной экспедиции на берегу реки Конды пробурила скважину №2 и получила небольшой приток нефти – 1,5 тонны в сутки. Затем на правом берегу реки Конда была заложена скважина №6 проектной глубиной 1600 метров. Бурила ее бригада мастера С.Н. Урусова. В состав бригады входили бурильщики В.Д. Шидловский, Н.В. Распопов, Н.Н. Урусов, С.Н. Кутилов, В.В. Тетеревников, помощники бурильщика – П.И. Бухарин, П. Канаков, В.М. Колмаков,

старшие дизелисты Н. Пешков, И.В. Усольцев, Р.М. Галиуллин, слесарь И.П. Шестаков, верховые рабочие И. Дмитриенко, И. Жетиков, шофер Н. Гагарин и др. Всего 24 человека.

УМКП 1594. Бригада бурового мастера С.Н. Урусова.

В январе 1960 года была организована Шаимская нефтегазоразведочная экспедиция с местонахождением в селе Чантырья, которая в июле 1960 года перебазировалась на окраину поселка Урай. Начальником экспедиции был Морозов Иван Федорович. Ну, и наконец, свершилось то, чего так долго ждали. 18 июня 1960 года ударил первый фонтан настоящей большой сибирской нефти мощностью 350 тонн в сутки. Нефть оказалось высококачественной. Маленькая радиостанция бригады передала долгожданную весть: «Забил мощный фонтан с дебитом 300 тонн в сутки». Через год скважиной №28 было открыто Мортмыья-Тетеревское месторождение, самое крупное из разрабатываемых в то время месторождений Шаимской группы. В последующие годы были открыты и введены в разработку Убинское, Толумское, Даниловское, Мулымьинское нефтяные месторождения. Уже к концу 1962 года в буровой

бригаде С.Н. Урусова скорость бурения составила 2813 метров вместо 1597 метров по плану. За год бригада пробурила 26165 метров, перевыполнив план. Стоимость метра проходки была снижена на 23,8 процента.

К началу навигации 1964 года была поставлена задача – дать первую сибирскую нефть. Основные события в то время разворачивались на Сухом Бору. Здесь участком Кондинского строительного-монтажного управления строился первый резервуар. Прокладывались выкидные линии от скважин № 61 и 63, нефтеналивной причал.

УМКП 5282. Строительство Сухоборского причала. Слева направо заместитель начальника НПУ «Шаимнефть» Е. Данилко, главный инженер НПУ «Шаимнефть» Р.Х. Ханнанов, начальник НПУ «Шаимнефть» Э.К. Журавлев. 1964 год.

22 мая к Сухоборскому причалу прибыл танкер ТН-652 (капитан Константин Третьяков) под налив нефти.

УМКП 114. Танкер ТН – 652 на Сухоборском причале.
23 мая 1964 года.

В жизни Шаима новый незабываемый момент: буровой мастер Шаимской нефтеразведочной экспедиции, Герой Социалистического труда С.Н. Урусов, начальник экспедиции И.Ф. Морозов, главный инженер Шаимского нефтепромысла Р.Х. Ханнанов медленно в торжественной тишине поворачивают штурвал задвижки. И нефть с шумом врывается в объемистые резервуары танкера.

Газета «Тюменская правда» писала: «Этого дня ждали с нетерпением, к нему готовились в долгие месяцы и в распутицу. С мечтой о нем шли сквозь тайгу, через топи первооткрыватели-геологи. Свершилось! Сегодня на суровой, по-весеннему помолодевшей Конде, радостный праздник. Открыта задвижка сибирскому «черному золоту» на нефтеперерабатывающие заводы. Родился новый нефтедобывающий район страны».

УМКП 0132. Начальник экспедиции И.Ф. Морозов и начальник нефтепромыслового управления «Шаимнефть» Э.К. Журавлев поздравляют друг друга с первой отправкой нефти на Омский нефтеперерабатывающий завод. 23 мая 1964 года.

Первый рейс не был легким и коротким. В то лето, говорят, сильно горела тайга. Да и река, плохо изученная, извилистая, с множеством отмелей, коварно подстерегала танкер на своих поворотах. Но экипаж хорошо видел поставленную задачу и сделал все от него зависящее, чтобы груз был в срок доставлен до места назначения. И с 4 по 7 июня черное золото поступило на Омский нефтеперерабатывающий завод. 23 мая 1964 года стал символическим днем рождения нового нефтепромысла страны. В первый год Шаимский нефтепромысел дал 64305 тонн. Это была серьезная заявка на создание мощной нефтепромысловой базы на реке Конда.

Для разработки Шаимского нефтяного региона в 1964 году из Башкирии прибыли уже имевшие опыт проходки скважин три буровые бригады – Петрова, Шакшина и Ягафарова.

УМКП 1678. Два буровых мастера, Герои Социалистического труда
А.Д. Шакшин и С.Ф. Ягофаров.

УМКП 1614. Буровой мастер, Герой Социалистического труда
Г.К. Петров.

Легендарный начальник Главтюменьнефтегаза Муравленко называл Шакшина, Ягафарова и Петрова «тремя богатырями». Их опыту он всегда доверял. Они первыми в стране преодолели пятидесятитысячный рубеж ежегодной проходки на буровую бригаду.

Одновременно создавался аппарат управления первого в Западной Сибири укрупненного нефтепромысла, впоследствии – нефтепромыслового управления «Шаимнефть». Во главе коллектива стоял Э.К. Журавлев, человек с большим организаторским талантом и пользующийся огромным авторитетом и уважением людей. Главным инженером был назначен Р.Х. Ханнанов, главным геологом – В.В. Гостев, главным бухгалтером – Г.Н. Шашин. В Урае была создана Шаимская контора разведочного бурения № 3, ее возглавил тоже башкир Авзалитдин Исянгулов. Впоследствии контору переименовали в Урайское управление буровых работ, коллектив считался передовым в Западной Сибири.

УМКП 88. Исянгулову А.Г. присуждают Героя Социалистического труда. г. Москва, 1973 год.

В 1965 году началась новая фаза работы промыслового управления, в этот год Шаимская нефть начала закачиваться в трубопровод «Шаим – Тюмень». Первое официальное сообщение, а вернее упоминание о нефтепроводе Шаим – Тюмень было в постановлении бюро Тюменского промышленного обкома КПСС от 4 апреля 1964 года. В нем отмечалось, что в области начаты подготовительные работы по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и строительству магистрального нефтепровода Шаим – Тюмень. Его планировалось сдать в эксплуатацию летом 1966 года. Однако, учитывая большую потребность страны в тюменской нефти, строители взяли на себя обязательство завершить сооружение магистрали в 1965 году. Право открыть задвижку было предоставлено лучшему сварщику СУ №18 Я. Полтарацкому, начальнику колонны изолировщиков Шайхутдинову, старшему оператору нефтепромыслового управления З. Галимову, экскаваторщику Я. Мякушеву. Вот что писала по случаю этого события «Тюменская правда»: «Наконец-то настоящая сибирская нефть пошла в огромную трубу нефтепровода и начала свой путь по подземной магистрали. Это произошло на Сухом Бору... Открыть задвижку было доверено тем, кто особенно отличился на строительстве первой очереди нефтепровода. Начинают работать насосы, и «черное золото» Шаима вливается в трубу. Резервуары снова будут заполняться. Промыслы все время дают им новую нефть. Первая очередь нефтепровода Шаим – Тюмень начинает служить Родине».

УМКП 150. Строительство нефтепровода «Шаим – Тюмень». 1965 год.

Много было за этот короткий срок громких побед. Были и жестокие поражения. 14 ноября 1966 года образовался открытый фонтан на скважине №692-й, которая со страшной силой извергла огромный столб нефти и газа. Ликвидировать аварию вызвались самые смелые люди Шаимской конторы бурения. Четыре дня они работали без отдыха под нефтяным ливнем, в клубах попутного газа, 18 ноября вспыхнуло пламя. И только через 2 месяца огонь был потушен, скважина заглушена. Во время катастрофы на 692-й скважине трагически погибли В. Комаров, И. Феоктистов, У. Гайнуллин, Г. Нечипуренко, В. Журавлев, Р. Насыров, Р. Явгильдин.

В 1966 году был создан первый в Западной Сибири вахтовый поселок Тетерево, первым заведующим которого стал Маричев Ф.Н.

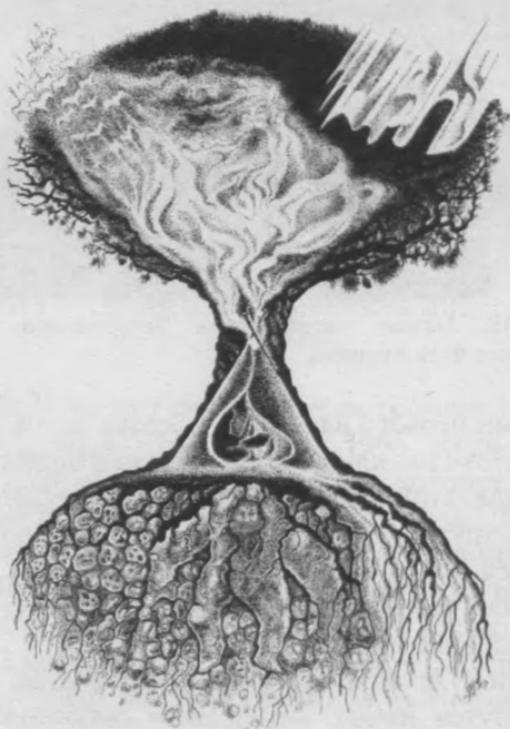

УМКП 48. Начало эксплуатации Тетеревского месторождения. Задвижку открывает Ф.Н. Маричев.

В истории первого вахтового поселка самое главное – это люди. Не искатели приключений приехали в необжитые места, а энтузиасты, для которых смысл жизни – отдать свои силы людям. Было трудно, как всегда бывает первооткрывателям. Были сумасшедшие морозы и не хватало жилья, был гнус и тайга, и не было человеческих условий жизни, но были воля и стойкость, и желание преодолеть все трудности.

С тех пор прошло не одно десятилетие, а в памяти навсегда останутся имена, неразрывно связанные с историей самоотверженного покорения сурового северного края. Биографии с неизбежным «привкусом» нефти. Люди, ставшие живой легендой Урая... С. Урусов, Г. Петров, А. Шакшин, С. Ягофаров, В. Чернышев, А. Канаев, Н. Шилкин, А. Исянгулов, И. Кондрашов, О. Лушникова, О. Кандаурова, В. Варзина, В. Чернышов, Д. Панфилов, Ф. Муковоз, Ш. Ромалданова, А. Андриянов, В. Пьянкова, Б. Мотин и др.

II. ОБРАЗОВАНИЕ. КУЛЬТУРА

Развитие образования Октябрьского района: с момента рождения и до современности (очерк)

Возникновение и развитие образования на территории современного Октябрьского района, естественно, находилось в прямой зависимости от социально-экономического уклада и существующих этнических отношений в рассматриваемом временном периоде в Югре.

Исходя из этого, ставим задачу кратко проанализировать развитие образования в районе, условно поделив этот процесс на три основных исторических этапа: досоветский, советский и постсоветский, или современный (градация автора). Правомерность такого деления можно аргументировать подходами к решению поставленных целей и задач государством перед организаторами духовного и культурно-образовательного развития народонаселения, как на его территории в целом, так и на отдельно взятых национальных окраинах, к которым относилась в ту пору и Кодская земля.

Небольшой экскурс в историю

Современный Октябрьский район находится в границах легендарного Кодского княжества. Проникновение христианства в середине шестнадцатого - начале семнадцатого веков на землю древней Югры стало важным фактором духовного просвещения местного аборигенного населения и, в первую очередь, их обращения в христианскую веру, в основном насильственного, так как населяющие данную территорию остяки (ханты) и вогулы (манси) были фанатами языческой веры. Естественно, основными центрами духовного просвещения местного населения и пришельцев - новгородских ушкуйников, ермакова воинства, путешественников и сермяжных крестьян, русскоязычных промысловиков и охотников и пр., были православные церкви, монастыри и храмы. В 1602 году в Кодске (ныне пгт. Октябрьское) была построена первая деревянная церковь. Затем в 1657 году на ее месте воздвигли Свято-Троицкую церковь, при которой был

основан Кодский монастырь. В ноябре 1729 года при монастыре заложили каменный Троицкий пятиглавый храм с колокольной, который строили более 30 лет и освятили только в 1765 году (в настоящее время храм реставрируется). В 1844 году при монастыре открыли первую школу на Обском Севере. Вот что пишет в своих воспоминаниях один из первых исследователей архива Кодского монастыря А. Абрамов, выдающийся историк Сибири девятнадцатого века: «Во время служения моего в г. Березове смотрителем училищ (1842-1849 г.г.) я несколько раз бывал в Кодском монастыре во время проездов для обозрения школ. В монастыре и при некоторых сельских школах с 1843 по 1847 год заведены школы для детей крещеных остяков, в которых обучаются русской грамоте. В 1849 г. в сих школах состояло учащихся мальчиков: - в Кондинском монастыре русских 10, остяков - 13; - в с. Малоатлымском русских - нет, остяков - 10.» [1, с. 287]

Это примерно третья часть детей, обучающихся грамоте на территории современного Ханты-Мансийского автономного округа-Югры. Детей обучали читать и писать по-русски, счету и религиозной истории. Но каков же был результат? Обратимся к финскому исследователю Августу Алквисту, который посещал Северо-Западную Сибирь, в том числе Кондинский монастырь в 1858, 1863, 1883 годах и издал свои записки в 1885 году, в которых замечает, что «...можно было поддаться вере в то, что эти монастырские ученики или, по крайней мере, самые одаренные из них, будут использованы для распространения и укрепления христианства среди своих земляков, ибо вследствие целенаправленного воспитания они будут годиться на это лучше, чем русские миссионеры, которым трудно изучить язык аборигенов; однако этого нет. Монастырь, кажется, стремится лишь к тому, чтобы денационализировать доверенных ему учеников и довольствуется привитием им вышеназванного небольшого объема знаний. После окончания курса воспитанник становится в лучшем случае вакцинатором, младшим писцом и т.п.» [1, с. 300]

Другой исследователь этой темы К. Губарев, побывавший в монастыре несколько позднее, в своих записях более категоричен: «...а при нем (Кондинском монастыре) в

1884 году открыто училище для 10-ти мальчиков остяков на полном от казны содержании (прототип современных пришкольных интернатов? Авт.) Что же он (монастырь) сделал на самом деле? Посеял ли полезные семена между инородцами, ознакомил ли их с истинным смыслом учения Христова, наконец, возвел ли из тысячи дикарей хотя несколько личностей на степень сознания человеческого достоинства? Тяжело выговорить, а приходится отвечать: нет, и нет!». И ниже делает заключение: «...не обучение, а мучение - зубрежка без понятия. А результат - нулевой...» [1, с. 295]

Чтобы окончательно понять проблемы просвещения и миссионерства в этот период, нужно учитывать и те обстоятельства, что наряду с такими подвижниками этой труднейшей деятельности как Митрополит Тобольский и Сибирский Филофей Лещинский и приглашенные им из Киевской духовной академии достойнейшие учителя: Яков Вольнский, Иван Блажевский, Герасим Граневич, Пафнутий Даневский и др., на местах эту миссию выполняли личности, весьма далекие от образования и воспитания. Тот же А. Алквист сомневается даже в порядочности этих «педагогов»: «... относительно порядочности, видимо сами (святые) отцы не являются светлыми примерами: в деревне (Кондинске) ходят различные истории о них, показывающие, что, по крайней мере, святой Антоний - не тот святой, которого монахи в Кондинске взяли себе за образец». [1, с. 300]

И все же, не смотря на эти печальные строки, мы с полной уверенностью делаем вывод о том, что на территории современного Октябрьского района во второй половине девятнадцатого века, одной из первых на крайнем севере Западной Сибири, были даны зачатки для развития духовного и светского образования.

Советский период

Формирование образования, как системы, началось в нашей стране с приходом Советской власти. Лозунг вождя большевистской партии В. И. Ленина: «Учиться, учиться и еще раз учиться!» становится актуальной и одной из важнейших государственных задач. Характерно, что «всеобуч»

распространяется на все неграмотное население молодого российского государства. Это был поистине грандиозный прорыв в обучении целого народа грамоте, выращивании своих собственных высокопрофессиональных специалистов - педагогов и ученых, проложивших в дальнейшем путь к мировому лидерству в освоении фундаментальных наук. Результаты второго этапа (по нашей градации) хорошо прослеживаются на развитии образования и в районе. В начале, сразу после Гражданской войны, организационная чехарда в административно-территориальном делении в нашем крае не лучшим образом сказывалась на рассматриваемой теме. Так, в 1923 году были ликвидированы губернии, уезды, волости. Образована Уральская область. 10 декабря 1930 г. Постановлением ВЦИК образован Остяко-Вогульский национальный округ с центром в с. Самарово. В 1934 году в связи с разукрупнением Уральской области создана Обь-Иртышская область с центром в г. Тюмени. В декабре 1934 года округ вошел в состав Омской области и т.д. И территория, не существующего еще тогда Микояновского района, последовательно находилась в составе и под управлением этих административных единиц. Понятно, что в такой ситуации задача поголовного обучения граждан грамоте была у партийных и советских органов отнюдь не на первом месте. И только с образованием 4 июля 1937 года Микояновского района, путем разукрупнения, т.е. выделения части территорий Самаровского и Березовского районов, переименованного спустя 20 лет в Октябрьский с административным центром в с. Кондинское, здесь началась более конкретная и последовательная работа по выполнению задач, направленных на развитие системы образования. Мы уже говорили о том, что развитие социокультурной инфраструктуры зависит от социально-экономического уклада на рассматриваемой территории. Так вот, в период конца 30-х и до конца 50-х годов в районе бурно развивались сельское хозяйство, рыбная промышленность, пушное звероводство, в отдельных, в основном в национальных поселениях - оленеводство. Зарождалась лесная промышленность. В районе насчитывалось свыше 50-ти населенных пунктов, в которых была образована 41

школа, в том числе одна средняя (Кондинская), 6 семилетних и 34 начальных. Многие из них получили успешное развитие и функционируют до настоящего времени, но о них чуть ниже.

Читателю, наверное, более интересно было бы узнать, где же еще, кроме существующих школ, учили детей. Названия школ, естественно, совпадали с названием населенных пунктов, которых, увы, уже не найти на современной карте Октябрьского района. Итак, называем эти школы, имея ввиду, что все они носили статус начальных: Казымская, Лохтоткуртская, Осиновская, Полноватская, Мулигортская, Сосновская, Яганокуртская, Низямская, Леушинская, Кальмановская, Поснокортская, Холопантская, Верхне-Нарыкарская, Няганьская, Послонская, Подгорная, Быстринская, Проточинская, Большеюртовская, Моимская, Лорбинская, Новинская, Кеушинская, Ламская, Алешкинская, Котлаховская, Лиственная.

Постсоветский период

Распад СССР привел к известным последствиям в социально-экономической жизни в стране. В нашем районе приказали «долго жить» традиционные отрасли хозяйствования - сельскохозяйственная промышленность, а затем лесная и рыбная. Чуть раньше, в 1985 году, из состава Октябрьского района вышел в окружное подчинение город Нягань. Сократилось население. Резко повысилась безработица. Район стали покидать самые необходимые специалисты. На этом фоне так же стало сокращаться число учащихся в общеобразовательных школах и учителей - предметников. Упала рождаемость. В отдельных населенных пунктах закрывались детские сады. Запрет КПСС и, в этой связи развенчивание коммунистических идеалов, на которых строилось обучение и воспитание не одного поколения советских людей, и взамен - никакой идеологии, никакого идеологического обеспечения. Все так просто - заснули в период развитого социализма, а проснулись при капитализме (только каком?!). Государству было необходимо срочно сломать старую управленческую систему (коммунистическую) и ввести новую, но опять - какую? На гребне новой демократической

волны вводятся выборы не только исполнительных и представительных органов муниципальной власти, но и практикуются выборы руководителей предприятий и учреждений. Понятно, что «такие исторические преобразования» не способствовали развитию образовательной системы. Более того, постоянное реформирование экономической и социальной отраслей, последовавшая в дальнейшем приватизация, негативно сказались, а порой просто являлись тормозом в развитии образования. И лишь принятие на государственном уровне решений о формировании власти в субъектах РФ в форме местного самоуправления и утверждение в конце 2003 года Федерального Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» способствовало его дальнейшему развитию.

Как ни странно, но именно в этот период образование в Октябрьском районе претерпело новый качественный скачок в развитии практически всех его направлений. В первую очередь, на мой взгляд, это связано с развитием принципиально новых для района отраслей промышленности - нефтедобывающей и газовой - и обновлением в 1990 году, практически на 100 процентов, руководства района. Начиная с 1991 года, глава района А. К. Киприянов, а с 1996 года и депутаты первого созыва Думы Октябрьского района, взяли абсолютно правильный курс на социальную направленность районного бюджета, не смотря на то, что он был весьма ограниченным в силу своей дотационности. Доля на развитие образования в районном бюджете значительно поднялась и стала ежегодно составлять от 30 до 40 процентов. В первую очередь, необходимо было срочно заниматься материальной базой общеобразовательных и дошкольных учреждений, так как некоторые из них ютились в помещениях 30-40-х годов. Так, заново были построены здания Горнореченской и Зареченской школ, возобновлено и завершено строительство Приобской средней школы, совместно с окружными строительными программами возведены капитальные типовые здания Нижне-Нарыкарской, Чемашинской, Шеркальской, Малоатлымской, Карымкарской и Большеатлымской средних школ. Учитывая географическую специфику района при двух национальных

школах -Большеатлымской и Шеркальской - построены современные интернаты. А также построены детский дом в п. Сергино, Дом юного техника в п. Приобье. Впервые, по инициативе районной администрации и отдела образования, в районе появляются автобусы для перевозки учащихся (п. Комсомольский, п. Уньюган, с. Перегребное). В конце 90-х, и особенно в «нулевых» годах, внедряются программы полной компьютеризации школ. Это был настоящий прорыв в качестве образования, оно получает совершенно новые, ранее никогда не применявшиеся методики обучения, дающие основу для приобретения абсолютно новых, современных знаний и дальнейшего получения абсолютно новых и современных профессий. Выполнение таких сложных задач потребовало от администрации района дальнейшего укрепления образовательной системы. В начале 90-х годов отделом образования создается Совет директоров - мозговой аналитический и методический центр по внедрению инновационных программ в общеобразовательных школах. В середине 90-х годов в структуре администрации появляется управление образования, основополагающей целью которого является дальнейшее повышение качества образования и расширения его доступности. В качестве основных задач для достижения поставленной цели вводятся и такие как интернетизация образования и обеспечение условий, способствующих укреплению и сохранению здоровья обучающихся и воспитанников. Начальником управления образования была назначена Борисова Раиса Алексеевна, внесшая значительный вклад в развитие образования в Октябрьском районе и укрепление его кадрового потенциала.

Всего же за прошедшие 75 лет образование в нашем районе возглавляли 20 руководителей. Первым, официально назначенным заведующим отделом в августе 1938 года, был Голошубин А. В. В разное время отдел (затем комитет, управление) возглавляли: до одного года - Пляцек А. Л., Титов П. М., Елесин И. М., Марченко А. С., Яганцев М. Н., Попов Н. М., Тимофеев Г. Н.; от 3-х до 4-х лет - Брагин Г., Кутырев Л. И., Муртазин И. И, Худякова Л. М., Пономарев Г. С., Григорьев В.

С.; по 7 лет - Борисова Р. А. и Галеева Т. Г.; около 13 лет -
Страхов П. И. и более 15 лет - Давыденко А. М.

В настоящее время управление образования и молодежной политики администрации Октябрьского района возглавляет Лаврова Т. И. С 2006 года в составе Октябрьского района появляется городское поселение Талинка, в котором так же функционирует современная средняя общеобразовательная школа.

К 2012 году количество общеобразовательных школ сокращается до 23-х, но значительно совершенствуется их качественная структура. Так, средних школ насчитывается уже 20, неполных средних - 2 и остается одна начальная в п. Приобье. Об этой школе тоже нужно сказать несколько слов. Дело в том, что она в свое время была выделена из состава средней школы по инициативе ее бессменного директора и замечательного педагога Т. А. Машининой, Почетного гражданина Октябрьского района (ныне - на заслуженном отдыхе), которая убедила родителей учащихся 1-4 классов в необходимости формирования у их детей знаний, умений и навыков в благоприятной возрастной психологически совместимой среде. Педагогический коллектив единомышленников Приобской начальной школы успешно справляется с этой задачей уже почти два десятка лет и заслуживает аналитического обобщения полученных результатов, с перспективой дальнейшего практического применения в системе образования. Дальнейшее развитие в районе получило дополнительное образование учащихся. В 10-ти учреждениях дополнительного образования сегодня занимается свыше 3500 ребят, из 4300 обучающихся в общеобразовательных школах, которые благодаря поддержке и вниманию со стороны педагогов, управления образования администрации Октябрьского района, успешно конкурируют со своими сверстниками из Ханты-Мансийского автономного округа - Югры, ребятами из других субъектов Российской Федерации, создают прецеденты выхода на международный уровень. В настоящее время образовательный процесс в Октябрьском районе обеспечивают 897 квалифицированных педагогов, в числе которых 5 заслуженных учителей РФ,

7 заслуженных работников образования ХМАО - Югры, 8 награжденных медалями РФ, 42 имеют звание «Почетный работник общего образования РФ», 297 человек имеют высшую и первую квалификационные категории. И как результат всей организаторской и педагогической деятельности системы образования в нашем районе следует отметить, что за последние годы свыше 60 процентов выпускников средних общеобразовательных школ Октябрьского района поступают в высшие учебные заведения нашей страны, от 30 до 35 процентов - в среднеспециальные и технические, т.е. система образования живет, работает и продолжает развиваться.

Примечания:

1. Кординский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в.: люди и стены сибирской обители накануне секуляризации: сборник документов / Управление по культуре, молодежной политике, туризму, физической культуре и спорту Октябрьского района Ханты-Мансийского автономного округа Югры [и др.; сост., авт. предисл. и комментариев С. В. Туров; под ред. Я. А. Яковлева]. – [3-е изд.]. – Томск: [б. и.], 2009. – 352 с.

Изучение опыта работы по предупреждению детского травматизма

По данным НИИ физиологии детей и подростков в России физиологические отклонения в здоровье регистрируются до 30% обучающихся 1 класса, к 10-11 классу этот показатель достигает 80-85% [2]. Одной из важных проблем общественного здравоохранения является травматизм взрослого и детского населения. Особое беспокойство у врачей, педагогов и родителей вызывает детский травматизм. По данным Всемирной организации здравоохранения, травматизм и насилие относятся к числу сравнительно распространенных причин смертности подрастающего поколения. Детские травмы все чаще приводят к тяжелым последствиям, которые отражаются на состоянии здоровья учащихся и работоспособность их в будущем [1].

Несчастные случаи, происходящие с учащимися в стенах школы и во время учебного процесса, являются причиной почти 15% всех детских травм. При этом до 80% школьников получают травмы на переменах. В Федеральном законе РФ от 29 декабря 2012 № 273 «Об образовании» говорится, что образовательное учреждение несет в установленном законодательством РФ порядке ответственность за жизнь и здоровье обучающихся и воспитанников во время образовательного процесса [3, 7].

Актуальность проблемы усиливает тот факт, что высокие показатели распространенности детского травматизма сопровождаются отсутствием современных подходов к профилактике травм. На первый взгляд, обеспечить безопасность обучающихся не сложно: ограничить пространство, поставить дежурных в стенах школы. Однако на практике получается иначе, необходимо следовать определенным правилам. За соблюдение всех требований безопасной работы школы отвечает коллектив сотрудников во главе с директором. У каждого работника есть свои обязанности по охране жизни и здоровья детей. Но без соблюдения самими учащимися определенных правил безопасного поведения в

школе любые усилия взрослых окажутся безрезультатными, поэтому выбранная тема является актуальной в любой период времени [6].

В возрастном аспекте наиболее «травмируемым» является возраст от 6 до 14 лет, что связано с повышенной эмоциональностью и недостаточным самоконтролем. Наибольшее количество травм приходится на критические возрастные периоды (3, 7, 11-12, 14 лет), когда дети становятся капризными, раздражительными, часто вступают в конфликт с окружающими [3].

Специалистами выявлен ряд факторов, повышающих вероятность возникновения травм у детей:

- их недисциплинированность;
- неумение распознавать травмоопасную ситуацию;
- необученность необходимым навыкам поведения;
- недооценка степени опасности внезапно возникшей ситуации;
- физическая слабость;
- определенные особенности развития.

Наиболее частой причиной травм, получаемых в школе, является недисциплинированность учащихся, их игровая агрессивность (удары твердыми предметами, кулаками, толчки, столкновения во время бега, подножки и пр.) [6].

Несмотря на то, что травмы, получаемые детьми в школе, составляют только 15-20%, Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. уделяет огромное внимание вопросам обеспечения безопасных условий для детей во время пребывания их в образовательной организации. Согласно ст. 41 этого закона, организации, осуществляющие образовательную деятельность, должны создать благоприятные условия для профилактики несчастных случаев и охраны здоровья обучающихся [4]. Поскольку существует взаимосвязь между возникновением травм у школьников и их индивидуально-психологическими особенностями, целесообразно проведение профилактической работы с детьми, организованной с учетом этих особенностей [5].

Исследование проходило на базе Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя школа №10». Школа осуществляет обучение и воспитание в интересах личности, общества, государства, обеспечивает охрану здоровья и создание благоприятных условий для разностороннего развития личности, в том числе возможности удовлетворения потребности обучающегося в самообразовании и получении дополнительного образования. Исследование включало изучение опыта работы по предупреждению детского травматизма в образовательном учреждении; выявление причин возникновения травмоопасных ситуаций.

В процессе изучения опыта работы по предупреждению детского травматизма в образовательном учреждении были получены следующие результаты. В целях профилактики детского травматизма в школе регулярно проводится следующая работа:

- 1) беседы с родителями на родительских собраниях и с учащимися на классных часах о необходимости соблюдения правил поведения в школе;
- 2) классные часы с учащимися на разные темы, касающиеся безопасности.
- 3) инструктирование заместителями директора школы педагогических работников на рабочих совещаниях, педагогических советах;
- 4) определение графика дежурства учителей и учащихся старших классов в коридорах школы;
- 5) систематическая индивидуальная работа социального педагога, педагога-психолога и классного руководителя с нарушителями дисциплины;
- 6) запрещение выхода обучающихся из стен школы во время учебных занятий без уважительной причины.

Для выявления причин возникновения травмоопасных ситуаций и возрастных категорий обучающихся, подвергаемых травмоопасным ситуациям, в образовательном учреждении использовалась разработанная нами анкета. В анкетировании принимали участие заместитель руководителя по административно-хозяйственной работе, заместитель директора по воспитательной работе, заместитель руководителя по

безопасности, классные руководители 7 класса, социальный педагог, педагог-психолог, учителя физической культуры, преподаватель - организатор основ безопасности жизнедеятельности. Общее количество опрошенных составило 11 человек.

По результатам анкетирования из рисунка 1 следует, что мнения педагогических работников школы разделилось: по 36 % указывают на необученность необходимым навыкам поведения, на совокупность всех перечисленных причин получения травм в образовательном учреждении, 18 % - на недисциплинированность, 9% - на неумение распознавать травмоопасную ситуацию (рис.1).

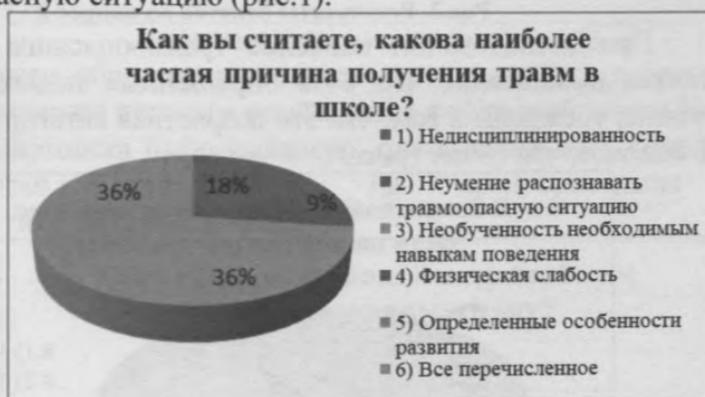

Рис.1. Результаты ответов на вопрос 1

Далее педагогическим работникам школы был задан вопрос с целью выявления мест получения травм в образовательном учреждении. С результатом можно ознакомиться на рисунке 2. По его данным можно сделать вывод о том, что, по мнению педагогических работников, больше всего травм учащиеся получают на переменах в коридорах школы.

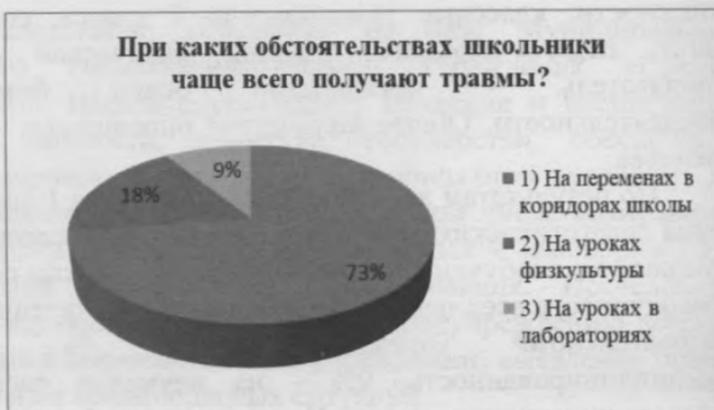

Рис.2. Результаты ответов на вопрос 2

При исследовании наиболее травмоопасного возраста учащихся выяснилось, что 64% опрошенных педагогических работников убеждены в том, что это возрастная категория 14 лет, 36% считают, что 13 лет (рис.3).

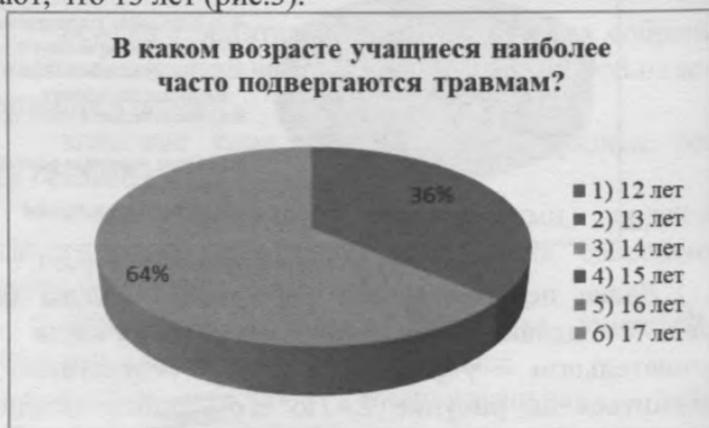

Рис.3. Результаты ответов на вопрос 3

Следующие два вопроса направлены на получение информации о половой принадлежности и ее влияния на получения травм у школьников. Большая часть опрошенных (82%) считают, что частота получения травм в образовательном учреждении зависит от половой принадлежности школьника (рис.4). И также 73% опрошенных проголосовали за мужской пол, 9% за женский пол и 18% за то, что половая принадлежность школьника никак не влияет на частоту получения травм (рис.5.).

Рис.4. Результаты ответов на вопрос 4

Таким образом, в процессе изучения опыта работы по предупреждению детского травматизма в «Средней школе №10» г. Нижневартовска было выявлено, что в школе есть комплекс мероприятий, направленных на предупреждение и профилактику получения травм.

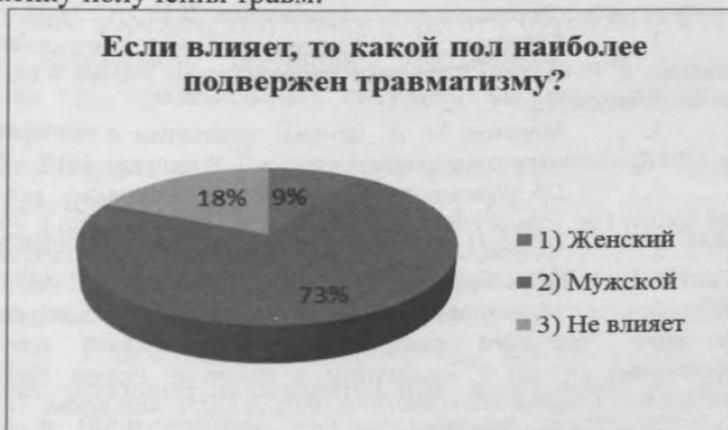

Рис.5. Результаты ответов на вопрос 5

Анализ особенностей школьного травматизма позволил установить, что дети получают травмы в образовательном учреждении в основном (73%) на переменах в коридорах школы. Доля травм, произошедших на уроках физической культуры, составляет 18%.

В ходе беседы с учителями физической культуры было установлено, что основными причинами травмирования детей

на их уроках является недисциплинированность, недочеты в организации и методике проведения уроков. По мнению социального педагога и педагога-психолога, наиболее частая причина травм, получаемых детьми в школе - это недисциплинированность, их игровая агрессивность. Остальные педагогические работники полностью согласны и убеждены в том, что огромное влияние на получение травм школьников оказывает дисциплина и, несмотря на комплекс мероприятий существующий в школе, сохраняется проблема необученности необходимым навыкам поведения.

Подводя итоги исследования можно сделать вывод, что необходимо разработать комплекс профилактических занятий и мероприятий как для сохранения, так и улучшения системы опыта работы по предупреждению детского травматизма.

Примечания:

1. Горх, Ф. Ф. Детский травматизм как социально-медицинская проблема в современной России. Мат. Межрегиональной НПК «Гуманизация сестринского дела». – Архангельск, 2012. – С. 35-37.
2. Кузнецова, Э. А. Здоровье современных школьников / Э. А. Кузнецова, Д. В. Окунева // Научные труды молодых ученых и специалистов. Нижневартовск, 2015. – С. 72-76.
3. Морозов, М. А. Детский травматизм и его профилактика. Мат. МНПК «Безопасность городской среды». – Ярославль, 2010. – С. 172-174.
4. Об образовании в Российской Федерации: новый федер. закон принят Гос. Думой РФ 21 дек. 2012 г. – М.: Проспект, 2013. – 160с.
5. Петров, А. Г. Детский травматизм – теоретические основы профилактики // Здоровоохранение Чувашии. – 2014. – № 2. – С. 46-50.
6. Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение городского округа Балашиха «Средняя школа №31» [Электронный ресурс] // Травматизм в школе. – Режим доступа: URL: <https://bal-sch31.edumsko.ru/about/news/1091308> (Дата обращения: 11.11.19)
7. Росстат [Электронный ресурс] // Статистика травматизма по данным Росстат. – Режим доступа: URL: <https://rosinfostat.ru/travmatizm/> (Дата обращения: 9.11.19)

Обучение учащихся правилам безопасного поведения в условиях сильных морозов

Проживая в условиях, приравненных к Крайнему Северу, где температура может опуститься до -50°C , и морозный период почти в три раза продолжительнее безморозного [1], необходимо знать, как уберечь себя от данной опасности. Знания эти формируются в процессе воспитания, следовательно, обучение детей обеспечению безопасности их жизнедеятельности является актуальной педагогической задачей в Ханты-Мансийском автономном округе- Югре.

Негативные воздействия факторов суровых морозов проявляются главным образом в чрезвычайных ситуациях, связанных с людьми. Поэтому большое значение имеет обучение населения правилам поведения в таких ситуациях [2, с. 191]. Таким образом, актуальность работы обусловлена остро стоящей проблемой обучения школьников безопасному поведению при чрезвычайных ситуациях метеорологического происхождения.

Формирование безопасного поведения в школе осуществляется на уроках специального учебного предмета - основ безопасности жизнедеятельности (ОБЖ). В его задачи входит формирование и развитие установок активного, экологически целесообразного, здорового и безопасного образа жизни [3]. Совокупность требований, обязательных при реализации основной образовательной программы по ОБЖ отражено в Федеральном государственном образовательном стандарте. Но в дополнение к нему в региональном компоненте целесообразно представить вопросы безопасности жизнедеятельности, характерные для местных условий.

Основное и общее образование в области ОБЖ направлено на ознакомление обучающихся со следующими аспектами жизнедеятельности: усвоение и изучение основ здорового образа жизни; освоение индивидуальных мер безопасности в чрезвычайных и опасных ситуациях

техногенного, социального и природного явления, а также в повседневной жизни; ознакомление с мероприятиями приводимыми государством по защите населения; изучение навыков и правил взаимопомощи и защиты, целью которых является минимизация ущерба обществу, личности, техногенной и окружающей среде в типовых чрезвычайных и опасных ситуациях (в том числе оказание первой доврачебной помощи в наиболее распространенных случаях); рассмотрение основных причин возникновения и масштабами новых опасностей для общества от собственной жизнедеятельности человека; изучение основ теории безопасности [3].

Следовательно, для нашего округа актуально изучение школьниками правил безопасности в условиях низких температур, а также оказание первой доврачебной помощи при обморожениях.

Во многих северных регионах существует такое понятие как «активированные дни». Активированные дни – дни, в которые учащимся разрешается не посещать учебные занятия образовательных учреждений по усмотрению родителей (законных представителей) из-за неблагоприятных погодных условий. В активированный день деятельность образовательного учреждения осуществляется в соответствии с утвержденным режимом работы. Для обучающихся, пришедших на занятия в активированный день, все виды занятий (учебные, дополнительные, кружковые, элективные, факультативные, работа групп продленного дня, физкультурно-массовая работа и т.д.) проводятся в полном объеме в соответствии с расписанием занятий, утвержденным директором образовательного учреждения.

Организация образовательного процесса во время активированных дней проводится через следующие формы:

- предметные учебные занятия (для учащихся, пришедших в школу);
- индивидуальные и групповые предметные учебные занятия, консультации со слабоуспевающими обучающимися, учащимися, пропустившими учебные занятия по различным причинам;

- интеллектуальные конкурсы для обучающихся;
- дистанционное консультирование, самостоятельная работа;
- занятия по обучению школьников исследовательской работе, написанию рефератов, работе в библиотеке, интернете;
- занятия по дополнительному образованию и внеклассная работа.

В случае отсутствия на учебных занятиях в активированный день обучающийся самостоятельно выполняет задания, в том числе в дистанционном режиме, который сообщает ему учитель-предметник (классный руководитель) через телефонную связь, связь Интернет и др. Самостоятельная работа обучающихся с учебным материалом во время активированных дней организуется в соответствии с учебным материалом, подготовленным и доведенным до сведения учащихся педагогами. Обучающийся предоставляет выполненные в активированные дни задания в соответствии с требованиями педагогов [4].

Активированный день объявляется при следующем температурном режиме (таблица 1):

Таблица 1

Погодные условия при активированных днях

Классы	Температурный режим
1-4	- без ветра, - 29°C - при скорости ветра до 5 м/сек, - 27°C - при скорости ветра от 5 м/сек. до 10 м/сек, -25°C - при скорости ветра более 10 м/сек, - 24°C
1-8	-без ветра, - 32°C - при скорости ветра до 5 м/сек, - 30°C - при скорости ветра от 5 м/сек. до 10 м/сек, - 28°C - при скорости ветра более 10 м/сек, - 27°C
1-11	- без ветра, - 36°C - при скорости ветра до 5 м/сек, - 34°C - при скорости ветра от 5 м/сек. до 10 м/сек, - 32°C - при скорости ветра более 10 м/сек, - 31°C

Рекомендации по безопасному поведению в активированные дни для обучающихся:

1. В активированный день не рекомендуется выходить на улицу, либо покидать дом только в случае крайней необходимости.

2. Обеспечить организм энергией. Только после плотного завтрака или обеда можно выходить на улицу в сильный мороз.

3. Необходимо постоянно двигаться. Нельзя стоять на одном месте, тем более, прислоняться или садиться на холодные, особенно, металлические предметы.

4. Обязательно тепло одеваться. Не следует надевать слишком тесную одежду, носите свободную одежду – это способствует нормальной циркуляции крови. Одевайтесь как «капуста», когда между слоями одежды всегда есть прослойки воздуха, отлично удерживающие тепло. Верхняя одежда обязательно должна быть непромокаемой. Обязательно надеть головной убор.

5. Берегите уши, нос, щеки и пальцы. Они в первую очередь предрасположены к обморожению.

6. Постарайтесь не надевать на улицу металлические украшения.

Важной педагогической задачей учителя ОБЖ является научить обучающихся доврачебной помощи, в том числе и при обморожениях, чтобы в дальнейшем, применяя эти навыки, они могли правильно оказать помощь пострадавшим или самому себе. Время, отводимое на изучение вопросов оказания первой доврачебной помощи пострадавшим, определяется в зависимости от объёма изучаемого материала, а также сложности и опасности выполняемых работ.

При изучении сильных морозов, следует отработать первую помощь при обморожениях. Такие упражнения помогут учащимся правильно действовать в экстремальной ситуации и обеспечить полную личную безопасность в сильные морозы [4, с.112].

Для того, чтобы обучить учащихся и закрепить уже имеющиеся знания по данному вопросу был разработан урок (таблица 2), который может быть использован в учебно-воспитательном процессе учителями ОБЖ либо классными руководителями.

Тема: «Чрезвычайные ситуации метеорологического происхождения, сильные морозы».

Класс: 7.

Цель: Систематизировать знания о безопасных действиях при сильных морозах.

Задачи:

1. Познавательная: формировать правила безопасного поведения при низких температурах.
2. Развивающая: развивать умение работать с информацией, интерес к предмету ОБЖ, умение аргументировать свои ответы и оценивать ответы других;
3. Воспитательная: воспитать чувство ответственности за собственную жизнь, а также за жизнь и здоровье окружающих.

Личностные УУД:

- Нравственно-этическое оценивание ситуации;
- Личностное оценивание ситуации;
- Самоопределение.

Регулятивные УУД:

- Принятие и сохранение учебной цели и задачи;
- Планирование действий в соответствии с поставленной задачей;
- Выделение, осознание учащимися того, что уже усвоено и что еще подлежит усвоению;
- Составление последовательности действий, сравнение способа действия и его результата с заданным эталоном;
- Самостоятельное оценивание качества и уровня усвоения.

Познавательные УУД:

- Смысловое восприятие словесной и иллюстративной информации, тактильное восприятие информации;

- Анализ, синтез, установление причинно-следственных связей, выбор наиболее эффективных способов решения ситуационной задачи;

- Построение логической цепи рассуждений, выдвижение гипотез и их обоснование.

Коммуникативные УУД:

- Учебное сотрудничество с учителем и сверстниками, оценка действий партнера.

Тип урока: комбинированный.

Методы: словесные (беседа), практические (упражнения).

Оборудование: компьютер, проектор, мультимедийная презентация, видеofilm, карточки с заданиями.

Ход урока

Таблица 2

Этап урока	Время, мин	Деятельность учителя	Деятельность учащихся	Формируемые УУД
1. Орг. момент	2	«Здравствуйте, ребята! Пожалуйста, приготовьтесь к уроку, проверьте учебник, тетрадь и ручки.»	Приветствую т учителя, готовятся к уроку.	Личностные
2. Актуализация знаний	3	– Никто из нас, к сожалению, не застрахован от несчастного случая, аварии, трагической случайности, словом каждый из нас может оказаться в чрезвычайной ситуации. – Давайте, ребята, вспомним, что такое чрезвычайная ситуация?	Чрезвычайная ситуация — это обстановка на определенной территории или акватории, сложившаяся в результате аварии, катастрофы, стихийного или иного	Личностные Регулятивные

		<p>– Какие чрезвычайные ситуации вы знаете?</p>	<p>бедствия, которая может повлечь или повлекла за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери.</p> <p>Пожары, землетрясения, цунами, лавины, кораблекрушения, авиакатастрофы и т. д.</p>	Регулятивные
3. Постановка темы	5	<p>– Сегодня на уроке мы познакомимся еще с одной ЧС (чрезвычайной ситуацией), а с какой именно вы сможете догадаться сами, просмотрев видеоролик.</p>	Смотрят видеоролик	Регулятивные
4. Физминутка	3	<p>– Сейчас я предлагаю вам выполнить вместе со мною несколько упражнений, которые помогут вам усилить кровообращение на замерзающем участке тела и тем самым согреться.</p> <p>1. Если мерзнут ноги, делайте широкие махи</p>	Выполняют упражнения	Познавательные

		<p>ногами вперед– назад .</p> <p>2. Если замерзают руки, выполняйте энергичные махи руками от плеча, а также сжимайте и разжимайте пальцы рук.</p> <p>3. При обмерзании лица нужно вызвать прилив крови к лицу, для этого пройдите, сильно согнувшись вперед, или сделайте 10–15 глубоких наклонов.</p>		
5. Изучение нового материала	7	<p>– Частые последствия длительного пребывания на сильном морозе – это обморожения. (информация на слайдах, учащиеся записывают).</p> <p>К обморожению на морозе приводят тесная и влажная одежда и обувь, физическое переутомление, голод, вынужденное длительное неподвижное и неудобное положение.</p> <p>Обморожение – это поражение частей тела, произошедшее в результате воздействия низких температур.</p> <p>Выделяют несколько степеней обморожения:</p> <p>1 степень – происходит побледнение участка кожного покрова, которое после согревания переходит в покраснение,</p>	Слушают, записывают в тетрадь со слайдов.	Познавательные

пораженный участок немеет, утрачивает чувствительность, возможны жжение, зуд, боли. Период выздоровления – от 5 до 7 дней.

2 степень – симптомы те же, что и при первой степени, но через несколько дней на пораженном участке появляются пузыри, заживание происходит в течении 1-2 недель.

3 степень – омертвление тканей, пузыри наполнены темным кровянистым содержимым, заживают такие травмы около месяца, образуя рубцы.

4 степень – пузыри образуются на наименее обмороженных участках кожи, наиболее пораженный участок имеет резко синюшный цвет, значительно отекает после согревания. При обморожении 4 степени поражаются все мягкие ткани, возможно поражение суставов и костей. В нашей местности морозы бывают достаточно сильные, поэтому случаи обморожения встречаются часто, особенно у детей.

6. Практи	15	При подозрении на обморожение	Учащиеся показывают	Коммуникативные
--------------	----	-------------------------------	---------------------	-----------------

<p>ческая отработ ка</p>		<p>необходимо пострадавшего доставить в помещение. При обморожениях 1-й степени специального лечения не требуется, достаточно обмороженные участки растереть рукой или мягкой тканью. Отмороженную конечность следует поместить в теплую воду, повышая ее температуру с 20 до 40 градусов в течение получаса. Одновременно отмороженную конечность следует массировать, а пострадавшего заставлять делать активные движения пальцами, кистью, стопой. Если не представляется возможным поместить отмороженную конечность в ванну, то можно ограничиться растиранием ее, предварительно смочив пораженные участки спиртом или одеколоном. Растирание продолжать до покраснения обмороженной части. Пострадавшего желательнее напоить горячим чаем и дать немного поесть, это усилит кровообращение. При обморожениях 2-4-</p>	<p>и рассказываю т, что они будут предпринимать при обморожении , информацию находят в доп. источниках. 1-я группа – Обморожены лица 1 степени. (Приложить теплую ладонь на обмороженное место, нельзя растирать и массировать, напоить горячим чаем.) 2-я группа – Замерзли ноги. (Выполнить ранее разученные упражнения, поместить в теплое помещение, освободить ноги от обуви, чтобы поступало тепло.) 3-я группа – обморожение 2-4 степени (изолировать</p>	<p>Познавательные</p>
----------------------------------	--	--	--	-----------------------

		<p>й степени на пораженный участок накладывается асептическая ватно-марлевая повязка. Согревание достигается укутыванием, после чего пострадавший направляется на этап оказания врачебной помощи. Категорически нельзя растирать пораженное место снегом, прикладывать лед, снег. Усаживать близко к огню, отопительным приборам. (слайд) Теперь вам необходимо разделить на 4 группы, для каждой группы будет дан свой вид обморожения, вам необходимо вместе решить, как правильно поступить в такой ситуации.</p>	<p>от воздействия холода, снять с пострадавшего одежду, одев теплую или сухую, обогреть в ванной с температурой воды не более + 40 С, нельзя замерзшего человека усаживать близко к огню или отопительным приборам, обогрев должен быть постепенным и равномерным, вызвать скорую помощь) 4-я группа – Замерзли руки. (Выполнить упражнения, которые усилят кровообращение рук, укутать руки теплым мягким бельем.)</p>	
7. Подведение итогов	3	<p>- С какой ЧС мы познакомились сегодня на уроке? - Может ли возникнуть</p>	<p>Отвечают на вопросы.</p>	<p>Регулятивные</p>

		данная ситуация в нашей местности? - Назовите способы, которые помогут преодолеть эту ситуацию.		
8. Домашнее задание	2	Домашнее задание: разработать памятку безопасного поведения на морозе.	Записывают.	Личностные

Подводя итоги, можем с уверенностью утверждать, что данная тема очень важна в изучении курса ОБЖ, также необходимо разработать комплекс уроков и внеклассных мероприятий, чтобы систематически обновлять и дополнять знания школьников безопасного поведения в условиях сильных морозов.

Примечания:

1. Физико-географические факторы пространственно-временной изменчивости снежного покрова нефтегазопромыслового региона: монография / В. В.Козин, Э. А.Кузнецова. — Нижневартовск: изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. – С. 70.
2. Абишева, И. В. Особенности организации образовательного процесса в условиях северных территорий // Научная дискуссия современной молодежи: актуальные вопросы, достижения и инновации, 17 дек. 2017 г. – Красноярск, 2017. – С. 190-194.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897).
4. Постановление администрации Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 29.12.2017 N 2801 «Об утверждении Положения о порядке организации работы муниципальных образовательных учреждений Нижневартовского района в активированные дни в холодное время года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/45249966/> (Дата обращения: 02.03.2021).
5. Томский, М. И. Влияние низкой температуры Крайнего Севера на температуру тела / М. И. Томский, Р. З. Алексеев // Якутский медицинский журнал. – 2019. – № 4. – С. 110-112.

Роль социально-культурного проектирования в системе реализации региональной культурной политики (на примере Ханты-Мансийского автономного округа - Югры)

Современный период развития России требует глубокого анализа результатов реализации государственной культурной политики, поэтому вопрос о характере и способах ее реализации в российских регионах в современных условиях представляется особенно актуальным. На заседании круглого стола ЮНЕСКО в Монако (1967 г.), посвященном сфере культуры, было решено понимать под культурной политикой комплекс операционных принципов, финансовых, административных процедур и видов деятельности, которые обеспечивают основу деятельности любого государства в сфере культуры. Из этого следует, что, благодаря направлению всех сознательных действий на достижение конкретных культурных целей, посредством наилучшего использования духовных и физических ресурсов, которыми обладает общество в данный период времени, происходит реализация культурной политики [3].

Среди отечественных ученых сущность государственной культурной политики, ее цели, задачи и принципы наиболее полно раскрываются, на наш взгляд, в определении А.Я. Флиера [15, с. 407], который рассматривает культурную политику как комплекс мер по искусственному регулированию тенденций развития духовно-ценностных аспектов общественного бытия. Кроме того, культурная политика интерпретируется А.Я. Флиером как совокупность научно-обоснованных взглядов и мероприятий по всесторонней социокультурной модернизации общества и структурным реформам по всей системе культуропроизводящих институтов.

По мнению Г.М. Бирженюка [2, с. 38], сущность культурной политики заключается в том, что она, с одной стороны, выступает как определенный уровень реализации государственной культурной политики, с другой, - как самостоятельная область деятельности по изучению и развитию

историко-культурной самобытности территории, определению и эффективному использованию имеющихся в регионе ресурсов (интеллектуальных, финансовых, материально-технических и др.), разработке и реализации региональных программ поддержки и развития сферы культуры.

Региональная культурная политика является инструментом, позволяющим выявить многообразие региональных интерпретаций, основная роль которой заключается в стимулировании процессов самоорганизации культурной жизни в регионе. В трудах исследователей региональной культурной политики используются методологии, основанные на единстве философско-культурологического, системно-аналитического, исторического, социологического, синергетического и других подходов. Комплексный подход позволяет рассмотреть региональную культурную политику во временном и пространственном аспекте, а историко-культурные особенности и закономерности этнического и конфессионального состава населения, национально-территориального своеобразия способствуют выработке методологических подходов к ее исследованию, выявлению влияния современного состояния и управления в сфере культуры [4].

Важным системообразующим элементом культурной политики является законодательство в сфере культуры, поэтому при составлении и исполнении соответствующих статей федерального и регионального бюджетов необходимо учитывать принимаемые в регионе законы. Сегодня на передний план выходит проблема разработки новых социально-культурных проектов для успешной реализации региональной культурной политики на всех ее уровнях, что требует глубокого всестороннего анализа теоретико-методологических оснований, уточнения целевой установки региональной культурной политики, механизмов их взаимосвязи и взаимодействия.

Каждый регион обладает собственными уникальными культурными ресурсами (местными традициями, умениями, архитектурой, названиями улиц и т. д.), делающими его неповторимым, благодаря чему культурные различия становятся главным отличительным маркером современного города. В

постиндустриальную эпоху культура выступает ключевым ресурсом региональной экономики, своеобразным капиталом в развитии локальных территорий. Анализ проблем, связанных с формированием региональной культурной политики, модернизацией региональных систем управления культурой, показывает, что они имеют статус комплексного социокультурного явления. Современный подход к выработке региональной культурной политики нацелен, прежде всего, на специфику исторического развития региона, сложившихся традиций, национальные и конфессиональные отличия; развитость инфраструктуры, в том числе учреждений культуры, средств массовой коммуникации; кадровый потенциал в его связи с национально-историческими и культурными особенностями региона.

Задача культурной политики на региональном уровне определяется значимостью регионов как крупных социокультурных единиц, являющихся средоточием культурных различий и культурной специфики. В связи с этим необходимо выработать и реализовать такие формы поддержки социально-культурной сферы, которые позволят жителям малых и средних городов, сельских поселений посещать спектакли, концерты и выставки, получить возможность доступа к лучшим образцам профессионального искусства. Ключевой метод реализации культурной политики, по мнению О.Н. Астафьевой и С.Б. Синецкого [1, с. 74], заключается в создании событийности, то есть в организации специальных событий, основанных на демонстрации максимального количества досуговых интересов со стороны самих инициативных групп. В полной мере реализация этих направлений должна привести к формированию самодостаточной и саморазвивающейся культурно-досуговой среды, характеризующейся разнообразными досуговыми увлечениями населения, способными перерасти в творческие индустрии.

Авторы концептуализируют идею диалога в качестве методологического основания современной культурной политики на поселенческом уровне. В качестве основного инструмента культурной политики на уровне поселения указывается событийная акция как локализованный в

современном пространстве «идеальный тип» досуговой активности жителей. Раскрывая смысл диалоговых стратегий, О.Н. Астафьева и С.Б. Синецкий предлагают обратиться к вопросу о современном и адекватном обосновании и расширении подходов к культурной политике, осмыслению особенностей социокультурной динамики в контексте сверхбыстрых геополитических, экономических, технико-технологических и других изменений. Моделирование и проектирование диалоговых пространств, обеспечивающих переход с теоретического на практический уровень, рассматривается как возможность стимулирования процессов взаимодействия разных субъектов культурной политики.

В настоящее время успешные проекты изменили культурную среду многих российских поселений, благодаря таланту и креативности проживающих там людей. Социокультурное проектирование, в свою очередь, представляет собой осмысленный, включающий в себя принятие решения, целостный процесс отражения явлений, ситуаций и событий, возникающий в непосредственной социокультурной деятельности. По мнению А.П. Маркова и Г.М. Бирженюка [9, с. 15], социокультурное проектирование — это специфическая технология, представляющая собой конструктивную, творческую деятельность, сущность которой заключается в анализе проблем и выявлении причин их возникновения, выработке целей и задач, характеризующих желаемое состояние объекта (или сферы проектной деятельности), разработке путей и средств достижения поставленных целей. Управление проектами сегодня активно дополняет развитую прежде форму управления организациями и дает возможность субъектам культурной политики в процессе сотрудничества осуществлять разнообразные творческие идеи. Существование многообразных форм деятельности государственных и муниципальных организаций и учреждений культуры, наряду с реализацией социокультурных проектов, способно создать в России цивилизованный рынок культурных благ и услуг для населения.

Долгосрочные целевые установки, учитывающие особенности региональных экономик, позволяют органам государственной власти не только формировать основные

направления осуществления их деятельности, но также принимать эффективные управленческие решения в кризисных и посткризисных ситуациях [16, с. 972]. Инструменты стратегического управления имеют широкий спектр применения, включая развитие различных территориальных образований. С появлением Федерального закона № 172 от 28.06.2014 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» методы проектного управления показали свою востребованность и эффективность.

Ряд зарубежных и отечественных ученых посвятили свои труды вопросам проектного управления: К. Грей, С. Дерри, Г. Дитхелм, Э. Ларсон, Л. Фишер, Ф. Уикхем, А.С. Товб, Г.Л. Ципес, П. Харпер-Смит, Ф.В. Афанасьев, И.И. Мазур, С.В. Потапов, В.Д. Шапиро и др. Известно, что для развития и улучшения тех или иных показателей требуются качественно новые преобразования, которые осуществляются посредством реализации проектов. В связи с этим еще в Послании Президента РФ Федеральному Собранию на 2016 год проектное управление было выделено в качестве одного из ключевых инструментов эффективного управления в органах государственной власти, а по итогам Петербургского международного экономического форума было поручено создать проектные офисы в регионах [6]. С принятием постановления Правительства РФ от 15.10.2016 № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» и «Положения об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» начался переход к новому этапу развития проектного управления в органах государственной власти. Данное постановление содержит следующие концептуальные положения:

– формирование единой структуры системы управления проектной деятельностью, включая постоянные и временные органы проектной деятельности, а также обеспечивающие и вспомогательные органы управления;

– создание единой методологической основы осуществления проектной деятельности, включая терминологический аппарат, действия по управлению

проектами на разных фазах жизненного цикла, перечень типовых документов.

Для данного этапа характерно создание единой платформы развития проектного управления в органах власти. В Положении об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации [12] определены основные термины, такие, как «проект»; «национальный проект»; «федеральный проект»; «региональный проект»; «проектная деятельность» и др. Предусмотренный мониторинг реализации национальных и федеральных проектов представляет собой систему мероприятий по измерению их фактических параметров, расчету их отклонения от плановых, анализу причин, прогнозированию хода реализации национальных и федеральных проектов, принятию соответствующих управленческих решений.

Проектный офис как инструмент организационной поддержки проектной деятельности предложено включить в ряд других специализированных структурных подразделений, таких, как проектный комитет, функциональные проектные офисы, проектные офисы на уровне отдельных проектов с распределением между ними полномочий [10]. Роль проектных офисов заключается в реализации информационно-коммуникационных и организационно-методических функций по внедрению и распространению проектного подхода в целом для решения различных проблем территории, организации системы взаимодействия между органами власти различных уровней, коммерческими и некоммерческими организациями, местным сообществом, инвесторами для решения жизненно важных вопросов местного значения. По оценкам Ю.Ю. Трубицина [14], значительная часть работы специалистов федерального проектного офиса и привлекаемых экспертов состоит в том, чтобы добиться правильной формулировки целей и результатов проектов. По этой причине рекомендации на региональном уровне направлены на мониторинг работ и рекомендаций, идущих из федерального центра.

Конкурс «Проектный Олимп - 2016», в рамках которого оценивалась профессиональная организация проектного управления в органах власти, подтвердил, что именно в таких

регионах, как Белгородская область, Приморский край, Ханты-Мансийский автономный округ - Югра, Пермский край и др. накоплен значительный опыт проектной деятельности. Другим регионам предоставляется возможность более системно посмотреть на свою проектную деятельность и определить соответствующие действия по ее модернизации.

Проектные технологии являются важным инструментом реализации социальной политики, которые представляют собой не только технологию ожидаемого результата в социальной среде, но и утверждение в социальной политике проектного мышления. Социальное проектирование рассматривается как специфическая деятельность, связанная с научно-обоснованным определением вариантов планового развития социальных процессов и явлений, а также с целенаправленным изменением конкретных социальных институтов. Это один из инструментов реализации требований научного управления и один из методов предплановой деятельности, когда разрабатываются возможные варианты решения относительно различных социальных явлений и процессов.

Приоритетными областями проектирования являются наиболее значимые в социальном и личностном плане сферы социально-культурной жизни (и соответствующие им виды деятельности), в которых максимально сконцентрированы проблемы, имеются возможности и ресурсы для оптимизации человеческой жизнедеятельности. Приоритетные направления проектирования выявляются, главным образом, через анализ ситуации, которая характеризует совокупность обстоятельств и условий функционирования общества в целом, и локальной ситуации, в ней зафиксированы социальные, социально-демографические и социально-культурные проблемы конкретной территориально-административной единицы.

Президент Российской Федерации в своем Ежегодном Послании Федеральному Собранию на 2018 год [7] утверждает о необходимости развернуть масштабную программу пространственного развития России, включая развитие городов и других населённых пунктов, и, как минимум, удвоить расходы на эти цели в предстоящие годы. Президент РФ считает, что в век технологических перемен «невозможно переоценить роль

культуры, которая является нашим общенациональным цивилизационным кодом, раскрывает в человеке созидательные начала», и предлагает начать реализацию программы создания в регионах культурно-образовательных и музейных комплексов, которые будут включать в себя концертные залы, театральные, музыкальные, хореографические и другие творческие школы, а также выставочные пространства, где ведущие музеи страны смогут представлять свои экспозиции. В дальнейшем они должны стать настоящими центрами культурной жизни, открытыми для всех возрастных групп.

Всесторонний анализ региональных практик показывает, что культура способна стать ресурсом развития территории, изменить отношение к своему поселению, благодаря личному участию жителей в создании общественных мест для социокультурных коммуникаций, организации и проведении праздничных событий. Создание региональных социально-культурных программ является весьма сложным процессом, поскольку его основу составляют выявление и диагностика наиболее типичных и значимых проблем для региона. Для того, чтобы исследовать региональные особенности и специфику, необходимо:

- провести анализ ресурсов и потенциала социально-культурной среды определенного региона;
- выявить, какими способами происходит освоение среды человеком с учетом активности освоения норм, способов жизнедеятельности и ценностей;
- рассмотреть типичные для образа жизни и культурной среды проблемы, учитывая при этом не только культурные проблемы, но и личностные, которые будут обнаружены в социально-культурной среде.

Связь социокультурного проектирования и культурной политики четко проявляется на уровне конкретного региона: Социокультурное проектирование можно использовать как средство реализации региональной культурной политики, ведь оно помогает формировать цели развития, составлять технологический уровень, отражать специфическую ситуацию в регионе и учитывает имеющиеся ресурсы. Культурная политика и социально-культурное проектирование обладают общими

элементами структуры, а именно, совокупностью процедур и действий, ресурсами развития и достижения поставленных целей в сфере культуры [5, с. 13]. Используя методы социально-культурного проектирования, вполне можно повысить эффективность деятельности учреждений социально-культурной сферы, так как [8]:

– во-первых, многие старые организационные формы уже не способны удовлетворить современные общественные отношения, в том числе и рыночные;

– во-вторых, в сферу управления социально-культурных и других творческих организаций невозможно перенести закономерности управления техническими системами;

– в-третьих, создание определенной структуры должно опираться на научные методы социально-культурного проектирования, так же, как и на опыт, интуицию и привычные схемы;

– в-четвертых, социально-культурное проектирование представляет собой сложный объект управления, который может возлагаться только на профессионалов и специалистов, владеющих методологией формирования социокультурных систем.

Для Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее ХМАО – Югра) как относительно молодого развивающегося региона проблема исследования культурной политики актуальна в виду следующих обстоятельств: культурное пространство региона обладает рядом специфических черт, обусловленных открытием нефтегазовых месторождений и стремительным промышленным освоением территории; именно в ХМАО – Югре большая часть населения являются приезжими из других регионов, в связи с чем процесс формирования региональной идентичности был направлен на обеспечение становления региона как социальной и политической единицы; устойчивое развитие региона не может быть достигнуто без активного использования его культурных ресурсов.

В концепции развития культуры в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на период до 2030 года [11] поставлена задача повышения общего качества жизни

населения, что является стратегической целью развития культурной сферы в результате реализации духовного и культурного потенциала сферы искусства и культуры. Югра стремится быть одним из лучших мест в стране для проживания людей на постоянной основе, а для этого необходимо мощное развитие региона, способствующее росту экономики не только округа, но и страны в целом. Югра также стремится стать центром развития для других регионов с целью обеспечения энергетической безопасности и инновационного развития экономики страны в целом. Невозможно достичь перспективу трансформации геополитического положения региона, превратить его в центр, который будет привлекать людей и формировать у них желание остаться проживать на его территории, без создания необходимых условий для реализации культурного потенциала граждан.

В концепции развития культуры до 2030 года указывается, что основными задачами культурной политики ХМАО-Югры являются [11]:

- совершенствование экономических, организационных и правовых механизмов развития культуры;
- модернизация и развитие инфраструктуры учреждений и организаций культуры и искусства;
- создание условий для развития кадровых ресурсов отрасли;
- создание равной доступности населения к знаниям, информации и культурным ценностям, реализации каждым человеком его творческого потенциала;
- поддержка профессиональной творческой деятельности, развитие фестивальной и гастрольной деятельности и представления произведений различных видов искусства;
- сохранение культурного и исторического наследия, его использование для воспитания и образования, развитие выставочной деятельности;
- сохранение традиций и создание условий для развития всех видов народного искусства и творчества, поддержка народных художественных промыслов и ремесел;

– выявление одаренных в разных сферах детей, создание условий для их обучения, их педагогическое сопровождение в период получения образования, создание условий для их профессиональной деятельности;

– развитие библиотечного дела как фактора формирования читательской культуры и поддержка литературного творчества жителей автономного округа, в том числе детей и молодежи;

– продвижение культурных проектов Югры на российском и мировом культурном уровне.

Проектно-ориентированный подход к управлению в сфере культуры имеет значительный потенциал и способен вывести культурные проекты на качественно новый уровень. Одной из важных особенностей проектного подхода является возможность сотрудничества институтов (культурных, коммерческих, государственных) в реализации проекта, что позволяет привлечь дополнительные материальные, финансовые, человеческие ресурсы, а это особенно важно для культурных проектов в периоды экономических спадов [13]. Подробно проанализировав все приоритетные задачи и направления культурной политики автономного округа, можно сделать вывод о том, что целью проводимой в регионе политики в сфере культуры является создание благоприятной социально-культурной среды для разных слоев населения. Различные проекты, реализуемые в направлениях культурной политики, безусловно, будут содействовать более комфортному проживанию и развитию людей. Представляется весьма актуальным создание в четырех городах округа арт-резиденций для творческой молодежи.

Важность применения проектного подхода к управлению в культурной сфере можно продемонстрировать на примере из практики реализации проектной деятельности на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Прежде всего, обратимся к социокультурным проектам в учреждениях культуры г. п. Пойковский, где на базе Центра Молодежных Инициатив был реализован семейный проект «Чудо сани - 2020», целью проведения которого является

формирование позитивного имиджа семьи, развитие и популяризация семейных ценностей и традиций через раскрытие творческого потенциала членов семьи. Во время мероприятия участникам предлагается самостоятельно украсить финские сани за определенное время, используя заранее подготовленные организаторами различные материалы и атрибуты. После проведения конкурсной программы семьям предлагается сладкий стол и мастер класс «Бумажная феерия. Тоннельная открытка» в форме урока с демонстрацией методов и технологий создания тоннельной открытки. Данный социально-культурный проект помогает реализовать задачу культурной политики региона, направленную на создание и реализацию культурно-просветительских проектов, осуществляемых совместно с учреждениями образования, социальной защиты населения, некоммерческими организациями.

Проект «Взрослые и дети» включает в себя проведение мастер классов и конкурсную программу по направлению «вокальное творчество». Целью данного проекта является сплочение семьи посредством коллективного семейного творчества. Задачами проекта выступают создание условий для творческой самореализации жителей городского поселения; популяризация семейного творчества; обмен опытом и методикой использования в семейных досуговых формах различных видов и жанров любительского искусства; укрепление института семьи, создание положительного имиджа семьи и ряд других. Благодаря данному проекту происходит реализация важнейшей задачи культурной политики ХМАО-Югры - создание равной доступности населения к знаниям, информации и культурным ценностям, реализации каждым человеком его творческого потенциала.

Проект «День настоящих» также реализуется в условиях Центра Молодежных Инициатив с целью повышения статуса отцовства в современной семье; популяризации семейных ценностей и традиций среди молодежи; пропаганды здорового образа жизни, привлечения молодежи к регулярным занятиям физической культурой и спортом. Задачами проекта являются формирование условий для раскрытия традиций

семейного уклада и предоставления возможности мужчинам разных профессий и социального статуса творчески проявить себя, вовлечь членов семьи в активную социально-культурную деятельность, укрепить семейные взаимоотношения и повысить значимость роли отца в воспитании детей. Реализация проекта включает в себя три мероприятия:

1. Мастер-класс «Кроссовки для спортивных пап».

2. Спортивно-развлекательная программа «Папа может» (соревнования семейных команд (папа и сын, старший и младший братья).

3. Соревнования по лазертагу.

Социально-культурный проект способствует созданию условий для эффективного развития человеческого потенциала и системы духовно-нравственного и патриотического воспитания населения; распространению средствами культуры ценностей семейного образа жизни, стимулированию семейного посещения культурных учреждений, семейного творчества.

Социально-культурный проект «Home Star» поможет решить проблему затрудненности творческого самовыражения жителей городского поселения в связи с самоизоляцией. Проект может быть реализован любым учреждением социально-культурной сферы в период самоизоляции и после нее, в дальнейшем он может стать ежегодным и традиционным. Проектом предусматривается проведение онлайн мастер-классов и встреч с деятелями культуры, проведение вокального конкурса в онлайн-формате и награждение участников и победителей в индивидуальном порядке. Проект «Home Star» – это возможность творческой самореализации жителей городского поселения, которые владеют навыками исполнительского мастерства, независимо от статуса, опыта и профессионализма. Проект предполагает участие людей всех возрастов без ограничений. Конкурсное прослушивание проводится в трех номинациях: «эстрадный вокал», «народный вокал» и специальная номинация «Отечество мое». Реализация Проекта предполагает широкое информационное освещение в популярных социальных сетях и на сайтах в интернет-пространстве. Целями проекта являются поддержка и развитие

вокального искусства; выявление новых талантов среди населения. Проект решает следующие задачи:

- вовлечение участников проекта в социально-культурную деятельность;
- приобщение горожан к музыкальной культуре, вокальному искусству, песенному творчеству;
- формирование и развитие музыкального вкуса и кругозора;
- творческое сотрудничество и обмен опытом между членами жюри и участниками фестиваля.

Благодаря номинации «Отечество мое» формируется чувство патриотизма, поскольку именно личностная практическая деятельность в сфере социального и художественного творчества позволяет формировать желание молодежи участвовать в общественной жизни своего села, города, в жизни своей страны. Всё вышесказанное доказывает и обосновывает бесспорное значение данного проекта, благодаря которому происходит реализация следующих направлений культурной политики региона:

- создание и реализация культурно-просветительских проектов, осуществляемых совместно с учреждениями образования, социальной защиты населения, некоммерческими организациями;
- организация интернет-конкурсов, онлайн-проектов и программ для разных категорий населения;
- реализация политики просвещения и приобщения детей и молодежи к ценностям культуры и искусства;
- совершенствование системы поиска, выявления и сопровождения одаренных детей и молодежи в сфере культуры и искусства.

Реализация Проекта не ограничивается проведением одного конкурсного прослушивания, его можно сделать ежегодным и традиционным, ведь данная форма удобна для многих жителей городского поселения.

Кроме социокультурных проектов г. п. Пойковский, рассмотрим проект фестиваля «Рыбное место» г. Сургута, представляющий собой празднество культурного характера в городском масштабе. Направленность аудитории – семейная, а,

значит, и разновозрастная. Поскольку мероприятие имеет статус городского, то фестиваль должен объединять разные национальности, проживающие в городе, рассказывать его историю сквозь призму современного искусства и вселять доверие к российским проектам государственных учреждений культуры. С помощью мозгового штурма и определения основных аспектов фестиваля были выявлены следующие цели: развитие культурных потребностей горожан, воспитание патриотизма и продвижение вокальной и инструментальной музыки на городских площадках г. Сургута, а также новое открытие для себя этимологии названия города и наполнения её новыми смыслами и визуальной составляющей. Одной из главных стала задача сохранения традиций и культуры коренных жителей Сибири.

Авторы проекта рассчитывают, что, в соответствии с этим сценарием, культурно-досуговая сфера постепенно будет выполнять функцию драйвера городского хозяйства, обеспечивая его экономическую эффективность за счет повышения качества социальной среды. Ожидаемый результат данного фестиваля заключается в увеличении уровня качества социально-культурной среды, выравнивании досугового потребления и обращения к респектабельным формам и продуктам досуговой деятельности; в росте творческой активности населения в различных областях деятельности; замедлении или остановке колониального типа миграции за счет сохранения и увеличения количества экономических драйверов, возрастания культурных потребностей населения; в постепенном повышении потенциала внутренней экономики за счет роста качества населения. Безусловно, успех любого мероприятия в большинстве случаев определяется правильно выбранной технологией и соблюдением алгоритма его разработки, продуманным позиционированием, убедительным месседжем, точным прицеливанием и определением целевой аудитории, а также строгим выполнением реалистичного плана работы по проведению мероприятия.

Анализ проектов учреждений культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры позволяет сделать вывод о том, что социально-культурное проектирование

является одним из способов реализации культурной политики региона и важной частью работы учреждений социально-культурной сферы. Все проанализированные проекты направлены на реализацию задач региональной культурной политики, на создание равной доступности населения к знаниям, информации и культурным ценностям и реализацию своего творческого потенциала, что выступает важнейшей составляющей культурной жизни каждого жителя любого населенного пункта страны.

Таким образом, в современных условиях социально-культурное проектирование является важной частью работы учреждений социально-культурной сферы, с его помощью разрабатываются и реализовываются многие мероприятия различной направленности для успешной реализации культурной политики региона.

Примечания:

1. Астафьева, О. Н. Философские и прикладные аспекты культурной политики на поселенческом уровне / О.Н. Астафьева, С.Б. Синецкий // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 4 (52). – С. 74-75.
2. Бирженюк, Г. М. Основы региональной культурной политики и формирование культурно-досуговых программ / Г. М. Бирженюк, А. П. Марков. – СПб., 1999. – 128 с.
3. Востряков, Л. Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели [Электронный ресурс] // Институт культурной политики. – Режим доступа: <http://www.epolicy.ru/analytics/80.html> (дата обращения: 31.05.2020).
4. Генова, Н. М. Культурная политика региона как самостоятельный феномен // Социум. Культура. Нравственность. Досуг: материалы Международной науч. конференции. – Тюмень: РИЦ ТГАКИСТ, 2010. – С. 13-18.
5. Жидков, В. С. Культурная политика России: теория и история / В. С. Жидков, К. Б. Соколов. – М.: Академический проект, 2001. – 64 с.
6. Ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию (на 2016 год) [Электронный ресурс] // Президент России. – Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 01.09.2020).
7. Ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию (на 2018 год) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/56957> (дата обращения: 01.03.2021).
8. Колинько, И. В. Социокультурное проектирование в системе разработки и реализации региональной культурной политики [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – Краснодар, 2004. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnoe-proektirovanie-v->

sisteme-razrabotki-i-realizatsii-regionalnoy-kulturnoy-politiki-1 (дата обращения: 29.05.2020).

9. Марков, А. П. Основы социокультурного проектирования / А.П. Марков, Г.М. Бирженюк. – СПб.: Санкт-Петербургский гуманитар. ун-т профсоюзов, 1998. – 361 с.

10. Методическое пособие «Функционирование проектных офисов» [Электронный ресурс] // Центр проектного менеджмента. – Режим доступа: URL: <https://pm.center/library/metodicheskoe-posobie-funksionirovanie-proektnykh-ofisov.php> (дата обращения: 20.02.2020).

11. О концепции развития культуры в Ханты-Мансийском Автономном Округе – Югре на период до 2030 года и признании утратившим силу некоторых постановлений правительства Ханты-Мансийского Округа – Югры от 14 июня 2018 г. [Электронный ресурс] // Единый официальный сайт государственных органов. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/460122280> (дата обращения: 29.05.2020).

12. Положение об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – Режим доступа: URL: <https://ac.gov.ru/files/content/10419/gorovaya-pdf.pdf> (дата обращения 10.07.19).

13. Потапенкова, А. Е. Управление проектами в культурной сфере: возможности привлечения ресурсов [Электронный ресурс] // Молодежный научный форум: Общественные и экономические науки: электр. сб. ст. по мат. XXX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 1 (30). – Режим доступа: URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/1\(30\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/1(30).pdf) (дата обращения: 01.10.2019).

14. Трубицын, Ю. Ю. Проектное управление в регионах: причины для внедрения и тенденции развития // Проектная практика [Электронный ресурс] // Мы управляем проектами в России! – Режим доступа: URL: <https://blog.pmpractice.ru/2016/11/29/pp-regions/> (дата обращения: 29.11.2020).

15. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов. – М.: Академический проект, 2000. – 496 с.

16. Царьков, А. С. Проектный подход: стратегические аспекты аналитической сборки на муниципальном уровне. Механизмы и результаты / А. С. Царьков, С. А. Кудряшов // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / под ред. В.И. Герасимова. Ч. 1. Вып.12. – Москва: ИНИОН РАН, 2017. – С. 972 – 981.

Старообрядцы Сибири и Европейской России в художественном наследии А. П. Чехова

Осмысление феномена народного инаковерия русскими литераторами XVIII–XX вв. прошло несколько этапов. Вплоть до середины XIX столетия представления писателей о старообрядчестве формировались под сильным впечатлением от противораскольнической церковной публицистики. Результатом этого стало восприятие староверов как невежественных фанатиков, вероисповедные взгляды которых базируются, по преимуществу, на «обрядоверии» и слепом подчинении авторитету расколоучителей. Само старообрядчество в рамках данного осмысления выступало в качестве благоприятной почвы для разнообразных народных выступлений и антиправительственных беспорядков (А. Пушкин, Н. Гоголь, В. Белинский).

На рубеже 1850–1860-х гг. в среде классиков русской литературы распространяется представление о старообрядчестве как порождении исконно-русского мирозерцания, сосредоточении народной ментальности. Им вторили публицисты консервативного толка, осмыслявшие «старолюбцев» как наследников древнерусской духовной традиции и один из столпов борьбы с разлагающим западным влиянием (нигилизмом, социализмом, революционной демократией и пр.). Участие «раскольников» в восстаниях XVII–XVIII вв., а также непримиримое отношение некоторых согласий к государственным институтам объяснялось мыслителями уже в совершенно ином ключе: бунты – результат многовековой репрессивной политики царских властей (Ф. Достоевский, П. Мельников-Печерский).

Одновременно с этим в кругах политических эмигрантов и радикально настроенной российской интеллигенции складывается представление о староверах как носителях революционного мышления, близких идеям федерализма и анархии (А. Герцен, Н. Огарёв, Н. Чернышевский). Сектанты и «раскольники» (ввиду своей приверженности идеалам свободы

и общинности) противопоставлялись демократической общественностью неупасионарным представителям господствующей иерархии. Однако, несмотря на все приложенные заговорщиками усилия по вовлечению старообрядцев в протестное движение, выходцы из древлеправославия так и не стали социальным фундаментом русской революции.

На рубеже XIX–XX вв. в отечественной литературе сохраняется значительный (хотя и несколько угасший за прошедшие десятилетия) интерес к феномену «народного православия». Новое поколение писателей в лице И. Бунина, А. Куприна, М. Горького, продолжая традиции русской классической прозы, зачастую использовали староверов и их неоднозначную религиозную культуру как средство разъяснения собственных философских воззрений. Особенно любопытно установить источники формирования образа «старолюбцев» в представлении А.П. Чехова, а также выяснить особенности эволюции «мира старообрядчества» в творчестве великого писателя.

Стоит констатировать, что в значительной степени воззрения А.П. Чехова на предмет староверия в ранний период его творчества базировались на разнообразных общественных стереотипах. Не раз в произведениях писателя отмечается чрезвычайная враждебность старообрядцев к курильщикам табака. Так, на страницах рассказа «Нытьё» герой повествует от «старушенции», в избе которой он поселился, пребывая в сибирской ссылке близ Красноярска. Кроме того, что женщина предстаёт в повествовании весьма глуповатой и недалёкой, автор называет её староверкой ввиду лишь того, что она начинает чихать и отказывается говорить, когда при ней курят [12, Т. 5, с. 339]. В рассказе «Верочка» также отмечается упомянутая черта «раскольников»: старовер Рябухин, на постоялом дворе которого остановился герой, за двугривенный в сутки согласился предоставить жильё, но с условием, что курить гость будет исключительно на улице [12, Т. 6, С. 74]. Следует отметить, что готовность хозяина идти на компромисс достаточно отчётливо указывает на некоторое обмирщение

старообрядческого быта, действительно, наблюдавшееся в последние десятилетия XIX в.

Тем не менее даже Рябухин, являясь на страницах произведения героем-функцией, предстаёт перед читателем обладателем весьма сурового нрава: разбуженный поздним явлением главного героя, старовер отчитывает последнего, советуя тому молиться Богу вместо того, чтобы «шляться по ночам» [12, Т. 6, с. 81]. Столь же непростым характером обладала староверка, о которой говорится в записных книжках писателя. Своей скупостью и жестокостью она довела своего брата-трактирщика до смерти, лишив его врачебной помощи. Далее мы видим её, напоказ читающей *Псалтырь*: «...через каждые 2–3 фразы прерывает грызотней <...> Она староверка, ненавидит страстно, ругается отчаянно» [12, Т. 17, с. 50].

Упоминание староверов встречается в творчестве Чехова и при описании им одного из самых примечательных элементов традиционного старорусского облика – бороды. При этом брадолюбие осмысливается писателем в несколько ироничной манере: «Не будь цирюльников, все бы раскольниками были...» [12, Т. 2, с. 392]. Староверие виделось литератору источником крайне реакционных порядков семейной жизни. Так, он высмеивает повесть Альфонса Доде «После развода», призванную осудить практику расторжения браков, узаконенную во Франции в 1884 г. По словам Чехова, столь архаичным морализаторством было бы сподручнее вооружиться «раскольнику» или арабу, но не просвещённому европейцу [12, Т. 23, с. 42].

Почти идентичные упоминания о старообрядчестве содержатся в письме Антона Павловича к брату Александру, написанном, согласно М.В. Литовченко, под вдохновением от переписки братьев Достоевских [6, с. 506]. В послании автор «Дамы с собачкой» обсуждает разгоревшийся конфликт Александра с их отцом из-за нежелания Саши вступать в официальный брак и намерения оставаться в свободных отношениях. Письмо должно было ободрить старшего брата и призывало его стоять на своём. При этом дважды в тексте Антон Павлович называет своего отца «раскольником», обвиняя того в

крайне архаичных взглядах на гражданское сожителство [12, Т. 19, с. 56].

Особенно примечательным выглядит изображение Чеховым старообрядцев как носителей крайнего фанатизма. Так, в рассказе «Вор» писатель в очередной раз рисует мимолётный, но крайне ёмкий образ старообрядца-домовладельца. На этот раз Антон Павлович называет того не иначе, как «юродивым старцем» [12, Т. 2, с. 109]. Отметим, что прозаик совершенно умалчивает о причинах наделения старика столь экспрессивной характеристикой. Следует думать, что, несмотря на лояльное отношение к «расколу» большинства крупных литераторов второй половины XIX в., восприятие староверов как носителей радикальных убеждений было неотъемлемой частью общественного сознания, сформировавшегося десятилетиями ранее в период неистового сопротивления староверов николаевской диктатуре. Особенно часто подобное представление, по всей видимости, фигурировало в отношении сибирских староверов, ушедших на периферию русского мира и в значительной своей массе обратившихся к наиболее радикальному (в глазах представителей господствующей церкви) направлению «раскола» – беспоповству [16, с. 1]. Напомним, что действия рассказа происходят именно в Сибири, где ссыльный герой и вынужден квартировать у «старолюбца».

Конечно, в глазах Антона Павловича крайний фанатизм последователей русского «раскола» мог и должен был проявлялся и в насильственных действиях. Так, в уголовном рассказе «Шведская спичка» Чехов приводит разговор уездного следователя и его помощника, расследующих убийство помещика Кляузова. В ходе разговора одной из подозреваемых оказывается сестра покойного, которая, по версии помощника, ненавидела и убила своего брата из религиозного фанатизма, ибо «она – староверка, а он – безбожник». В черновых набросках произведения брат описывается как совершенный развратник, смеявшийся над молельной «раскольницы», куривший в её комнатах и убеждавший, что он – антихрист [12, Т. 2, с. 212].

В рассказе «Хорошие люди» Чехов также отмечает радикализм как неотъемлемую черту старообрядческого

миросозерцания. Так, героиня произведения Вера Семёновна обвиняла своего брата в крайнем консерватизме и сравнивала того с «раскольников-начётчиком», будучи убеждённой, что тот скорее умрёт, нежели поддастся какому-либо убеждению [12, Т. 5, с. 420]. В произведениях великого писателя нашла отражение и другая характерная черта религиозно-бытовой культуры «раскольников», ставшая неотъемлемым атрибутом восприятия их широкой общественностью, а именно — склонность к обособлению от окружающего общества. Последнее в сознании писателя выражалось главным образом в уединённом образе жизни, не допускавшем вмешательства «мирских» в повседневные бытовые процессы, а также в отказе от посещения церковных богослужений [12, Т. 9, с. 143, 158].

Антон Павлович в своём творчестве обращал внимание и на такую черту, как отдельное употребление староверами пищи. В повести «Степь» автор рисует портрет «раскольника» Пантелея, в противоположность своим спутникам евшего кашу не из котла, а из отдельной деревянной чашки и пользовавшегося особой ложкой (кипарисовой, с вырезанным на ней крестом). В ответ на недоумение Егорушки относительно обособленности старика и его привычки пить не из ведра, а при помощи собственного лампадного стаканчика, спутники шепотом сообщают о том, что тот принадлежит к «старой вере». Любопытно замечание автора, характеризующее отношение части русского простонародья к «религиозным отщепенцам»: «при этом они так глядели (на Пантелея — С.Б.), как будто говорили о слабости или тайном пороке» [12, Т. 7, с. 55, 73].

Образ Пантелея во многом пересекается с описанием старовера Рябухина (рассказ «Верочка» был опубликован всего годом ранее — в 1887). В частности, любопытно высказывание Пантелея относительно прогулок в ночное время: «Это только те по ночам ходят, кого земля не принимает» [12, Т. 7, с. 73]. Значительное влияние на повесть оказали произведения И.С. Тургенева, точнее, «Записки охотника». По наблюдениям А.Л. Гришунина, в 1886 г. Чехов в очередной раз перечитывает знаменитый цикл рассказов Тургенева и остаётся под сильным впечатлением от него. Ввиду этого многие чеховские произведения последующего времени несут на себе отпечаток

«Записок охотника» [15, с. 249]. Не стала исключением и «Степь», где Пантелей осуждает бессмысленные убийства живых существ: «Ужа нельзя убивать <...> Это тварь тихая, безвинная... Человека любит» [12, Т. 7, с. 52]. Примечательно, что в словах старика можно усмотреть отсылку к речам другого занятого старовера – Касьяна (из рассказа Тургенева «Касьян с Красивой Мечи»), осуждавшего убийство диких лесных тварей, созданных Богом исключительно для жизни и воли.

Заметим, что в рассказе «Вор», опубликованном в 1883 г., именно юродивый старовер-домовладелец обрушивается с бранью на героя, повинного в убийстве его певчей птицы: «Ты за што это тварь убил, душегубец? <...> Лицо хозяина дрожало от гнева и было покрыто слезами. – За што ты, окаянный, убил мою пташку? Певунью-то мою за што ты убил, сатана чёртова? Глаза твои бесстыжие, пёс лютый!» (орфография сохранена – С.Б.) [12, Т. 2, с. 109]. Эти строки подтверждают предположение А.Л. Гришунина о том, что впервые Чехов познакомился с «Записками охотника» именно в 1883 г. [15, с. 249]. Влияние образа Касьяна хорошо заметно и в рассказе 1886 г. «Мечты», где Чехов описывает сотского Никандра Сапожникова. Антон Павлович упоминает тощее лицо и узкие плечи героя, весьма напоминающие сложение старичка из Красивой Мечи [18, с. 163]. Интересно сравнение, употребляемое Чеховым для характеристики Никандра: внешность Сапожникова походит на фигуры старообрядческих попов или воинов, «каких пишут на старинных образах» [12, Т. 5, с. 395].

Ещё более увериться во взаимосвязи портретов Пантелея и Касьяна мы можем в продолжении сюжета «Степи», где именно Пантелей первым проявляет гостеприимство к путнику, забредшему на стоянку [12, Т. 7, с. 74]. Так, известно, что старичок Касьян принадлежал к старообрядческому согласию странников, для рядовых приверженцев которого (странноприимцев) привечание скитальцев являлось ключевым вероисповедным долгом. Столь частое изображение Чеховым староверов в качестве пристанодержателей, по всей видимости, также было связано со скитальческой культурой согласия бегунов. Одновременно с этим Антону Павловичу могло быть известно, что зачастую староверы при устройстве постоялых

дворов наряду с целью извлечения материальной выгоды исходили из прозелитических намерений. В частности, невысокая стоимость проживания в таких подворьях должна была располагать путников к выходцам из древлеправославия.

Пантелей проявляет себя инициативным, надёжным и пользующимся признанием своих спутников. Ранее он не знал недостатка в деньгах и поныне испытывает видимый пиетет к буржуазии. Он не раз хвалит купцов, часто являвшихся в творчестве Чехова выходцами из староверия. Известно, сколь большую роль играли представители финансовой элиты в религиозной жизни старообрядческих общин, являясь организаторами их хозяйственно-бытовой, административной, а порой и религиозной жизни.

В данном контексте любопытны следующие слова Пантелея: «А купцы ничего... Купцы мученический венец приняли...» [12, Т. 7, с. 73]. Думается, что в этой цитате следует усматривать не только выражение стариком почёта «русским хозяевам», но и известное стремление «старолюбцев» принять мучения за свою веру, закрепившееся в общественном сознании в результате массовых старообрядческих гарей XVII – первой половины XIX в. Так, Антон Павлович пересказывает народные предания о том, что в попытках склонить людей в «раскол» брынские староверы угощали их скитской клюквой. После её употребления человек уже не мог противиться, терял волю и уходил в леса, завидев же огонь, обращённый в исступлении бросался в него [12, Т. 16, с. 321]. Надо полагать, что склонность старообрядцев к бродяжничеству также могла интерпретироваться писателем как стремление к страданию и принятию на себя тяжких лишений [11, с. 36]. Следует думать, что представление о страсти «раскольников» к мученичеству могло появиться у Чехова и вследствие знакомства с творчеством Ф.М. Достоевского, уделившего значительное внимание страдальчеству русских староверов при «построении» философии почвенничества.

В данном контексте показательны рассуждения Чехова о судьбе одного из героев «Степи» Миколы Дымова. Так, неприкаянный и обуреваемый постоянной тоской Микола, по словам писателя, создан не для «раскола» и бродяжничества, а

для революции. Революции же в России случиться не может и потому он просто сопьётся или попадёт в острог [12, Т. 7, с. 632]. Заметим, что староверие как мирная форма общественного протеста противопоставлялась автором радикальным политическим движениям второй половины XIX столетия. Дымов, в свою очередь, не единожды в тексте выступает антагонистом старообрядца Пантелея. Так, именно Микола безвинно убивает ужа, хлестнув его кнутом.

Весьма выразительно о познаниях Чехова относительно религиозно-бытовых предписаний старообрядчества свидетельствует отказ Пантелея есть раков [12, Т. 7, с. 64]. На первый взгляд, уклонение старика выглядит обыкновенным нежеланием участвовать в совместной трапезе с иноверцами. Однако в действительности автор обыгрывает запрет, действовавший во многих старообрядческих общинах России (в противоположность традициям староверов Дуная), на употребление в пищу ракообразных.

Ввиду этого уместно задаться вопросом о том, с какой литературой о староверии был знаком Антон Павлович. К настоящему времени специалистам не удалось осуществить полную реконструкцию чеховской библиотеки [6, с. 505], однако изучение собрания сочинений драматурга показывает, что источники, при помощи которых Чехов знакомился с интересующей нас проблематикой, можно разделить на три категории: 1. специальные исследования о «расколе»; 2. художественные произведения классиков русской литературы; 3. личные контакты со староверами. К первой категории следует отнести цикл очерков Ф.В. Ливанова «Раскольники и острожники» (1872–1875 гг.), труд А.П. Щапова «Исторические очерки народного мирозерцания» (1862 г.), многочисленные миссионерские произведения В.М. Скворцова¹, сочинения А.С.

¹ Обличительные выпады В.М. Скворцова против «раскольников» и сектантов представлялись Чехову достаточно интересными, хотя он и называл миссионера «генералом <...> иезуитов».

Суворина в защиту староверов (1893 г.)² [12, Т. 1, с. 560; Т. 16, с. 545; Т. 17, с. 315; Т. 23, с. 258].

Ко второй группе принадлежат произведения П.И. Мельникова-Печерского, Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского, – произведения, которые сам Чехов советует прочесть для того, чтобы лучше понимать менталитет староверов [12, Т. 2, с. 212; Т. 9, с. 482]. К числу этих авторов, повторим, следует относить и И.С. Тургенева, сыгравшего не последнюю роль в складывании представлений Антона Павловича о «ревнителях древлего благочестия». Чехов был знаком и с исторической прозой Д.С. Дмитриева, а именно – романом «Боярыня Морозова», достаточно явственно свидетельствующим о присущей староверам готовности отдать жизнь за свои убеждения [12, Т. 18, с. 258].

Кроме того, известно о редакторской работе Антона Павловича над рассказом самарского писателя А.К. Гольдебаева «В чём причина?» (опубликован в 1903 г.). На страницах этого рассказа, в частности, повествовалось об угрюмом и молчаливом раскольнике, жившем во многих странах Азии и Европы и сталкивавшемся за границей с русскими, которым на чужбине жилось более чем вольготно ввиду их «политических и религиозных особенностей» [12, Т. 18, с. 144]. Из приведённого фрагмента видно, что Гольдебаев стремился осмыслить в едином ключе как русскую политическую эмиграцию, так и спасавшихся от религиозных преследований староверов. Следует, однако, заметить, что сопоставление «религиозных диссидентов» с радикальной интеллигенцией было совершенно чуждо творчеству А.П. Чехова, не видевшего в староверии рубежа XIX–XX вв. сколь-нибудь серьёзной политической угрозы.

² В письме А.С. Суворину А.П. Чехов сообщает о своём глубоком восхищении его статьями, опубликованными в «Новом времени», называет их страстными, умными и либеральными. В своих работах Суворин критиковал репрессивные меры, действовавшие в отношении старообрядцев в предыдущие столетия, а также сохранявшуюся практику конфессиональной дискриминации «ревнителей старины». Лишение староверов священства, храмов, литургических свобод и гражданского равноправия виделось публицисту глубокой трагедией всего русского народа.

В подтверждение этого тезиса приведем слова автора из пьесы «Дядя Ваня»: всего пятьдесят лет назад по уезду были разбросаны многочисленные хуторки, выселки, *раскольничьи скиты* и водяные мельницы, теперь же они опустели, что свидетельствует о «несомненном вырождении» края [12, Т. 13, с. 94–95]. Заметим, что наличие старообрядческих обитателей в русской провинции видится Антону Павловичу более чем положительным явлением, даже составляет в его глазах картину народной идиллии. Неразделимость староверия и подлинно-народного быта в сознании писателя видна и из того, что задумывая подготовить сборник, заключающий сюжеты из мужицкой жизни, Чехов сообщает А.С. Суворину о своём намерении поместить туда рассказ «Убийство», поскольку тот содержит сцены из повседневного уклада «раскольников» [12, Т. 9, с. 480; Т. 24, с. 349].

Наверняка А.П. Чехову было известно о значительном влиянии староверия на быт даже той части простонародья, которая осознавала себя сопричастной господствующей иерархии. Так, сведения о заимствовании «никонианским» населением норм и установок религиозно-бытовой жизни старообрядчества нередко находили отражение в церковной и светской печати конца XIX столетия [19, с. 153]. Подобное можно обнаружить и в рассказе «Бабье царство», где говорится о заводчике Иване Ивановиче, крещённом и венчанным в православии, однако тяготевшем к старообрядчеству и «принимавшем старообрядческих архиереев и попов» [12, Т. 8, с. 262]. Стоит, однако, отметить, что жизнь фабриканта далека от христианского идеала: «Иван Иваныч и Варварушка – оба святой жизни – и Бога боялись, а все же потихоньку детей рожали и отправляли в воспитательный дом» [12, Т. 8, с. 289]. Примечательно, что и в другой героине этого рассказа – фабрикантке Анне Акимовне – Чехов чувствует «мужицкую, староверческую» кровь [12, Т. 8, с. 284].

Ввиду, в частности, происходивших крупных сдвигов, в конце XIX в. в социально-экономической жизни российского общества, представители торговой и промышленной буржуазии становятся ключевыми персонажами чеховских произведений. Наряду с такими атрибутами, как фанатичная энергичность и

целеустремлённость, сближавшими купцов со смекалистыми «старолюбцами», Антон Павлович наблюдает в «русских хозяевах» неодолимую страсть властвовать. Со временем образы купцов, первоначально видевшихся Чехову лишь разбогатевшими представителями русского простонародья, не имевшими собственной оригинальной психологии, подвергаются значительной трансформации в творчестве писателя. Наряду с обмирщением староверов в литературе осмыслились «знаковые» изменения в жизни держателей крупных капиталов. В частности, для Чехова, не принимавшего капиталистического хозяйства ввиду присущих ему обмана, эксплуатации и несправедливости, приобщение к богатству символизировало разращение и обезличивание человека, нарушение им фундаментальных оснований традиционной нравственности [1, с. 45, 47–49].

Наконец, личные контакты Чехова со староверами, по всей видимости, имели место как минимум во время двух известных поездок писателя по России – экспедиции по Приазовью и путешествия на Сахалин. Не следует также забывать о тесном общении и совместной публицистической деятельности Антона Павловича с крупным специалистом по «расколу» А.С. Пругавиным [12, Т. 16, с. 549].

Обратим внимание на используемую Чеховым терминологию при описании «ревнителй старины»: «староверы» и «раскольники». При этом подобно Ф.М. Достоевскому Чехов в значительной мере синонимизировал данные слова, а понятие «раскол» в его сознании утрачивало свою негативную коннотацию. Заметно также, что зачастую Антон Павлович не проводил для себя ясной черты между «расколом» и сектантством (данная тенденция, в свою очередь, идет вразрез с художественной традицией Достоевского). Будучи знакомым с сектантской проблематикой (в основном благодаря миссионерским трудам В.М. Скворцова) и выборочно используя её в своём творчестве, Чехов, тем не менее предпочитал считать разные направления религиозного инакомыслия явлениями одного порядка. Так полагают и комментаторы полного собрания сочинений писателя [12, Т. 9, с. 480, 482, 486]. Сходную тенденцию мы можем обнаружить и

при упоминании прозаиком единоверия, по всей видимости, видевшегося ему лишь одним из ответвлений старообрядчества [12, Т. 19, с. 402].

Огромное значение для осмысления феномена староверия в творчестве А.П. Чехова имеет сибирская проблематика. Исследователями достаточно подробно освещено путешествие Антона Павловича на остров Сахалин, предпринятое им в 1890 г. [2, с. 114]. Однако при этом в поле зрения специалистов не попадали образы староверов. Со времён Н.В. Гоголя Сибирь в русской литературе традиционно воспринималась как место духовного преображения личности [9, с. 133], что отразилось также в судьбе и биографии Ф.М. Достоевского, интерес к творчеству которого Чехов пронёс через всю свою жизнь [6, с. 505]. Подобно Фёдору Михайловичу, пережившему экзистенциальный кризис в период сибирской каторги и вернувшемуся в Петербург нравственно обновлённым³, Чехов, находившийся в продолжительных интеллектуальных поисках, стремился найти в Сибири, символизировавшей для большинства русских людей лишь отсталость и архаизм, воспроизводившей якобы самые ужасающие мифологемы национального сознания, опору своим духовным исканиям [13, с. 182, 185].

Стремление обрести собственную веру является неотъемлемой чертой многих чеховских героев. Крайне важным для писателя оставался вопрос свободы духовной жизни. Искренность и прямоту выступали в его представлении ключевыми факторами складывания полноценного внутреннего мира личности. Потому, согласно Чехову, вера человека должна носить сугубо индивидуалистичный характер [14, с. 47]. Следует думать, что на формирование подобных представлений в значительной мере могла повлиять философия Л.Н. Толстого, с которой Антон Павлович яростно полемизировал в 1890-е гг., хотя и мог соглашаться с отдельными её положениями

³ В подтверждение ключевого влияния Сибирского пространства на мирозерцание Достоевского следует вспомнить о подаренном Федору Михайловичу в Тобольске Евангелии, которое он бережно хранил до конца своей жизни [20, с. 18].

десятилетием ранее. В этом отношении весьма любопытным видится письмо Чехова А.С. Суворину от 14 февраля 1889 г., где писатель делился своими переживаниями о судьбе архимандрита Паисия. Будучи человеком «болезненной совести и простого ума», иерарх часто пребывал в душевных метаниях и в своих суждениях иногда мог доходить до крайностей. Так, архимандрит порой уверял, что его высокий сан дан ему не иначе, как «от беса» [12, Т. 20, с. 492]. Ввиду порывистого темперамента монаха Чехов опасался, что тот может попытаться бежать в Австрию к «раскольникам» [12, Т. 21, с. 153]. Весьма показательно, что, по мнению писателя, пламенная религиозность вкупе со свободомыслием ведет человека именно в лоно «народного православия».

Как и Ф.М. Достоевский, во время своего знакомства с Сибирью Чехов ожидаемо встречает «ревнителю древлего благочестия». Так, в воспоминаниях Антона Павловича упоминается о том, что он имел разговор с дедом из кержаков, пока ожидал прибытия парома. У старика было многочисленное семейство – 18 детей, большинство из которых выжило. Однако сам старовер разбивал стереотипы писателя о «старолюбцах», сложившиеся у него в 1880-е гг. Так, в отличие от созданного Чеховым портрета хозяина постоянного двора Рябухина, лишь соглашавшегося идти на уступки и разрешавшего своим гостям «дымить» на улице, реальный старообрядец сам «баловался табаком», оправдывая это не иначе, как своей молодостью [12, Т. 14–15, с. 9].

Известно, сколь значительную роль сыграли «раскольники» в заселении, русификации и колонизации Сибири, особенно её восточной части. Большие и крепкие семьи староверов, их трудолюбие и стремление к высокому уровню материального благосостояния, умение работать на земле стали причиной того, почему светские власти отводили центральное место в деле освоения сибирских просторов именно «религиозным диссидентам» [5, с. 136–138]. Сахалин, ради посещения которого Чехов и предпринял своё путешествие, также остро нуждался в создании условий для эксплуатации его богатейших недр. Наряду с заметками многочисленных

ссылнопоселенцев и каторжных, в путевых заметках Антона Павловича мы встречаем и несколько упоминаний о староверии.

В частности, литератор рассказывает о состоятельном ссыльном крестьянине Потёмкине, которого начальство Сахалина любит демонстрировать приезжим как пример крепкого хозяйственника и показатель экономического потенциала острова. Семья Потёмкина держит крупное поголовье скота, владеет двумя торговыми лавками и в противоположность полунищему населению края может позволить себе повседневные излишества: чай и даже светскую живопись. Зная, сколь большую роль в тот период играли общественные стереотипы в восприятии Чеховым инаковерия, не удивительно, что ссыльный произвёл на него впечатление «делового, умного и зажиточного раскольника» [12, Т. 14–15, с. 117]. Весьма примечательно, что Потёмкин хвалит остров и, в особенности, плодородие его почв. Эти речи Чехов, надо полагать, считал абсурдом, поскольку как сообщения путешественников, так и документы того времени отчётливо свидетельствуют о бесплодности сахалинской земли и более чем скромных урожаях поселенцев, занимавшихся сельским хозяйством [4, с. 76]. Отметим также, что энтузиастов, усматривавших в Сахалине землю обетованную, сам Антон Павлович называет «фанатиками» [12, Т. 14–15, с. 77].

На страницах «Острова Сахалин» упоминается и о другом богаче из числа поселенцев – Фёдоре Богданове, который уже в действительности был старообрядцем. Любопытство вызывает портрет «старолюбца» – старик-ростовщик, чуряющийся людей и постоянно пребывающий в страхе перед ограблением [12, Т. 14–15, с. 164]. Заметим, что, несмотря на социальную исключительность староверов, связанную главным образом с их высоким материальным достатком, Чехов, в противоположность В.М. Скворцову, рассматривал старообрядчество как феномен, неотделимый от общеправославной культуры [17, с. 5]. Недаром при подсчёте последователей различных конфессий писатель включает «раскольников» в состав православного населения острова, а не выделяет в отдельную категорию и [12, Т. 14–15, с. 650].

Анализ путевых записок «Из Сибири» и «Остров Сахалин» показывает, что во время своей поездки Чехов не имел возможности встретить фанатично-религиозных выходцев из староверия, а столкнулся с обратной стороной религиозных процессов, происходивших в «расколе» во второй половине XIX в., а именно – обмирщением быта рядовых староверов. Наряду с усилением влияния светской культуры на жизнь старообрядцев ещё одним фактором обмирщения могли стать сами условия жизни ссыльных староверов. Так, С.В. Пряшников указывает, что внешняя сторона религиозности арестантов зачастую пропадала в обстановке сахалинской каторги [10, с. 54].

Поездка Чехова на Сахалин оказала значительное влияние на фабулу и метасюжетiku рассказа «Убийство» (1895 г.). В этом произведении повествуется о семье Тереховых, получивших за особое религиозное усердие прозвище «Богомолвы». Великий писатель обращает внимание на замкнутый образ жизни семьи инаковерцев, в результате которого они «были склонны к колебаниям в вере». Интересно упоминание А.П. Чеховым и особого отношения Тереховых к Священному писанию. Они искали в книгах скрытый смысл и толковали любое слово исключительно в его «духовном» значении [12, Т. 9, с. 143]. Каждое поколение семьи в результате умственных блужданий претерпевало некоторые изменения и верило иначе, чем предыдущее. Здесь же упоминается зачинательница династии староверка Авдотья, чьи сыновья и внуки являлись номинально православными, однако воспитание, близкое к идеалам самых неистовых сект и расколов, оставило характерный отпечаток на их личностях, из-за которого они были склонны к различным проявлениям религиозного фанатизма (испытаниям себя тяжелым трудом, голодом и длительной молитвой) [3, с. 130].

О.Н. Проваторова обнаружила, что фамилию «Тереховых» носил один из встреченных Чеховым на Сахалине каторжников, проявлявший зверскую жестокость и пренебрежение к человеческой жизни [8, с. 22]. По сюжету «Убийства», Матвей Терехов, отличавшийся весьма экзальтированными взглядами на вероисповедные вопросы, был убит своими родственниками – братом Яковом и сестрой

Аглаей, сознание которых также было поражено гипертрофированной религиозностью, служившей для писателя явным признаком лжеучения [7, с. 32–33].

В том же ключе А.П. Чехов затрагивает проблематику гендера применительно к народному инаковерию. Так, по утверждению автора, после уклонения Матвея от господствующей церкви в результате его разочарования в духовенстве (ввиду ошибок священников в богослужении и нарушения ими нравственных заповедей), Терехова начали посещать женщины, почитавшие его за святого. «Как только заведется какой раскол и лжеучение, то от женского пола отбоя нет. Всё равно как мухи на мёд» [12, Т. 9, с. 139–140]. В данном отношении крайне любопытными оказываются сообщения русских литераторов (начиная с Н.В. Гоголя) и церковных публицистов о том, что именно женщины нередко являлись основной движущей силой старообрядческого протеста [19, с. 150].

Эмоциональность молитвенных порывов Матвея доходила порой до крайностей. Так, в очередном порыве религиозной экзальтации он зачал ребёнка одной из своих последовательниц. В данном контексте любопытны параллели данного произведения с «Бабьим царством», где сопричастность Ивана Ивановича «расколу» также сопровождалась горячечным половым влечением. Антон Павлович равно осуждал как оскудение духовной жизни во времена Петра I, так и противоположную тенденцию, порой наблюдавшуюся в русском обществе – «религиозную неразбериху», олицетворявшую для литератора не иначе, как ересь. По наблюдению К.А. Лукьяненко, своими обрядовыми безумствами Матвей напоминает представителей секты хлыстов. В частности, о практике групповых совокуплений на хлыстовских радениях часто писали исследователи русского сектантства второй половины XIX – начала XX вв. Имеются также косвенные указания на сопричастность убеждений Матвея доктрине молокан. Поэтому К.А. Лукьяненко приходит к выводу, что Матвей символизировал в рассказе лидера сектантского корабля, в то время как в Якове Чехов видел старообрядческого уставщика [7, с. 32, 34–36].

Особая душевная неустроенность братьев и их чувствительность к религиозным вопросам оборачивается семейной трагедией. Напомним, что этическая картина Антона Павловича строилась на неприятии какого-либо насилия над человеком [1, с. 44]. В заключении «Убийства» мы встречаем Якова на сахалинской каторге, отказавшегося от былых заблуждений, основанных на радикализме и нетерпимости и осознавшего, сколь дорого обошлась ему истина [8, с. 25–26].

Таким образом, именно за Уралом, что вполне согласуется с художественной системой Чехова, Яков переживает экзистенциальный кризис и находит себя, отказавшись от поглощавшей его прежде гиперрелигиозности. На вопрос о том, является ли он «раскольником», Терехов отвечает: «Не могу знать» [12, т. 9, с. 139]. Однако даже в сибирской каторге «староверчество» продолжает отзываться в душе Якова. Так, не вынеся тоски по родному краю, вполне в духе старообрядческого менталитета братоубийца предпринимает попытку к бегству [12, т. 9, с. 159].

Как видно, в наследии А.П. Чехова старообрядчество и другие формы народной религиозности не играли ключевой сюжетной роли. Однако творческий метод писателя предполагал ограниченное использование портретов «раскольников» в целях усиления художественной выразительности своих сочинений. В частности, феномен инаковерия присутствует в произведениях писателя, прямо или косвенно связанных с проблематикой народного менталитета, маргинальной нравственности, покушения на свободу личности. Одной из ключевых составляющих старообрядческого дискурса в творчестве писателя является тематика сибирского бытия, обладающего особыми ментальными характеристиками и способствующего проявлению в русском человеке всех самых противоречивых черт национального характера.

Примечания:

1. Бойко, В. П. Русское купечество в творчестве А. П. Чехова как художественный вымысел и реальность // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 404. – С. 42–50.
2. Буняева, М. В. Антон Павлович Чехов как учёный и художник: историко-психологическое исследование // Дискуссия. – 2012. – № 6 (24). – С. 112–115.
3. Бытко, С. С. Старообрядцы и творческое наследие Антона Павловича Чехова / С. С. Бытко, Я. Г. Солодкин // Семнадцатая региональная научная конференция Нижневартковского государственного университета. – Нижневартковск: Изд-во НВГУ, 2015. – С. 130–132.
4. Кораблин, К. К. Каторга на Сахалине как опыт принудительной колонизации // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. – 2005. – № 2. – С. 72–83.
5. Липинская, В. А. Старообрядцы на Дальнем Востоке // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион. – 2004. – № 1. – С. 134–139.
6. Литовченко, М. В. А. П. Чехов и Ф. М. Достоевский: диалог культур // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 6 (67). – С. 504–507.
7. Лукьяненко, К. А. Рискогенный потенциал гиперрелигиозности (на примере повести А. П. Чехова «Убийство») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 17. Вып. 1. – С. 32–39.
8. Проваторова, О. Н. «Сахалинские» мотивы в рассказе А.П. Чехова «Убийство» // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 11 (117). – С. 21–26.
9. Дмитриева, В. В. Миф о Беловодье, Опоньское царство староверов-бегунов и загадка второго тома Гоголя // Studia Litterarum. – 2018. – Т. 3. № 3. – С. 116–143.
10. Пряшников, С. В. Миссионерская деятельность православного духовенства острова Сахалин среди каторжан (середина XIX – начало XX вв.) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. № 3. – С. 51–56.
11. Хламова, А. М. Уголовная ссылка в Сибирь в художественном дискурсе России второй половины XIX в. // Омский научный вестник. – 2009. – № 5 (81). – С. 33–37.
12. Чехов, А. П. Полн. собр. соч.: В 30 т. – М.: Наука, 1974–1986.
13. Шишпаренок, Е. В. Экзистенциальная модель восприятия А. П. Чеховым сибирско-сахалинского пространства как результат взаимодействия с сибирским мифом // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. – 2010. – № 10. – С. 183–186.
14. Шишпаренок, Е. В. Экзистенциальная проблема поиска человеком собственной веры в произведениях А.П. Чехова 1880–1890-х годов // Сибирский филологический журнал. – 2009. – № 3. – С. 46–50.
15. Гришунин, А. Л. Чехов и «Записки охотника» // Контекст: литературно-теоретические исследования. – 1989. – Т. 1988. – С. 247–259.

16. Соловьев, Л. К. Сведения о состоянии раскола и сектантства в Тобольской епархии. – Тобольск: Типография Тобольского Епархиального Братства, 1909. – 26 с.
17. Скворцов, В. М. Общий характер старообрядческого раскола. – Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1896.
18. Бытко, С. С. Тургенев и старообрядцы: анализ творческого наследия // Научные труды магистрантов и аспирантов Нижневартковского государственного университета. Вып. 14. – Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2017. – С. 156–168.
19. Отчёт священника о своей деятельности в раскольническом приходе // Тобольские епархиальные ведомости. – 1887. № 7–8. – С. 149–156.
20. Омельчук, А. К. Евангелие от Достоевского // Хрестоматия тюменских писателей: В 2 т. Тюмень, 2015. – Т. 2. – С. 14–21.

III. АРХЕОЛОГИЯ.
ЭТНОГРАФИЯ

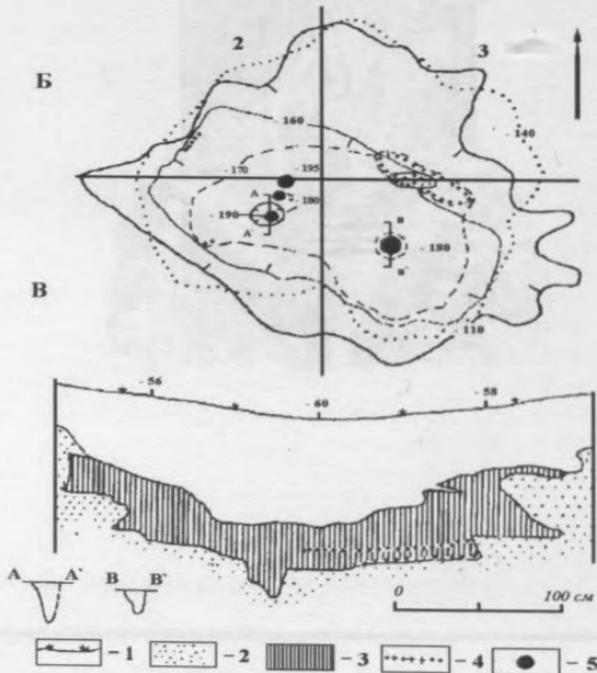

Традиционное природопользование по археологическим данным. Ландшафтная адаптация древнего населения Западной Сибири (история вопроса)

Ранние стадии развития первобытного общества характеризуются простым присваивающим хозяйством низших охотников, рыболовов и собирателей. Качественное изменение жизни древних коллективов определяется ростом производительных сил. При совершенствовании орудий труда, накоплении человеком новых промысловых навыков и знаний присваивающее хозяйство способно обеспечить относительно стабильный прибавочный продукт [28, с. 5].

Рис. 1. Промысловый комплекс Сугмутен-ягун V. Раскоп I. План ловчей ямы 13 [15, с. 21].

Примечание: 1 – подзол; 2 – материковый песок; 3 – культурный слой; 4 – угли; 5 – столбовая ямка.

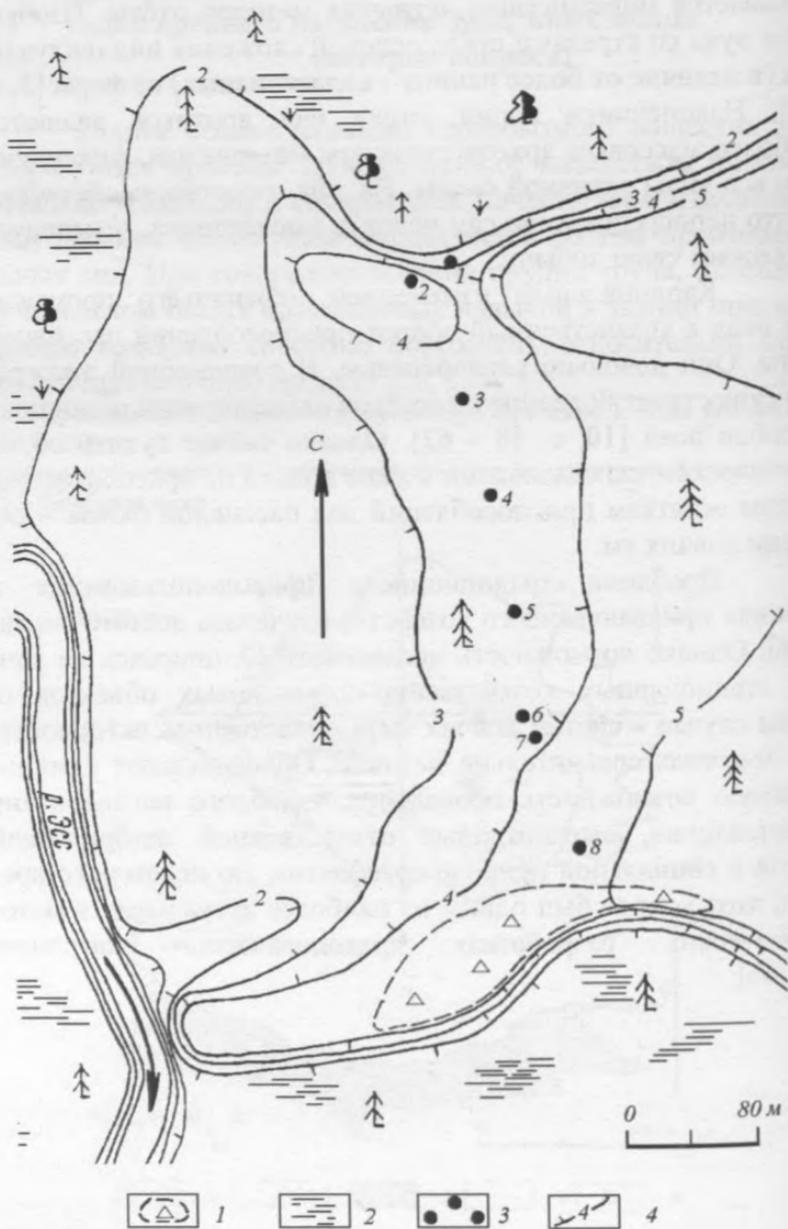

«Смена раннего первобытного общества поздним связана с появлением распределения по труду. Происходит раздвоение экономики на жизнеобеспечивающую и престижную» [24, с. 248]. С переходом от верхнего палеолита к мезолиту связывается модернизация активных методов охоты. Изобретение лука со стрелами стало основой сложения индивидуальных (в отличие от более ранних - коллективных) её форм [3, с. 145]. Наконечники копий, стрел или дротиков являются наиболее массовым археологическим материалом, фиксирующим все виды активной охоты. Ей, как известно, свойственно то, что непосредственно сам человек выслеживает, преследует и поражает свою добычу.

Кардинальным изменением охотничьего промысла стал ввод в хозяйственный оборот приспособлений пассивной охоты. Они довольно разнообразны. В современной этнографии существует более двух десятков наименований различных способов лова [10, с. 58 - 62]. Однако сейчас судить об их практическом использовании можно только по археологизированным остаткам приспособлений для пассивной охоты – системам ловчих ям.

Проблема традиционного природопользования в условиях присваивающего хозяйства изучалась достаточно активно. Однако возможность исследовать её, опираясь на данные стационарных хозяйственно-промысловых объектов (в нашем случае – систем ловчих ям), отечественная историография получила сравнительно недавно. Обосновывают принципиальную возможность проведения подобного исследования представления, выработанные отечественной исторической наукой о социальной природе артефактов. До некоторого времени, этот вопрос был одним из наиболее актуальных в методологических разработках археологического познания [4, с. 66].

Рис. 2. Система ловчих ям Геологическое I (верховья реки Конда) [8, с. 163].
 Примечания: 1 – границы обнажения культурного слоя (выход керамики на поверхность); 2 – болота; 3 – ловчие ямы; 4 – границы бортовой террасы и её высота над болотом.

«Человечество расселялось по планете таким образом, что оно осваивало сначала небольшие экологические ниши, в пределах которых можно было существовать» [19, с. 43]. Это – один из базисных принципов концепции археологических микрорайонов. Он акцентирует внимание исследователя на природном окружении человека, внешней среде его обитания, в условиях которой и реализуется его деятельность.

Большое значение имело открытие в конце 80-х – начале 90-х годов такого неизвестного до того времени типа памятников как ловчие ямы (хозяйственно-промысловые комплексы). По внешнему виду это цепочки впадин, как правило, округлой или овальной формы. Размеры их от одного до пяти – шести метров в диаметре. Многие впадины окружены обваловкой. По количеству объектов промысловые комплексы существенно разнятся: от одной – двух, до нескольких десятков ловушек, а в редких случаях более сотни. Приурочены памятники, как правило, к краям или наиболее узким «местам боровых террас, где и в настоящее время обычны олени тропы. Впадины располагаются треугольником или цепочкой вдоль бровки либо перпендикулярно ей» [15, с. 96 - 97]. Они также перерезают пути каждодневных перекочёвок, например, олени тропы, ведущие к водопою.

Знания о том, что обские угры использовали стационарные приспособления для добычи промысловых животных копились давно. Неоднократно упоминались системы изгородей, выводящие к ямам-ловушкам, в заметках учёных и путешественников XVIII - начала XX веков, таких как И. Лепёхин, П.С. Паллас, В.Ф. Зуев, А.Ф. Теплоухов, А.А. Дунин-Горкавич и других исследователей Западной Сибири. Хозяйственные уклады древнего таёжного населения историк и археолог М.Ф. Косарев выделял, главным образом, на основании анализа их сведений. Однако промысел лесных копытных на путях их сезонных перекочёвок при помощи ловушек он ограничил только лесным Зауральем [11, с. 53]. Причина тому, отсутствие на то время у исследователей достоверных сведений о наличии остатков промысловых объектов на территории Западной Сибири. В этих же условиях находился этнограф и историк Ю.Б.

Симченко. Он описывал основные элементы материальной и духовной культуры охотников на оленей северной части Евразии, опираясь только на современные полевые этнографические исследования, главным образом свои собственные [25, с. 1 - 312].

Что касается данных археологии, то довольно долгое время системы ловчих ям «принимались за жилищные впадины и ошибочно фиксировались на планах в качестве поселений» [8, с. 162]. Поэтому и нельзя говорить о каком бы то ни было планомерном изучении хозяйственно-промысловых комплексов на территории Западной Сибири, по крайней мере, до конца 80-х годов. Изучался этот вопрос больше историками, чем археологами. Эти исследования следует признать довольно успешными. Они позволили вскрыть некоторые особенности промысловой деятельности таёжных охотников Западно-Сибирской равнины. Например, то, что «смена активной формы охоты пассивной неизбежно влечёт за собой переход от кочевого образа жизни к более оседлому» [5, с. 200]. Данный подход может быть полезен в определении датировок первых хозяйственно-промысловых комплексов.

Только с конца 80-х годов начинается современный этап в изучении этих объектов и их роли в системе хозяйственной деятельности местного населения древности. Тогда «детальное представление об устройстве ловчих ям удалось получить в процессе археологических раскопок» [8, с. 165]. Стационарно исследовались три памятника в верховьях реки Эсс (правый приток Конды): Геологическое I, II и XVII. «Топография, планиграфия и особенности изучаемых объектов... совершенно определённо указывает на то, что мы имеем дело с ещё одним видом археологических памятников, которых не следует при обнаружении игнорировать» [7, с. 9]. С учётом имеющегося опыта практически сразу же разными исследователями началась разработка методики поиска и изучения этих памятников, выявленных на других территориях таёжной части Западной Сибири.

Уже в 1991 году в верховьях реки Пякупур уральскими археологами под руководством Л.Л. Косинской были обнаружены и исследованы остатки стационарных промысловых

сооружений. «Цепочки из десятков небольших округлых впадин тянутся по краям суходолов, пересекают гривы» [12, с. 46]. В том же 1991 году эти выводы были подтверждены на древностях Приказымыя. Тогда, по аналогиям с месторасположением современных ловушек на птицу, был выделен археологический комплекс система ловчих ям Емант-Лор 1 [18, приложение]. Разведки в верховьях реки Конды (полевые сезоны 1991 - 1993 годов) были проведены специалистами предприятия АВ КОМ Г.А. Степановой и Е.М. Беспрозванным уже с учётом этого опыта.

Одной из первых сложностей была проблема определения датировки и культурной принадлежности промысловых комплексов. В решении этого вопроса данные этнографии, к сожалению, малопригодны. По устному сообщению О.И. Тайбиной в верхнем течении рек Пим и Ай-Пим «очень часто встречаются ловчие ямы на диких оленей. Но где (? – А.С.), – никто просто не обращал внимание. Ханты называют их «лэмпэл». Но на памяти информатора их не делали. Их делали в старину, в очень давние времена, когда народу было мало, четыре – пять поколений назад» [21, с. 3]. Это сообщение подтверждает мнение В.Н. Чернецова, который отмечал, что «о ловле ямами говорилось как о далёком прошлом» [27, с. 74].

Тем не менее, по устному сообщению К.А. Дунаева, жившего долгое время на кордоне Тузинкорт, в бассейне рек Тапсуй и Малая Сосьва ловчими ямами промышляли в годы Великой Отечественной войны, когда взрослые мужчины-охотники ушли на фронт.

На археологических материалах Лемьинско-арантурского водораздела (внутриболотные гривы - урочище Сулеймановы острова) специалисты предприятия АВ КОМ в начале 90-х годов датировали один из объектов неолитом. Основанием для этого стал «факт обнаружения в одной из ям-ловушек фрагмента неолитической керамики. Это пока самый древний известный объект подобного назначения» [25, с. 36]. К сожалению, более подробных данных об этой находке нет. Так или иначе, но большинство археологов датирует древнейшие объекты промыслового назначения, безусловно, археологическим (а не сугубо этнографическим) временем. Так, по

единичным находкам керамики в слоях памятника Геологическое XVII, С.Ф. Кокшаров ставит вопрос о возможной хронологической принадлежности одной из ловчих ям лозьвинскому времени эпохи поздней бронзы, её финалу [8, с. 168].

Все памятники реки Харампур (бассейн Пура) датируются ранним железным веком. Выявлены в пределах этой территории как поселенческие, так и промысловые комплексы. Наиболее ранние жилые объекты, вероятно, можно отнести к позднейшим этапам бронзового века, однако прямых доказательств этому нет. Таким образом, можно косвенно, через датировку всех иных памятников, обозначить время бытования систем ловчих ям ранним железным веком. Что касается культурной принадлежности поселенческих комплексов, то их можно определить как памятники местных вариантов белоярской и кулайской археологических культур [14, приложения].

Датировать отдельные объекты удалось после проведения раскопок шести промысловых объектов в верховьях реки Лонг-Юган, которые проводились летом 2002 года под руководством С.А. Мызникова. В ходе работ удалось получить образцы для радиоуглеродного анализа. «Вскрытые объекты можно датировать в широких хронологических рамках от неолита до начала железного века» [6, с. 365]. Несколько промысловых комплексов в окрестностях озера Арантур (Советский район Ханты-Мансийского округа) было датировано новым временем [20, таблицы]. Мотивировалось это внешним видом и степенью сохранности памятника.

И, наконец, по итогам работ последнего полевого сезона, была получена уникальная датировка для одного из памятников в Сургутском Приобье. По данным дендрохронологии, обустройство комплекса было отнесено к 1801 году нашей эры. Датировать его удалось по остаткам деревянных конструкций, которыми укреплялись в песчаном грунте стенки ямы в песчаном грунте. Если рассматривать работы современных этнографов Западной Сибири, то в них отмечается, что ловчие ямы «появились задолго до возникновения угодий нынешних ханты» [23, с. 90]. Но, как правило, хронологическую принадлежность систем ловчих ям невозможно определить.

Это практически все достоверные сведения о стационарных исследованиях ям-ловушек, накопленные в отечественной историографии. Гораздо чаще, в силу многих причин, раскопкам подвергались поселенческие комплексы. Изучаются они всесторонне, вплоть до оценок «санитарной нормы» летних и зимних жилищ для различных археологических эпох [29, с. 36].

Западноевропейская археологическая наука уже к середине 80-х годов накопила значительный объём знаний о промысловых комплексах. Эти памятники были открыты на Скандинавском полуострове и в Финляндии. Выделяются два типа ловушек - для горных и относительно равнинных, лесных областей. Наибольшее сходство с промысловыми объектами Западной Сибири имеют так называемые «ловушки в земле без изгородей» - *earth-walled pitfall*. Фиксируются они так же: «как круглые или овальные впадины... глубиной до одного и шириной около 2,5 – 3,5 метров» [1, с. 27]. Что касается количества объектов в комплексах, то некоторые из них содержат несколько рядов из сотен впадин, но, как правило, их меньше.

Топография этих памятников мало чем отличается от западносибирской. Обустраиваются промысловые комплексы в местах, которые по-саамски называются «суопас». Занимают они «как правило, «языки земли» между ручьями, места переходов вброд, необводнённые участки болот... и, наконец, границы водоразделов» [2, с. 57]. Как иллюстрацию этого, можно привести топографию одного из памятников. «Относительно узкий лоскут земли между скалистыми грядами береговой линии двух фьордов создаёт сплошной «суопас». По сути, - это проход для сезонной миграции дикого северного оленя вовне полуострова весной и обратно – осенью» [2, с. 58]. Интересно, что по остеологическим остаткам, обнаруженным в одной из хозяйственных ям поселения Геологическое III, «забой упомянутых животных мог произойти примерно в конце лета – осенью» [9, с. 7]. Таким образом, можно констатировать, что промысловые комплексы пересекали маршруты сезонных перекочёвок дикого северного оленя.

Подтверждение этому обнаруживается в этнографии современных ханты. Охота на лосей с помощью пассивных

орудий лова производится в осенний период – с конца сентября по конец октября. По словам жителя Сургутского района В.Я. Песикова в верховьях и среднем течении Лямина «ставят петли, когда у лосей переход. Осенью петли нужно проверять чаще, иначе мясо испортится. Ставят петли в тех местах, где нет домашних оленей. Весной зверей не трогают, потому что у зверей дети. Ханты говорят: пусть отдыхают. У отца стояло одновременно до шести - семи петель» [22, архив в электронном виде].

«Первые письменные источники об охоте на дикого северного оленя с использованием ловушек относятся к концу IX века» [2, с. 55]. Они зафиксированы на англосаксонском языке в средневековом тексте «Путешествие Отгара» (Отгар из Халугаланда). Кроме того, по остаткам деревянных конструкций удалось получить несколько радиоуглеродных датировок бытования промысловых комплексов. Одна из наиболее ранних – 4535 ± 65 лет до нашей эры. Заселение Скандинавского полуострова началось несколько позднее более южных районов Европы. Где, вероятно, использование аналогичных приспособлений для ловли животных практиковалось гораздо раньше. Были получены и приблизительные датировки кризиса и отмирания промысла. Для горной части южной Норвегии это II век до нашей, для более северных территорий – XVII век нашей эры [1, с. 29]. В наше время дикий северный олень на Скандинавском полуострове не встречается.

Зарубежными исследователями проводились попытки реконструкции промысловых объектов. Получалось, что «между ними располагался «огород» из брёвен и веток, так, чтобы промежутки в нём выводили на ловушку. Когда же она готовилась к использованию, каждая яма накрывалась сверху тонкими ветками, а снизу укрепляется деревянной подпоркой. Наверх, для маскировки, укладывался мох, земля и прутья» [2, с. 57]. Следует отметить, что ни отечественные исследователи, ни западные пока не выработали принципов определения «рентабельности» систем ловчих ям. Данные о размерах промысловых комплексов уже обобщались. По предварительным данным памятников бассейна реки Пур они группировались следующим образом: малые комплексы - от 2 до 4 впадин,

средние от 5 до 12, крупные системы от 14 до 20, очень крупные – от 28 до 136 объектов [15, с. 96]. Тогда были приведены данные 40 памятников.

Всякое «человеческое сообщество живёт и действует в конкретном природном окружении, адаптируя к нему свою культуру. Совокупность естественно-географических условий, многие частные факторы в значительной мере определяют выбор мест поселений и степень заселённости территорий и возможности контактов отдельных групп, весь облик и материальной, и духовной культуры» [16, с. 5]. Принципы функционирования традиционных систем жизнеобеспечения в экстремальных экологических и природно-климатических условиях только сейчас начинают системно изучаться. До сих пор «нет работ, объединяющих все направления исследований в единое целое, в которых был бы представлен результат междисциплинарной реконструкции связи социумов со средой» [17, с. 167]. Для того, чтобы её произвести, необходима не столько разработка новых теоретических доктрин, сколько накопление фактического материала для проведения последующих широких обобщений.

Примечания:

1. Barth E. Ancient methods for trapping wild reindeer in South Norway. - The hunters: their culture and way of life. - Trømsø & Oslo & Bergen. 1982.
2. Vorren O. The wild reindeer hunt and offering sites. - The hunters: their culture and way of life. - Trømsø & Oslo & Bergen. 1982.
3. Алексеев, В. П. История первобытного общества / В. П. Алексеев, А. И. Першиц. – М., 2001.
4. Генинг, В. Ф. Структура археологического познания. Проблема социально-исторического исследования. – Киев, 1989.
5. Ермолов, Л. Б. Средства пассивной охоты как индикатор оседлости этноса // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск, 1983.
6. Ивасько, Л. В. Раскопки археологического памятника «Группа ловчих ям Хейгияха 1» / Л. В. Ивасько, С.А. Мызников // Археологические открытия. – М., 2003.
7. Кокшаров, С. Ф. Отчёт об археологических исследованиях в Советском районе Тюменской области в 1990 году. – Свердловск, 1991.

8. Кокшаров, С. Ф. Охотничьи ямы-ловушки на северо-западе Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. – Екатеринбург, 1993.
9. Кокшаров, С. Ф. Социально-экономическая модель кондинского общества в позднем энеолите – бронзовом веке // Модель в культурологии Сибири и Севера. – Екатеринбург, 1993.
10. Коровушкин, Д. Г. Орудия пассивной охоты: программа сбора материалов // Вопросы по этноархеологии и этнографии. – Омск, 2002.
11. Косарев, М. Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М., 1991.
12. Косинская, Л. Л. Древности озера Пяку-то // Природа. – 1994. – №11.
13. Косинская, Л. Л. Отчёт об археологических разведках в Пуровском районе Тюменской области в 1997 году. – Екатеринбург, 1997. АКА УрГУ, ф. II дело № 603
14. Косинская, Л. Л. Отчёт об археологических исследованиях на территории ЯН и ХМАО Тюменской области в 1998 году. Т. I. О раскопках памятников Усть-Кальпясяха 20, 21 в Пуровском районе ЯНАО Тюменской области в 1998 году. – Екатеринбург, 1998. Архив кабинета археологии УрГУ, ф. II дело № 611.
15. Косинская, Л. Л. Археологические памятники бассейна реки Пур (итоги исследований 1990 – 1998 годов) // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Ч. 2. – Екатеринбург, 1999.
16. Косинская, Л. Л. Археологические памятники севера Западной Сибири. – Сургут, 1998. – С. 5.
17. Матвеева, Н. П. Всероссийская научная конференция «Экология древних и современных обществ» // Российская археология. – 2001. – №1.
18. Морозов, В. М. Отчёт об исследованиях памятников археологии в бассейне реки Казым в Белоярском районе Тюменской области летом 1991 года. – Екатеринбург, 1992. – Приложение.
19. Нижнетарский археологический микрорайон. – Новосибирск, 2001.
20. Приложение I к технико-экономическому обоснованию природного парка «Кондинские озёра»: сводная таблица археологических памятников. – Екатеринбург – Советский, 1992. Архив природного парка «Кондинские озёра».
21. Рудь, А. А. Полевые материалы экспедиции МУ ИКНПЦ «Барсова гора» к хантам Тянского месторождения Сургутского района в феврале – марте 2003 года. Полевой дневник.
22. Рудь, А. А. Способы охоты и орудия лова в среднем и верхнем течении бассейна реки Лямин. Полевые материалы. 2003 (электронный вариант).
23. Селянина, М. Ю. Археолого-этнографические исследования на территории родовых угодий А.С. Сопочиной (Сургутский район, река Лямин) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Вып.: 1. Томск, 2002.

24. Семёнов, Ю. И. Философия истории. – М., 1999.
25. Симченко, Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. – М., 1976.
26. Техничко-экономическое обоснование историко-культурного парка «Кондинские озёра». – Екатеринбург - Советский, 1992.
27. Чернецов, В. Н. Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников. – 1971. – Вып. 4 – 12 (2).
28. Шилюк, Н. Ф. Закономерности развития рабовладельческого общества. – Свердловск, 1982.
29. Энговатова, А. В. Поселение и жилище – община и семья / А. В. Энговатова, В. В. Сидоров // Социальная дифференциация общества (поиски археологических критериев). – М., 1993.

Этнографический портрет коренного населения Тобольского Севера на страницах газеты "Сибирский листок"

Ежегодно на страницах «Сибирского листка» печатались многочисленные сведения о событиях, происходивших на Тобольском Севере: о развитии рыбной промышленности, об эпидемиях, вызывавших падеж оленей, о товарообороте, об участии коренных жителей в ярмарочной торговле и условиях их жизни. Авторы статей тем самым формировали мнение жителей губернии о коренном населении края, об их умственных способностях, условиях жизни и быта, верованиях и культуре.

Со второй половины XIX в. увеличилось число русских экспедиций к хантам и манси на Урал и в Сибирь. Отдельные аспекты хозяйства и культуры нашли отражение в материалах научно-популярного характера. В №53 за 1895 год газеты «Сибирский листок» была опубликована статья о поездке А. И. Якобия в Ваховский край. Это анонимный пересказ доклада заслуженного профессора А.И. Якобия о его путешествии на Север для исследования положения остяков, живущих на реке Вах. Ученый пришел к выводу о том, что на протяжении XIX в. шло «угасание» народов Северо-Западной Сибири. Такое заключение основывалось на официальной статистике о численности ханты и манси. Среди причин «вымирания» остяков А. И. Якобием названы голод и нищета как результат сильного пьянства, эксплуатация остяков кулачеством, эпидемии, преимущественно сифилитического характера, плохое питание и почти полное отсутствие медицинской помощи. По мнению большинства авторов рассматриваемого издания, антисанитарные условия жизни аборигенного населения были основной причиной распространения в их среде сифилиса, оспы, тифа, дизентерии, ревматизма, глазных и кожных болезней [3, с. 105].

Автор одной из статей называет охоту и рыбную ловлю исключительными источниками основного дохода остяков.

Продукты промыслов они обменивали на хлеб, вино, табак. В статье читаем: «Как и русский крестьянин-хлебопашец, продающий все лучшее, извлекаемое им из земли при помощи сохи и бороны, и оставляющий для собственного употребления худшее, так и остяк продает и выменивает всю пушнину и самую лучшую рыбу, оставляя для своей семьи только шук, которые никем не покупаются» [2, с. 69]. Но в отличие от русских жителей севера, ремесленные занятия среди хантов не получили распространения. Об этом свидетельствует известие из г. Сургута за 1891 год: «Среди аборигенов Сургута нет ни одного кузнеца, ни одного столяра, нет кровельщика, нет даже плотника и каменщика» [1, с. 90].

Теснота жилых помещений производила тягостное впечатление на авторов статей. Приводится пример устройства зимнего жилища: «это квадратный (6 на 6 ар), часто и меньше, сосновый или еловый сруб, поставленный прямо на землю без всяких подставок или насыпей. Пол и потолок досчатые, почти никогда не струганные не чищенные и не мазанные. Вместо крыши наверху потолка насыпана земля, так что ската для спада воды во время дождя или таяния снега нет. Источник света — небольшое оконное отверстие, прорубленное в восточной стороне юрты. Источником тепла служит чувал. Но он недостаточно прогревает помещение, и, как отмечается автором, вследствие сильного холода в юрте остяки спали одетыми, как днем, в обуви и одежде из оленьих шкур. Западная и южная стороны юрты заняты нарами в высоту не более 5–6 вершков, а в длину не более 1 ½ аршина [2, с. 74]. Поскольку поддерживать огонь во время сна было невозможно, почти ничем не укрытые остяки засыпали вокруг разведенного огня, просыпались продрогшие среди сгоревших набранных щепок и поленьев, и снова отправлялись за дровами.

Большое внимание при характеристике образа жизни хантов уделялось их личной гигиене. В газетных публикациях подмечалось отсутствие у аборигенов привычки ежедневного утреннего туалета и смены белья: «лицо и руки моют очень редко. Белье меняется раз в два-три месяца, в течение всей зимы — семь-восемь месяцев — ни днем, ни ночью никогда не снимается». Прimitивные нормы гигиены не соблюдались и во

время приготовления пищи, использования кухонной посуды: «Котлы, в которых варят пищу для себя, служат и для варки всякого тряпья и детского белья, из них же кормят собак, и все это делается подряд без всякой чистки котла» [2, с. 74].

Традиции в питании остяков сформировались под влиянием сурового климата и доступности определенного набора продуктов. Пища остяков не отличалась изысканностью и разнообразием. Они без стеснения ели все, что попадет под руку – выброшенную гнилую рыбину или валяющуюся в лесу падаль. Автор статьи «Несколько дней у остяков» утверждает, что остяки употребляли очень мало хлеба, который приобретался ими в большинстве случаев в готовом виде – он составлял своего рода лакомство. Его употребляли в «микроскопических дозах» с чаем и рыбной ухой. Наиболее бедные остяки не покупали печеного хлеба, а сами пекли пресные лепешки. Главную роль в рационе остяков играла, конечно же, рыба, которую варили и утром, и в обед, и на ужин. В указанной статье описан способ приготовления рыбы: «рыба нечищенная, немытая, с осени сложенная на крыше юрты, рубилась топором на довольно большие куски и в таком виде варилась зимой в снеговой воде, а летом в речной, без соли и приправ» [2, с. 70].

В статье «Несколько дней у остяков» отмечается в характере хантов такое качество, как гостеприимство и добродушие по отношению друг к другу. В публикации говорится о распространенном обычае приглашать к столу гостей, сколько бы посторонних не находилось во время приема пищи в юрте. Подчеркивается, что остяки жили дружно, принцип взаимопомощи между ними был сильно развит: они всегда охотно помогали друг другу во всех нуждах. Но автор статьи обращает внимание на то, что в постоянных занятиях остяков – охоте и рыбной ловле – не было ничего похожего на форму общины. Они охотились лишь поодиночке, точно так же, как они ловили рыбу в удобных местах во время разлива рек, для продажи. Только осенью, когда запас рыбы, преимущественно шуки, подходил к концу, у остяков появлялись неводные артели. Сбыт улова был двояким – поштучный и оптовый.

В конце XIX в. остяков официально признали православными христианами. В действительности же они только числились таковыми. Корреспонденты «Сибирского листа» свидетельствовали о сохранении в значительной степени среди хантов языческой обрядности. В чем же виделись причины незавершённости процесса христианизации коренного населения? В условиях кочевого и полукочевого образа жизни оно далеко не всегда имело возможность посещать церковь, да и большинство остяков плохо понимало русскую речь, и можно ли было тогда говорить о понимании богослужебного языка? Это были главные причины слабого распространения православной религии. В статье «Несколько дней у остяков» констатируется, что вследствие преследований, которым остяки подвергались при введении у них православия, они научились видеть в каждом не остяке и не торговце агента власти. Большинство населения так и оставалось убежденными идолопоклонниками. Христианство не проникло сколько-нибудь глубоко в сознание остяков, оно смешалось с языческими воззрениями, в результате чего появлялись новые религиозные взгляды, представляющие из себя смесь христианства и язычества, с преобладанием последнего.

Благодаря статьям из «Сибирского листка» мы можем сделать вывод о том, что понятие о загробной жизни у остяков было очень смутным. Загробный мир по их понятиям есть не что иное, как точное повторение земного мира во всех его деталях: в ином мире — те же озера, реки, моря, горы, леса, солнце, луна и вся остальная окружающая природа, животные, и умерший ведет там точно такую же жизнь, какую вел и на земле [4, с. 155].

Стало быть, рассмотренные публикации из газеты «Сибирский листок» оставили нам любопытные историко-этнографические описания хантыйского населения Среднего Приобья. Авторы, обычно не претендовавшие на решение научных задач, отмечали, что их статьи и заметки предназначены для гражданских властей, которым следовало обратить внимание на проблемы, связанные с социально-экономическим положением инородцев и их культурным обликом. Но в приводимых сведениях зачастую отражался

«субъективный» взгляд корреспондентов. Не все авторы были учеными, кроме того, многие публикации оставались анонимными. Материалы газеты должны использоваться в исследованиях наряду с научными трудами.

Примечания:

1. Внутренние известия // Сибирский листок 1890–1894 / сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). – Тюмень, 2003. – С. 90–91.
2. Несколько дней у остяков // Сибирский листок 1890–1894 / сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). – Тюмень, 2003. – С. 69–75.
3. Профессор Якобий о стране Вах // Сибирский листок 1895–1900 / сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). – Тюмень, 2003. – С. 105–107.
4. Религиозные воззрения остяков // Сибирский листок 1895–1900 / сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). – Тюмень, 2003. – С. 155–159.

Этническая картина бассейна р. Вах в «дорусское» время

Прежде чем перейти непосредственно к описанию этносов населявших бассейн реки Вах в период предшествующий русской колонизации, очертим некоторые географические рамки исследования.

Река Вах расположена в восточной части центрального сектора Западно-Сибирской равнины и является правым притоком р. Обь в её среднем течении, с устьем в районе современного г. Нижневартовск. Река берёт начало на севере Вах-Кетской возвышенности из Верхне-Сымского болота и протекает преимущественно в широтном направлении с востока на запад-юго-запад по Среднеобской низменности и Вахской низине.

На востоке река Вах делит один болотный исток с реками левобережного бассейна р. Енисей, такими как: Сым и Елогуй. На севере бассейн реки ограничен водораздельной возвышенностью Сибирские Увалы, с которых стекают наиболее крупные правобережные притоки Ваха: рр. Колекъеган, Сабун и Кульнигол за счет которых происходит основной водосбор. Левобережный бассейн врезан довольно слабо и представлен только одним относительно крупным притоком – р. Мегтыгъеган. В целом южная сторона «поджата» правобережным бассейном р. Тым и более мелкими реками правобережья Оби (Киевский Еган, Трайгородская и прочими). На западе Вах впадает в р. Обь, а северо-западная часть ограничена возвышенностью Аганский Увал, разделяющий бассейны Агана и Ваха.

Географическая характеристика места расположения р. Вах и её притоков, уже позволяет сделать определенные наблюдения. Можно отметить, что географическая дислокация реки крайне удобна как для связки территорий Западной и Восточной Сибири, так и условно Южной (вверх по Оби от впадения Ваха) и Северной (выход на р. Таз). Если конкретизировать:

- исток Ваха начинается из того же болотного массива, что и у р. Правый Сым (левый приток р. Сым (левый приток р. Енисей), расстояние по прямой между истоками 3,62 км;

- правый приток Ваха - р. Сугмутуньеган имеет общий исток с р. Атокс (правый приток р. Елогуй (левый приток р. Енисей), расстояние по прямой между истоками 3,54 км. Еще ряд правобережных притоков верховьев Ваха имеет сопоставимые параметры «соприкосновения» с притоками Елогуя;

- исток р. Паракаеган (правый приток р. Кулынигол) имеет общий исток с р. Ратта (левый приток р. Таз), расстояние по прямой между истоками 4,9 км. Еще ряд правобережных притоков Кулынигола имеет сопоставимые параметры «соприкосновения» с притоками Таза;

- притоки рр. Сабун и Глубокий Сабун имеют общие истоки с притоками рр. Каралька и Ватылька (левые притоки р. Таз), с расстоянием между собой 1,8-2,2 км;

- правобережные притоки Оби вверх по течению от впадения Ваха - рр. Киевский Еган, Трайгородская (в виде её притока р. Ватьеган) подходят на расстояние 1-2 км к левобережным притокам р. Вах в её среднем течении и в целом отстоят сравнительно недалеко от русла самого Ваха (около 8 км).

Подводя краткий итог под географическими характеристиками р. Вах можно отметить, что данная водная артерия открывала широкие возможности для передвижения в самые разные части Сибирского региона. Сведения о действовавших вплоть до XVIII в. волоках на р. Таз и р. Елогуй сохранились в письменных источниках [1, с. 630].

Для понимания этнической картины Ваховского бассейна в дорусское время обратимся к нижней планке периода, а именно к освоению реки остяками-хантами. По мнению этнографов и лингвистов Н.И. Терёшкина, З.П. Соколовой, Н.В. Лукиной, освоение началось в XIV-XV вв., а закончилось в XVII в. [7, с. 9].

В памяти самих ваховских ханты тоже сохранилось твёрдое убеждение: они на Вахе - народ пришлый. По преданию, их предки обитали на р. Ас-ях (Обь), близ города Ватпугол, где занимали обширные лар - «луга-соры», и называли они себя ват-ях - «города народ» или лар-ях - «заливных лугов (сора) народ». Этот факт подтверждают и многочисленные фольклорные сюжеты [7, с. 9].

Освоение хантами р. Вах по устным источникам началось с юрт Ларьятских, обустроенных хантами на берегу оз. Эл-лепугольмтор близ современной деревни Большой Ларьяк, куда они пришли с южных территорий [9, с. 43]. Какое-то время ханты сосуществовали с проживающими здесь самодийцами (ненцами?), но через непродолжительное время разбили их на территории Большеларьякского городища(?) [6, с. 305-306]. Самоедов прогнали «далеко за урман на другую реку», и случилось это в канун прихода ях-наги-кан - «народа белого царя», т. е. русских [9, с. 44]. «Во время своих охот остяки р. Ваха встречаются в верховьях Таза с самоедами. «Зачем пришли сюда? – встречают те их. – Не хотите ли и эту землю отобрать, как отобрали Вах и Сабун» [2, с. 51].

Описанные события происходили, вероятнее всего, в самом конце 16 века, перед поражением «Пегой орды» в 1598 г. С этого времени начинается массовое распространение хантов по Ваху и его притокам, где они и по настоящее время занимают преобладающее положение среди всех КМНС.

Как нам уже известно, придя на Вах, ханты столкнулись здесь с иными (по сравнению с ними) этническими группами. Здесь необходимо привести выдержку из труда Г.М. Дмитриева-Садовникова «На Вахе»:

«Тот же старик рассказывал, что, пришедши сюда (в окрестности д. Большой Ларьяк, (прим. автора), остяки нашли здесь остатки какого-то народа, но не самоедов - с самоедами встретились позднее. На одной из сопок окружающего озера материка, по рассказам, и сейчас еще есть поросшие лесом остатки земляных укреплений бывшего их города. Народ этот погиб в кровопролитных междоусобиях, происходивших главным образом из-за обладания бабами. «Бабы красивы были, из-за них и дрались». Отсюда у остяков начались стычки с самоедами. В верховьях Ваха на самоедов в то же время напало другое племя, пришедшее с верховьев реки Таза, на который перебрались с Енисея (Енисей-Кегкэн-ас - Каменная Обь). Племя это и сейчас живет частью в верховьях Ваха (юрты Корольские), частью же - в верховьях Таза (р. Каралька), усвоило остяцкий язык и причисляется к остякам, но это не остяки: их коренной язык, имеющий грубый гортанный выговор, несколько не похож

на остяцкий, и тип его не тип остяка: большинство стройны, горбоносы. Как ни странно, но это племя, встретившись с остяками, не воевало с ними, а подверглось их влиянию, и так же, как и остяки, было безоленно» [2, с. 87].

Из этого небольшого фрагмента, мы извлекаем информацию о том, что: во-первых, пришедшие ханты опосредованно или напрямую выделяли три различных группы населения, отличающихся друг от друга; во-вторых, самоедами (в представлении хантов) является только одна из этих групп; в-третьих: населением верховьев Ваха осуществлялось передвижение в треугольнике Вах-Таз-Енисей.

Начнем с последней группы, «племя, пришедшее с Таза, на который перебралось с Енисея» логичнее всего сопоставить с кетами, которых также называли «енисейскими остяками» или енисейцами. Место дислокации и антропометрические характеристики позволяют утверждать такую идентификацию довольно обоснованно [1, с. 633-634]. Более того, существует версия, основанная главным образом на лингвистическом анализе, предполагающая миграцию кетов в Тазовско-Енисейское междуречье из Привасюганья в начале II тыс. н.э. [Там же, с. 643-644], проходившую, вероятно, и через Ваховские земли.

Рассмотрим следующие две группы условно «самоедов» и «несамоедов».

Попробуем разобраться с тем, кого же ханты подразумевали под «несамоедами». Фольклорный источник сообщает: «Пегая орда? - это лесной народ был. Вонт-лунк называется. В лесу жил, бабы за них еще замуж выходили. Красивый народ, большой, вроде дьяволов они» [3, с. 169]. Отметим что информация записана в 1969 г. в с. Криволуцкое на Оби. А вот что говорит в 1913 г. другой источник из юрт Лохкэнтугских (современное озеро Локконтэмптор, бассейн р. Кулынигол): «Недалеко от юрт есть могилы «арэх-лунг» больших чертей» [2, с. 131]. Здесь мы видим описание явно одной и той же группы «Вонт-лунк» и «арэх-лунг». Кроме того, можем отметить географические точки их присутствия (с. Криволуцкое на Оби и Локконтэмпган на Кулыниголе (Вахе)). Важно, что источники разделены по времени и географии. Еще более важно ассоциирование «Вонт-

лунк» с «Пегой ордой», а если мы говорим об этом названии, то неизбежно приходим к селькупам.

Приведем краткую характеристику термина «Пегая орда» в изложении Пархимович С.Г.: «Пегая орда - название военно-политического объединения среднеобских селькупов, прекратившего свое существование в 1598 году, когда войско князя Вони было разбито объединенным отрядом русских служилых людей и кодских остяков. Пегая орда занимала территорию вдоль Оби от Бардакова княжества (район современного Сургута) до Нарыма, включая бассейны притоков Оби: Ваха, Васьюгана, Тыма и Парабели. После поражения часть селькупского населения мигрировала на север (реки Таз и Турухан), а Васюганско-Ваховское Приобье заселили ханты, выходцы из Бардакова княжества (с Агана, Югана). Часть населения бывшей Пегой орды осталась жить в Нарымском Приобье» [4, с. 311-316].

В том, что территория р. Вах входила в сферу влияния (возможно как периферия) Пегой орды в целом сомнений нет, как и в том, что ханты сталкивались с представителями данного объединения, ещё до своего прихода на Вах. Интересно другое, почему ханты не считали селькупов самоедами? Объяснение тем, что впоследствии русские называли коренные народы остяками не правомочно, так как ханты четко выделяют самоедов «ерганов». Возможным объяснением является гипотеза о сложении селькупов на основании местного самодийского населения (в районе Нарымского Приобья), но с определенным влиянием восточно-хантыйских этносов, что подтверждается, например, антропологическими исследованиями [1, с. 308]. Интересен момент, запечатленный и в приведенных источниках, что представление о «Вонт-лунк», несколько мифологизированы и напоминают предания о лесных духах.

Осталось понять, кого ханты называли самоедами. Вновь обратимся к фольклору: «С самоедами воевали. Те все баб воровали. От Александрово на Ларьяк (вероятно речь о Большом Ларьяке (прим. автора) дорога проходит, они оленями по ней проходили. Ерган - самоеды... Ерган с Ваху приходили. Наши богатыри из луков с ними перестреливались» [3, с. 169].

Отсюда мы узнаем, что самоедов ханты называли «ерганами» и они совершали вылазки с Ваха на Обь, т.е. проявляли враждебные действия, приходя на территорию противника, возможно в ответ на такие же действия со стороны хантов.

А это снова источник из юрт Лохкэнтугских: «Остяки пришли сюда с Ерган-егана. Об этом рассказывал слепой лохкэнтугский старик. До них здесь жили самоеды. Старик про самоедов не помнит, но еще молодым слышал от стариков, как они воевали с самоедами, поселившись в этих местах» [2, с. 131].

Исходя из общей концепции расселения протосамодийских народностей [например 1, с. 18-56], логично предположить, что более всего на роль «ерганов» подходили представители лесных ненцев и, вероятно, энцев. Сюжетно легенды о борьбе с самоедами перекликаются с фольклором северных селькупов, которым тоже пришлось повоевать с ненцами и энцами при захвате новых для себя земель в бассейне р. Таз в первой половине XVII в. [7, с. 10]. Ясачные документы этого периода позволяют включить в территорию расселения энцев верхнее и среднее течение р. Таз, а также водораздел между Тазом и Енисеем [1, с. 490], являвшимся активной контактной зоной с верховьями Ваха.

Для большего понимания картины самодийского «присутствия» в бассейне Ваха, обратимся к археологическим источникам, а именно, к населению Вожпайской культуры, бытовавшей на рассматриваемой территории ориентировочно в IX-XI вв. По версии Хлобыстина Л.П. представители Вожпайской культуры распространились с ваховско-васюганского Приобья, по рекам, текущим с Сибирских Увалов (а это как раз правобережные притоки Ваха (прим. автора) в приполярные районы Западной Сибири и оттуда на запад Таймырского Заполярья. Носителей данной культуры можно ассоциировать с прямыми предками ненецкого и энецкого народов [8, с. 146].

Здесь нужно отметить, что на момент издания монографии в 1998 г., автору были известны вожпайские керамические комплексы в бассейне Ваха исключительно по материалам раскопок Большеларьякского поселения II и Большеларьякского городища, проведенных томским археологом Посреднико-

вым В.А. в начале 1970-х гг. Артефакты, аутентичные вожпайским были обнаружены в небольшом количестве и подстилались находками более ранних эпох [5, с. 65-93; 6, с. 299-306].

В период полевых работ 2017-2020 гг. автору статьи повезло восполнить (а, точнее дополнить) недостающие звенья гипотезы Хлобыстина Л.П. Так, в бассейне правобережных притоков Ваха (стекающих с Сибирских Увалов), в частности реках Охогригол (правый приток р. Колекъеган) и Локконтюган (правый приток р. Кулынигол) были выявлены археологические объекты в виде наземных руинированных сооружений, содержащих керамические комплексы вожпайского типа. Причем тип самих сооружений четко коррелировался с вожпайской посудой. Напротив раскопки 2019 г. на территории Большеларьякского городища не позволили вычленить четких вожпайских комплексов.

Таким образом, соглашаясь с теорией Хлобыстина Л.П., и подтверждая её археологическими данными, примем априори бытование в Ваховском бассейне протоненецких и энецких этносов на рубеже I и II тыс. н. э.

Складывая в целое вышеизложенную информацию, выделим следующее:

- самодийское население в лице предков лесных ненцев и энцев бытовало в бассейне Ваха и северных контактных территориях на рубеже I и II тыс. н.э. Вероятно присутствие в эту эпоху здесь и енисейцев (кетов) мигрирующих из Привасюганья;

- селькупское образование в виде Пегой орды, включало бассейн Ваха в сферу своего присутствия/влияния в последующую эпоху. Ханты не считали селькупов самоедами и отождествляли их с мифологизированными «Вонт-лунк» или «Арэх-лунг» (большими чертями (дьяволами));

- ханты начали массовое освоение Ваха в 16 веке и до настоящего времени являются доминирующим коренным малочисленным народом;

- река Вах географически удобно связывает территории Западной и Восточной Сибири и обеспечивает выход к северным Тазовским территориям и соответственно южным Среднеобским. Логично предположить, что данная особенность реки и

её притоков активно использовалась и в более ранние исторические периоды, и перманентно обеспечивала мультикультурное своеобразие Вахского региона.

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Древняя история р. Вах: межэтнические процессы в контексте археологического наследия», получившего поддержку Фонда президентских грантов.

Примечания:

1. Гемуев, И. Н. Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энты. Нганасаны. Кеты / И. Н. Гемуев, В. И. Молодин, З. П. Соколова. – М.: Наука, 2005. – 805 с.
2. Дмитриев-Садовников, Г. М. Версты и строки / ред.-сост. В. К. Белобородов. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное изд-во, 1998. – 222 с.
3. Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М.: Изд-во восточной литературы, 1990. – 568 с.
4. Пархимович, С. Г. Комментарии // К истории Сибири. Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск (до 1645 г.): Соч. в 2 т. Т. 2. – Тюмень, 1999. – С. 311–316. – (Переиздание трудов 1893 г.)
5. Посредников, В. А. Большеларьякское поселение II – археологический памятник Сургутского Приобья // Из истории Сибири. Вып. 5. – Томск: Издательство ТГУ, 1973. – С. 65–93
6. Посредников, В. А. Большеларьякское городище // Советская Археология. Вып. 2. – М.: Наука, 1981. – С. 299–306
7. Тучкова, Н. А. Лар-Ях – народ с заливных лугов / Н. А. Тучкова, Г. А. Тучков; отв. ред. Я. А. Яковлев. – Томск: ГалаПресс, 2003. – 80 с.
8. Хлобыстин, Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. – 342 с.
9. Шатилов, М. Б. Ваховские остяки: этнографические очерки. / Б. М. Шатилов; под ред. С. Г. Пархимовича. – Тюмень: Издательство Ю. Мандрики. 2000. – 288 с.

IV. БИБЛИОТЕЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

История Сургутского района на одном портале

К 90-летию Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Сургутская районная централизованная библиотечная система при поддержке администрации и Думы Сургутского района запускает новый информационно-краеведческий проект – сайт «Интерактивная хронолента Сургутского района» www.hronolenta.raionka.ru

Завьялов Роман Леонидович, начальник Управления культуры, туризма и спорта администрации Сургутского района: *«Интерактивная хронолента Сургутского района – единый информационный ресурс о знаменательных датах, исторических событиях и выдающихся жителях муниципалитета. Сайт обеспечит сохранение историко-культурного наследия района, и предоставит свободный доступ к информации о политической, экономической, информационной, социальной и духовно-культурной жизни территории в формате 24/7 не только жителям Сургутского района, но и всем пользователям Интернета».*

На главной странице сайта находятся основные разделы: «Лента времени», «События», «Личности» и «Календарь». Здесь же размещена общая информация о проекте, критерии для отбора информации, материалов и источников. В рубрике «Читайте о Сургутском районе» представлены 38 оцифрованных книг из электронной библиотеки сайта www.raionka.ru, с содержанием которых можно познакомиться, просто нажав курсор на выбранную обложку.

Ковалева Ирина Александровна, директор МКУК «Сургутская районная централизованная библиотечная система»: *«В библиотеках, архивах и музеях Сургутского района собран большой массив краеведческого материала. Только в фондах библиотек находится 400 книг и 26 тысяч статей из газет и журналов о Сургутском районе. «Интерактивная хронолента» объединила печатные, электронные источники и представила накопленный краеведческий материал о территории. На сайте более 600*

дат и событий рассказывают и показывают историю Сургутского района за шесть веков, начиная от строительства Сургутского острога в 1594 году до наших дней. Ресурс будет развиваться и наполняться новой информацией! Мы предлагаем сделать проект по настоящему «народным» и приглашаем всех желающих принять участие в наполнении сайта!».

Каждая публикация состоит из текста, фотографии, электронного и печатного источников. Информацию иллюстрируют фотографии из районных и окружных газет, а также авторские работы краеведов Сургутского района. В электронных источниках указаны ссылки на официальные сайты, группы в социальных сетях поселений, учреждений и организаций; а также сюжеты из видеоблога «Глава в районе», телекомпаний: «СургутИнформТВ», «Югра», «Сургутинтерновости». В печатных источниках лидируют статьи из календарей «Памятные даты Сургутского района» (2015-2020 гг.), газет «Вестник», «Сургутская трибуна», «Новости Югры».

В разделе «Лента времени» в хронологическом порядке размещены события и биографии известных жителей Сургутского района. Информация сгруппирована по Сургутскому району и отдельно по 13 территориям. С помощью фильтра можно просмотреть информацию только по событиям или только по личностям.

В разделе «События» более 400 дат знакомят пользователей с историческими событиями с конца XVI века, до наших дней. Здесь можно узнать, как связан визит цесаревича, последнего императора Николая Романова с первыми раскопками на Барсовой горе? Как называлась первая районная газета? Какие хозяйства Сургутского района представляли округ на Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Москве? В каких детских садах есть 3D кинотеатр, тренажерные залы и зимний сад. Где открылся первый комикс центр? В каком поселении в XX веке авиаплощадка принимала по 3 рейса в день? Когда Сургутский район вошел в ТОП-100 лучших муниципалитетов России? В каком населенном пункте был открыт первый крытый корт? А также имена победителей

конкурса общественного признания «Народный герой Сургутского района» и многое другое.

В разделе «Личности» биографии выдающихся земляков сгруппированы в 4 рубрики: «Известные земляки», «Первые руководители Сургутского района», «Самобытные авторы и краеведы», «Участники боевых действий». Среди известных земляков – Герои Советского Союза, Герои труда, ветераны Великой Отечественной войны, Почётные граждане Сургутского района, люди, внесшие большой вклад в развитие района, геологи и нефтяники-первопроходцы, исследователи Севера, основатели музеев.

Список первых руководителей в хронологическом порядке открывает Григорий Александрович Пирожников, сургутский уездный исправник, глава местной администрации (1903-1917 гг.). Под его руководством в Сургуте появился телеграф, народный дом, библиотека, школа для остяцких детей. Не менее интересная биография председателя Сургутского райисполкома Антонины Георгиевны Григорьевой, которая работала в самые трудные годы становления нефтяного Сургута и всей Югры. Благодаря работе действующего главы Андрея Александровича Трубецкого, Сургутский район на протяжении 4 лет возглавляет региональный инвестиционный рейтинг и занимает призовые места в престижных федеральных и окружных конкурсах. В районе строится новое жилье, вводятся социальные и спортивные объекты. Сам Андрей Александрович в 2018 и 2020 гг. стал победителем всероссийского конкурса «Менеджер года».

Среди самобытных авторов и краеведов Сургутского района – основатель первого краеведческого музея Пётр Семенович Бахлыков, Почетные граждане Сургутского района Валентин Петрович Замятин и Иван Егорович Коровин - их именами названы библиотеки Сургутского района на Высоком Мысу и в Локосово. Финалист национальной литературной премии «Писатель года-2015» Юрий Иванович Березин, первопроходец-строитель железной дороги Афонин Виктор Федорович, художник, автор герба и флага г. Лянтора Андрей Андреевич Комф, автор и исполнитель этнических песен Вера

Кондратьева, составитель первого начального молитвослова на хантыйском языке Ольга Васильевна Звонова и многие другие.

В рубрике «Участники боевых действий» размещены биографии молодых солдат, жителей Федоровского, Угута, Барсово, Лянтора, кто мужественно защищал интересы Родины и погиб при выполнении воинского долга в Чеченской республике и Дагестане. Их имена увековечены в поселениях на мемориальных досках, в названии улиц и военно-патриотических клубов.

В раздел «**Календарь**» включены все события Хроноленты по годам и месяцам. При нажатии на выбранную дату отображаются события этого дня за все годы.

Поисковые возможности нового сайта представлены на главной странице сайта. В Календаре событий отображаются ближайшие шесть дат, а также знаменательные даты месяца. В быстром поиске информации по направлениям помогут ключевые слова-метки. К примеру, нажав метку «Образование» можно получить список публикаций о выдающихся учителях, детских садах и школах, начиная от 1835 г., когда в Сургуте была открыта первая школа для казачьих детей и, заканчивая открытием мемориальной доски «Памятная телеграмма» на здании Сытоминской школы в ноябре 2020 года. По ключевому слову «Культура» объединена информация о фестивалях, учреждениях культуры, Детских школах искусств, хантыйских ансамблях и оркестрах народных инструментов, самобытных авторах и музыкантах, национально-культурных организациях, библиотеках и музеях.

Блок обратной связи, расположенный также на главной странице, позволит оперативно реагировать на обращения посетителей сайта, их сообщения и комментарии.

Мегион: от избы-читальни к поселковой библиотеке

По сохранившимся в архивах отчетах установлено, что в 30-40-е годы в Мегионе уже проводилась культурно-просветительная работа. Со слов Зыряновой Евдокии Григорьевны, старейшей учительницы начальных классов, приехавшей в Мегион в 1948 г., была изба-читальня под горой в доме частного.

В сороковые военные годы учительница мегионской школы А. Завьялова, как агитатор рассказывала о фронте, читала газеты. В своей статье «Улучшить руководство избы-читален» она пишет: «Многогранна работа избы-читальни. Здесь должны работать различные кружки – драматический, хоровой и другие. Изба-читальня должна быстро откликаться на всякие события, происходящие в стране и в жизни села... Изба-читальня юрт Мегион, Вампугольского совета совершенно не оборудована, здесь нет стульев, столов. Спрашивается, может ли изба-читальня обслуживать население, если нет стола, а в шкафу вместо книг и журналов лежит обрывок газеты!» [1, с. 2]. Время шло, но ситуация не менялась: на прошедшем в конце марта 1948 г. пленуме райкома отмечалось, что избы-читальни, среди которых была названа и мегионская, «не являются центрами культурно-массовой работы», «совершенно не оборудованы и не созданы в них условия для работы» [2, с. 1].

По воспоминаниям старожилов в 1947 г. заведующим избой-читальней в Мегионе был Колесников Михаил Иванович. Он пришел с войны без правой руки, и когда садился на обласок, весло прилаживал, делал кольцо, т.к. на обласке обязательно нужны два весла, жена у него работала фельдшером в медпункте под горой.

Когда находишь на страницах старых газет любую информацию о Мегионе, испытываешь большую радость. В свое время М. Колесникову досталось, конечно же, но именно эта статья «Избач Колесников не ведет работы» подтверждает воспоминания старожилов о его работе в то время: «Заведующий Мегионской избой-читальней тов. Колесников не

выполняет возложенные на него обязанности. В помещении избы-читальни, где должна проводиться массовая работа, не создан культурный вид. Плана работы нет. Верно, на некоторые месяцы тов. Колесников составлял планы работы, но это делалось просто для отписки. Избач Колесников сам ни разу не выступал перед населением с докладами, не провел ни одной беседы и читки» [3, с. 2].

В отчетах о работе культпросветучреждений Ларьякского района за 1948, 1949, 1950 гг. значится Мегионская изба-читальня. Она не имела собственного помещения, находилась в конторе правления колхоза, была радиофицирована. Из мебели был стол, один табурет и три скамейки. В отчете за 1948 г. указано, что книжный фонд избы-читальни составлял 48 экземпляров книг, а читателей в библиотеке было всего 20 человек. За отчетный период было проведено 7 лекций, 10 вечеров, 1 утренник, работало 3 кружка. Из «Плана работы по культпросветучреждениям на 2-е полугодие 1949 г.» Ларьякского района известно, что был поставлен вопрос об обеспечении помещением Мегионской избы-читальни в срок до 15 июля.

С 1 января 1950 г. заведующей избой-читальной работала Батурина Валентина Герасимовна. «Мегионская изба-читальня (зав. Батурина) ведут просветительскую работу, увязывая ее с насущными задачами района» [4, с. 2]. Она неплохо знала хантыйский язык, умела ладить с детьми. Районный комитет комсомола неоднократно отмечал Валентину Батурина как инициатора помощи фронту, как организатора детских концертов перед односельчанами. Три года В. Батурина проработала в мегионском красном уголке, потом ее перевели в Вампугольск, а затем в Пуг-Юг. В Мегионе, где при Павле Карповиче Ситникове в 1950 г. открыли семилетнюю школу, Валентина без стеснения ходила с обычными школьниками на занятия, успешно сдала выпускные экзамены. Долгожданное образование было дополнено курсами культпросветработников. В 1961 г. В. Г. Батурина становится директором Ларьякского ДК, где проработала до 1997 г. [23, с. 111].

По воспоминаниям старожиллов в 1951 г. изба-читальня все еще находилась в здании колхозной конторы. В 1952 г.

заведующей мегионской избой-читальней была Перевозкина, затем Назарова. Отмечается, что «регулярно читаются лекции, доклады на политические, исторические и другие темы (учителя гг. Перевозкин, Ситников и др.)» [5, с. 2]. «Улучшили работу самодеятельные коллективы Мегионской избы-читальни (зав. тов. Назарова), в которой активное участие принимают учителя семилетней школы гг. Сосновцева, Васильков, Калининчева и др.» [6, с. 2].

В 50-е годы в районе значительно возросла сеть сельских библиотек, увеличились книжные фонды, выросло число читателей. Перед библиотеками ставились задачи донести книгу до каждой колхозной семьи, до каждого рабочего и служащего. Формы и методы самые разнообразные: читательские конференции, литературные вечера, обзоры книг. В протоколе заседания Ларьякского райисполкома №9 от 10 марта 1952 г. по вопросу «О работе культпросветучреждений района за 1951 г» принято решение: «Создать в 10 колхозах района колхозные библиотеки», среди прочих назван был и Мегион.

В протоколе №5 заседания исполкома Ларьякского райсовета депутатов трудящихся Ханты-Мансийского округа от 06.04.1954 г. содержится решение открыть с 1 июля 1954 г. в Мегионе сельскую библиотеку. 15-го июля мегионская изба-читальня становится сельской библиотекой и переезжает в здание клуба. Заведующий библиотекой – Василий Петрович Харьковский, при нем, судя по публикациям в газете «Стахановец», библиотечное обслуживание в Мегионе было поставлено хорошо.

«С первых дней ее работы днем и особенно вечерами после трудового дня в библиотеке многолюдно. Сюда приходят колхозники, сельская интеллигенция получить нужную книгу. Обменяв книгу, читатели просматривают свежие газеты, журналы, делятся впечатлениями о прочитанной книге.

Мегионская сельская библиотека полностью удовлетворяет запросы своих читателей, в ней достаточно политической, естественно-научной, технической, сельскохозяйственной и художественной литературы. Библиотека также пополняет свой книжный фонд. Только за

последнее время она приобрела более тысячи книг, а число читателей за короткое время увеличилось в полтора раза.

Заведующий библиотекой член КПСС Василий Петрович Харьковский пользуется заслуженным почетом и уважением среди населения» [7, с. 1].

«Большую работу проводит Мегионская сельская библиотека (заведующий тов. Харьковский). Всего шесть месяцев прошло с тех пор, как открылась эта сельская библиотека, но за короткое время она стала центром культурно-просветительной работы укрупненной сельхозартели имени Калинина» [9, с. 1].

«Хорошо поставлена работа в Мегионской сельской библиотеке (зав. тов. Харьковский). В работе этой библиотеки активное участие принимают учителя, медицинские работники, члены правления колхоза имени Калинина, передовики производства. С помощью актива библиотека привлекает новых читателей. Актив помогает библиотеке вести пропаганду сельскохозяйственной литературы и других мероприятий, проводимых библиотекой» [10, с. 1].

«Неплохо поставлена пропаганда книги в Мегионской сельской библиотеке (заведующий тов. Харьковский). Эта библиотека много делает для того, чтобы обеспечить книгой население: проводит беседы, читки среди колхозников, составляет рекомендательные списки, оформляет книжные выставки. В числе читателей библиотеки 39 человек колхозников» [11, с. 1].

По отчету за 1955 г. фонд библиотеки пополнился на 1043 книги. Библиотека выписывала 14 художественных, научно-популярных, политических и сельско-хозяйственных журналов и 8 изданий газет. При библиотеке работало две книгопередвижки, обслуживающие деревню Лекрысово и Поселковую Мегу. «Библиотека имеет 132 читателя, из них 32 человека ханты, 50 человек колхозников. За 1955 г. библиотеку посетило 4 130 читателей. Средняя читаемость за год составляет 24,8 книги на каждого читателя, а отдельные читатели прочитали по 40-50 книг» [12, с. 2]. Для нас, современных библиотекарей, эти цифры выглядят фантастично.

В 1956 г. В.П. Харьковский был выбран секретарем первичной партийной организации, и последующие годы занимался агитационной работой, проводил партийные собрания.

В своем очерке «Золотой век деревни Мегион» Дмитрий Шлябин пишет, что «более всего привлекало деревенскую детвору крупное здание в центре поселка, выстроенное из бруса. На его стенке почти ежедневно появлялись киноафиши – это был сельский клуб. Киномехаником был хант Василий Проломкин, закончивший курсы и приехавший в Мегион по направлению... В глубинку отправлялись специалисты, закончившие курсы культпросвета». В библиотеке, в здании клуба можно было почитать книги, здесь же проходили литературные вечера, спектакли. «В иной деревушке жителей было меньше, чем героев в пьесе» [24, с. 29].

Первые годы истории библиотеки, судя по сохранившимся документам, свидетельствам старожилов, нельзя назвать легкими и благополучными: не было помещения, не хватало книг. Фонд библиотеки в 1960 г. составлял 3400 книг, читателей – 110 человек. Заведующая Мегионской сельской библиотекой в то время была Г.Ф. Толкачева, грамотный специалист, профессионал, которая «обладает умелым подходом к каждому читателю, помогает выбрать хорошую книгу, учитывая кругозор, образование, индивидуальный подход, запросы людей. Знание духовных интересов читателя помогло ей сделать «интересными» все книги, рекомендуемые для чтения колхозникам, интеллигенции, учащимся» [13, с. 2]. Но, «запросы читателей растут. Им нужны новые книги, а библиотека подчас не в силах удовлетворить это требование, потому, что книжный фонд ее крайне беден» [там же], много дублетной, политизированной литературы, брошюр. Да к тому же, как обычно, не хватало средств.

В 1961 г. деревня Мегион была преобразована в село Мегион. Образовался Мегионский сельский совет.

Заведующей библиотекой с 1960 по февраль 1962 г. становится Кунгурова Людмила Яковлевна (Видякина). Она рассказывала, что «библиотека находилась в крохотной

комнатке размером три на три, стояла перегородка, как на почте, за которой было мое рабочее место, примерно с метр. Слева и справа к стене прибиты полки с пола до потолка, на которых и размещались книги (фонд был около трех тысяч), заработная плата – 56 руб» [26, с. 5].

Из воспоминаний старожила Мегиона Л.Д. Кашиной: «В 1961 г. мы переехали в Мегион, чтобы продолжить нашу учебу в старших классах. Библиотека располагалась в колхозной конторе на углу улиц Нагорной и Северной, вход в нее был отдельный с правой стороны. Книги выдавала тетя Миля (Кунгурова Людмила Яковлевна, ныне Видякина). Имя ей удивительно шло, до сих пор стоит перед глазами ее милое приветливое лицо. Обычно она выдавала детям одну книгу, но увидев, как я их «глотаю», стала давать мне по 2-3. Односельчане читать любили. Интересные книги ходили по всей деревне, моя очередь доходила до них после родителей» [25, с. 13].

В те годы вся страна увлекалась стенной печатью, выпускала агитлистки, не осталась в стороне и библиотека. Людмила Яковлевна Кунгурова вспоминает, как парторг Ников Василий Иванович обтягивал рамки красной тканью и давал задание писать на них лозунги, цитаты, рисовать плакаты.

С 1963 г. по январь 1964 г. заведовала библиотекой Черткова Л.А. В статье «Задачи библиотек», говорится, что вся работа Мегионской библиотеки ограничивается книговыдачей, причем и эта работа проводится бессистемно, без учета индивидуальных особенностей, кругозора читателей. Такие мероприятия, как читательские конференции, литературные вечера, «не проводились с читателями в течение последних 3-4 лет» [14, с. 1].

С 1964 г. село Мегион становится рабочим поселком и библиотека получает статус поселковой.

Интересна деятельность библиотеки в 60-е гг. когда в связи с открытием мегионского месторождения нефти, затем Самотлора, резко увеличилось население поселка, приехало много специалистов, молодежи. Старожилы города, те, кто приехал тогда добывать нефть, хорошо помнят библиотеку.

30 июля 1964 г. заведующей была назначена Алексеева А., а библиотекарем была принята Назина З.Г.

29 июля 1965 г. из Ханты-Мансийска была направлена на работу в мегионскую сельскую библиотеку Нечипоренко (Клюсова) Нина Дмитриевна. «В то время она находилась в сельском клубе в старой части города, и представляла собой довольно большую комнату, светлую и уютную с фондом в 3000 экземпляров. Шесть стеллажей, стол, несколько стульев – вот все оборудование библиотеки. Много было молодежи, приехавшей на освоение нефти. У библиотеки уже были связи с комсомольскими вожаками геологов и со штабом «Комсомольского прожектора» [27, с. 158].

Вот как Нина Дмитриевна описывает в своих воспоминаниях первые впечатления о заведующей библиотекой Алексеевой А.: «Вначале я познакомилась с документами. Отчетность, каталоги были очень аккуратно заполнены, находились в идеальном порядке. Стало сразу ясно, что в библиотеке работает хороший специалист. Безупречно оформлены книжные выставки» [27, с. 158].

Библиотека стремилась не отставать от жизни. «С 1966 г. стала собирать материалы по краеведению. Оформлена картотека «Настоящее нашей области» о первых разведчиках «черного золота», о наших писателях, о культурном строительстве в области и многое другое. Сделана памятка «Прочти, это интересно» – о наших геологах. Кроме этого, регулярно ведется календарь знаменательных дат, обзорные выставки новостей техники, искусства. Сейчас Н.Д. Клюсова готовит большой библиографический обзор «Этих дней не смолкнет слава» [15, с. 3].

Как и сейчас, так и в то время библиотекарей волновало отношение читателей к библиотеке: «Интересно услышать голос читателей, знать, какой они хотели бы видеть библиотеку. А главное – хочется поблагодарить наших активистов, которые вкладывают немало труда в работу библиотеки» [15, с. 3].

С 1 июля 1966 г. Клюсова Н.Д. стала заведующей библиотекой, а библиотекарем – Тихонова Т.А. «Мы взяли на себя обязательства: довести количество читателей к концу года до 1200 человек, выдать литературы 14000 экземпляров,

провести два диспута, конференцию читателей, тематический вечер, собрать в дар библиотеке 350 книг среди населения. Библиотека работает под девизом «Все для читателя». Правда, удастся это далеко не всегда. Почему? Во-первых, фонд библиотеки желает быть лучше... Особенно мал фонд детской литературы, всего 319 экземпляров. А учащихся в школе 1200. В школьной библиотеке фонд так же мал. Не можем мы работать с ребятами и потому, что нет ни читального зала, ни детского отделения. Помещение библиотеки очень мало. В этом году 700 читателей. Нам кажется, что уже пора ставить вопрос о новом помещении, потому что работать в таких условиях трудно, а иногда и невозможно. Поселковый Совет идет нам навстречу, выделил 500 рублей на приобретение литературы. Дело с литературой немножко поправится, но с помещением вопрос все-таки нужно решить» [16, с. 3].

С 1 августа 1967 г. на должность библиотекаря была принята Коржевская Г.И. В это время библиотека переехала в здание общежития СУ-12 (в Красный уголок), и вместо одной получила четыре просторные комнаты. «Хорошие условия создали строители СУ-12 для работы Мегионской поселковой библиотеки, где трудятся Нина Дмитриевна Ключова – заведующая, и недавняя выпускница Тобольского культпросветучилища Галина Коржевская. Уютные залы библиотеки украшены стендами, плакатами. При библиотеке создан хороший читательский актив. Здесь на общественных началах открыто детское отделение, которым заведует Светлана Лесникова.

Библиотекари охотно проводят мероприятия на производственных участках, в общежитиях, в школе. Вечер поэзии, конференция по книге Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке» прошли в школе-интернате. Проводятся Ленинские и Горьковские чтения. А жильцы общежития СУ-12 готовятся к конференции «Овладей своей профессией» и к вечеру поэзии.

Мегионская поселковая библиотека по праву считается одной из лучших в районе. Читателям всегда интересно в библиотеке...» [17, с. 2].

В середине 1960-х годов проводилась большая работа к 50-летию Октябрьской революции, в 1968-1970 гг. к 50-летию комсомола, к 100-летию В.И. Ленина, к 25-летию Победы, 40-летию Ханты-Мансийского национального округа.

С января по октябрь 1968 г. в стране проводилась Всесоюзная молодежная читательская конференция, посвященная 50-летию ВЛКСМ, и Мегионская библиотека принимала активное участие в ее подготовке и проведении, используя все многообразие форм и методов работы. «Пропаганда книг о Ленине и комсомоле ведется по многим каналам, в т.ч. и через книжные выставки «Мы – молодая гвардия» и «100-летие В.И. Ленина». Выставочные установки мы сделали заново, придали им легкий, удобный и декоративный вид. В прошедших месяцах были проведены две читательские конференции по работам В.И. Ленина: «Великий почин» – среди коммунистов СУ-12 и «Великий друг молодежи» – среди комсомольцев средней школы. К юбилею Ленинского комсомола мы готовим диспут среди комсомольцев СУ-12 «Какой ты, комсомолец 60-х годов?» [18, с. 3].

О работе мегионской поселковой библиотеки хорошо отзывается заведующая районной библиотекой Т. Тихонова: «Проделана большая работа. Библиотеки использовали все многообразие форм и методов пропаганды литературы о комсомоле. Молодежная конференция дала возможность глубже ознакомить юношей и девушек... со славными традициями Ленинского комсомола, с его ролью и местом в жизни Советского общества. Мегионской, Ларьякской, Нижневартовским поселковой и районной библиотекам удалось осуществить систему мероприятий, последовательно раскрывающих славный путь комсомола, удалось привлечь большое количество комсомольцев к участию в проведении конференции [19, с. 2].

«Заслуживает внимания и работа с детьми Мегионской поселковой библиотеки (заведующая тов. Ключова). При библиотеке работает клуб «Ленин и дети», выписан абонемент и роздан детям. Они уже знают, когда проводятся занятия этого клуба и охотно посещают их» [20, с. 2]. «В Мегионской библиотеке прошла заочная конференция на тему

«Произведения Ленина помогают нам жить и работать». В ней участвовал широкий круг читателей: нефтяники и строители, служащие и школьники» [21, с. 5].

Вспоминает Нина Дмитриевна: «Нашей библиотекой за этот период было организовано очень много мероприятий: беседы, информации, читательские конференции, вечера. За победу в социалистическом соревновании мы удостоились чести быть занесенными на городскую (Нижевартовскую) Доску Почета. А я была награждена медалью «За доблестный труд» – к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина».[27, с. 160]

По воспоминаниям библиотекарей, Н.Д. Нечипоренко (Клюсова) была настоящим профессионалом, сердцем и душой болела за библиотечное дело. Многим молодым коллегам она помогла освоить библиотечное дело.

Неоднократно на сессиях районного совета депутатов трудящихся, на страницах газеты «Ленинское знамя» отмечалась работа заведующей мегионской поселковой библиотекой, «два раза печатал статьи журнал «Библиотекарь», были публикации в «Литературной газете», «Ленинском знамени» [27, с. 160].

В книге «История Нижевартовского района» написано: «В 1968 г. имелось 12 сельских клубов, 2 красных чума, 2 Дома культуры, 4 профсоюзных клуба, 1 районная библиотека, 7 сельских и 4 школьных, одна музыкальная школа. Хорошие отзывы о работе имели В. Батурина, М. Черпанова, Н. Клюсова» [28, с. 105].

Рассмотрен отрезок времени (40-60-е годы) становления и развития библиотечного дела в Мегионе по архивным документам, публикациям газет «Стахановец», «Ленинское знамя», воспоминаниям библиотекарей и читателей. Возникает двойное впечатление: уважение, гордость за своих коллег, которые сумели в тяжелых условиях нехватки книг и помещения, идти в ногу со временем в обслуживании читателей. И безумно жаль их, так хочется помочь им и каким-то образом переслать им вагоны книг, не очень-то востребованных сегодня.

Примечания:

1. Завьялова, А. Улучшить руководство работой изб-читален // Стахановец. – 1945. – № 32 (9 авг.) – С. 2.
2. Повседневно проводить массово-политическую работу // Стахановец. – 1948. – №14 (1 апр.) – С. 1.
3. Замятин, А. Избач Колесников не ведет работы // Стахановец. – 1949. – №14 (24 марта). – С. 2.
4. Долгушин, Е. О работе и задачах культпросветучреждений района // Стахановец. – 1950. – № 42 (22 сент.). – С. 2.
5. Низовских, А. Улучшить работу культурно-просветительных учреждений района // Стахановец. – 1952. – № 83 (30 нояб.). – С. 2.
6. Низовских, А. Развернуть подготовку к смотрам художественной самодеятельности // Стахановец. – 1953. – № 8 (25 янв.). – С. 2.
7. Елисеев, Н. В сельской библиотеке // Стахановец. – 1954. – № 86 (24 окт.) – С. 1.
8. Москвин, С. Новые сельские библиотеки на Севере // Тюменская правда. – 1954. – № 239 (28 нояб.). – С. 1.
9. Книга – могучее средство коммунистического воспитания // Стахановец. – 1955. – № 4 (13 янв.) – С. 1.
10. Улучшить культурно-массовую работу в деревне // Стахановец. – 1955. – № 100 (15 дек.). – С. 1.
11. Шире пропагандировать книгу в массы // Стахановец. – 1955. – № 90. (11 нояб.). – С. 1.
12. Сельская библиотека // Стахановец. – 1956. – № 9 (29 янв.). – С. 2.
13. Юрьев, А. Нужды сельской библиотеки // Ленинское знамя. – 1960. – № 23 (24 марта). – С. 2.
14. Еренякова, Т. Задачи библиотек // Ленинское знамя. – 1963. – № 69 (25 авг.). – С. 1.
15. Алексеева, А. Отечество славим. 50-летию Советской власти навстречу // Ленинское знамя. – 1966. – № 52 (5 мая). – С. 3.
16. Клюсова, Н. Поделитесь опытом, коллеги! / Н. Клюсова, Т. Тихонова // Ленинское знамя. – 1966. – № 107 (7окт.). – С. 3.
17. Лопаткина, Н. В Мегионской библиотеке // Ленинское знамя. – 1968. – № 38 (28 марта). – С. 2.
18. Коржевская, Г. Читатель – помощник библиотекаря // Ленинское знамя. – 1968. – №123 (12 окт.). – С. 3.
19. Тихонова, Т. В тесной связи с молодежью // Ленинское знамя. – 1968. – № 147 (10 дек.). – С. 2.
20. Тихонова, Т. Библиотеки района детям // Ленинское знамя. – 1970. – №13 (31 янв.). – С. 2.
21. Тихонова, Т. Несущие свет знаний // Ленинское знамя. – 1970. – № 54-55 (5 мая.). – С. 5.
22. Нечипоренко, Н. Дороги, которые мы выбираем: беседы для школьников // Ленинское знамя. – 1971. – №76 (24 июня.). – С. 4.

23. Мазин, В.А. На родном Ларьякском берегу. Последняя встреча с В. Г. Батуриной // *Западная Сибирь: история и современность*. – Екатеринбург, 2000. – Вып. 3. – С. 109-116.
24. Шлябин, Д. Д. Золотой век деревни Мегион // *На крутом повороте реки: историко-публицистические очерки*. – Мегион, 2004. – С. 24-30: фот.
25. Кашина, Л. Д. Мои библиотеки // *Библиотека в моей жизни: (из воспоминаний читателей): [дайджест]* / Муниципальное учреждение «Централизованная библиотечная система». – Мегион, 2004. – С. 13.
26. Хорошева, С. В. Страницы истории мегионской городской библиотеки / С. В. Хорошева, З. М. Кленова // *Путь длиною в 30 лет: сборник статей к юбилею Централизованной библиотечной системы г. Мегиона / Муниципальное учреждение «Централизованная библиотечная система»; сост. и ред. Е. Г. Львова*. – Мегион, 2011. – С. 5-7.
27. Нечипоренко, Н. Д. Из истории Центральной библиотеки // *Муза моя – Мегион: дайджест / Муницип. бюджет. учрежд. «ЦБС» г. Мегиона ; сост. З. М. Кленова*. – Екатеринбург, 2012. – С. 158-161.
28. *История Нижневартковского района / [Л. В. Алексеева и др.; под общ. ред. Л. В. Алексеевой]*. – Екатеринбург: Баско, 2013. – 334, [1] с.: фот. цв.

Ханты-Мансийский автономный округ
(Тюменская область)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ

628011 ул. Энгельса 14
г. Ханты-Мансийск.
Тел. 3-20-61, 3-14-67
Факс: 3-50-00

09.04.2007 №
№ 245 от 26.02.

Директору МУ ЦМА
г. Мегиона
Г.В. Котларовой

На Ваш запрос о дате открытия первой библиотеки в Мегионе сообщаем выявленные сведения.

В отчетах о работе культпросветучреждений Ларьякского района за 1948, 1949, 1950 годы значится Мегионская изба-читальня. Указаны сведения, что изба-читальня не имела собственного помещения, находилась в конторе правления колхоза, была оборудована тремя скамейками, одним столом, одним табуретом, радиофицирована. С 01.01.50. заведующей избой-читальней работала Батурина Валентина Герасимовна.

Основание: ГАХМАО, фонд 247, оп.1, д. 21, л. 32, 89, 225.

В списке политпросветучреждений Ханты-Мансийского округа, передаваемых из окроно окружному отделу культпросветработы за 1945 год в отчете о работе культпросветучреждений Ларьякского района за 1947 год Мегионская библиотека не значится.

Основание: ГАХМАО, фонд 247, оп.1, д. 1, л.345, д. 21, л.179 оборот.

В справке заведующего окружным отделом культуры Сибирица «Имеющаяся сеть культурно просветительных учреждений и потребность в открытии новых (в разрезе районов) указано: «По Ларьякскому району: открыть библиотеку в Мегионе, построить новое здание для Мегионской избы-читальни». Дата на документе отсутствует. Дело датировано 1951-1952гг.

Основание: ГАХМАО, фонд 247, оп.2, д. 5, л. 32.

В протоколе заседания Ларьякского райисполкома № 9 от 10.03.52. в решении по вопросу « О работе культпросветучреждений района за 1951 год» указано: « Создать в 10 колхозах района колхозные библиотеки», среди прочих пунктов назван и Мегион.

Основание: ГАХМАО, фонд 129, оп.2, д. 30, л. 116 оборот.

В протоколе № 5 заседания исполкома Ларьякского райсовета депутатов трудящихся Ханты-Мансийского округа от 06.04.54. содержится решение открыть с 01 июля 1954г. в поселке Мегион сельскую библиотеку.

Основание: ГАХМАО, фонд 129, оп.1, д. 37, л.92.

Книжное царство

История развития библиотек на Кондинской земле началась в 20-е годы прошлого столетия. По данным Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа - Югры распорядительных документов об образовании первой библиотеки не выявлено. В таблице «Сведения о работе Нахрачинского нардома Кондинского района за май, июнь, июль 1924 года» имеются графы «Библиотека», «Читальня» со сведениями об их работе.¹ Первая библиотека появилась в 1926 г. в с. Нахрачи, ныне п. Кондинское. Из воспоминаний первого заведующего библиотекой Екатерины Алексеевны Беломоиной: *«Находилась библиотека в маленьком домике. Фонд был небогат - всего 300 экземпляров книг. Газеты и журналы выписывались в небольшом количестве. Фонд пополнялся из бибколлектора, так как книги в то время в магазин не завозились. Посещаемость была малая. Большие посетили библиотеку школьники, вечером собиралась молодежь посмотреть и почитать журналы и газеты»*. В штате библиотеки был 1 человек.² В августе 1934 г. библиотеке был присвоен статус районной.³ По приказу управления библиотек комитета по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров РСФСР был составлен первый паспорт Государственной массовой библиотеки. На 1 июля 1949 г. библиотека имела площадь 24 м² и размещалась в здании сельского клуба. Отопление печное, штат – 2 работника. Книжный фонд библиотеки – 6092, читателей – 640 человек, книговыдача – 8861 экземпляр. Из специального оборудования имелось: 2 стеллажа, 1 книжная витрина, библиотечный прилавок, каталожный ящик. Из хозяйственного оборудования – 2 стола, 12 стульев, табуретка, керосиновая лампа, 2 электрические настольные лампы, 1 часы, 1 радиорепродуктор. Библиотека выписывала 7 наименований газет и 8 наименований журналов.⁴ В 1951 г. при районной библиотеке открылось детское отделение. В 1969 г. детское отделение получило статус самостоятельной детской библиотеки.

С июля 1952 г. заведующей районной библиотекой стала Любовь Никитична Горбунова (тогда ещё Кашкарова), которая приехала в село Нахрачи по направлению после окончания Тобольского культурно-просветительского училища и 48 лет проработала в библиотеке. Из её воспоминаний: «Библиотека занимала две комнаты в Доме культуры. В одной был размещен фонд взрослой и детской библиотеки, и стоял большой стол для периодики, для шахмат и шашек. В библиотеке работали три человека: Ефимья Яковлевна Шкарина, Лидия Максимовна Зуева, Любовь Никитична Горбунова. Библиотека работала до 21⁰⁰ часов. Читатели приходили в кино и брали книги, читали периодику, играли в шахматы. Было очень тесно. Осенью 1952 года начали строить новое здание библиотеки по ул. 40 лет Октября, в 1953 году переехали. Здесь был большой читальный зал и два абонементов – взрослый и детский. Через пять лет детское отделение временно перевели в школу. Снова встал вопрос расширения площади. Во время работы председателем райисполкома Д.М. Шишкина в 1959 году началось строительство библиотеки по ул. Ленина. Денег не было. Стройку объявили народной. В 1960 году в августе состоялось открытие библиотеки».⁶

При Кондинской средней школе в 1960-е годы в рамках производственного обучения стали готовить библиотекарей. 12 девочек 9-х классов проходили практику в библиотеке и были активными помощниками.⁷ В 1966 г. в районную библиотеку с аттестатом, в котором была записана специальность «библиотекарь местной библиотеки» пришла Надежда Александровна Савельева. В 1972 г., после окончания Ленинградского института культуры им. Н.К. Крупской, она была назначена заведующей Кондинской районной библиотекой.

14 июня 1977 г. решением исполнительного комитета Кондинского районного Совета депутатов трудящихся «Об организации централизованной системы библиотечного обслуживания государственными библиотеками Кондинского района» образована Кондинская централизованная библиотечная система, в состав которой вошли Центральная библиотека, детская библиотека и 15 сельских филиалов.

Директором Кондинской ЦБС была назначена Н.А. Савельева. В Центральной библиотеке были созданы четыре отдела, работали 8 специалистов. В 1977 г. началось строительство нового здания библиотеки по ул. Ленина. В апреле 1980 г. состоялось торжественное открытие нового здания. Отделы Центральной библиотеки получили свои кабинеты. Открылись два читальных зала для взрослых и для детей.

24 января 1985 г. по Решению исполнительного комитета Кондинского районного Совета народных депутатов «О междуведомственной централизации массовых и профсоюзных библиотек» в состав ЦБС вошли ещё два сельских филиала. 4 сентября 1991 г. было принято Решение Кондинского районного Совета народных депутатов «О передаче библиотеки РК КПСС в Кондинскую централизованную библиотечную систему», сохранив функции самостоятельного филиала, специализированного справочно-информационного центра.¹⁰ В июне 2011 г. справочно-информационный центр был переведен из п. Кондинское в п. Мортка. В 2001 г. при Центральной библиотеке был создан сектор искусств и массовой работы. После перевода в 2007 г. Центральной библиотеки из п. Кондинское в п. Междуреченский сектор искусств работал при Кондинской библиотеке-филиале №20. 15 июня 2011 г. сектор искусств был закрыт. После перевода центральной библиотеки изменился статус Кондинской библиотеки. С января 2008 г. - это Кондинская библиотека-филиал №20. С 2008 г. по июнь 2011 г. при филиале работал сектор искусств, с июня 2011 г. работает Центр общественного доступа.

Сегодня в Кондинской библиотеке-филиале №20 трудятся три специалиста. Работает библиотекарем Оксана Юрьевна Сургутскова, стаж библиотечной работы которой около 40 лет. С сентября 2016 г. библиотекарем работает Светлана Юрьевна Пампушная. Заведует филиалом с января 2008 г. Алеся Михайловна Перевалова, общий стаж библиотечной работы 18 лет.

В 60-е годы на территории района уже работало 9 сельских библиотек, 2 районных. Согласно архивным документам в декабре 1958 г. открыта библиотека в п. Луговой.

Размещалась она в одной из квартир щитового дома. В 1959 г. поступила литература из Тюменского библиотечного коллектора. В течение года были поступления еще и из Ханты-Мансийского магазина книготорга.

Постепенно стали открываться и другие библиотеки. В селе Болчары библиотека появилась благодаря тому, что на животноводческой ферме в Новой Пуште, которая находилась в 48 км от Болчаровского сельсовета, был очень маленький, но свой Красный уголок. Оборудован он был молодежью, чтобы животноводам было где собраться, поговорить, почитать книгу или газету. Библиотекарь А. Ильиных пишет: *«Раз в месяц производим обмен книг вместе с заведующим клубом тов. Чемликовым, стремимся руководить чтением животноводов, рассказываем, как важно читать не только художественную литературу, но и книги по их основной работе».*

Спустя несколько лет после начала работы Кондинской (Нахрачинской) библиотеки был открыт книжный храм в поселке Ягодный. Библиотека здесь ровесница поселку. Выселя кулаков в необжитые места, коммунисты, тем не менее, создавали условия для их культурного просвещения. Так, в Ягодном и остальных посёлках спецпереселенцев были открыты избы-читальни, разновидности клуба. Направление и содержание работы их определялось циркуляром ВЦИК и СНК РСФСР (Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет и Совнарком) от 18 сентября 1924 г., а затем постановлением ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1929 г. «Об избах-читальнях». Изба-читальня была центром политической пропаганды и культурно-просветительной работы в деревне. Ягодинская изба-читальня занималась ликбезом (ликвидацией безграмотности), приобщала к культуре и вела политическую агитацию через художественную самодеятельность, организовывала громкие читки книг и нужных статей, помогала советской и партийной организациям в хозяйственной и политической пропаганде. Мы не имеем пока сведений об избах-читальнях, предстоят архивные поиски. Известно только, что изба-читальня размещалась в небольшом домике напротив комендатуры. По воспоминаниям читателей – ветеранов и работников культуры тех лет удалось составить краткую историю библиотеки с 1953

г., когда построили новый клуб. Заведование тогда приняла выпускница клубного отделения Тобольского культпросветучилища Мария Мальченко. Таким образом, и библиотечную, и клубную работу в деревне вела она, опираясь на комсомольцев, молодёжь. Позже Мария Ефимовна вспоминала: *«Меня, молодого специалиста клубного дела, направили в Ягодное 28 августа 1953 года. Председателем колхоза был Пётр Иванович Кузнецов. Дел много, спрашивали строго. Но мне нетрудно было работать: я играла на гармошке, немного пела, увлекалась шахматами. В помощниках недостатка не было. Интересно, азартно жили. Первым шахматистом в Ягодном был комендант Букин, потом научились и другие (я в школе вела шахматный кружок). Турниры собирали много народу. Выдача книг, журналов, газет оставалась на втором плане, главное было – организовать молодёжь на полезные дела: субботники, воскресники, концерты».*

11 июля 1930 г. была открыта изба-читальня в деревне Карым Карымского сельского совета. 30 августа 1973 г. Карымскую сельскую библиотеку перевели в д. Шугур. В 1939 г. открылась изба-читальня в Юмасае. В 50-х годах была организована сельская библиотека при клубе. Небольшая комната 3 на 3 м. Организовала ее Клара Петровна Миронова. Фонд составлял 112 книг.

В 1941 г. Комитетом по делам культурно-просветительских учреждений при Совете министров РСФСР подготовлен паспорт Государственной массовой библиотеки, в котором прописано, что Леушинская сельская библиотека основана в 1941 г. Расстояние от районного центра – 200 километров. К сожалению, информация о работниках известна, начиная только с 1956 г. С этого момента и по 1960 г. библиотекарем здесь работала Нина Викторовна Лангенбах. Вся ее жизнь была связана с книгой. Она окончила Тобольский библиотечный техникум, затем Московский государственный институт культуры. Три года работала в Леушинской сельской библиотеке. Яркая, неоднозначная, волевая. Личность с сильным характером, целеустремлённостью и верой в то, что библиотечная профессия — одна из самых важных и

благородных. Да, Нина Викторовна отличалась авторитарным стилем управления, порой была слишком жёсткой с коллегами, но всегда заботилась о людях, ценила в них профессионализм и ответственность.

По воспоминаниям жительницы с. Алтай Екатерины Васильевны Кашкаровой, в 1949 г. в бараке по ул. Ленина располагался д/сад-ясли в 1-ой квартире, а за стеной была квартира, в которой был «Красный уголок», где собирались на праздники и на собрания жители с. Алтай. Здесь же была изба-читальня. За период с 1949 по 1965 гг. жители вспомнили библиотекаря Александру Свяжину и Кетову (к сожалению имени не помнят). Только в 1960 г. для библиотеки был приспособлен отдельный домик, бывшее здание Алтайского сельского совета. В 1974 г. было пущено в эксплуатацию новое здание библиотеки, пристрой к сельскому клубу. В этом здании впервые было заводское библиотечное оборудование: стеллажи, кафедра, каталожные ящики, столы для читателей.

Так же в 1949 г. началась история сельской библиотеки в поселке Мулымья. В то время, когда началось активное строительство посёлка, назрела необходимость в организации досуга населения. Тогда было принято решение о строительстве сельского клуба. О чём в Книге приказов по Сухоборскому лесопункту от 14 октября 1950 г. за №91 мы нашли следующую запись: *«строительство клуба организовать в неурочное время и выходные дни силами молодёжи»*. Первый клуб расположился на высоком берегу реки Конды, рядом с живописной парковой зоной. Строительство завершено было в короткие сроки, и уже в 1951 г. он распахнул свои двери для первых посетителей. Не сразу в его стенах появилась библиотека. Для её создания требовалось время. А поскольку помещений во вновь строящемся посёлке не хватало, в новом клубе на первых порах разместился клуб со зрительным залом, бильярдная комната и первые четыре класса начальной школы. Отопление в клубе было печное. Из воспоминаний Анны Александровны Баутовой: *«В Мулымью мы с мужем приехали из Кондинского в августе 1951 года. Я стала работать в школе учителем. Муж в лесопункте. Библиотеки пока не было ни в школе, ни в посёлке. Она появилась приблизительно к концу 1952 года. Относились*

эти книги к школьной или к сельской библиотеке? Сказать не могу. Помню, что под неё была выделена небольшая комната. Книг было не много, стоял самодельный стеллаж у стены, на нём и были расставлены книги. Отдельно ставки библиотекаря не было. Обычно заведующие клубами совмещали эту работу». (Запись беседы от 2 декабря 2004 г.). С 18 августа 1983 г. по сегодняшний день библиотекой заведует специалист с высшим профессиональным образованием Галина Егоровна Изотова (Овечкина).

В далекие 50-е годы прошлого века в поселке лесозаготовителей начала свою жизнь и Половинкинская библиотека. Пятачок в море тайги. В самом начале профсоюзная библиотека леспромхоза занимала комнатку в клубе, потом дали квартиру в жилом доме и только в 1956 г. у сельской библиотеки появилось свое здание на улице Комсомольской, д. 8, в центре поселка, где и находится до наших дней. Жизнь библиотеки всегда кипела. Время шло! Отшумела хрущевская оттепель, прошелестел застой – фонд библиотеки достиг 15 тысяч экземпляров. Грянула перестройка. Развалился Советский Союз – страна строила капитализм, рушились финансовые пирамиды, останавливались заводы и фабрики – в библиотеке всегда были читатели. Библиотека работала всегда и радуется своих читателей по сегодняшний день!

Ямкинская библиотека первоначально находилась в Красном уголке, в бараке по улице Заводская, затем Красный уголок перенесли в другой барак, а вместе с ним и библиотеку. В 1955 г. был построен Клуб, и библиотеке там была отведена одна комната. Ту же самую, в которой она сейчас и находится, только расположение было совсем другое. Были высокие барьеры. Стол библиотекаря стоял за барьером и когда библиотекарь сидел за ним, его практически было не видно. В библиотеке стоял стол, за которым можно было почитать газеты, журналы и даже поиграть в шахматы, в шашки и в домино. Работал один библиотекарь, он же и заведующий клубом. Фонд составлял всего до 500 экземпляров книг. Библиотека принадлежала профсоюзам Шпалозавода.

7 января 1958 г. была открыта библиотека в поселке Лиственичный. Хотя свой отсчет она ведет с 1935 г., когда в

поселке была открыта изба-читальня. В ней насчитывалось несколько десятков книг. Заведовал Михаил Николаевич Попов. В 1971 г. было построено здание дома культуры, где была расположена и библиотека. Фонд насчитывался 3814 экземпляров книг. Число читателей составляло – 335 человек.

Библиотека в поселке Чантырья появилась одновременно с Шаимским производственным участком (ШПУ) в 1961 г. Место для библиотеки отвели в Красном уголке клуба «Подсочник». Позже в 1968 г. в поселке открылась сельская библиотека при доме культуры, соединив два небольших фонда двух библиотек Шаимской и Чантырской. В 1968 г. библиотека переезжает в п. Чантырья. Фонд библиотек составлял 5 тыс. экземпляров. В 1980 г. библиотека переезжает в только что построенный новый клуб.

В 60-е годы XX века новой формой работы стал открытый доступ читателей к книжным полкам. Активной формой продвижения книги к читателям стали библиотечные передвижки. Сотрудники библиотек в эти годы помимо основной работы оформляли Красные уголки, проводили политинформации на предприятиях, участвовали в переписи населения.

В 1964 г. была открыта небольшая изба-читальня в п. Назарово. Выдавала книги Н.В. Шабанова. В 1966 г. в клубе была выделена небольшая комнатка для выдачи книг.

В 1965 г. библиотечному обслуживанию подлежат 60 населённых пунктов. В 16 населённых пунктах: Алтай, Болчары, Карым, Шаим, Урай, Междуреченский, Пионерский, Малиновский, Комсомольский, Кондинское, Ягодное, Леуши, Лиственичный, Юмас, Луговая, Половинка – имеются массовые библиотеки. Из них три библиотеки, в Луговом, Карыме, Юмаса, содержатся за счёт клубов. 13 населённых пунктов обслуживают профсоюзные библиотеки. Организовано 25 передвижек.

История Ушьинской библиотеки берет свое начало с истории поселка. В 1967 г. нефтяники г. Урая открыли совхоз «Шаимский». Из воспоминаний читателей: *«Книги привозили на совхозном автобусе из профсоюзной библиотеки старого здания НГДУ «Урайнефть» г. Урая. Так как в поселке почты не*

было, газеты и журналы привозили из п. Мулымья. Совсем молоденькой девушкой в то время была Наталья Владимировна Силуянова (Семенова) и справлялась со всей этой работой. Привозили не только художественную, но и техническую литературу, которая была востребована. Фонда своего не было, читателей не учитывали. Просто были деревянные стеллажи с книгами, стулья и стол. Такой книгообмен длился не долго. В конце 1968 года было решено открыть библиотеку в здании старого магазина (документов на решение открытия не сохранилось). С 1969 по 1976 год из фонда профсоюзной библиотеки НГДУ «Ураинефть» сформировали библиотеку, она относилась к «Групповому комитету НГДУ профкома». Книг было много, но фонд неизвестный. Библиотекарем все эти годы работала Анна Федоровна Шестакова. В 1976 году открыли новый клуб, и все книги перевезли в клуб».

В 1967 г. жители посёлка Междуреченский просят построить новую библиотеку. В решении Кондинского райисполкома от 25 июля 1967 г. имеется запись: «Открыть поселковую библиотеку в п. Междуреченский с 1 июля 1967 года с тремя работниками (два из них специалиста). Перевести из Междуреченского сельскую библиотеку в посёлок Мортка Междуреченского п/совета с 1 июля 1967 года с одним работником». Первая заведующая поселковой библиотекой - Раиса Андреевна Снегирева. Фонд библиотеки составлял 200 книг. 1 августа 1972 г. библиотека была разделена на взрослую и детскую. Первый заведующий Междуреченской детской библиотеки - Ирина Петровна Толстогузова. Детская библиотека находилась в одноэтажном деревянном доме без всяких удобств. В 1972 г. библиотека для взрослых была переведена в только что построенное здание Дома Культуры и обслуживала 1200 читателей в год. В 1976 г. создана Централизованная библиотечная система Кондинского района. Взрослая библиотека получила статус филиала №3, детская - филиала №4. В 1985 г. взрослая и детская библиотеки переезжают в одно здание по адресу ул. Первомайская, 15 а. В марте 2007 г. библиотека переведена в здание Центра Культуры и Искусства. Детская библиотека состоит из двух подразделений: абонемент и читального зала. С 2009 г.

заведующим Междуреченской детской библиотекой - филиала №4 стала Эльмира Гасановна Амирханова, которая работает по настоящее время.

С 1 июля 1967 г. открывается книжный храм и в поселке Мортка. С 2011 г. заведующим библиотекой назначена Галина Владимировна Соколовская, которая работает и по сегодняшний день.

8 августа 1967 г. открыта первая библиотека в п. Куминский. Относилась она в то время к Куминскому леспромхозу. Книжный фонд тогда составлял 1505 экземпляров. Приказом Куминского поселкового Совета от 7 августа 1967 г. на должность заведующей библиотекой была назначена Анастасия Кузьмовна Хомякова. На этой должности она проработала до 8 июля 1968 г. С 1968 г. библиотекой заведовала Мария Шакировна Абдрахманова. В 1977 г. Куминская библиотека вошла в состав Кондинской централизованной системы, стала её филиалом №1. С августа 1976 г. и по настоящее время заведует Куминской библиотекой-филиалом №1 МУК Кондинская МЦБС Александра Гавриловна Корецкая.

1969 - начало 1970 гг. в районе открыто и работает 10 сельских библиотек, 2 городских, 1 районная и 1 районная детская. Работает 19 передвижек, 9 профсоюзных, 11 школьных библиотек.

В 1975 г. началась подготовка к централизации библиотек. По решению исполкома районного Совета в октябре 1977 г., была создана Кондинская ЦБС в состав которой вошли: Кондинская центральная библиотека, детский отдел и 15 библиотек-филиалов. В центральной библиотеке были созданы отделы: методический, вне стационарных форм обслуживания, отдел комплектования, отдел обслуживания.

24 января 1985 г. по Решению исполнительного комитета Кондинского районного Совета народных депутатов «О межведомственной централизации массовых и профсоюзных библиотек» в состав ЦБС вошли ещё два сельских филиала.

26 сентября 1990 г. Решением исполнительного комитета Кондинского районного Совета народных депутатов «О переводе централизованной библиотечной системы на новые условия хозяйствования» Кондинская ЦБС сформирована как

юридическое лицо с самостоятельным балансом. 4 сентября 1991 г. принято Решение Кондинского района Совета народных депутатов «О передаче библиотеки РК КПСС в Кондинскую централизованную библиотечную систему», сохранив функции самостоятельного филиала, специализированного справочно-информационного центра. В составе ЦБС 20 самостоятельных сетевых единиц со штатом 60 человек. 22 сентября 1993 г. в соответствии с Гражданским кодексом Кондинская ЦБС зарегистрирована в состав Единого Государственного Регистра Предприятий и организаций как государственное учреждение «Централизованная библиотечная система», с присвоением кодов.

В 2007 г. центральная библиотека была переведена из п. Кондинское в п. Междуреченский и размещена в новом Центре культуры и искусств «Конда». С этого года и на протяжении 10 лет директором МУК Кондинская МЦБС была Ольга Васильевна Мойсюк.

С 2017 г. по сегодняшний день Централизованной библиотечной системой руководит Марина Александровна Коркишко.

В настоящее время в системе 22 библиотеки. Это центральная библиотека и 21 библиотека-филиал, в том числе две детские библиотеки-филиала. Главным звеном централизованной библиотечной системы является центральная библиотека. Основными структурными подразделениями центральной библиотеки являются: отдел обслуживания пользователей, общественно-информационный центр, сектор внестационарных форм обслуживания, отдел обслуживания единого книжного фонда, отдел комплектования, зал эколого-краеведческой литературы. Библиотеки-филиалы расположены в населенных пунктах: п. Междуреченский, с. Леуши, п. Куминский, п. Мортка, п. Луговой, п. Половинка, с. Алтай, с. Болчары, п. Мулымья, п. Лиственичный, п. Чантырья, д. Шугур, д. Юмас, п. Ягодный, с. Ямки, п. Назарово, п. Ушья, п. Кондинский, д. Кама. Детские библиотеки расположены в п. Междуреченский и п. Кондинский.

В 2015 г. важнейшим событием стало присвоение библиотекам муниципального учреждения культуры

«Кондинская межпоселенческая централизованная библиотечная система» имён знаменитых людей внесших большой вклад в развитие культуры, литературы, искусства Кондинского края. Ягодинской библиотеке-филиалу №15 присвоено имя Анны Митрофановны Коньковой, Леушинской библиотеке-филиалу №2 присвоено имя Нины Викторовны Лангенбах, Междуреченской центральной библиотеке присвоено имя Андрея Семеновича Тарханова на основании Постановления администрации Кондинского района №450 от 13 апреля 2015 г. «О присвоении имен библиотекам-филиалам муниципального учреждения культуры «Кондинская межпоселенческая централизованная библиотечная система».

Примечания:

1. ГАХМАО, фонд 156, оп.3, д.40, л.6
2. Савельева, Н. Немного истории // Голос Конды. – 1999. – 25 мая. – С. 1.
3. Савельева, Н. Немного истории // Голос Конды. – 1999. – 25 мая. – С. 1.
4. Копия паспорта Государственной массовой библиотеки // Нахрачинская районная библиотека.
5. Копия паспорта Государственной массовой библиотеки // Нахрачинская районная библиотека
6. Из воспоминаний ветерана труда, старейшего работника Кондинской ЦБС Л.Н. Горбуновой.
7. Таганцева, З. Д. Ненаписанные страницы истории Кондинской библиотеки.

Психологический подход в библиотечной практике с «особыми» подростками

В условиях усиливающейся психологической напряженности и роста числа подростков с психическими заболеваниями проблема формирования их личности приобретает всё большую остроту. Многие подростки данной категории в настоящее время получают абилитацию в специализированных центрах г. Нижневартовска. Воздействуя на личность подростка, каждое из учреждений использует свои компетенции, в результате комплексного подхода в структуре личности подростка формируются сознательные установки. Но некоторые родители, имеющие подростков-инвалидов, не хотят обращаться за помощью в специализированные учреждения из-за наличия психологических комплексов, зажимов, замкнутости и т.п. Эти обстоятельства детерминируют усиление внимания к проблеме формирования личности подростков с психическими заболеваниями и требуют расширения сферы воздействия, применения системных методов. В этом процессе важна роль библиотеки, ведь чтение было и остаётся действенным способом формирования личности.

Современная библиотека, являясь социокультурным центром, призвана расширять свою деятельность и переходить от разовых мероприятий к систематической проектной работе. Учитывая опыт успешной реализации проектов, направленных на развитие чтения психологических групп детей и подростков, городская библиотека №10 стала базой для проведения занятий с подростками, имеющими нарушения психического развития. Известно, что у многих подростков «особой» категории слабые навыки чтения и возрастная задержка чтения, а это является препятствием в системе абилитации их личности. С точки зрения психологического и психолингвистического подходов чтение является психическим процессом, в котором участвуют Высшие психические функции. Соответственно развитие Высших психических функций приводит к развитию чтения. Средством решения частной проблемы выступают развивающие нестандартные книжные издания.

«Живая книга» популярного детского автора Эрве Тюлле – одна из лучших развивающих нестандартных книг в коллекции городской библиотеки №10. Развивающее занятие «Живая книга: книга – игра», организованное для подростков вышеуказанной категории прошло с большим успехом, книга вызвала у наших ребят живой интерес. После занятия многие захотели взять эту книгу домой, пришлось даже создавать очередь. В чём особенность книжки, на первый взгляд в которой нет ничего кроме простых клякс. Более того, в этой книге нет литературного текста. Дело в том, что на каждой странице написано задание, переворачивая страницу, читатель видит результат своих действий. Особенность «Живой книги» в том, что она не только увлекает, но и развивает посредством лёгкой игровой формы. Все задания связаны с кружками. Надавить на кружок – это значит развивать мелкую моторику рук. Перестроить кружки – это значит развивать мышление. Дуть на кружки – это значит поддерживать тонус мышц артикуляционной мускулатуры, необходимый для чтения вслух (речепроизводства). В комплексе и во взаимосвязи развиваются внимание, воображение, художественное и цветовое восприятие. В «Живой книге» страницы с заданиями имеют чёткую структуру и выстроены от простых к сложным, от незэмоциональных к эмоциональным и т.д. Живая книга на некоторое время способна заменить смартфон.

Важным этапом в работе с нашими ребятами является обращение их внимания на психологические характеристики героев книг, которые проявляются в поступках книжных героев. Это позволяет подросткам акцентировать своё внимание на собственные эмоциональные состояния, осознать их и скорректировать. Так на очередном занятии с ребятами со всеми подробностями вспоминали содержание рассказа К. Чуковского «Доктор Айболит», рассуждали о том, какими характеристиками обладал этот удивительный доктор, учились обращать внимание не только на внешние поведенческие проявления героя книги, но и на личностные. Для этого мы составили схему поступков доктора Айболита, затем на основе его поступков попытались определить психологические характеристики. Мы выявили, что доктор Айболит был человеком образованным, заботливым, добрым, сопереживающим и тревожным. Мы перечитывали рассказ все

вместе! Стихотворное произведение применялось также в качестве артикуляционного тренажера с целью развития навыков чтения вслух. Попробуйте повторить строки: «И гоголем-моголем, гоголем-моголем, гоголем-моголем, гоголем-моголем подчует». А теперь ещё три раза ...

Для развития воображения и мышления ребятам было предложено ответить на вопрос: «Ребята как вы думаете, вот такой доктор Айболит, которого придумал Корней Чуковский может существовать в реальной жизни?». Удивительно, но факт... Доктор Айболит был прототипом замечательного врача из города Вильнюса Тимофея Осиповича Шабада. Доктор Шабада ставил диагнозы «хроническое недоедание», назначал булочку со стаканом молока и выдавал лично из своего дома. Пусть сказка не закончится... Мы продолжаем удивлять ребят архитектурной книгой, завораживаем их наглядностью и зрелищностью бумажных конструкций. В настоящее время книжная инженерия достигла высокого полиграфического качества.

Книгоиздатели издательства «Эксмо» серьезно потрудились и оформили книгу «Доктор Айболит» так, что персонажи сюжета выдвинуты на другую горизонтальную плоскость. Таким образом, страницы книг превращаются в некую театральную сцену, так как это бывает в хеппиненге. Нестандартное оформление книги создает наглядность, а это очень важно для некоторых психологических категорий детей и подростков, у которых имеется слабая волевая сфера и произвольное внимание.

Нетрадиционная конструкция книг также используется как психологический приём, который помогает подросткам отвлекаться от мыслей о трудностях чтения и позволяет подбирать объём заданий по чтению для подростков разной читательской подготовки. Во всемирный день чтения вслух наши ребята познакомились с особенностями книжки-малышки, узнали её роль и преимущества в использовании. Изучили, из какого материала изготовлена книжка и начали творческую работу по изготовлению собственных книг. Ребята самостоятельно придумали о чём будет их книжка. В своих книжках они пишут истории из личной жизни, а может быть и вымышленные истории. Важно то, что в сюжетах их книг часто вытесняются из подсознания собственные психологические

проблемы и состояния. Таким образом, создание собственных книг открывает психоаналитические возможности. В библиотечных группах развитие чтения происходит за счёт привлечения подростков к новым форматам книги и взаимодействия с нестандартной книгой. Развитие личности происходит в большей степени в ходе подготовленного библиотерапевтического диалога, обсуждения прочитанного произведения, организованного в группе.

Работа с данной категорией подростков требует профессиональной подготовки. Существует важная методическая рекомендация – это снижение возрастного ограничения. Если первым шагом к лучшему использованию книги для обычных подростков является учёт возрастной группы читателя (чтение в соответствии с возрастной маркировкой книги), то для подростка с психическими нарушениями развития может быть рекомендовано чтение книг младшего возраста. Например, издательство «Candlewick» (США) на книге «Динозавры. Энциклопедия древностей» указывает возрастные ограничения 6+, но в анонсе издательство адресует книгу для чтения всем возрастным группам. Однако не следует подростку шестнадцати лет в прямой форме предлагать прочтение детских сказок, т.к. это может нанести ущерб его – и без того уязвимой – самооценке. Также не следует снижать темп голоса и т.д. Методические рекомендации, как и вся методика развития чтения подростков, имеющих психические нарушения развития разработана на основе экспериментальных данных, проверенных на репрезентативность, валидность и надёжность в заданной области применения (библиотечных условиях) с помощью конкретного методического инструмента (нестандартной книги). Специфическая методика чтения разработана для внедрения в практику российских библиотек. Сформулированные выводы и рекомендации могут получить широкое применение в региональных Центрах чтения.

*П. Г. Антонов
Э. Н. Буркаева*

Работа центра «Прикосновения» по продвижению чтения, интеграцию в общество и культурную среду, формированию активной гражданской позиции и положительного мировоззрения инвалидов

«Читатель проживает тысячу
жизней, прежде чем умрет.
Человек, который никогда не
читает, переживает только одну»

Мартин Джордж

Для слепых и слабовидящих чтение служит важнейшим инструментом социализации. Оно играет преобладающую роль в процессах реабилитации инвалидов и интеграции их в обществе. Круг читательских потребностей и интересов данной группы пользователей чрезвычайно широк. И удовлетворить эти потребности инвалидам по зрению в г. Нижневартовске помогает центр «Прикосновение». Центр обслуживания людей с ограниченными возможностями здоровья «Прикосновение» был открыт в Центральной городской библиотеке им. М.К. Анисимковой в феврале 2012 г.

Целями работы «Прикосновения» являются – стимулирование интереса к чтению, повышение грамотности и развитие творческого потенциала читателя. Для этого центр использует различные формы работы – дни и часы информации, беседы, встречи, обзоры. При этом мероприятия всегда проходят с активным привлечением самих читателей. Например, беседа «Неквасной патриотизм». Сценарий мероприятия был построен таким образом, чтобы доклады читателей - людей с ОВЗ, были гармонично включены в ход мероприятия и соответствовали увлечениям каждого.

Крючков Андрей рассказал о крупной отечественной интернет-компании Яндекс, Бондаренко Маргарита на брайлевском дисплее прочитала сказку-присказку «Змей-Урал», Артамонов Максим и Паничкина Анастасия пели частушки др. При подготовке мероприятия читатели центра «Прикосновение» сами искали информацию, учили текст. Затратив усилия на подготовку своего выступления, они смогли наглядно убедиться в значимости своей работы.

С 2015 года слабовидящие и незрячие с энтузиазмом принимают участие в международной акции «Тотальный диктант». Благодаря их активности центр «Прикосновение» стал городской площадкой акции для инвалидов.

Участники пишут диктант наиболее удобным для них способом - набирают текст на компьютере в программе «Блокнот» (в данной программе отсутствует функция проверки орфографии), на листах крупноразлинованной бумаги маркером или по брайлю.

Организатор «Тотального диктанта» в городе Нижневартовске - декан университета кафедры филологии Нижневартовского государственного гуманитарного университета С.А. Никишина. За месяц до начала диктанта С.А. Никишина проводила курсы подготовки, на которых в классической и игровой форме напоминала о правилах правописания, орфографии и синтаксиса русского языка. Подготовка к «Тотальному диктанту» не только повысила общеобразовательный уровень участников, но и дала мощный стимул для ускорения набора текста на клавиатуре.

Кроме посетителей центра «Прикосновения» в диктанте приняли участие школьники с нарушениями зрения со своим тифлопедагогом, который проверял написанные по системе Брайля работы.

В первый год средняя оценка участников диктанта составляла 2 балла, на второй год - 3 балла, а на третий год большинство участников получили оценку в 4 балла. Маргарита Бондаренко (инвалид 1 группы по зрению, призер и постоянный участник областных конкурсов письма и чтения по Брайлю в г. Тюмени) получила за работу 2017 года оценку «отлично».

Вовлечение в «Тотальный диктант» специальных библиотек и курсов компьютерной грамотности для слепых и слабовидящих является замечательным средством поднятия уровня грамотности устной и письменной речи людей с проблемами зрения, навыка владения ими клавиатурой и форматирования простого текста, а так же объединяющим командным «раствором» и интеллектуальным досуговым мероприятием.

Сотрудниками центра «Прикосновение» был разработан цикл бесед «Сказания о буквах». Каждое занятие было посвящено одной букве русского алфавита, в ходе которого рассказывалась ее история, приводились занимательные факты, библиотекарь показывал на «шеститочии» и на приборе как пишется буква, читается на РТШ Брайль. Читатели центра выполняли домашние задания, например, составить предложение, каждое слово которого начинается на заданную букву. Например, *«Задумалась – закручинилась Зимушка завьюжила, замела – забелила заимку, заморозила заводь, заморозила зверье, запела, забавляясь звездами, заросли».*

Выполнение домашних заданий стало хорошим стимулом для дальнейшего творчества. Подтверждением тому служат призовые места Тамары Калугиной и Петра Антонова в городском конкурсе на лучшее произведение о городе Нижневартовске «Мы из Нижневартовска».

Посетители центра «Прикосновение» принимают активное участие и мероприятиях Центральной городской библиотеки им. М.К. Анисимковой.

«Путешествие по книжному королевству»

«Путешествие по книжному королевству» - так называлась квест-игра в ходе которой посетители центра организовали театрализованную костюмированную экскурсию. Для разных возрастных групп было разработано 2 варианта сценария: «Братец Иванушка и сестрица Алёнушка» - для младших школьников, «Кощей Бессмертный» - для детей средних классов. Сказочные герои познакомили ребят с техническими средствами реабилитации инвалидов по зрению, предложили на несколько минут оказаться в условиях незрячих людей - библиотекари надевали на глаза детям маски и они ходили с тростью по кабинету, писали грифелем на приборе РТШ Брайль.

Для мотивации позитивного жизнетворчества большую роль играет участие в различных фестивалях и конкурсах. В таких как, «Тифлочитатель» (г. Сургут), on-line конкурс «Поэтика», городской конкурс художественной declamации «Прикоснись и услышишь...» и др.

В целях формирования толерантного отношения к представителям разных национальностей, правильного понимания богатого многообразия культур и традиций проводился цикл мероприятий «Югра многонациональная».

Первое мероприятие цикла прошло на наш взгляд слишком академично, поэтому к следующим мы подошли более креативно: подготовили интересный материал и выработали следующий шаблон:

1. теоретическая часть: этногенез, история, статистические данные
2. национальный костюм
3. народная сказка
4. загадки, пословицы, поговорки
5. стихотворение на языке народа в исполнении носителя языка
6. национальная кухня.

Теоретическая часть чередовалась выступлениями приглашенных музыкальных коллективов. Финалом мероприятия стала дегустация национальных блюд.

Озвучивание сказки «Незаменимый червяк»

В центре активно ведётся клубная работа. Наиболее успешной стала работа клуба «Ворон Кутха, варган и К°». Во время заседаний клуба проходят обсуждения новых книг, спектаклей, концертов, организуются занятия по развитию внимания, памяти, творческого мышления.

На одном из заседаний клуба было принято решение продолжить развивать так понравившийся всем эксперимент по озвучиванию коротких литературных произведений. Выбор пал на философскую сказку Петра Антонова «Незаменимый червяк». Затем аудиосказка была направлена на конкурс, организуемый Тюменской областной специальной библиотекой для слепых, где заняла 3 место, и была передана в фонд online-библиотеки «Логос» (Международная online библиотека аудиокниг с криптозащитой)

Центр «Прикосновение» работает с инвалидами девять лет. От открытия центра до сегодняшнего дня сотрудники постепенно накапливают опыт работы и взаимодействия с людьми ОВЗ, что сказывается на качестве проводимых мероприятий. Курсы обучения компьютерной грамотности перестали пользоваться спросом, таким образом, на первый план вышел другой формат работы — индивидуальные мастер-классы по эксплуатации тифлосредств.

Переместился акцент внимания читателей с технической образовательной деятельности на культурно-массовые досуговые мероприятия познавательного и развлекательного характера. Стали более востребованными занятия, когда конечный результат приводит к зримым результатам рукоделия, интеллектуального труда и творчества.

Сотрудники центра стараются создать условия не только для интеграции инвалидов по зрению в общество, но и подготавливают непосредственно само общество к восприятию инвалидов как полноценных участников жизненного процесса.

V. ЛИТЕРАТУРНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

Три тайны Самотлора

(северная легенда по мотивам сказаний и мифов
народа ханты)

1

- Всегда Великая река Обь здесь текла. А как иначе могло быть? Говорят старики, что гагара со дна её кочку достала и оделась с той поры берегами Великая река: правый повыше, а вот левый положе вышел. Ну, не хватило, видно, илу на два крутых берега, а может и силы у гагары кончились. Всему же конец приходит..., - старик Пален поправил узловатой клюкой догорающие головёшки в костре, расчесал седой дым над костром кривыми пальцами, пытаясь отогнать его от лица. Глаза его прослезились, сверкнули блеском костровым и тут же притушились за дымовой занавесью. Имя старику досталось от шамана местного: раз в грозу появился на свет, так Паленом и нарек он его, по хантыйски значит – гроза.

Сидят у огня на тёплых оленьих шкурах дети охотников, оленеводов да рыбаков стойбища. Слушают старика, каждое слово ловят. Отцы их по борам, лесам разбрелись: кто на зверя охоту ведёт, кто в далёкие старицы на обласе уплыл, в надежде рыбы наловить, а кто оленей стережёт от старика мохнатого. Матери тоже своими делами заняты: кто шкуры вычиняет, кто хлеб печёт, а кто одежду подшивает. Все при деле. Кому детей поручишь, чтобы не шибко шалили, чтобы научились чему-то, чтобы дыхание времени дальнего уловили? На этот случай Пален есть до седин доживший, много повидавший на своём веку.

- Много раз пришлось Гагаре нырять в воды Большой реки, - продолжает старик, - ил доставать из глубины. А как достанет, так и летит то в одну, то в другую сторону. А где летит и роняет ил - там суша образовывается. Где больше брызнет – там грива, где меньше - болота появляются, да мшанником - сукном зелёным выстилаются, а где и вовсе не попало - там озера возникают. Синим сукном богатые реки и озёра в зелёные шелка-берега оделись. Семью сильными-сильными криками возвестила гагара о завершении

преображения Земли. И сбежались звери, и прилетели птицы, и люди пришли, чтобы жить на этой Земле. Давно это было. Никто не помнит. Седые старики детям-внукам об этом рассказывают, а внуки, до седин дожившие, своим внукам передают. Так давно ведётся.

Теперь в лесах звери водятся, в реках, озёрах рыбы разные плещутся, а по берегам люди стали расселяться; зверя стали промысливать по урманам, да рыбу ловить в водах синих. Тем и живут. Сам Ими-Хили – сын Торума, живущий в золотом чуме, в полуденной стороне в светлом бору, научил людей рыбачить да охотничать. Озеро большое чудесное людям подарил. В таком месте это озеро образовалось, что и от Оби и от реки Вах недалеко. Но вот не всем оно даётся, не всем открывается. Многие искали: одни потерялись в болотах бескрайних, в урманам тёмных. Другие измождённые поисками ни с чем вернулись, и потом уже не пытались дорогу к нему отыскать. Молчат, обычно, не рассказывают, кто помешал озеро найти. Такие слухи ходили среди людей, что рыбы в озере водится много, что рыба белая, щука жирная, пятнами не распятнана, полосами не располосана; прямо золотом-серебром небо в ней отсвечивает, прямо солнцем блестит, прямо луна отражается. Такая вот рыба там водится. Да-а-а, - старик задумался, - сам ловил, своими глазами видел.

Детишки рты пораскрывали, ловят каждое слово, летающее с уст старика.

Вот он рассказывает о том, что три тайны озера человеку, пришедшему на берег его, нужно разгадать, только тогда рыба ловиться будет. А кому тайна не откроется, тот пустым и вернётся. Только ноги избьёт, только руки натрудит, только душу разбередит. Это ещё повезёт, если вернётся. А молва меж людей дальше идет. Шаманы рассказывают, что в моховинах, недалеко от ручья с травянистыми истоками да тальниковым устьем Глаз Земли есть. Так называли озерко, скорее на колодец похожее: маленькое премаленькое оно, размером с оленью шкуру, только круглое, что глаз олений; и таким же черным блеском отсвечивает в ненастье. В распогодье же доброе - солнце отражает, а ночью - звёзды и луну. Дух тяжёлый от него идет, прямо голову обносит, а иногда

изрыгается из него пузырь, лопающийся с таким треском, будто в ладоши кто лязгнул. И в нём, говорят, не вода вовсе, а жир земли – черный, горючий. И дна, говорят в этом колодце вовсе нет – бездонный Земли Глаз, говорят. Нарта с тремя оленями пропала в нём: только огнём будто плюнул Глаз Земли, только облако черного дыма изрыгнулось и вознеслось в небо синее. Это и есть самая главная тайна – Земли Глаз - Мув Сэм.

Дорогу ко Глазу Земли только шаман знает, а ему его отец открыл тайну, а отцу – его отец. Так и ведётся от отца к сыну. Только вот какой у них был обычай шаманский: отец сыну передаст тайну великую только тогда, когда голова сына сединой подёрнется. Говорят шаманы, что с сединой к человеку вразумление приходит, и что седина, как снег самые горячие головы охлаживает. Вот тогда старый шаман молодому бубен излаживает из шкуры белого хора, специально для этого вращиваемого, и тайну Глаза Земли открывает.

В озере вода белизну и синеву небесную впитавшая, удивляла всегда любого, кто оказывался на берегу его. Словно и не торфяные берега окружают озеро, а пески белые. И впадает в озеро со стороны восходящего солнца ручей весёлый с водой чистой и прозрачной. А в месте впадения ручья с травяными истоками в озеро, в самом устье тальниковом - источник бурлит. Прямо из-под моховины струя бьет. Вода такая чистая, как в святом роднике, что из-под горы Шаманской пробивается. А уж в нём не вода – слеза девичья, вот какой ручей втекает в это озеро, вот какие источники наполняют озеро водою. Это и есть вторая тайна.

- Об этих двух тайнах я от человека из рода Мамонта, живущего в норе, узнал, - тихо продолжает свой сказ старик Пален, - потом расскажу о нём. Вот только отыскать, только разгадать эти тайны осталось. Но когда знаешь, какое лицо ищешь, оно попадёт тебе и узнаешь. А вот ещё об одной тайне было известно только то, что большим трудом добыть ее можно. «Так и сказал старик с горбом на спине, живущий в норе: сам отыщешь, ноги не жалея, а когда луна, да солнце вокруг тебя обернутся, тайна сама и откроется». Вот, что я знал. Тайнами окружённое озеро захотелось мне поглядеть своими глазами. Молод тогда был...

- Так вот, в то стародавнее время, - продолжал старик Пален, - я был молодым, на ногу ходким; умом быстрым и горячим обладал. Летящей белки отважной духом отважным был наделён.

И был я совсем не седым, а голова моя была, как смоль черна. Захотелось мне самому Глаз Земли увидеть. Обмолвился я как-то шаману о своём таком желании. Сверкнул он глазами своими-углями, схватил бубен, и давай вокруг меня, сидящего у костра, кружить.

- О, человек!!! – рыкнул он, а потом песню завёл, да приплясывать стал, да притопывать стал неистово.

Не песня будто, а халея хохот слышится мне, не пляска будто, а множества звериных ног топот окружил меня.

- О, человек, живущий на берегах священной реки Вах,
о люди, родившиеся на берегах Великой реки Обь –
матери всех рек земных.

Заклинаю вас

не ходить тропами неизведанными,
не ходить тропами запретными,
не тревожьте Духов Земли,
Духов Воды не тревожьте,
не тревожьте Лесных Духов,
охраняющих великие тайны народа!!!
Никому пока не открылся Глаз Земли,
никто не смеет взор свой направить
в его чёрную бездну...

А кто дерзостью своей обуянный
найдет его,

тот речи лишится, станет безмолвным, как рыба,
и голова его рыбьей станет...

- Холодного ветра дуновение внутрь вошло: испугался я тогда не на шутку, - голос старика присел, сиплостью прошуршал, - пропало у меня всякое желание искать Глаз Земли за горбатоспинными бездверными лесами: не хотелось голос обронить, не хотелось в немую страшнолицую рыбу превратиться. Я к тому времени девушку чудной красоты приметил, свататься уже хотел. Как же я в таком рыбьем

обличье перед нею предстану, да ещё и речи лишенный. Кому нужно такое чудище? Так я думал тогда. Решил жениться. Поехал свататься я к той девушке, но, опоздал: другой уже сосватал её и она согласие дала. Так вот получилось...

Дед Пален долго поправлял головёшки в костре палкой крючковатой.

- Подбросьте-ка дров, - обратился он к детям, и те быстро выполнили его просьбу; и запылали огонь, отдавая тепло, и набирая свою световую силу в уже наступившей ночи. Озарилось лицо старика доброй улыбкой, что не бросили дрова в огонь небрежно с высоты, не высекли искр множество, что означало бы гнев самой богини-огня Най-ими; а с почтением, будто его рукой подложили дров.

Котёл пока варится, с котла пока убывает, тихо сидят. Задумчивым сделалось лицо рассказчика.

Долго сидел старик молча. Такой промежуток времени прошёл, что чайник закипел. Налил себе чаю. Пален кружку обнял узловатыми ладонями, крючковатыми пальцами, в огонь взгляд погрузил.

- Дедушка, а дальше, что было? - спросили нетерпеливо дети, прихлёбывая из кружек чай, заваренный чагой.

- Дальше? - старик будто очнулся.

- В том месте, где Вах с Обью сливается, белый, как снег, с горбом на спине старик жил. Дед мой знал его: не раз обращался за советом. Говорят, старик этот о многих тайнах был осведомлён. Секреты Священного озера ему тоже ведомы были. Род старик-горбун свой вёл от мамонтов принимающего народа. Не стало людей из их рода теперь совсем. Один он остался. Сам одинёшенек на мысу песчаном жил - в пещере, как зверь мамонт. Говорят, как и все люди его рода, он с этими подземными зверями дружбу водил. Вот я и пришёл к нему. Долго не решался к норе подойти, дрожу весь: в заячью шкуру переоделся, не знаю, как примет.

У самого входа в его подземелье костёр догорает. Дымом ветер вёртко заправляет, по всему песку косматой бородой метёт. Вдруг потянуло бороду в нору. Кашлянул кто-то под землей раз, другой, земля будто дрогнула. Вышел старик согбенный, руки до земли достают. Седые волосы длинные -

ниже плеч, однако. Сразу по ветру разлетелись, с дымом смешались. Слезливыми глазами посмотрел на меня седой старик и спросил: «Не внук ли ты Хойем-хо – человека-зола, который, как молва шла, родился уже седым с пепельными волосами. Не под горой ли шаманской живет твой род?»

- Да, недалеко от священной горы мы живем. Да, это мой дед седым родился, так рассказывали старшие, но в тайне держали, от чего так случилось, - говорю я старику, жившему в подземном жилище.

- Его боги так наказали за то, что отец его – твой прадед великую тайну шаманскую разгадал, - сказал старик, - нашёл Земли Глаз. Не удержался он и тронул пальцем жир земли, и превратился в человека с головой шуки и речи лишился. В таком обличье домой возвратился, а жена его – твоя прабабушка тяжелая была дедом твоим. Испугалась она такого обличья, хоть и узнала его даже таким. Страх её еще не рождённому ребёнку передан. Вот и родила сына седого.

Сбились дети куропатками в кучку, прижались друг к другу. Боязно стало до жути. А страх он такое вот свойство странное имеет: когда люди вместе соберутся, да локоть друг друга ощущают, то он, как бы, на всех поровну разделяется. Оно же как: на двоих уже по полстраха приходится, на троих уже только треть, а что уж говорить, когда вот этих пичужек добрый десяток у костра в комочек единый сжался. Вот и выходит, что на каждого по чуть-чуть страху приходится. Но и этих чуть-чуть хватает, чтобы до дрожи дошло.

Старик, прозванный Паленом, вроде как, передых взял. Дров подбросил, вокруг костра обошёл, клюкой своей огарки к огню подвинул. Мальчик маленький, однако, самый младший, ногой подковырнул затухающую головёшку, в огонь швырнул.

- Ты зачем её ногой пинаешь? – строго спросил старик.

- Кого? – не понял мальчик.

- Най-Ими – богиню огня, - ответил старик наставительно, - она же тебя не пинает, и ты её не пинай. Возьми палочку и поправь угли. Так всегда делай, а ногой – не смей. Стучать палкой по огню тоже нельзя, искры высекая. Больно же ей...

Усваивают детишки дедову науку, соображают. Вспомнилось им, что и родители о том же сказывали. Старик подождал, когда дети усядутся, дальше повёл свой рассказ.

- Так вот, что мне, дошедший до седины, мужчина из рода мамонтов растолковал: кто только сыздаля да мимолётно глянет в Глаз Земли, ну случайно набрёл, ну, - не знаячи; да руки жиром земли не измазал, любознательность чрезмерную не обозначил; тот чары страшные на себе не испытает, и обличье своё на рыбе не изменит, и язык его не усохнет. Засмотреться нельзя, сказал он, а то притянет к себе Глаз Земли, захочется человеку рукой потрогать, на палец жир земли попробовать, тогда беды уже не миновать: враз онемееет, и лицо в щучью пасть обернётся.

Тихо сидят ребяташки, глаз не сводят с клюки дедовой. На её набалдашнике сцепились в единый узел руки, скрюченные временем. А клюка - крепкого дерева крепкий сук, поблескивает местами костровым блеском, зашлифованная руками за время долгое. Пожевал-пожевал беззубыми челюстями старик, причмокнул звонко и дальше присказку повел, как нитку из клубка потянул.

- Такое вот колдовство ждёт каждого, кто не остережётся, кто под чары Глаза Земли попадёт - продолжает старик.

- А можно ли такое колдовство снять с человека? - тихо с опаской спрашивает девчужка. Глаза тарачит на старика через пелену дымную, боится глянуть в сумрак, будто там где-то в кромешной тьме Глаз Земли на неё глядит.

- Есть такое средство, которое расколдовать может, есть! О нём-то и поведал мне старик из рода мамонтов. Но не каждый может воспользоваться им. Потом расскажу, не спешите ветер обогнать, расскажу, как проклятье Глаза Земли снять можно. Сам там был, своими глазами видел, своими ушами слышал...

3

Только-только ворона прилетела, лапки свои погреть в кучке гнилушек из люльки ребенка. Еще не появились халеи, не огласили лес ближний своим противным хохотом, смерть призывающим. Время большого наста скоро настанет. Засобирался в дорогу Пален - мужчина молодой - волосы чёрные, отважной белки отважным духом наделённый,

девушкой отвергнутый. Затёрлись в памяти слова страшные шаманские. Крепко запомнил заповеди человека с горбом на спине из рода мамонтов. От самой поры, золотым шёлком богатой земли, до самой поры малого наста всё не шла из головы его мечта: увидеть своими глазами великое чудо – Глаз Земли. Не терпится ему разгадать все три тайны Священного Озера, удалившегося от берегов Великой реки Обь и дочери её реки Вах. Смастерил облас новый – белым золотом отливающие бока. Легкий получился, по насту тянешь за собой, собольком скользит – нет в нём тяжести никакой.

Лесного мужчины добывающей тропой он шёл. От половины утренней зари до времени полусвета вечернего первый день легко прошагал. И попадались ему слопцы на зверя из половины дерева сделанные. Давно никто их не настораживал. Удивляется Пален: крепок и силен местный охотник, почему тропу оставил? Решил насторожить путник один слопец: вдруг пригодится. С трудом пребольшим удалось ему это. Уж очень тяжёлое дерево попало. Ещё раз подивился он силе местного охотника. Находил он стрелы, застрявшие в середине высокого дерева, потемневшие от времени, зверя поражавшие. О, думал он, ростом высок охотник был, охотничавший в этих местах; в лесу тёмном, в лесу бездверном промышлявший. Зверями избеганной звериной тропой, шёл Пален. Ноги лёгкой белкой несутся вперёд. Мышиным хвостом исчезла тропа враз. Куда идти? Сел на пень, задумался Пален. Ладно, пойду, куда глаза смотрят, куда ухо слышит, и пошёл дальше. Долго ли коротко шёл, со знаком топора хорошую дорогу нашёл. Идёт от затеси к затеси. На деревьях, путь охотнику указывающие знаки топора уже потемневшие, высоко над головой затёсанные. Понял, что вот она дорога, путь к озеру ведущая. Идёт весело, песню запел.

А в лесу этом бездверном, в лесу тёмном злые мэнки водились. Вот они-то и отвадили, видимо охотника, мешая ему охотничать, а может, и вовсе жизни лишили. Вот и услышал местный мэнк песню, вот и вышел навстречу. Росту он большого – в два человеческих будет. Руки крепкие, толщиной с ногу человеческую, ноги крепкие, толщиной с дерево. Голова маленькая, ушки сыроежками торчат, на свету просвечивают.

Тонкие, крылышками бабочки на ветру трепещут. Вот оно слабое место этого мэнка – уши хрупкими сыроежками – подумал Пален. Не зря же грозой его прозвали: быстро, молниеносно сообразил.

- Куда же ты неизвестный мужчина путь держишь? – спросил зычным неприветливым голосом мэнк.

- На Святое Озеро иду, загадки его хочу разгадать, – с вызовом гордо ответил Пален. Знал, что слабость нельзя мэнкам показывать: враз может задушить крепкими руками и тут же проглотить. Много слышал таких историй молодой со смоляной шевелюрой мужчина из рода, что жил под Шамановой горой, Паленом прозванный. Да, что тут далеко ходить, вот же доказательство – местного охотника извели.

- Ха-ха-ха! – зарокотал мэнк. – Никто ещё из людей, ну кроме шаманов, не разгадал эти тайны. А кто пробовал, тот домой уже не вернулся. Знаешь ли ты о том?

- Знать-то знаю, но у меня есть секрет, который поможет мне.

У мэнка лоб трещинами коры осинового пошёл, задумчивость обозначая. Заинтересовали его такие слова. Захотелось ему узнать этот секрет. Почему раньше не знал?

- И где он, твой секрет? – спросил мэнк.

- Пойдём, покажу, мне не жалко, – хитро подмигнув, ответил Пален.

Подходят к настороженному слопцу.

- Вот там под деревом посмотри и увидишь секрет мой.

Мэнк, хоть и большой, но глупый оказался: полез послушно в слопец. Подбил настораживающий колышек Пален, и тяжелым бревном прижало голову мэнку, а самое главное, что уши его смялись и рассыпались, словно скорлупа яйца трясогузки, и потерял не только силу свою мэнк, но и жизнь его улетела птицей-халеем, оглушая лес страшным хохотаньем.

День идёт Пален лесом бездверным, лесом тёмным, два идёт, три. А за ним обласок – бока белым золотом отливают, легко соболиной шкуркой скользит по насту. Лыжи, подшитые камусом, тихую еле слышную настовую песенку напевают: «ш-ш-ух, ш-у-ух, ш-ш-ух, ш-у-ух». Дальше ушей Палена песня не летит: нет у неё такой силы, чтобы другие услышали.

Кончился лес. Вышел на опушку Пален. Окинул взглядом безбрежное пространство вправо-влево распространяющееся. А прямо, так и вовсе конца-края не видно. Оробел человек, пришедший сюда из-под Шаман-горы, Паленом прозванный. Не встречались ему еще такие огромные белым шёлком богатые земли, так широко раскинутые, что взором не объять, мыслью не окинуть. А солнце так весело заиграло по шёлку белому, так долго висело над простором неоглядным, что глазам больно стало, даже слезу вышибло. Куда идти дальше не знает. Затеси кончились, подсказок нет. А кто ему укажет путь, кто направит в нужную сторону? «Уйду так в белизну эту, спутаю дороги, так недолго и выше спины леса уйти, а там, как известно всем, дорога только к божеству. Рано мне на ту дорогу ступать...», - подумал Пален.

День ждёт, два ждёт. Думает. Ошибиться боится. Тишина вокруг такая, что шелест снежинок слышится.

На третий день кедровка объявилась, на кудрявую шевелюру кедровую уселась, и давай трещать, да так, что ушам стало больно после такой тишины.

- Чего трещишь, горластая? – прикрикнул на неё Пален, а в душе что-то шевельнулось, вроде как теплом обдало: хоть одна животинушка рядом появилась, хоть так пусть будет, а то совсем одичал. Поговорить не с кем.

- Пр-р-р-рямо! Пр-р-р-рямо! – закричала кедровка надрываясь. «Прямо пойду» - подумал Пален, и шагнул в белизну эту без границ. Время большого наста настало. Идёт Пален легко, скользя по самой поверхности плотного снега; за ним обласок на верёвке привязанный, а на дне обласка припасы скудные, казанок медный, сеть для ловли рыбы, пешня лёд рубить, да лук со стрелами – вот и весь скарб. Топор да нож при себе - к поясу привязаны. День идет, другой уже скоро к закату поклонится. Седьмой день, как из дому. Попадаются сосёнки кривые, болотом измождённые, ветрами исковерканные, уже и кочки местами из-под снега повыбивались. Берёзки стали чаще встречаться, а вот вдалеке большая берёза стоит, увешанная жертвенными подношениями. Тут и место повыше. «Озеро рядом. Священная берёза в священном месте стоит» - подумалось. Повязал Пален, приготовленный для такого случая

жертвенный кусок белой материи на священную берёзу. А вот и берег на расстоянии полёта стрелы показался. Вот оно Священное Озеро!

- Сумэт Лор! – берёзовое озеро, - воскликнул Пален.

4

«Поживу на этом берегу, подожду, когда кочки оттают, когда Земли Глаз обнажится», - подумал Пален. Домик из снега соорудил, чтобы от ветра укрыться пронизывающего. Прорубь пешней прорубил – вода чистая, что слеза девичья. Это и есть Святое озеро, понял Пален. Чаю наварил, оленины сушёной пожевал. Рыбы свежей захотелось. Ещё семь лунок прорубил в толстом льду, любясь колокольным звоном льда мелкого, пешней высекаемого. Целый день пешней тюкал, колокольчики слушал – устал. Работы и на следующий день осталось. Затянул сеть под лёд бечевой для этого случая припасённой. Глубина не так большая – чуть больше роста человеческого. День стоит сеть, два, три. Ни одной рыбёшки даже самой маленькой не попало. Не ловится рыба.

Понял Пален, что это колдовство такое: пока не раскроет он хоть одну тайну озера, не поделится оно с путником рыбой. А за эти дни тепло установилось, ветер с солнечной стороны подул, кочки вокруг обозначились, клюквой прошлогодней усыпанные. Самое время Глаз Земли искать. «Обойду вокруг озера, пока по утрам наст крепкий, может, и увижу Глаз Земли».

Облас у священной берёзы оставил. Вспомнил наказ человека в норе живущего, из рода мамонтов: кто намерился озеро покорить, пусть на шею венок из травы возложит, и только на противоположном берегу на возвышающейся берёзе повесит, чтобы все узнали, что ещё один человек к святыне прикоснулся. Насобирав Пален травы сухой, сплёл венок, на шею себе водрузил. Посолонь решил озеро обогнуть. День идет, два, три. Утром обычно раненько в серости предрассветной ступает на наст крепкий, лыжи за собой тянет. Щучкой скользкой вслед ему следуют. По самой границе береговой идет. Больше, чем на длину лыжи от льда не отходит. Бойтся, что тайна уйдёт от него неразгаданной. В половине утренней зари, как только солнце покажется, отмякает наст, слабеет. На лыжи

встаёт. А к полудню ближе и лыжи не держат. Полдня потом сиднем сидит на берегу: портки сушит, чай пьёт.

День идёт, два, три. Солнце уже полукруг сделало. «Половину, прошёл, однако», - подумал Пален, и повесил на приглянувшейся берёзе венок, как можно выше. Отдохнул, вяленной олениной подкрепился, чайку пошвыркал, и дальше пошёл. Весело идёт, песни поёт.

На седьмой день к обласу своему пришёл.

Взял палочку суховатую, стал чертить путь свой семидневный повторяя. Удивился: сердце оленя получилось.

- Самлор! – крикнул, - Сердце-озеро!

Тёплого ветерка дуновение ощутил.

Сеть проверил, а там щука огромная, жирная, белым боком небеса отсвечивает. «Вот и разгадал я первую тайну», - подумал Пален. Как иначе мог истолковать он озёрное подношение – щуку такую большущую.

5

Ещё семь дней прошло. Кочки совсем наружу повылазили, можно теперь и без лыж ходить.

Лыжи, облас оставил Пален, налегке решил ещё раз вокруг озера обойти. Ещё две тайны озера священного не открылись пока. Дни длинные потянулись, тёплые; берега тёмные обозначились, лёд на озере поднялся гладкий и сухой стал – ходи, хоть от утренней до вечерней зари. День минул, а путь такой прошёл, как за три дня раньше. Второй день завершился.

А на третий день вышел пораньше - в начале утренней зари. Некогда бока мять. Невтерпёж стало, хочется скорее разгадать секреты озера священного. Время такое было, что с тальниковыми устьями ручьи ещё не ушли, с травяными устьями ручьи ещё не ушли, лебединая песня уже оживила всё пространство над озером. Белое сукно – богатство своё стала терять земля. На шкуру линялого оленя стала походить. И вот открылось взору Палена в месте одном пространство, зелёным ковром уходящее в глубь берега. Ноги сами повернули, несут его всё дальше и дальше. Идёт он, куда глаза глядят, куда ухо слышит. Вдруг услышал он хлопок такой, будто кто в ладоши

лязгнул. Куропаткой встрепенулось сердце, бубном ударило в уши. «Это он – Мув Сэм - Глаз Земли», - догадался.

- Охо-хо! – тяжело вздохнул старик Пален, - я сразу догадался, что это Глаз Земли. Повернул голову: вот же он в трёх заячьих прыжках, холодным блеском небо отражается в нём; недвижим тёмный глаз, не морщит его ветер. Ноги мои подкосились, с коленями слабыми мужчиной я стал, присел на кочку. Ветерком запах жира земли принесло. Окружило, заморочило облачком голову. Мне бы уйти сразу, но нету сил отвернуться. Вот же он за кочкой Глаз Земли.

Набрался я решимости, встал на твёрдые ноги, шаг, два, три. Семь шагов сделал, взор не отрывая от Земли Глаза. Голову так заломило, что пошатнуло даже, но устоял. Нагнулся, и глянул в бездну. Лица своего не вижу – только небо синее, такое синее, что глаза слепнут. Взял я жир земли на палец, потёр, склизкость пахучую почувствовал. На язык нехорошее слово уже попросилось, но рот мой не произнёс ни звука. Силой неведомой будто подняло меня вверх, до верхушек низких деревьев я взлетел и упал на кочку. Не знаю сколько лежал. Когда очнулся – звёзды на смену солнцу пришли. Вот и вторую тайну священного озера отгадал, но тёплого ветерка дуновения не ощутил - холодом обдало. Слова сказать не могу, руками ощущал голову, пальцы в кровь исцарапал – до губ хотел дотронуться, а там зубы щучьи острые. С горя да испугу закричать бы, да голоса нет.

6

Идёт-бредёт Пален по льду, шуршащему под ногами, вдоль берега с вытаявшими кочками. Увидят его куропатки, разлетаются с криком, испугавшись его страшного вида, а по вечерам квохчут в кустах, да похохатывают. «Надо мной хохочут» - грустно думает Пален. Глянет в воду, как в зеркало. Жутко станет. Взвыл бы, да только беззвучно пасть щучья раззевается.

А утром дальше идёт. Одна тайна осталась – священный источник. Только на источник вся надежда. Горбатый старик из рода мамонтов так сказал: «Увидишь родник священный в устье с густыми тальниками, умойся исцеляющей водой. Но только бурлящую воду зачерпнуть нужно. Не поддайся желанию

нырнуть: голова щучья тянуть будет в воду. Удержишься – снимется проклятье Глаза Земли, а нырнешь – всё: в щуку превратишься, и не будет уже пути назад».

Время такое пришло, что с тальниковыми устьями ручьи вскрылись, с травяными устьями ручьи зажурчали. Много их в озеро воду свою чистую несут. В каком из них священный родник, заклятье снимающий? Как узнаешь? Загрустил Пален. День идёт, два, три. Уже дважды озеро обошёл, не показывается тот источник, что расколдовать может. На седьмой круг пошёл. Уже новая луна царепинкой на небе появилась. Местами лёд от берега отстал. Спешит Пален: нужно же успеть, пока лёд стоит, потом тяжелее будет ходить, травой берега затянет, тальники залистятся курчаво, родник укроют.

Вдруг куличок, только что прилетевший со стороны солнца, сел среди тальников на берегу ручья в самом устье. «Иди-и-и-и! Иди-и-и-и!» - запищал так истоиво, что Пален поверил ему, и пошёл на этот писк. Клёкот такой, на журчание воды похожий, робкий-робкий до ушей долетел. Присмотрелся, а в самом устье, где ручей под лёд прячется, вода бурлит. Вода чистая-чистая, синевой небесной отливает, весёлым журчанием манит. Побежал сначала Пален прытко, но остановился вдруг. Сердце заячьим стало: затрепетало, забилося: лёд-то истончился около родника, так и провалиться можно, а там только одна дорога – в щуку превратиться. Распластался на льду, пополз осторожно. К роднику к самому придвинулся, руку в родник окунул, кромку льда тронул. Охололо сердушко: с топора лезвия толщиной лёд, а если не выдержит? Зачерпнул воду, бурлящую, и на лицо брызнул, и так три раза повторил, как велено было седым стариком, что с мамонтами родство вёл. И тут же щекой ощутил холодный и шершавый лёд.

-«Я человек, открывший все три тайны святого озера Сами Лот Лор – озера, берущего начало из священного источника!» – крикнул зычно Пален. Радостно стало ему, тёплого ветерка дуновение ощутил.

Вернулся Пален к священной берёзе. Оглядел берёзу, повязанную жертвенными лоскутами разной давности, издалека, повернулся в сторону восходящего солнца, да вдоль берега:

берёзки белым рядом сомкнулись, руками-ветвями взявшись. «Сумэтлор – берёзовое озеро» - выдохнул Пален.

Решил сеть проверить, а на лёд уже не зайти: промоина широкая образовалась вдоль берега. Вот и облас пригодился. В сети три шуки большие попались. Возрадовался такому улову Пален, но только одну взял, две выпустил. Время весеннее - пусть нерестятся.

Домой вернулся Пален. К человеку слова священные, слова заклинающие знающему - к шаману пришёл. О разгаданных тайнах поведал.

- «Нам давно тайны священного озера были известны», - седой шаман легонько коснулся колотушкой бубна, - «но берегли их, чтобы люди не прознали. Але - Ики – седой старик ещё эту тайну шаманам открыл, но опасался, что узнав о нём люди могут погубить озеро. Поэтому и молчали. Но, если ты узнал и разгадал тайны Самотлора, то и другие разгадают. Да мы, шаманы давно его называем Самотлором – озером-сердцем, берущим начало из родников, в самой середине земли расположенным, белыми берёзами окружённым. Придёт время и об этом священном озере узнают все люди, живущие на Земле. Потревожат люди Духов Воды, охраняющих тайну озера. Духов Земли потревожат. Черные реки мне снились.

Слышу уже гул: семью сильными-сильными криками ответит земля. Много лет пройдет, прежде, чем примирятся Духи земли нашей с пришельцами. Поймут всё же они, пришедшие взять богатства озера, что и для своих детей Землю беречь нужно. Люди, пришедшие на священную Землю, Своей Землёй назовут её, почитать будут Самотлор, как самую дорогую святыню, будут славить его. С народом, проживающим на берегах Оби и Ваха, будут мирно жить. Так отец мой сказал, в Нижний Мир уходя, такая надежда и во мне живёт».

- «Да», - сказал старик Пален, обводя тёплым взглядом притихших детей и родителей их, закончивших свои дневные дела и подсевших к костру, - «берегите Землю нашу священную, живите со всеми людьми в мире и согласии».

Тихо и незаметно разошлись по домам слушатели, а старик ещё долго сидел у догорающего костра...

Глоссарий:

Але-Ике – Большой старик, почитаемый народом ханты, который помогает людям, у него ханты спрашивают совета.

Нум Торум – верховное божество, бог.

Ими Хили – Сын Торума, сын золотого света, Торум поставил его помогать людям, учить их рыболовству, охоте.

Облас – деревянная лодка-долбленка из цельного дерева.

Мэнки – первые люди, неудачно созданные Нум-Торумом из лиственницы и убежавшие в лес. Тела их неуязвимы; но наблюдательный человек может обнаружить его слабое место. Часто мэнки описываются, как людоеды и оборотни.

Нижний Мир – мир, где обитают мёртвые, куда перемещаются после смерти умершие.

Не поминай бога всеу

Соорудил я в пойме Оби, в озёрном крае, охотничью избушку. Крыша над головою, в непогоду жаркая печь, широкие нары. Кто знает уют этих избушек, полуземлянок, землянок, не сравнит с ним ни одну палатку. На строительство пошли брёвнышки, плавник, старые доски, отчего избушка приобрела старенький вид. Охотничьи избушки отнюдь не похожи на те роскошные хоромы, кои можно увидеть в кинематографе.

По утречку на озёрах, что рядом по протокам, можно закинуть удочку, посидеть с этюдником, у костра побаловаться ухой или чаем, заваренным травами. А на свет костра, что рядом у избушки возле столика со скамейкой, нет-нет да и заглянет проходящий мимо рыбак или охотник. Новые люди, новые рассказы порой столь удивительны, что о них хочется рассказать нашему брату-непоседе, которого в выходные дни не застанешь за телевизором.

Так было и в тот сентябрьский вечер. Из темноты к костру подошли два пожилых человека, поздоровались, попросились посидеть у костра. Предупредили, что ружья разряжены, отставили их в сторону. В таких случаях непременно чаёк, разговоры о зорьке, об удачных выстрелах, об обидных промахах. Отдохнув с час, охотники собрались уходить. Кто-то из нас, молодых людей, сидевших у костра, помянул о боге: ставил сеть на озере на тычку, рядом ни кустика, а у берега старый пруток нашёл, приткнул сеть, слава богу.

— Эх, — с укором взглянул пожилой охотник, покрасневший от тепла костра, да от усталости, — *старики говаривали: «Не вспоминай бога всеу!» Мы-то, это самое, в школе учились в советское время, жили в полном безверии, редко когда стариков молящихся видели. В клубах лекции читали атеистические, разуверившиеся деды наши церкви рушили, а какие церкви уцелели, то в склад, а то и в конюшню превращали. А в душе где-то всегда жила мысль о том, что*

есть что-то выше нас, есть какая-то сила. О боге вспомняешь, когда уж очень хорошо или когда совсем уж плохо.

– Был со мною случай такой, – продолжил дядя Лёша (так звали нового знакомого), – когда я больше себе не стал задавать вопрос, есть ли бог на свете для нас... А было так. Вели мы с отрядом железку с Урала, после изыскателей делали отсыпку в Кондинском крае. Я работал трактористом. Места там богатейшие, да ещё через Мало-Сосьвинский заповедник проходили. Дичи по дорогам, хоть ключом кидай (было и такое). Платили хорошо, редко кто с ружьём не дружил. Отдых, конечно, на природе: на охоту, на рыбалку...

Собралась нас компания по весне, лёд только сошёл с рек, с озёр... Озёра в том крае огромные, но мелкие, чаще заливные. Я сети на карасей выставил и на соровую рыбу, утром на уток бы посидеть, а за островами на болотах тетерева бормочут, булькают. Ну, мужики, как водится после трудовой недели, это самое, в рюкзак бутылочку прихватили. У костра выпили за дружбу, за весну, за выезд, короче, к вечеру ревизию навели, мало выпивки, кому-то надо домой съездить. Жребий кидать не стали, я самый молодой и трезвый, после аварии, ноги ломал, можно сказать, в рот почти не брал спиртного.

– Отъехал я от острова, от костра, от друзей в сумерках, дёрнул мотор «Вихрь», двадцать лошадиных сил, новый, хорошо заводился, переключил с холостого хода на скорость, слышу, лодка днищем ломает лёд, на озере подстыл. Метров через двести мотор как-то заглох. Я встал, шубу с себя снял и сгоряча скорость не выключил, карбюратор подкачал, дёрнул стартер, мотор взревел, на скорости рванул, а я за борт, точнее, за корму, в ледяную воду, выпал. Через секунд 15 мотор сбавил обороты. Лодка, ломая днищем лёд, сама по себе поехала от меня. Первое, страх и холод сковал тело, на лёд вылазить – лёд ломается, не держит. Плыть до мужиков метров двести – не доплыву. Решил сапоги, резиновые бродни, снять, один сбросил, на лёд кинул, другой снять не могу, ножом голяшку распорол, да ещё и ногу порвал сгоряча, пробовал кричать, не получается. Ну, как глупо, только что был с друзьями у горячего костра, и вдруг... За что? Почему? За

что, Боже, ты испытываешь меня? И вдруг я почувствовал под собой какую-то опору, вроде старая тычка подо мною, упёрся я на неё, отдышался, хоть кричать друзьям можно – я их вижу у костра, слышу голоса и смех. Покричал, покричал, вроде раз затихли, нет, не откликаются, опять смех. Я силы теряю, да и что они? Кто ко мне на бревне поплывёт – лодка одна у нас на пятерых? Лодка моя далеко ушла, мотор еле слышно... И вдруг меня, как пронзило, вспомнил я опять эту высиую силу: «Дай мне спасения!» (в чём оно я представить не мог, да и представить было трудно), – дядя Лёша протёр повлажневшие глаза.

– Вдруг слышу, вроде звук мотора приблизился, думаю, хочется так, нет, точно ближе, нет, не кажется, ещё и ещё ближе, различать стал форму лодки, а вдруг переедет меня, винтом порубит, так случилось с людьми... А лодка на тех же оборотах средненьких пробирается по своему следу ко мне и, вдруг, не доехав до меня метров восемь, остановилась, как по заказу, мотор сдох. Доплыл я до неё, с кормы через були перелез, скорость выключил, мотор завёлся с первого рывка, шубу накинул, колотит всего, через пару минут был уже у костра. Ну, ребята с радостью, с шутками: «Лёш, а что так быстро, что привёз? Где был?» «Да, – говорю, – почти на том свете был». Переодели в сухую одежду, кружку водки налили, и к костру. Не простыл, не болел, молодой был, понятно это самое, ночью только чернота, вода в глазах стоит, не могу – жуть. Долго это чувство жило во мне. Вот так было. До сих пор не могу объяснить... – собираясь уходить, закончил свой рассказ пожилой охотник Алексей Пайвин. – С тех пор я не скажу: «Не верьте в бога».

– Посиди, Алексей, я расскажу ребятам свой случай, и дело тоже с техникой, и многое похоже, только было это зимой, и не с водой, а со снегом. Человек один на природе может погибнуть, замёрзнуть, обессилеть в борьбе со стихией. О безопасности приходится думать больше, чем где. Каждый шаг должен быть взвешен, оправдан и выверен. Маленькая оплошность, и расплата бедой, а порой и жизнь на волоске. А было со мною так. Работал я кадровым охотником, в Госпромхозе Охтеурском, возвращаюсь после месячного

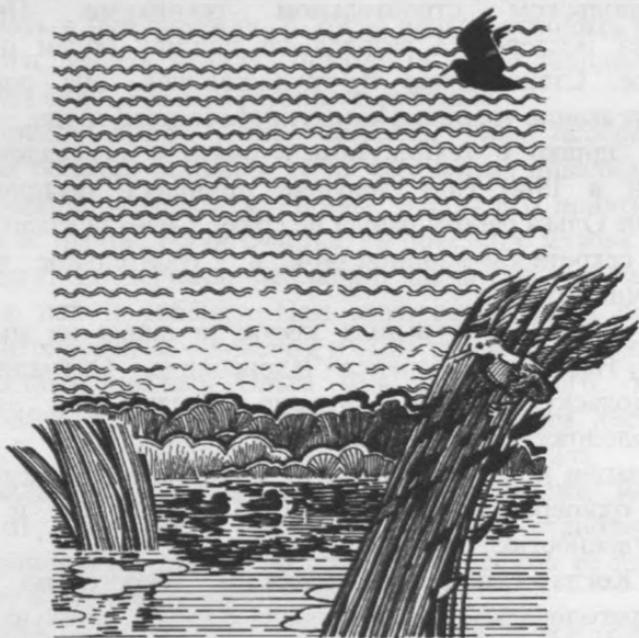
труда из тайги на снегоходе домой, выехал с поймы таёжной реки Куль-Ёган. Въехал уже в пойму Оби, а там сор широкий, километров десять на десять, ни кустика. (В те годы колхозы луга готовили под покосы с весны, в апреле выжигали). Заехал на зимник, с утра уже мело, а тут к вечеру на просторе разыгралось, надувы сплошь, в одном месте меня угораздило, снегоходом врезался, гусьянки снег выгребли, хода нет, надо подтолкнуть. «Тьфу, – думаю, – в тайге по буреломам, оврагам, ручьям не застревал, а тут на ровном месте, на дороге». Слез, подтолкнул «Буран» за руль немного вперёд, затем вставил в рычажок газа рукавицу на средние обороты и начал сзади подталкивать, приподнимать снегоход. И вдруг в какой-то момент он от меня и рванул, запрыгнуть я не успел, рукавом сзади зацепился, проволоч он меня с десятков метров... «Буран» едет по зимнику между снеговых бортов, догнать я его не могу. А потом лыжа ударилась – пошёл он то влево, то вправо, с борта на борт – всё равно не могу догнать. А он вилюшки всё круче, да круче, – взглянул Юрий на улыбки ребят, сам улыбался, рассказывая, – ну, тогда-то мне было не до смеха, как бы через борт не переехал, чёрт побори! А чёрт он тут как тут! В одном месте чуть было не догнал свой «Буран», а он через борт и айда на луга, а снег там по пояс. Лыжи-подволоки приторочены к снегоходу, слева ружьё, справа рюкзак с пушиной, месяц труда в тайге: шкурки соболя, норки, бельчонки немного, рябчишки на дне рюкзака, через день у жены день рождения.

Пробираюсь по снегу, думаю, может заглохнет. Куда там! Может куда-нибудь в гриву леса уедет, упрётся, всё равно дойду. А снегоход петляет по лугу, я вижу свет фары, да и пробираюсь по его следу всё... Вахловский сор – ни кустика! И вдруг вижу на одном месте стоит одинёшенькая ветла корявая... И я взмолился, как мог: «Господи, хватит испытывать меня за глупый поступок, дай ты мне помощи! Да упёрся бы мой беглец в это дерево! Даже подумать страшно, сколько ещё идти с одной рукавицею. И вдруг вижу, петлял-петлял мой снегоход, потом развернулся, едет, да к дереву всё ближе-ближе. А потом смотрю, – дядя Юра помолчал, развёл руки в стороны, – когда я добрался до своей техники, «Буран»

упёрся лыжей в дерево. Гусьянки снег до травы под собой выскоблили, не заглох. Оседлал я его, руки согрел, рукавицу надел вторую, вынул я её из-под рычага, это моя глупая ошибка была – засунуть её в рычаг. Близко к дому – мыслить разучился. Зараз домой добрался без приключений.

С того случая прошло уже много лет, не раз задумывался, почему снегоход нашёл это дерево в чистом поле. Конечно, всё глупо было, дело к ночи, километров двадцать от посёлка, от людей. Не дай бог заломить ногу или поломать – потерял сознание, всё – верная гибель... Мы, охотники, просто обязаны были по рации переговорить, всё ли нормально. Засорять эфир пустой болтовнёй запрещалось, вдруг что-то случилось, не дай бог. Но рация, как правило, находилась в избушке. Поди, доберись до неё... Ребята, не вспоминайте бога всеу. Ну, добре. Пойдём к своему стану, к лодке.

VI. ПОРТРЕТЫ ЗЕМЛЯКОВ

**Девиз её жизни: «Идти вперед и не сдаваться!»
(Ольга Александровна Назырова)**

Ольгу Сухобрусову, способную девочку, сразу после окончания школы в 1975 году взяли на должность помощника бухгалтера в совхоз посёлка Пригородного Ставропольского края. Затем, окончив Светлоградскую школу строителей по специальности мастера-нормировщика, Ольга учится заочно в Ставропольском строительном техникуме. Параллельно работает мастером 3 разряда по пошиву обуви на обувной фабрике. Старательная и трудолюбивая, она очень скоро получит звание ударника коммунистического труда.

Однако с техникумом в связи с переездом семьи в Мегион в 1980 году девушке пришлось распрощаться. В Мегионе Ольга работу нашла не сразу. Сначала взяли сторожем, затем секретарём-машинисткой в Строительное управление отделочных работ.

В 1983 году вышла замуж за парня из многодетной семьи, Назырова Маркиса Идрисовича. Сыграли весёлую комсомольскую свадьбу. Согласно замечательной традиции тех лет молодожёнам – передовикам производства – от имени организации подарили ключи от комнаты в общежитии. И это было одновременно и большой радостью, и большой ответственностью.

Когда Ольга находилась в декрете по уходу за полуторагодовалым сыном, попала с ним в детскую больницу. Казалось – ненадолго и благополучно. Ей и в кошмарном сне не могло присниться, что её, абсолютно здоровую, вынесут из больницы инвалидом. В палате, заразившись от детей, больных менингитом и не изолированных, Ольга заболела менингомиелитом – смертельным заболеванием, поражающим спинной и головной мозг.

За окнами радовал май: сияло лучезарное солнце, гомонили птицы и просыпалась природа, а она молодая, ещё вчера наполненная счастьем и энергией, умирала. Парализовало полностью, руки-ноги не шевелились, она не могла даже

вытереть слёзы с лица, которые текли произвольно. Сына у Ольги сразу же забрали, и все её мысли были только о нём.

Из инфекционной больницы Мегиона её перевели в Нижневартковск. Четыре мрачных месяца, наполненных неотвязными мыслями «*За что? Что я сделала? Почему меня?*» тянулись бесконечно. Жить не хотелось – добивала мучительная боль, железным обручем сжимавшая мозг. Ужасные гниющие пролежни оставляли на теле, как она говорит, дыры. От последнего отчаяния Ольгу спасало то, что она не знала, что ноги тоже парализованы, ей казалось, что она их поднимает и чувствует в них боль. Спасибо тем врачам, они молчали, не желая убивать в ней надежду. А когда начали отходить руки, а затем и ноги, узнала правду. Доктора в голос твердили, что Ольгу спасло чудо, а её сын родился в рубашке.

Вопреки всему, она выжила, но необратимые последствия болезни оставили её на всю жизнь инвалидом. Не описать отчаяние молодой женщины. Чтобы его понять, надо побывать в её шкуре. На её счастье, ей повезло с мужем. Он не бросил Ольгу, не загулял, не запил, напротив, удвоил своё внимание к ней и ребёнку. При этом оставался и остаётся удивительно скромным человеком и сына таким же воспитал.

Восстанавливалась Ольга мучительно долго. Упорно училась ходить «ватными» ногами по ступенькам лестницы: вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз... Качала пресс, разрабатывала ноги, наращивала, как она говорит, мясо на провалах от пролежней. Надеялась, что, восстановившись, найдёт какую-нибудь работу по себе. Но на работу её нигде не брали. Кому нужен инвалид?!

Теперь она вспоминает, что, несмотря на все трудности морального характера, инвалидам в 80-е годы прошлого века, благодаря государственной поддержке материально жилось хорошо. Оплата квартиры и телефона стоила копейки. Лекарства давали бесплатно, да и стоимость их была несоизмеримо низкой по отношению к сегодняшним ценам. На берегу Меги стоял магазин, где инвалидам по спискам отпускали продукты по заниженным ценам. Льготный билет до Ставрополя и обратно стоил всего лишь 60 рублей. Путёвки в санаторий на юг она ежегодно получала от треста МНПС

(Мегионнефтепромстрой). Пенсию Ольге с учётом ребёнка назначили большую – 132 рубля. И при копеечных ценах это были немаленькие деньги. Копеечные цены – не преувеличение, а реальность: буханка хлеба в то время стоила 18 копеек, бутылка молока 28. А точнее, стеклянная бутылка с молоком, которую можно было сдать за деньги назад. Естественно, пустую.

В те годы администрация города, как могла, материально поддерживала инвалидов. В жизнь мегионцев с навязанными стране М. С. Горбачёвым словами «перестройка», «гласность», «консенсус» вошло новое понятие «бартер». Для Ольги оно воплотилось в реальность в виде подаренных ей чемодана, спортивного костюма, ткани на юбку, кожаных перчаток. Но отправляя за границу нефть, газ, металл, хлопок, лён, шерсть и прочие натуральные продукты, страна взамен (по бартеру) получала яркую, модную, но дешёвейшую синтетику и продукты сомнительного качества. При всём при этом, народ, запивая кока-колой «бушевские ножки», радовался, что наконец-то оделся и всласть наелся после дефицита, организованного властью предрержащими в последние годы правления престарелого Брежнева страной, по своему экономическому развитию отстававшей только от Америки...

Ольгу страшно угнетало другое. Воспитанная родителями-тружениками, всегда бывшая активисткой, она не могла сидеть без дела. А его не было, и до неё самой дела тоже никому не было. В своём отчаянии она казалась себе убогой, никчёмной, донельзя одинокой. И только в 1991 году её пригласили во Всероссийское общество инвалидов.

Материально тяжело инвалидам стало позже, в «лихие 90-е». Несмотря на гласность, про них словно забыли. Впрочем, однажды, при первом мэре города Егоре Горбатове, раздали по килограмму масла бесплатно. И эта разовая подачка будет помниться ими всю жизнь. А затем стало ещё хуже, когда льготным категориям людей эти самые льготы заменили нищенской монетизацией. Герои Советского Союза, вышедшие на улицы и площади Москвы с плакатами, свои льготы отстаивали. Инвалидам не повезло, поэтому отсчёт жизненных вех многие из них и по сей день ведут от монетизации льгот.

Позже руководителем Мегионского общества инвалидов поставили Куликовскую Тамару Павловну. И начался новый этап в его развитии, для инвалидов выделили землю. Ольге (и не только ей) выпал огород в затопляемой зоне. Все те годы стояла большая вода. Наша картошка не рис – в воде не растёт. Воспользоваться участком Назыровы смогли всего лишь пару раз, к тому же земля, потерявшая гумус, давала смешной урожай.

Ольга с детства любила шить, и жила в ней мечта стать классной закройщицей и портнихой. Однажды девчонкой купила в Тбилиси дерматин, раскроила в закроечном столе и сшила себе куртку, что, надо сказать, было делом не из лёгких. И когда в 1995 году, ещё до монетизации льгот, Ольга, прочитала объявление о том, что на базе культурно-спортивного общества инвалидов «Росиночка» организуются «Курсы кройки и шитья», поняла, ей надо туда. Тут же, без колебаний, записалась в общество.

В «Росиночке» Ольга села за швейную машинку, чтобы шить полотенца, платочки, постельное бельё и сорочки. Конечно же, это не те красивые платья, о которых мечтала в детстве, и которые хотелось носить. Но надо было что-то делать, чтобы как-то выживать... С детства Ольгу отличали усидчивость и трудолюбие, и это давало силы. Конечно же, за работу инвалиды получали копейки, но зато они были востребованы и находились в кругу равных себе людей.

Именно в «Росиночке», Ольга Александровна нашла себя. Позже в своём интервью газете «Мегионнефтегаз-Вести» она скажет: *«У меня было такое ощущение, что огромный мир вдруг закрыл передо мной двери, сузив пространство для существования до стен квартиры. Сложно представить, кем бы я была сегодня, не будь близких людей и нашего общества “Росиночка”»*. [1].

Став инвалидом, она не утратила ни живость характера, ни оптимизм, ни стремление жить полноценной жизнью, активно участвовала в организации спортивных и культурных мероприятий «Росиночки», играла в спектаклях, пела в хоре, занималась декоративно-прикладным творчеством. Сработанные руками Ольги Александровны куклы, как русские,

так и хантыйские, а также вязаные изделия были украшением выставок, принося ей заслуженные благодарности и дипломы. Грамоты и благодарности за активную жизненную позицию и за посильный вклад в улучшение качества жизни людей с ограниченными возможностями Ольга Назырова имеет от всех мэров города.

В 1997 году произошёл новый виток в жизни Ольги Александровны. От имени «Росиночки» она принимает участие в спортивной жизни города. А в 2006 году впервые выступает в спортивных соревнованиях на уровне округа и области. На первое соревнование в рамках округа она приехала безо всякой подготовки и тренировок. К тому же Исаков, руководитель окружного Центра адаптации, посадил её в инвалидное кресло, которым она вообще не пользовалась. В нём было крайне неудобно, но оно полагалось какими-то правилами при её заболевании. В тот первый год она вышла по всем видам на четвёртые места. Впрочем, тогда же команда Мегиона в составе четырёх человек, в том числе и её, заняла первое место в эстафете.

На следующий год Ольга Александровна к соревнованиям упорно готовилась. От кресла категорически отказалась. Тогда, в 2007 году, на Окружной спартакиаде в городе Сургуте она завоевала две первые золотые медали в личном зачёте по плаванию среди людей с ограниченными возможностями. Дома от главы города получила грамоту за личный вклад в развитие адаптивного спорта в городе Мегионе.

А далее редкие состязания за пределами Мегиона обходились без Ольги Назыровой. Защищая спортивную честь Мегиона, она выступала в Тобольске, Лангепасе, Сургуте, Тюмени, Ханты-Мансийске. Ставила рекорды в лёгкой атлетике, теннисе, многоборье (толкание ядра, метание диска, метание копья), пауэрлифтинге – жиме лёжа, плавании.

В 2015 году, прочитав объявление в газете, Ольга Александровна заявила себя участником городской спартакиады среди ветеранов. В итоге оказалось, что ей предстоит соревноваться со здоровыми пловцами – нефтяниками Мегиона и Лангепаса. Могла бы отказаться, но это не в её характере.

Несмотря на факт физического неравенства, в турнире по плаванию она заняла два призовых места.

Умножая славу родного города, она неизменно получает награды за свои спортивные достижения, которым можно только позавидовать. Её заслуги в спорте отмечены двумя статуэтками Ники и званиями «Лучший спортсмен 2010 года» и «Спортивная элита 2015 года». На сегодняшний день Ольга Александровна Назырова – обладательница 62 золотых, 38 серебряных и 33 бронзовых медалей. И это только те, к которым прилагаются грамоты и дипломы. А те, что лежат «без бумажного сопровождения», она и не считает!

Ольга Назырова (справа)

14 февраля 2020 года на окружном чемпионате и первенстве округа, проходившими в Сургуте, Ольга Александровна стала чемпионкой округа по плаванию на спине и бронзовым призёром по плаванию вольным стилем. Но она не останавливается на подвластных ей видах спорта. В этом же году впервые приняла участие в окружном чемпионате и первенстве по парабадминтону. Стала бронзовым призёром. Вот в этом вся Ольга Назырова. Идти вперёд и не сдаваться ни при каких условиях!

Примечания:

1. Егорова, М. Цена милосердия // Мегионнефтегаз-Вести. – 2006. – 8 дек.

О творчестве урайского писателя Л. И. Либова

10 января 2021 года исполнилось 100 лет со дня рождения писателя, почётного гражданина города Урая, человека удивительной судьбы – Льва Иосифовича Либова. Столетний юбилей знаменитого писателя - земляка - это важный рубеж в истории и культуре нашего города, значимое событие в литературной жизни Урая, и прекрасный повод вспомнить о Льве Иосифовиче, как об авторе замечательных книг в жанре документальной прозы, эссе, исторических повествований.

С ранних лет Лев Иосифович увлекался литературным творчеством, поэзией. Известный поэт Лев Квитко включил стихи Лёвы Либова в сборник «Детское творчество». Юный стихотворец с третьего класса сотрудничал с детскими, юношескими городскими, областными, союзными газетами и журналами. Так сложилось, что лишь спустя много лет, работая в школе и помогая своим ученикам в публикации их поэтических опытов, Лев Иосифович не мог не попытаться осуществить давнюю мечту стать писателем. Его мечта сбылась – в 2002 году в журнале «Урал» была опубликована его первая книга – эссе – реквием «Плачь, сердце, плачь!», которая была переведена на английский язык. Американский профессор литературы и креативного письма из Вашингтона Рональд Брюс Мейер сумел сделать хороший перевод, сохранив особенности авторского стиля. Книга посвящена трагической судьбе евреев, Холокосту. Но автор не ограничивается лишь приобщением к тому, что уже написано на эту тему, новых фактов, хотя и факты, которые сохранила его память, сами по себе впечатляют: «И куда бы ты ни пошёл – налево, направо, прямо, ты – живой, ты дошёл до конца войны. Для тебя наступил долгожданный мир. За орден Красной звезды тебе положено пять рублей, которые дают ежемесячно, но на эти пять рублей ничего не купишь. Собрав их в маленькую кучку, ты снова идёшь на рынок, с твёрдым решением эти деньги, орденские, не потратить ни на что другое, кроме как на яблоки. Выбрал самую красивую

кучку яблоч, но дородная колхозница, видать, никогда, и при немцах даже, худо не жившая, сказала:

-Евреям не продаём! А здесь, на рынке, перед торговкой стоит мой хороший знакомый...интеллигент, тоже учитель, но выдвинутый на государственную должность. Слышит всё и говорит мне:

- А ты на неё не обижайся: она ходит по своей земле.

- А разве, Пётр Иванович Орлов, не свою землю я защищал? – спросил я его. Я не могу забыть этот день и утро этого дня, когда я вдруг оказался не солдатом, не офицером, а только евреем. Комок подступил к горлу, слёзы навернулись на глаза. Не сдержал плача – выходит, плачущий солдат» - это я.» [1, с. 105]

Всё, что написано Львом Либовым – словно одна повесть об одной жизни. Либов писал только о том, что сам видел, что сам почувствовал и пережил. В своих книгах он отразил грани того сложного процесса, когда биография отдельного человека вливалась в биографию эпохи, – и своей судьбой, и своим творчеством, стремился осмыслить и запечатлеть пережитое.

Второе дополненное и переработанное издание книги «Плачь, сердце, плачь!» называется «Плачущий солдат». Интересны и часто трагичны факты и события, мысли философов и учёных, которых автор пригласил к себе и своим читателям в собеседники. Книга написана на главную тему – тему отношений людей в этом мире, когда эти люди – разных национальностей. В этом издании автор делает более сильный акцент на фактах, ассоциациях и размышлениях, отражающих тему плачущего солдата, которая теперь проходит через всю книгу. Это высоко личное эссе-реквием, поражающее сочетанием уникального жизненного материала с талантом выражения всего пережитого автором: «Мои мемуары – о Скорби, о том, о чём рыдает солдат и сколько стоит солдатская слеза. Он, чтобы защитить себя, должен убивать...Мы не смогли защитить 30 миллионов убитых сограждан...Мы не смогли защитить миллионы женщин, детей, стариков, ни с кем не воевавших, ждавших нас. Плачь, солдат, плачь! Ты не смог предотвратить трагедии Холокоста и огромной Катастрофы:

люди превращались в дым, идущий в небо, и в тени, впечатанные в камни...» [2, с. 31]

Книги мемуаров Льва Либова «Троцкий, Сталин и я, или Когда ошибаются судьбы» и «И мои слова уже в прошлом...», изданные в 2005 году, завершают своеобразную мемуарную трилогию. Обратимся к названию второй книги мемуаров – «Троцкий, Сталин и я». Здесь, наверное, самое главное – это «я». Потому что любой из нас может поставить себя на место вынесенного в заглавие «я»: любой из нас всегда оказывается игрушкой в руках крупных, а порой и непонятных сил. Вот как объясняет столь необычное название сам автор: «Троцкий, Сталин и я» - не только ради завлекательности я назвал так вторую книгу моих мемуаров. Смысл названия ещё и в том, что, по-моему, какая бы ни была разница в человеческих масштабах, судьбы людей совпадают в главном: вот тебе жизнь, вот тебе – смерть... И то, что пережил Лёва Невельсон перед казнью, и то, что пережил Достоевский во время незавершённой казни, и то, что пережили другие великие люди, чьи жизни оборвались противостоительно – разве это не говорит о совпадении судеб?!» [3, с.148] Вот в этой жизненной истории «я» оказалось между двумя силами, тоже обозначенными в названии, в любой другой ситуации наше «я» может оказаться жертвой иных сил. Понять это – вот сверхзадача автора. И, решая её, он обращается к нашему богатейшему философскому наследию и проводит читателя по лабиринту противостояния Добра и Зла, которые приобретают каждый раз различные образы, а подчас и скрывают истинное лицо под различными масками.

События жизни Льва Иосифовича, ставшие содержанием трилогии, - это в основном воскрешённые в памяти эпизоды военных и послевоенных лет. Примечательна завершающая трилогию мемуаров книга «И мои слова уже в прошлом...» своеобразием художественной формы, так как наряду с фактами автора интересовали также ассоциации и размышления, с ними связанные: «Рядом с радостью идёт скорбь. Я пережил тяжкие годы войны и мира, но и познал весомость одного дня, названного историей Днём Победы – 9 мая 1945 года. Мне, как и каждому, кто воевал, всегда хотелось передать в наследство моральные ценности, которые характеризовали духовное

величие победителей. Ведь и мы наследовали их от предыдущих поколений. Моральный принцип, давший человечеству возможность выжить и в ледниковую эпоху, и во время тяжелейших превратностей истории, записан в Великой Книге – Библии и в книгах всех философов, от Бога до Добра. Он, этот принцип, очень прост, доступен, нет ничего легче понять его и ничего труднее всегда следовать ему: не делать другому то, что ты не желаешь самому себе. Смысл его – в человеколюбии». [4, с.83]

Творчество Льва Либова можно условно разделить на произведения о Великой Отечественной войне, большая часть которых – это мемуары, и на литературу краеведческого характера.

В 2010 году вышла его очередная книга – «Город – один на свете: историческое повествование». Люди и их судьбы – основная тема этого произведения. В этой книге главные герои – город Урай и те, кто создаёт его историю. Особенность этой книги в том, что автор нашёл свой исторический и философский подход к фактам и явлениям истории. Своеобразие же его исторического повествования заключается ещё и в том, что человеческие судьбы, а вместе с ними и судьба родного города изображены на огромном историческом фоне: «Я намерен осмыслить главное, что составляет богатство тысячелетий, веков и лет истории Урайской земли и самого города. При этом делю события на эры – события «до новой эры» и события «новой эры». Уточним значение понятия «эра». Это момент, с которого начинается отсчёт лет. В истории отсчёт лет начинается с момента рождения Иисуса Христа. Всё, что произошло до этого события, мы называем «до нашей эры», после – «нашей эрой». Момент, когда ударил первый в Западной Сибири фонтан промышленной нефти, можно назвать началом новой эры. И всё, что произошло после события, озарившего Кондинский край, – нашей эрой. История Урая, Урайской земли – фрагмент истории великого равновесия природы и человека». [5, с. 6] Для повествования «Город – один на свете», как и для предыдущих работ урайского прозаика, характерны и темперамент, и присущая ему эмоциональность: «Здесь Сибирью пахнет, вольной, раскованной. Ветрами своими дарит

она прохладу знойному, горячему югу. А город, как подсолнушек, обращает свой лик к животворному солнцу. И когда лучи солнца, укрытого суровыми рваными облаками, серебром и золотом пробиваются к урайской земле, их принимают и отражают стёкла нескольких тысяч фонарей... А когда над Ураем - бескрайняя синь неба, солнечные лучи и фонари затевают игру в бисер на радость жителям. И вот заря уже отдаёт землю в объятия ночи... Город загорается тысячами фонарей. Им в ночном сибирском небе отзываются звёзды. Урайская земля – красота моя, Урай, любовь моя!» [6, с. 17]

«Нужны ли лосю шесть конечностей» - Чем уникальна эта книга? Повествование, в котором автор использовал разные стили и жанры. Здесь и философия, и история, и художественный рассказ, и очерк, и притча, и анекдот. Это объёмный труд, посвящённый Ураю, его людям и истории земли Урайской и Кондинской с древнейших времён до наших дней: «Урайская земля досталась нам от далёких предков двух родственных народов – манси и ханты, пришедших в сегодняшнюю историческую действительность из глубины веков. Достаточно точно известно, когда это произошло. Я повторю: одиннадцать тысяч восемьсот тридцать – двенадцать тысяч двести сорок лет тому назад. С неё урайская земля может вести отсчёт своей истории». [7, с. 91]

Его взгляд зачастую отличается от принятых официальных версий тех или иных событий. Рассказывая о временах далёкой древности или повествуя о дне сегодняшнем, Лев Либов мерой всего происходящего на сибирской земле избирает человека – и в повседневности его жизни, и в дни, озарённые великими событиями, последствия которых имели историческое значение для города, страны, Сибири: «Мы поехали на Север не из каких-то высоких побуждений», - признавались многие. Но событие – открытие небывалых запасов нефти – многих сделало романтиками. Конечно, было и немало «варягов», которые приехали, увидели и – убежали, поняв, чем пахнет жизнь на Севере. Не они делают историю, а Иваны Кузьмичи, Иваны Петровичи, Еремеи Айпины, Юваны Шесталовы, Урусовы и Эрвье, Пустоваловы и Менщиковы. Люди, готовые на труд, познавшие людские отношения в лишениях и радости, в

совместном преодолении трудностей. Созидавшие Урай и «Урайнефтегаз» и есть исторические личности». [8, с. 258] На суд читателей автор выносит собственную трактовку современного исторического и философского подхода к многообразным фактам и явлениям жизни. Поэтому читатели могут узнать новое и ранее неизвестное об истории Урая.

Особое место в творчестве Льва Либова занимает книга «Ничего не страшиться». В ней автор рассказывает о трагических годах Великой Отечественной войны. Главным героем исторических рассказов и размышлений о фронтовиках, о войне и мире стал Иван Петрович Шестаков, участник Великой Отечественной войны, почётный гражданин города Урай, непосредственный участник открытия западносибирской нефти. «Мною руководило желание найти в хорошо знакомом мне фронтовике те черты человека, которые помогают людям стать лучше и совершенствовать себя. Возможности развития у человека огромные, но он может и найти себя, и потерять. Это натолкнуло меня на мысль по-другому посмотреть на войну, мечом прошедшую по сердцу народов Советского Союза». [9, с. 136]

«Ничего не страшиться» – не историческое описание событий Великой Отечественной, а рассказ – рассуждение о причинах и последствиях вооружённого конфликта. Это путешествие по дорогам войны, а потом по местам послевоенной России. Главная мысль автора – нужно сделать всё, чтобы предотвратить новые войны: «Люди часто повторяют: «Нет ничего страшного». Это не так. Страшного много на земле... Ни на минуту нельзя забывать о войне. Имманентное свойство патриота. «Когда о худшем слушать не хотите, оно на вас обрушится неслышно...» «Люди, будьте бдительны!»- вот что я хотел сказать своей книжкой». [10, с. 129].

Эта книга стала последней для Льва Иосифовича. 7 мая 2015 года, накануне юбилейного Дня Победы, Льва Иосифовича Либова не стало. Имя выдающегося земляка задаёт высокую планку: коллектив центральной библиотеки им. Л.И. Либова бережно хранит и передаёт новым поколениям всё лучшее, что оставил в наследство Лев Иосифович.

Примечания:

1. Плачь, сердце, плачь!: Эссе-реквием: Избранные Факты, Ассоциации, Размышления русского интеллигента библейского происхождения, человека, не отмеченного харизмой. – Екатеринбург, 2002. – 196с.
2. Плачущий солдат. – 2-е изд, перераб. и доп. – Екатеринбург, 2003. – 256 с. – (1-я часть мемуаров в 2-х вариантах).
3. Троцкий, Сталин и Я, или Когда ошибаются судьи: док. проза на пересечении мемуаров и философии наивности. – М., 2005. – 296 с.
4. И мои слова уже в прошлом...: сб. – [б.м.], 2005. – 88 с.
5. Город – один на свете: историческое повествование. Тетрадь первая: Прологомены. Ч.1: До новой зры. – Екатеринбург, 2010. – 58 с.
6. Историческое повествование о городе – единственном на свете. – Екатеринбург: Сократ, 2012. – 560с.
7. Ничего не страшиться: исторические рассказы и размышления о фронтовике и войне / худож. С. И. Паус. – Екатеринбург, 2015. – 144 с.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ

Чеботаев И. А. Сибирский поход Шибанидов и его последствия в контексте взаимоотношений Московского государства и Сибирского юрта.....	4
Солодкин Я. Г. К истории «Ермаковой эпопеи»: о некоторых дискуссионных вопросах «Сибирского взятия».....	17
Силаева И. А. Документы о «ермаковых казаках» в творческом наследии Н. Н. Оглоблина.....	28
Телегина Л. Л. Величайшая святыня Сибири.....	32
Цысь О. П. Православные приходы Тобольского Севера в синодальный период.....	35
Митрофанов В. В. Проблемы виноторговли в Березовском крае в XIX в. в официальных документах.....	54
Спичак А. В. Многобрачие во второй половине XIX в. (по материалам Тобольской духовной консистории).....	73
Хуснутдинова А. С. Виды преступлений в Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам Государственного архива в г. Тобольске).....	82
Ишбаев М. М. Местное самоуправление в Ларьякском районе (на Вахе) до 1928 года: особенности состава и становления.....	86
Ишбаев М. М., Юсупова Ю. М. «Да здравствует 1-ый Туземный съезд Советов!» или как проходил он в Ларьякском районе («День открытия съезда – день радости для туземца»).....	95
Ковалева Л. Е. Братская могила в Вампуголе как свидетельство событий 1921 года...105	
Алексеева Л. В. Продовольственное обеспечение населения Ямало-Ненецкого округа в годы Великой Отечественной войны (1941-1945): дискуссионные и малоизученные вопросы.....	120
Петухова Е. Н. История Дня Победы по публикациям печати Ханты-Мансийского национального округа в 1945 – 1965 гг.	130
Ветюгова Ю. С. Установление численности нижнеуртовцев - участников Великой Отечественной войны (опыт Нижнеуртовского краеведческого музея)	141
Бытко О. А. Повседневная жизнь населения Тюмени в годы Великой Отечественной войны: историографический обзор	145
Цысь В. В. О значении открытия Мегионского нефтяного месторождения в 1961 году	152
Стрелец О. Ю. История добычи первой промышленной нефти Западной Сибири.....	156

II. ОБРАЗОВАНИЕ. КУЛЬТУРА

Пономарев Г. С. Развитие образования Октябрьского района: с момента зарождения и до современности (очерк)	167
Айдарова А. А. Изучение опыта работы по предупреждению детского травматизма ..	176
Гиляева А. Г., Кузнецова Э. А. Обучение учащихся правилам безопасного поведения в условиях сильных морозов	183
Скульмовская Л. Г., Гимранова А. А. Роль социально-культурного проектирования в системе реализации региональной культурной политики (на примере Ханты-Мансийского автономного округа - Югры)	195
Бытко С. С. Старообрядцы Сибири и Европейской России в художественном наследии А. П. Чехова	212

III. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ

Семухин А. С. Традиционное природопользование по археологическим данным. Ландшафтная адаптация древнего населения Западной Сибири (история вопроса).....	232
Базитова Р. Б. Этнографический портрет коренного населения Тобольского Севера на страницах газеты «Сибирский листок»	244
Белослудцев А. М. Этническая картина бассейна р. Вах в «дорусское» время	249

IV. БИБЛИОТЕЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Горбунова Т. В. История Сургутского района на одном портале	258
Клёнова З. М. Мегрион: от избы-читальни к поселковой библиотеке	262
Деткина С. В. Книжное царство	276
Дроздова О. В. Психологический подход в библиотечной практике с «особыми» подростками	288
Антонов П. Г., Буркаева Э. Н. Работа центра «Прикосновения» по продвижению чтения, интеграцию в общество и культурную среду, формированию активной гражданской позиции и положительного мировоззрения инвалидов	292

V. ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Михайловский В. Л. Три тайны Сомотлора	300
Шлябин Д. Д. Не поминай бога всуе	316

VI. ПОРТРЕТЫ ЗЕМЛЯКОВ

Кашина Л. Д. Девиз её жизни: «Идти вперёд и не сдаваться!» (Ольга Александровна Назырова)	322
Пахтусова Е. Е. О творчестве урайского писателя Л. И. Либова	328

